

Трофимова Н.А.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

**Семантический, прагматический, грамматический
анализ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2008

*Печатается по рекомендации
кафедры германской филологии
РГПУ им. А.И. Герцена и решению
редакционно-издательского
совета СПбГУ*

Рецензенты:

*доктор филологических наук, профессор кафедры
германской филологии РГПУ им. А.И. Герцена*

Л.В. Шишкова

*доктор филологических наук, профессор
кафедры немецкой филологии СПбГУ*

Г.А. Баева

Трофимова Н.А.

Т 76 Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

ISBN 978-5-9651-0284-6

Предлагаемая монография представляет собой научно-теоретическое издание и посвящена комплексному анализу экспрессивных речевых актов с точки зрения семантики, прагматических оттенков содержания, языковых средств выражения и коммуникативных контекстов употребления.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся как теоретическими проблемами лингвистической прагматики, так и практикой ее применения.

ISBN 978-5-9651-0284-6

© Трофимова Н.А., 2009

*Моим дорогим родителям
Аркадию Петровичу и
Лидии Григорьевне
Казановым с благодарностью
посвящается*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. Экспрессивные речевые акты	7
1. Экспрессивные речевые акты в работах классиков прагматики	7
2. Экспрессивные речевые акты в других классификациях	10
3. Суть класса экспрессивов	13
4. Состав класса экспрессивов	17
5. Основные достижения в области исследования экспрессивных речевых актов	23
Глава II. Социативные речевые акты	29
1. Речевой акт извинения	34
1.1. Извинение как речевой акт. Общая характеристика	34
1.2. Поводы для извинения. Варьирование извинения	39
1.3. Полиинтенциональность речевого акта извинения	50
1.4. Речевой акт извинения в составе диалогического единства	51
1.5. Языковое воплощение речевых актов извинения	59
2. Речевой акт пожелания	72
2.1. Пожелание как речевой акт. Общая характеристика	72
2.2. Поводы для пожелания	75
2.3. Варьирование пожелания	77
2.4. Полиинтенциональность пожелания	80
2.5. Пожелания в составе диалогического единства	90
2.6. Языковое воплощение речевых актов пожелания	92
3. Речевой акт поздравления	107
3.1. Общая характеристика речевого акта поздравления	107
3.2. Поводы для поздравления	111
3.3. Полиинтенциональность речевого акта поздравления	114
3.4. Поздравление в составе диалогического единства	117
3.5. Языковое воплощение речевых актов поздравления	120
Глава III. Инфлуктивные речевые акты	130
1. Речевой акт комплимента	132
1.1. Комплимент как речевой акт. Общая характеристика	132
1.2. Полиинтенциональность речевого акта комплимента	146
1.3. Речевой акт комплимента в составе диалогического единства	150
1.4. Языковое воплощение речевого акта комплимента	158

2. Речевой акт похвалы	184
2.1. Общая характеристика похвалы	184
2.2. Функционирование и варьирование похвалы	191
2.3. Полиинтенциональность речевого акта похвалы	195
2.4. Похвала в составе диалогического единства	199
2.5. Языковое воплощение похвалы	203
3. Инвективные речевые акты	216
3.1. Общая характеристика инвективы	216
3.2. Поводы для инвективы	219
3.3. Функционирование и варьирование инвективных речевых актов	222
3.4. Полиинтенциональность инвективы	227
3.4. Инвективный речевой акт в составе диалогического единства	228
3.5. Языковое воплощение инвективных речевых актов	234
4. Речевой акт порицания	255
4.1. Порицание как речевой акт общая характеристика	255
4.2. Функционирование и варьирование порицания	261
4.3. Порицание в составе диалогического единства	275
4.4. Полиинтенциональность речевого акта порицания	282
4.5. Языковое воплощение порицания	284
Заключение	348
Библиография	355
Список источников иллюстративного материала	370

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экспрессивность речи, ее проявление относится к кардинальным и достаточно популярным лингвистическим проблемам, поскольку она связана с эмоциональным отношением говорящего к адресату и к содержанию речи. Экспрессивные речевые акты, выражающие психологические состояния коммуникантов, имеют особую социальную значимость в процессе межличностной коммуникации. Но несмотря на отдельные удачи и достижения в области их изучения, осталось еще множество лагун, ждущих заполнения исследованиями воплощаемых в экспрессивах интенций говорящего субъекта, взаимодействия коммуникантов, влияния коммуникативной ситуации, а также психолого-лингвистических особенностей языковой личности. Переосмысление известного и неоднократно обсуждавшегося речевого материала в этом направлении может поэтому содействовать уточнению сведений о нем в общелингвистическом плане.

Еще одним мотивом обращения к группе экспрессивных речевых актов является отсутствие их комплексного описания, все эмпирические плоды исследований экспрессивов не выходили до сих пор за рамки анализа отдельных представителей этого класса. Одной из основных задач данной монографии является обобщение и интеграция уже изученного, детальный анализ семантических и прагматических особенностей экспрессивных речевых актов, выражающих широкий спектр интенций носителей языка, выявление языковых механизмов создания экспрессивности.

Ограниченные рамки не позволяют представить описание всех подгрупп экспрессивных речевых актов, настоящее издание – лишь первый том из задуманной антологии. Для анализа отобраны несколько наиболее интересных, на взгляд (возможно, не лишенный субъективизма) автора. Определение модели описания позволит экстраполировать ее на другие экспрессивные речевые акты и речевые акты других классов.

Экспрессивные речевые акты рассматриваются как акты, реализующие интенцию выражения психологического состояния и оказания эмоционального воздействия на адресата. Иногда она сочетается с другими интенциями, являясь для них производной или вытекающей из них. Однако это не делает коммуникацию затрудненной: основные, ведущие

интенции считаются адресатом, поскольку прагматическое понимание базируется на достаточно широком наборе языковой и внеязыковой информации, включающем знания о свойствах грамматической структуры высказывания, его паралингвистических характеристиках, об особенностях коммуникативной ситуации, об адресате, мире и т.д.

Книга содержит краткое введение в класс экспрессивных речевых актов, в котором определяются его границы и содержание. Все положения книги иллюстрируются многочисленными примерами, источником которых послужили современная немецкоязычная проза, а также записи устной разговорной речи.

Автор надеется, что понятийный аппарат предлагаемого исследования изложен в доступной для широкого круга читателей форме и представит интерес для преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся проблемами прагматики и теории речевых актов, а также может быть использован в процессе преподавания немецкого языка при обучении экспрессивному высказыванию, в курсах лекций и практических занятиях по теоретической грамматике, при чтении специальных курсов, при определении тем курсовых и дипломных работ.

I. ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Речевая деятельность человека – огромный массив разнородных по форме, протяженности и строению высказываний, обусловленных иллокутивными компонентами, индивидуальными интенциями и мотивами, пронизанных эмоциями говорящего субъекта.

Общее структурное членение человеческой речи детерминировано типологической дифференциацией речевых актов/высказываний, составляющих живое речевое пространство. Идентификацией различных типов высказываний, их структурным и функциональным анализом занимается теория речевых актов. Одним из объектов ее рассмотрения являются экспрессивные речевые акты – класс речевых действий, которые отличаются тем, что их исполнитель в своих действиях выражает внутренние состояния определенного типа – а именно «чувства», «эмоции», «мнения» в широком смысле слова.

1. Экспрессивные речевые акты в работах классиков прагматики

Впервые на существование отдельного класса экспрессивных речевых действий заявили в наилучших на сегодняшний день и наиболее полно отвечающих задачам анализа речевых актов классификациях Дж. Серль и Дж. Остин.

Дж. Остин [Остин 1986], определяя тип речевого акта по значению перформативного глагола-сказуемого, не выделяет класс экспрессивных высказываний как таковой, однако некоторые типы экспрессивов входят у него в состав таких классов, как комиссивы (высказывания обязательства и угрозы), бехабитивы – реакции на поведение других людей (поздравления, извинения). Сюда же Дж. Остин относит и выражение отношений к чьим-то прошлым или предстоящим соглашениям.

Представление Дж. Остина, что классификация иллокутивных глаголов есть тем самым классификация иллокутивных актов и любые два несинонимичных глагола должны обозначать различные иллокутивные акты, справедливо критиковал последователь и продолжатель Остина Дж. Серль, считавший, что понятия иллокутивных актов и иллокутивных глаголов нельзя считать синонимами. Развивая теорию предшественника,

совершенствуя его таксономию, Дж. Серль предложил собственную классификацию актов речи [Серль 1986б]. Основой для выделения главных классов речевых актов у Серля являются следующие критерии: иллокутивная цель, направление приспособления (от слова к реальности или от реальности к слову) и выраженное психологическое состояние (убеждение, желание, сожаление и т.д.), или условие искренности. В результате применения данных критериев Дж. Серль также выделяет пять классов (или базисных категорий) речевых актов: 1. репрезентативы, или ассертивы (различные утверждения); 2. директивы (побуждения, в том числе и вопросы, советы и т.д.); 3. комиссивы (принятия обязательств); 4. экспрессивы (выражение эмоций и поведенческие РА); 5. декларации (декларативы) – различные институциональные действия: вынесение приговоров, назначение на должность, крещение корабля и т.д. Интересующие нас речевые действия попадают в группу экспрессивов. По мнению Дж. Серля, иллокутивная цель экспрессивов состоит в том, «чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности, относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» [Серль 1986б: 183]. К экспрессивам Серль относит такие действия, как благодарность, поздравление, извинение, соболезнование, сожаление, приветствие.

Поскольку классификация, предложенная Дж. Серлем, а затем усовершенствованная в его последующих исследованиях [Серль, Вандервекен 1986], получила широкое применение в работах до лингвистической прагматике, то и название класса экспрессивы является в наше время наиболее распространенным (хотя и вызывающим дискуссии¹) в лингвистической литературе. Дж. Серль подчеркивает, что экспрессивы, возможно, являются единственным классом высказываний, для которого установления соответствия между словами и реальным миром не имеет значения. Говорящий не пытается «подогнать» мир к словам или слова к реальному миру. Таким образом, когда он извиняется, например, за то, что наступил на ногу, его целью не является объявить, что на ногу наступили... [Серль 1986б: 183].

¹ Рассуждения о целесообразности выделения экспрессивов как класса встречаются, например, в работах Формановкой Н.И. [Формановская 2005], Зандер Т. [Sander 2003].

Не останавливаясь на анализе значимости используемых Дж. Серлем критериев оценки речевых актов, заметим, что эта классификация позволила выявить многие существенные характеристики речевых актов и послужила основой для дальнейшего уточнения и расширения перечня свойств и параметров речевых актов.

2. Экспрессивные речевые акты в других классификациях

Классификации речевых актов, появившихся позднее, во многом определяются интуицией исследователя, поэтому количество и характер выделяемых речевых актов варьируются в значительных пределах.

В классификации Ю. Хабермаса [Habermas 1984], например, не встречается понятие экспрессивов, они распределены им в классы репрезентативов (высказывание, служащие для самовыражения говорящего: выражения чувств, надежды и т.д.), регулятивов (высказывания, смысл отношений между говорящим и слушающим: предостережения, угрозы), универсалий (высказывания, описывающие институциональные действия говорящего, закрепленные определенными нормами, правилами: приветствие, поздравления, благодарность).

В основу классификации Б. Фрейзера [Fraser 1975: 192] положена зависимость от коммуникативной интенции говорящего. Экспрессивные высказывания находятся частично в актах обязательств (говорящий выражает намерение взять на себя обязательства осуществить то, что указано в пропозиции), частью в актах, отражающих отношения между говорящим и слушающим,

Д. Вундерлих [Wunderlich 1976: 77] в своей классификации распределяет экспрессивные высказывания между классом комиссивов (угрозы) и сатисфактивов (благодарности и оправдания).

Класс экспрессивов не выделен отдельно в системе К. Баха и Р. Харниша [Bach, Harnish 1980: 41], его нет и в таксономии Дж. Лича, в основании которой находится «социальная цель установления и поддержания вежливости» и избегания конфликтов [Leech 1983: 103], но он является одной из четырех главных модельных групп в классификации, предложенной Т. Баллмером и В. Бренненштуль (три другие – апелляция, интеракция, дискурс) [Ballmer, Brennenstuhl 1981].

Важной чертой указанных классификаций является сопоставление иллокутивного класса с психологическим состоянием говорящего, а иллокутивного предиката – с предикатом пропозициональной установки, что совершенно логично: «для нормального осуществления того или иного иллокутивного акта говорящий должен находиться в соответствующем психологическом состоянии: для утверждения чего-либо говорящий должен верить в то, что утверждаемое им есть правда, если говорящий побуждает адресата сделать что-то, то он должен желать этого» [Богданов 1990: 45-46].

Вейганд Е., [Weigand 1985] рассматривает экспрессивы как речевые акты выражения чувств (*Wie herrlich ist es hier!*). Автор считает, что такие речевые акты (вслед за Якобсоном Р. [Jakobson 1960: 354] она называет их эмотивами) не могут образовывать собственного фундаментального класса, поскольку они выражают, как правило, очевидное положение вещей. Решающим является, однако, эмоциональное волнение, которое определяет форму высказывания и принципиально отделяет экспрессивы от эмоционально нейтральных констативов. Экспрессивные речевые акты по Дж. Серлю Е. Вейганд относит к подклассу декларативов; для них, по ее мнению, выражение чувств не является конститутивным, они не выполняют условие искренности, в результате чего они превращаются в рутинные, рудиментарные, «пустые фразы», лишенные смыслового содержания, выполняющие лишь функцию создания или поддержания отношений.

Т. Зандер [Sander 2003] также отрицает необходимость выделения отдельного вида экспрессивных речевых актов, утверждая, что истинная суть таких, например, речевых актов как благодарность или поздравление состоит не просто в выражении чувств, не менее существенной является их социальная функция, то есть, по его мнению, любое экспрессивное (в нашем понимании) высказывание является примером комиссивов, директивов, и шире – речевых актов, предполагающих обязательства.

Нет единства мнений при классификации речевых актов и в отечественной лингвистике. Г.Г. Почепцов предлагает пятичленную систему иллокутивных актов (прагматических типов предложений), в которую не входит отдельный класс экспрессивов: часть из них

(поздравления, приветствия, извинения) отнесены к перформативам, другая часть (угрозы) – к менасивам [Почепцов 1981].

Ю.Д. Апресян, исследование перформативных глаголов которого можно считать программным в отечественной лингвистике, делит их на пятнадцать групп, называя соответствующие иллокутивные акты. Экспрессивы (по Дж. Серлю) распределены им в классы речевых ритуалов, признаний, одобрения, прощения и специализированных актов отчуждения [Апресян 1986: 216].

В.В. Богданов, автор одной из наиболее известной классификации иллокутивных актов, строит ее по дихотомическому принципу и в классе непобуждающих иллокутивных актов выделяет группу экспрессивов в духе Дж. Серля (выражающих внутреннее психологическое состояние говорящего), противопоставляя их группе психологически невыражающих актов (ассертивов) [Богданов 1990: 53-54].

Описывая глаголы речи с точки зрения теории речевых актов, М.Я. Гловинская выделяет группу речевых ритуалов и этикета, к которой относит глаголы, выражающие действия, соответствующие экспрессивам [Гловинская 1993].

Перечень речевых актов, входящих в состав экспрессивов, уточнялся и в некоторых других работах ([Писарек 1995, Вежбицкая 1996]).

Терминологическое разнообразие в определении данного класса речевых действий связано еще и с тем, что предложенный Остином термин бехабитив по-разному переводился на русский язык: формулы социального этикета, обычно выражающие реакцию на поведение других людей [Арутюнова 1976: 48], этикетные высказывания, глаголы этикетного поведения [Вежбицка 1985: 269]. Поскольку экспрессивные речевые действия действительно обусловлены общественными конвенциями и являются как бы социальными ритуалами, то в лингвистической литературе о них говорится, между прочим, как о ритуальных речевых актах [Вольф 1985], конвенционально-этикетных формулах [Золотова 1986: 506], формулах речевого этикета [Формановская 1984: 11], этикетных речевых актах [Поспелова 1992: 72], социальных речевых актах [Рябцева 1992: 61], этикетных действиях [Карасик 1991: 45], неинформативных речевых актах [Гак 1987: 37].

Как бы ни были названы речевые действия, отнесенные в стандартной теории речевых актов к группе экспрессивов, они выделяются на основе общности их иллокутивной цели. Серль и Вандервекен [Серль, Вандервекен 1986: 253] формулируют ее следующим образом: «Экспрессивная цель состоит в том, чтобы выразить чувства или установки. В произнесениях, имеющих экспрессивную цель, говорящий выражает ту или иную психологическую установку относительно положения дел, репрезентированного пропозициональным содержанием».

В литературе обращается также внимание на то, что экспрессивы связаны между собой общностью перлокутивного эффекта, вытекающего из их функции. Эта перлокутивная цель, согласно мнению некоторых исследователей, состоит в том, чтобы расположить адресата к говорящему, вызвать по отношению к говорящему положительную реакцию собеседника². Поэтому данные действия называются также актами, регулирующими межличностные отношения [Сусов 1988: 11; Шиленко 1988: 117-118].

3. Суть класса экспрессивов

Приведенный обзор точек зрения на класс экспрессивных речевых актов доказывает, что большинство классификаций речевых актов относят отдельные типы экспрессивных высказываний по тем или иным причинам к другим классам. Для того, чтобы установить границы экспрессивного класса иллокутивных актов, необходимо определить условия их успешного и совершенного выполнения, то есть условия, выполнение которых будет гарантировать успешность такого речевого акта при его произнесении говорящим. При формулировании правил успешности мы опираемся на схему Дж. Серля, разработанную им для всех речевых актов [Searle 1971].

Самую общую суть экспрессивного речевого акта можно сформулировать следующим образом: *говорящий искренне и с экспрессией произносит высказывание в присутствии адресата, выражая некое пропозициональное содержание, относящееся к адресату (которое касается адресата или за которое адресат несет ответственность).*

² Сказанное касается речевых актов, выделяемых Дж. Серлем. Мы включаем в состав экспрессивов оценочные речевые акты, целью которых не всегда является положительная реакция собеседника (в некоторых случаях даже наоборот), но в любом случае это реакция, регулирование отношений.

Вводным (предварительным) условием успешности экспрессивов является условие, что говорящий, произнося высказывание и выражая через него некоторое суждение, манифестирует эмоциональное состояние или эмоциональное отношение. Экспрессивный речевой акт должен быть произведен самим говорящим и не может касаться еще не произошедшего события. Нельзя извиняться или порицать за то, что еще не произошло,

Произнося высказывание, говорящий выражает пропозициональное содержание, значение которого таково, что, если выражение пропозиции правдиво в отношении объекта или субъекта, то оно правдиво, т.е. имеет смысл, и по отношению к самому факту выражения пропозиции с экспрессией. Это условие можно назвать условием пропозиционального содержания.

Следующее (существенное) условие зависит от положительной или отрицательной заряженности экспрессивных высказываний, т.е. от того заинтересован или не заинтересован слушающий в произнесении говорящим высказывания, которое выражает определенное пропозициональное содержание. Определим это условие так: *Адресат предпочел бы, чтобы говорящий произвел определенное действие или произнес определенное высказывание, тому, что говорящий не произвел бы это действие или не произнес бы это высказывание, и говорящий верит, что адресат предпочел бы, чтобы говорящий сделал действие или произнес высказывание, тому, что говорящий не сделал бы действие или не произнес бы высказывание.* И наоборот для отрицательно заряженных экспрессивов: *Адресат предпочел бы, чтобы говорящий не произвел определенное действие или не произнес определенное высказывание, тому, что говорящий произвел это действие или произнес это высказывание, и говорящий верит, что адресат предпочел бы, чтобы говорящий не выполнил действие или не произнес высказывание, тому, что говорящий выполнил действие или произнес высказывание.* Угроза, например, дефектна, если ее выполнение желательно для того, кому она направлена. Она еще более дефектна, если угрожающий не верит в то, что тот, кому она направлена, не желает ее осуществления. Так же дефектно будет извинение, если тот, кто его произносит, не имеет какой-либо вины перед

тем, кому он направляет свое извинение. Следовательно, необходима какая-то ситуация или условие, которые давали бы говорящему основания для произнесения высказывания с экспрессией.

Обязательным является условие искренности: *говорящий искренен при произведении действия или произнесении высказывания, выражающего пропозициональное содержание*. Различие между искренним и неискренним экспрессивами заключается в том, что в случае неискреннего экспрессива говорящий не испытывает манифестируемого высказыванием психологического состояния, он не намерен выполнить то, что выражает пропозиция. В искреннем экспрессивном высказывании говорящий произносит высказывание, испытывая заявляемое психологическое состояние и имея намерение выполнять действие, выражаемое пропозицией. Ситуация произнесения искреннего экспрессивного высказывания такова, что она вынуждает говорящего произносить свое высказывание с экспрессией. Искренне стремление исправить ситуацию, выполнить выражаемое пропозицией действие сближает экспрессивы в какой-то мере с комиссивными высказываниями, основным признаком которых является принятие говорящим на себя обязательств сделать что-то по отношению к слушающему. Успешность экспрессива во многом зависит от того, с достаточной ли степенью выразительности говорящий осуществляет произнесение такого высказывания.

Сказанное свидетельствует о том, что условие искренности имеет при реализации экспрессивных речевых актов особенные характеристики. Во-первых, можно утверждать, что экспрессивы имеют не общее, а вариативное, меняющееся в каждом конкретном речевом акте условие искренности [Vanderveken 1990: 127]. Экспрессивные речевые акты состоят, как было уже сказано, в том, что выражают психологическое (интенциональное) состояние или отношение к какому-либо событию/положению дел. Выражаемое экспрессивом отношение (как правило, оно эмоционально) и есть его условие искренности. Исполняется ли это условие искренности, это другой вопрос.

Существование высказываний, не исполняющих условие искренности, при произнесении которых говорящий не испытывает выражаемого ими психологического состояния, дает повод некоторым

лингвистам не относить конвенциональные речевые акты благодарности, извинения, поздравления, пожелания и т.п. к экспрессивам. Н.И. Формановская, например, разграничивает эмотивные и этикетные речевые акты, выражающие разные, по ее мнению, целеполагания говорящего и разные перлокутивные ожидания: эмотивные речевые акты (например, инвективы), полагает Н.И. Формановская, реализуют различные способы непосредственного выражения эмоциональных состояний, а этикетные речевые акты (благодарность, извинение и т.п.) – «социально заданные регулирующие правила речевого поведения в зоне кооперативности» и имеют, следовательно, облигаторную положительную оценочность [Формановская 2005: 112]. Выводом из рассуждений автора является нерациональность объединения названных типов речевых актов в один класс. Н.И. Формановская говорит об экспрессивности как о функциональном свойстве речевого акта быть особо выразительным, с усиленным, подчеркнутым, выделенным значением.

На наш взгляд, неправомерно отделять искренние речевые акты от неискренних и рассматривать их в рамках разных категорий: В нашем рассмотрении мы исходим из того, что исходным, инвариантным (прототипным³) являются высказывания, отвечающие условию искренности. Однако в связи с повторяемостью, стереотипизацией ситуаций в отдельных случаях они превращаются в формулы, за которыми действительно не стоит выражение сильных эмоций, которые произносятся машинально, потому что «так принято». Мы рассматриваем их как варианты искренних экспрессивов – как клишированные, конвенциональные речевые акты. Такой подход представляется нам единственно верным, поскольку он дает нам возможность описания класса речевых актов как такового, а также выражаемого ими содержания. При таком понимании мы можем определить, насколько нейтрализовано первичное прототипное значение,

³Под прототипом мы понимаем «наиболее репрезентативный вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью, способностью к воздействию на производные варианты и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярности функционирования» [Бондарко 2001]. Проще говоря, прототип – это эталонный репрезентант (эталонный вариант) определенного инварианта среди прочих его представителей (вариантов).

какое дополнительное значение реализует высказывание, в каком соотношении они находятся между собой.

4. Состав класса экспрессивов

Как показывает представленный выше обзор терминологических обозначений класса экспрессивов, в лингвистической литературе нет общепринятого, однозначного определения данного типа речевых действий. Это вызвано не только разными исходными позициями авторов, как мы уже отмечали. Разнородность самих экспрессивных актов (выражение чувств и отношений [Остин 1986: 75]) также затрудняет точное установление границ класса экспрессивов, что подчеркивается в работах о рассматриваемом классе речевых актов.

Действительно, начиная с пионерских работ Дж. Остина и Дж. Серля, к данному типу относятся не одни и те же действия. Так, например, Дж. Остин, кроме типичных актов выражения положительного отношения говорящего к адресату (*приветствия, благодарности, извинения* и т.п.), относит к бехабитивам (экспрессивам) также вызовы на состязание, дуэль и т.п. [Остин 1986: 119], а также выражения негативного отношения говорящего к чьим-либо поступкам, представленного глаголами: *негодовать, резко возражать, обвинять, жаловаться, протестовать, оспаривать* и т.п. Таким образом, уже у Дж. Остина имеется очень широкое и мало определенное понимание класса бехабитивов как такового, включение в его состав актов, близко стоящих к утверждениям и экзерситивам, о чем писал сам Дж. Остин. Вызвано это было отсутствием четких критериев выделения различных типов речевых актов, на что критически указывал Дж. Серль, говоря о слабостях таксономии Дж. Остина [Серль 1986б].

Предлагая иной способ классифицирования речевых актов и формулируя критерии выделения типов речевых актов, Дж. Серль первоначально ограничивает класс экспрессивов следующими образцовыми глаголами: *благодарить, поздравлять, извиняться, соболезновать, сожалеть, приветствовать* [там же: 183]. Затем к классу экспрессивов добавляются им еще следующие глаголы: *хвалить* и *говорить комплименты* [Серль, Вандервекен 1986: 225]. Как можно судить по приведенным глаголам, класс экспрессивов трактуется в данном случае

как речевые акты, имеющие целью выражение положительных чувств говорящего относительно какого-либо положения дел (события).

Очень широко понимается класс актов, отражающих установку говорящего, в классификации Фрейзера [Fraser 1975: 192], в который наряду с актами экспрессивного характера (*поздравлять, благодарить, соболезновать* и т.д.), автор включает и *вопросы, протесты, согласия* и т.д. В связи с отсутствием критериев классификации трудно решить, на каких основаниях выражение различных иллокуций объединяется в один тип.

Рассматривая группу бехабитивов, А. Вежбицка анализирует *приветствия, соболезнования, поздравления, благодарности, извинения*, а также, вслед за Дж. Остином, *благословления, проклятия, пожелания*. При этом ею подчеркивается, что рассматриваемые выражения не составляют какую-либо конкретную семантическую категорию [Вежбицка 1985: 265].

Норрик Н.Р. определяет экспрессивы как акты, выражающие чувства, эмоции, возникающие как реакция на определенные ситуации, и включает в их состав *извинение, благодарность, поздравление, соболезнование, порицание, жалобу, приветствие, прощание, хвастовство (похвальбу)* [Norrick 1979: 179]. При этом Норрик Н.Р. не считает чувства достаточным критерием для дифференциации экспрессивов, по его мнению, присутствие/отсутствие искреннего чувства является функцией ситуации и не релевантно для конкретного речевого акта (он считает нерелевантным для отнесения высказывания к экспрессивам, действительно ли говорящий испытывает сочувствие, которое он выражает при соболезновании).

Точку зрения Норрика Н.Р. критикует С. Мартен-Клиф [Marten-Cleef 1991], полагающая, что экспрессивы произносятся для того, чтобы выразить искренние чувства говорящего. Следовательно, чувства как психический базис, считает С. Мартен-Клиф, являются центральной характеристикой экспрессивов. В ее очень дробной классификации группируются на основе сходств и отличий *комплимент, поздравление, хорошее пожелание, приветствие, благодарность, выражение расположения; выражение насмешки, триумфа, негативного пожелания; выражение бурной радости, ликования, надежды;*

сочувствие, сожаление, соболезнование, извинение, выражение озабоченности; жалобу, критику, брань; причитания, выражение опасения. С. Мартен-Клиф не включает в рассмотрение похвалу и порицание, полагая, что их целью является не выражение чувств, а введение адресата в определенную систему ценностей. Из анализа исключается также похвальба, так как, по мнению автора, этот речевой акт выполняет в первую очередь функцию информирования адресата об определенном положении.

При анализе и классификации перформативных или речеактовых глаголов русского языка также различаются составы классов, соответствующих экспрессивам. Так, в классификации Ю.Д. Апресяна группа так называемых речевых ритуалов (т.е. экспрессивов в понимании Серля) ограничена семью единицами: *благодарить, желать удачи, извиняться, поздравлять, приветствовать, прощаться, соболезновать* [Апресян 1986: 210]. Ю.Д. Апресян вводит в класс экспрессивов речевой акт *пожелания удачи* (его можно, вероятно, сравнить с *положительным пожеланием* у С. Мартен-Клиф), но отсутствуют *сожаление* (его можно рассматривать как разновидность *соболезнования*), *похвала* и *комплимент*.

В классификации речеактовых глаголов в работе М.Я. Гловинской в группу речевых ритуалов и этикета попадают, наряду с актами *благодарности, приветствия/прощания, извинения, поздравления, пожелания*, также и *приглашения и представления* (по-видимому, как формы этикетного поведения), но тоже отсутствуют *похвала* и *комплимент* [Гловинская 1993: 210-212].

Широко понимают класс экспрессивов и исследователи сложных иллокутивных актов (аргументации) Ф.Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст [Еемерен, Гроотендорст 1992: 40-41]. Говоря о том, какие речевые акты могут встречаться в аргументативном дискурсе, они дают определение экспрессивов как коммуникативных актов, «с помощью которых говорящий выставляет напоказ свои чувства, касающиеся определенного события или положения дел» [там же: 40]. К экспрессивам они относят такие акты, как *поздравление, соболезнование и выражение радости, разочарования, гнева, сожаления*. В их рассмотрении

появляются новые, никем не упоминавшиеся акты *выражения радости, разочарования и гнева*.

Подробное рассмотрение различных классификаций содержится в работах В.В. Богданова [Богданов 1989: 25-27; 1990: 41-58], который предлагает собственную таксономию иллокутивных актов, построенную по дихотомическому признаку. Согласно этой классификации, экспрессивы составляют класс неинституциональных, непобуждающих, «психологически выражающих» речевых актов. К ним относятся: *благодарности, извинения, соболезнования, поздравления, приветствия, похвала, жалоба, причитания*.

В работах, посвященных иллокутивно-интерактивной функции речевых актов, то есть функционированию речевых актов в составе более крупных единиц коммуникации, класс экспрессивов (этикетных речевых действий) включает *благодарности, извинения, поздравления и добрые пожелания, тосты, соболезнования, приветствия, прощания, принятия благодарности и извинения* [Поспелова 1992: 74]. По сравнению с рассмотренными выше составами класса экспрессивов в данной работе появляются новые единицы: *тосты, принятия благодарности и извинения*. Пожелания объединяются с поздравлениями, по-видимому, на том основании, что в составе дискурса они часто выступают вместе.

Перечисленные выше классификации не включают речевые акты оценки (кроме монографии С. Мартен-Клиф, рассматривающую среди прочих экспрессивов *комплимент*). Отмечая этот факт, некоторые исследователи предлагают выделить их либо в особый класс, либо причислить их к ассертивам⁴ [Поспелова 1992: 71]. Мы считаем, что логично отнести их к экспрессивам, поскольку последние представляют собой «частный случай» оценочных речевых актов [Вольф 1985: 166]. При таком широком понимании класса экспрессивов в него включаются оценочные высказывания на основании общности их перлокутивного

⁴А.Г. Поспелова [1988: 53-57] считает, что в примерах как *Молодец!* представлена иллокутивная сила констатации, так как в них выражается мнение об объекте оценки, а эмоционально-оценочная функция является дополнительной. При таком подходе речевые акты упрека, одобрения, неодобрения, похвалы, лести, носящие оценочный характер, попадают в класс ассертивов, вернее в его подкласс констатации. В данном случае за счет оценочных актов расширяется подкласс констатации [Поспелова 1992: 71]. Причем иллокутивный компонент констатации ослабляется, а на первый план выдвигается эмоционально-оценочный компонент, считает автор.

эффекта (вызвать эмоциональную реакцию собеседника) с экспрессивами Серля. Таким образом, в класс экспрессивов вводятся акты *одобрения, неодобрения* (как оценочные речевые акты), а также *оскорбления, комплимент, похвала* (как речевые акты, содержащие оценочный элемент). Следовательно, при подходе, учитывающем выражение и негативных чувств говорящего по отношению к адресату и перлокутивную цель данного речевого действия – «эмоциональное воздействие на слушателя, основанное на одобрении и порицании в широком смысле слова» [там же: 167], к классу экспрессивов добавляются новые речевые акты: *одобрение, неодобрение, оскорбление*.

Такого мнения придерживаются и другие авторы. Так, например, Д. Буля и Я. Навацка, предлагая свою классификацию речевых актов, выделяют группу конвенциональных актов (конвенционалий), соответствующих экспрессивам Дж. Серля. К ним они относят *приветствия, благодарности, передачу приветов, поздравления, соболезнования, пожелания* (включая также *тосты, благословения, проклятия*) [Bula, Nawacka 1983: 38]. Авторы подчеркивают названием конвенциональный характер этих действий. Они считают, что их иллокутивной целью является создание особой «атмосферы вежливости», под которой понимается доброжелательная (но и недоброжелательная) атмосфера общения. Следовательно, речь идет о выражении не только положительного, но и отрицательного отношения говорящего к адресату. Поэтому к данному классу авторы добавляют еще и такие акты, как *нанесение обиды, оскорбления, ругань, лесть*⁵.

Возможно, что сходное понимание класса экспрессивов лежит в основе отнесения к нему, наряду с *благодарностями, извинениями, поздравлениями, соболезнованиями*, также и *негодования, упреков, похвалы, лести* [Шиленко 1988: 117].

Представленное краткое рассмотрение состава класса экспрессивов показывает, что вопрос о границах класса решается лингвистами по-

⁵ При этом делается оговорка, что обида, оскорбление «приближаются» к конвенциональным актам в связи с возможностью «ритуализации нанесения обиды в определенной общественной среде и в определенное время». Вместе с тем нанесение обиды, оскорбления отличается от обычных конвенциональных актов тем, что интенция говорящего не является обязательным условием успешности акта, как и пресуппозиция обиженного (оскорбленного), что говорящий имел такую интенцию. В этом состоит отличие роли адресата в акте оскорбления (нанесения обиды) от роли адресата в других конвенциональных актах.

разному. Перечень речевых действий, которые относятся разными исследователями к экспрессивам (независимо от названия класса), начиная с работ Серля, включает *благодарность, вокатив, гнев, жалоба, извинение, комплимент, лесть, нанесение обиды, негодование, неодобрение, одобрение, оскорбление, пожелание (благожелание, проклятие, тост), поздравление, посвящение, похвала, передача приветствий, представление, приветствие, приглашение, принятие благодарности и извинения, причитания, прощание, выражение радости, разочарование, ругань, соболезнование, сожаление, упрек*. Как видим, этот список обнаруживает неоднородность видов речевых актов, относимых к экспрессивам. Часто по-разному называются действия, близкие в иллокутивном отношении. Многие из названных актов могут быть объединены в подклассы экспрессивов на основании близости их иллокутивных целей. Вполне оправданным, например, является отнесение к пожеланиям благословлений, проклятий, тостов, а сами пожелания выступают как подкласс экспрессивов. Соболезнования и сожаления, представленные у Серля глаголами *condole* и *deplore* [Серль 1986: 183], также кажутся близкими по иллокутивной цели актами – выразить утешение, поддержку адресата [Формановская 1984: 166]. Это же можно сказать и об одобрении, похвале, комплименте, направленных на выражение положительной оценки, что служит подбадриванию адресата оценки (объекта), поднятию его в собственных глазах. Неодобрение, упреки., ругань и даже оскорбления, нанесение обиды также относятся к общему подклассу на основании выражения или отрицательной оценки говорящим адресата или ситуации [Гловинская 1993: 196].

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем выделять в рамках класса экспрессивов (понимаемого широко) два подкласса речевых актов:

- **социативы** – речевые акты выражения признания говорящим слушающего как члена одной с говорящим социальной группы, выражаемого в определенных стандартных ситуациях (*приветствие, извинение, поздравление, соболезнование, благодарность, сожаление, тост, сочувствие, благословение*);

- **инфлуктивы** – речевые акты выражения эмотивно-оценочного отношения и эмоционального воздействия, к которым говорящий прибегает как к санкциям, регулирующим исполнение

слушающим своих социальных и межличностных ролей (*похвала, порицание, комплимент, оскорбление*);

Эти речевые акты осуществляются с различными целями, в различных условиях, опираются на различные канонические речевые и категориальные ситуации.

Рамки настоящего монографического исследования не позволяют рассмотреть подробно все речевые акты, входящие в состав каждого из подклассов экспрессивов. Поэтому анализу подвергаются восемь наиболее интересных и ярких речевых актов: извинение, пожелание, поздравление как представители социативов, комплимент, похвала, порицание, оскорбление как представители инфлуктивных речевых актов.

5. Основные достижения в области исследования экспрессивных речевых актов

Список исследований, специально посвященных экспрессивным речевым актам как категории или отдельным из них, сравнительно невелик (Е. Рольф [Rolf 1997: 33] называет эту область исследования *tabula rasa*). Однако все же существует ряд монографий, статей и диссертационных исследований на эту тему. Подавляющее большинство из них выполнены на материале английского языка, либо в рамках теории речевых жанров, либо в рамках собственно теории речевых актов (анализ, классификация и установление взаимосвязи между речевыми актами безотносительно к речевым средствам). Настоящее исследование предполагает анализ речевых актов, или лингвистический анализ речи (установление соответствия между речевыми актами и единицами речи).

В числе первых крупных исследований экспрессивов следует назвать, в частности, уже упоминавшуюся монографию немецкого исследователя С. Мартен-Клиф [Marten-Cleef 1991], которая рассматривает экспрессивы как речевые акты искреннего выражения чувств. Ценность этой монографии для лингвиста невелика, поскольку в ней отсутствует сколько-нибудь серьезная лингвистическая часть, и выводы делаются автором практически голословно, в отсутствии реального языкового материала. Однако она обращает на себя внимание как первая попытка обобщенного описания класса экспрессивных речевых актов,

Выгодно отличается от вышеупомянутого издания монография польского лингвиста Л. Писарек [Писарек 1995], в которой предпринят опыт типологического анализа экспрессивов на материале польского и русского языков. Автор оперирует большим количеством языковых примеров, но ограничивает свое исследование группой этикетных экспрессивов, оставляя за рамками класса оценочные акты (похвалу, порицание и др.).

Общих особенностей экспрессивов касались в отдельных статьях и более крупных работах Е.М. Вольф, Формановская Н.И., Шиленко Р.В., Norrick N.R., Sander T., Weigand E.

Значительно больше работ, оказывающих несомненную пользу исследователю, посвящено отдельным представителям класса экспрессивов. Достойное место среди них занимает труд Ф. Кинера [Kiener 1983], содержащий ряд глубоких наблюдений относительно сущности инвективной коммуникации. Среди самых основательных исследований инвективы на материале русского языка является монография В.И. Жельвиса, иллюстрированная примерами из нескольких десятков языков. Целью этой работы является описание различных аспектов функционирования инвективной лексики, но автор касается в ней и инвективных стратегий и тактик. Лексические особенности инвективного общения рассматривают в диссертационных работах Хаврилин О. (2003), Позолотин А.В. (2005), Королева О.П. (2002), Саржина О.В. (2005), отдельным аспектам функционирования лексики посвящают свои статьи Бельчиков Ю.А. (2002), Burgen S. (1998), Faust M. (1965), Graber G.N. (1991), Markefka M. (1999), Schumann H.B. (1990), Sornig K. (1975). В диссертации Кусова Г.В. (2003) исследуется концепт «оскорбление» в институциональном дискурсе. Безусловный интерес представляют для исследователя словари бранных слов, вульгаризмов, из наиболее известных на материале немецкого языка является изданный в 1972 году словарь Амана Р.

Комплимент занимает особое место в исследовании вежливости и является достаточно популярным объектом лингвистических исследований. Большой вклад в исследование комплиментов был внесен американскими лингвистами, их работы (многочисленные исследования Н. Вольфсон и Дж. Манес, например, [Wolfson, Manes 1980], а также Дж.

Холмс [Holmes 1987] часто цитируются в работах отечественных и зарубежных исследователей. Compliments касались в той или иной связи Формановская Н.И., Федосюк М.Ю., Арутюнова Н.Д., Дьячкова И.Г., Шмелева Т.В., Карасик В.И., Панкратов И.В., Падучева Е.В., Тальберг Ю.Г., Трипольская Т.А. и другие именитые и молодые ученые. В зарубежной науке внимание проблеме комплимента уделяли Adamzik K., Allan K., Bach K., Harnish M., Clyne M., Thomas T., Burton D., Brown C., Leny F., Marten-Cleef S., Pratt M., и др.

О неиссякаемом интересе к комплименту как речевому акту в отечественной лингвистике свидетельствует появление в последние годы целого ряда диссертационных исследований, среди которых культурологические работы (на англоязычном материале) Мищенко В.Я. (1998), Леонтьева В.В. (1999) и Безменовой Л.Э. (2001), исследование этикетной стороны комплимента также на англоязычном материале Агарковой О.А. (2004), отдельные аспекты функционирования комплимента рассматривали Комчаева А.В. (2003, интерактивные особенности комплимента) и Мурашкина Э.В. (2004, регулятивные свойства комплимента), описанию лексико-семантического поля испанских концептов кумплидо и пиропо посвящено исследование Зверевой Е.В. (1985). Среди перечисленных и оставшихся неназванными работ не встретилось ни одной, в которой бы предпринимался комплексный анализ речевого акта комплимент на материале немецкого языка. Этот пробел мы и постараемся заполнить в соответствующем разделе нашей работы

Особенностей структуры и семантики похвалы не раз касались отечественные и зарубежные лингвисты в связи с той или иной темой исследования (например, работы Е.М. Вольф, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Н.А. Лукьяновой, А.Д. Шмелева и других⁶). Среди зарубежных исследований наиболее известными и часто цитируемыми являются монография Циллига В (1982) об оценочных речевых актах, в которой он, правда очень небольшое место уделяет похвале, рассматривая ее узко, только как феномен институционального педагогического дискурса; статья Адамчика К. (1984), монография Пэриса Р., посвященные

⁶ Например, работы [Апресян 1995; Шмелева 1997; Федосюк 1997; Булыгина, Шмелев 1994; Дементьев 1997; Иссерс 1997; Никитина 1997].

проблемам социальной интеракции и не предполагающие лингвистического анализа; и некоторые другие. В исследованиях молодых отечественных ученых похвала рассматривается как зеркальное отражение на оценочной шкале речевого акта порицания (статьи Дьячковой И.Г. (1998), Носковой С.Э. (2004), диссертационное исследование Бессоновой И.В. (2003), нам не встретилось ни одной работы, где бы эти акты – «близнецы-братья» – рассматривались в отдельности) или противопоставляется другим положительным оценочным речевым актам (например, комплинтам в монографии Трипольской Т.А. (1999), лести и комплименту в диссертационном исследовании Леонтьева В.В. (1999)). Похвала же является «самодостаточным» представителем класса оценочных экспрессивных актов, имеет яркие индивидуальные особенности (хотя, конечно, нельзя отрицать факт, что она имеет общие со всеми оценочными речевыми актами черты), что делает ее достойной отдельного анализа.

Неоднократно подвергалось лингвистическому анализу отражение в языке особенностей актов порицания. Слова, обозначающие отношения морального воздействия, использовались для проверки теории ролевых структур [Fillmore, 1969], теории экстенционального анализа [Графова, 1991; Сандомирская 1991]. Карасик В.И. анализировал глаголы морального и юридического воздействия с позиций статусных отношений. В отдельных работах предпринимались попытки рассмотреть высказывания с семантикой порицания, однако порицание описывалось авторами либо в рамках теории лингвокультуры [Евтушенко 2006], либо в сравнении одноуровневых, но разнознаковых речевых актов [Бессонова 2003; Дьячкова 1998, 2001]. В последнее время появились диссертационные исследования, авторы которых проявляют интерес к судебной коммуникации, причем в основном внимание направлено на коммуникативное поведение и речевые приемы обвинителя и адвоката (Н.В. Варнавских, О.В. Демидов, И.А. Зюбина, Е.А. Кузнецова). В то время как порицательные высказывания, осуществляемые в бытовой конфликтной практике, остаются вне зоны интереса исследователей. Таким образом, проблематика данного раздела работы не может считаться изученной и представляется поэтому необходимой и актуальной.

Сравнительно небольшое количество работ посвящено этикетным (социативным) речевым актам, хотя их описание и систематизация осуществляется последовательно и весьма успешно (часто в рамках отечественной теории речевых жанров). Наиболее известным и признанным автором работ об этикетных речевых актах является Н.И. Формановская [Формановская 1989], об этикетных речевых актах в контексте социального взаимодействия много писал В.И. Карасик. Исследуются различные аспекты этикетных речевых актов: семантико-прагматические свойства социативов [Белодед 1990 (благодарность), Тарасенко 1999 (благодарность, извинение, поздравление, соболезнование), Цюра 1994 (извинение), Чинова 1999 (извинение)]; языковое воплощение [Ранних 1994 (пожелание)]; типологический аспект [Коморова 2005 (пожелание, немецкий и русский язык), Мекеко 2002 (пожелание, английский и русский язык)]; контексты функционирования [Адамокова 2005 (благодарность), Тягунова (2002, благодарность), Цховребова 2002 (пожелание), Уткина 2002 (пожелание)]; интерактивные особенности [Сковородина 2004 (благодарность, извинение)]; диахронический аспект [Имас 2001 (благодарность)]; когнитивный аспект [Бердникова 2005 (благодарность), Гусаренко 2005 (пожелания), Вдовина 2007 (пожелания и поздравления)]; роль социативов в гармонизации межличностных отношений [Лисенко 1999 (извинение)]. Неожиданным выводом из обзора существующих работ по отдельным социативным речевым актам является отсутствие анализа речевого акта поздравления (кроме работы Маринина Ю.Н. (1996) о тексте поздравительной открытки), что объясняется, вероятно, тем, что поздравление, как правило, неразрывно связано с пожеланием и часто рассматривается как его часть.

Среди зарубежных исследований речевых актов, относимых нами к группе социативов, следует назвать наиболее известные – статью Ребайна Й. об извинениях и оправданиях [Rehbein 1972], статью Фрейзера Б. об извинениях [Fraser 1981], монографию К. Оттерштедта о формулах приветствия и прощания [Otterstedt 1993], культурологическую монографию немецкого лингвиста Ратмайер Р. об извинениях [Ратмайер 2003], а также уже упоминавшиеся выше монографии С. Мартен-Клиф и Л. Писарек.

Все перечисленные монографии, диссертационные исследования и статьи вносят существенный вклад в разработку достаточно популярной, как видим, «экспрессивной темы». Но наш обзор приводит нас к еще одному, противоположному выводу – представляемое монографическое исследование является практически первым комплексным исследованием экспрессивных речевых актов на материале немецкого языка, выполненным в России. В то же время особая социальная значимость экспрессивов в процессе межличностной коммуникации настоятельно требует подведения под их здание лингвистической основы, фундамента, который обеспечил бы безошибочное межъязыковое общение.

* * *

Дальнейшее изложение посвящено многоаспектному рассмотрению экспрессивных речевых актов. Следует предварительно заметить что анализ языкового воплощения рассматриваемых речевых актов основывается на положении о неоднородной, «слоистой» сущности смысла, рождаемого в результате их реализации. Компоненты смысла, всегда присутствующие в любом (не только экспрессивном) высказывании – пропозиция, интенция, оценка, эмоциональное содержание, реляционный компонент, показывающий отношение говорящего к партнеру – занимают разные позиции в смысловом целом, перемещаются в его рамках под влиянием прагматических условий коммуникации. Языковые средства, реализующие эти элементарные смыслы – операторы их порождения – являются маркерами превалирования одного или другого из них, создают наименее глубокий, поверхностный слой смысла. Другие «слои» смысла – это те потенции, которые могут быть актуализованы при дополнительных условиях, соответствующих особенностям субъективной действительности в момент общения. Знание этих операторов – «кодовых ключей» – открывает адресату путь для понимания интенции говорящего и адекватной интерпретации всех заложенных в речевом акте элементарных смыслов.

Глава II. СОЦИАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Речевые акты, рассматриваемые в данном разделе, в социологии называют церемониальными действиями [Goffmann 1971: 55, 66]. Э. Гофман утверждает, что такого рода речевые действия содержат компонент «почтения», с помощью которого «адресату регулярно сообщается об уважительном отношении к нему самому или к тому институту, представителем или символом которого он является» [Goffmann 1973: 64]. Такие вербальные действия являются «ритуалами статуса», «потому что они позволяют коммуниканту обратить внимание на символические импликации своих поступков» [Ратмайр 2001: 18]. Эти действия соответствуют принятым в некотором обществе правилам поведения, составляющим ожидание слушающего и определенные обязанности говорящего. Правила поведения кодифицированы в каждом обществе: их комплекс представлен юридическим правом, моралью и этикой, формальные же правила и способы поведения составляют этикет. Уважительное отношение, выраженное при помощи определенного вида почтения, содержательно является чувством повышенного внимания действующего лица к адресату; оно нередко включает в себе всестороннюю оценку адресата [Goffmann 1973: 64, 65 и сл.]. Осуществить с помощью речи этикетное действие – это послать партнеру некое социальное «поглаживание» (по Э. Берну [Берн 1988]). Отсутствие ожидаемых знаков внимания: приветствия, извинения, благодарности, поздравления и др. – воспринимается болезненно⁷.

Дж. Лич возвел оказание знаков внимания – вежливость – в принцип [Leech 1983: 82] и в наиболее общем виде определил как тип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера. Следование этому принципу накладывает определенные требования на поведение членов общества, которые заключаются в том, чтобы учитывать интересы партнера, считаться с его мнением и желаниями, облегчать по

⁷ Это тот случай, который Х. Хаферланд [Haferland 1996: 18] называет «элементарной вежливостью»: Элементарная вежливость предполагает привычные формы поведения и ритуалы. Она определена традициями и обычаями и понимается сама собой. О ней вспоминают только тогда, когда она отсутствует, и в этом случае говорят о крайней невежливости. Нарушением правил элементарной вежливости считается, например, отсутствие ответа на приветствие.

возможности возлагаемые на него задачи. Соблюдение принципа вежливости имеет целью добиться максимальной эффективности социального взаимодействия за счет «сохранения социального равновесия и дружественных отношений»⁸, причем считается, что в коммуникативной практике этот принцип играет более значительную роль, чем принцип кооперации Грайса, суть которого состоит в требовании вносить коммуникативный вклад в речевое общение в соответствии с принятой целью и направлением разговора [Грайс 1985: 222].

В применении к речевой коммуникации принцип вежливости определяется как особая стратегия речевого поведения, направленная на предотвращение возможных конфликтных ситуаций, которая реализуется в процессе речи с помощью различных правил и тактических приемов. Дж. Лич выделяет шесть таких правил, или, выражаясь его языком, максима: 1) максима такта: «Своди до минимума усилия других», «Старайся увеличить выгоду для других»; 2) максима великодушия: «Своди до минимума выгоду для себя», «Бери на себя все усилия»; 3) максима одобрения: «Не хули других»; 4) максима скромности: «Своди до минимума похвалу в свой адрес», «Хвали других»; 5) максима согласия: «Избегай разногласий», «Стремись к согласию»; 6) максима симпатии: «Будь благожелательным».

Категория вежливости выполняет в первую очередь прагматическую функцию выражения уважительного отношения говорящего к партнеру. Это отношение может принимать форму почтительности (при общении со старшим партнером), галантности (при общении с дамой), корректности (при доскональном соблюдении правил поведения), учтивости и т.д. Вежливости позволяет говорящему демонстрировать внимание к собеседнику, интерес к его делам, сопереживание, готовность помочь, желание общаться, то есть обеспечивает неконфликтное общение.

П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson 1987] в рамках своей теории вежливости указывают на предположение, что каждый компетентный взрослый член общества имеет лицо как самоуважение, которому можно угрожать или заботиться о нем. В общем, следует исходить из того, что партнеры по коммуникации кооперируются в рамках интеракции, чтобы сохранить свое лицо и лицо партнера (сохранение

⁸Как остроумно заметил Дж. Лич, «если ты не будешь вежлив со своим соседом, нарушится канал коммуникации и ты не сможешь больше брать у него косилку для газона» [Leech 1983: 82].

собственного лица зависит и от партнера, поскольку если угрожать лицу другого, то он прибегает к стратегиям, которые ставят под удар позитивную самооценку инициатора разговора, то есть угроза лицу партнера возвращается рикошетом к говорящему).

Социативные экспрессивные речевые акты реализуют социально заданные регулирующие правила речевого поведения с обязательной положительной оценочностью: понятие благопожелания эксплицитно или имплицитно входит в значение любого социативного высказывания, о чем свидетельствует их внутренняя форма, этимологический состав (*Danke, Entschuldige, Gute Besserung* и т.д.). О положительно-оценочной ауре ритуального общения писал К. Лоренц, называя его «любимой привычкой», наполненной теплотой. Эта «теплота чувств» создает общность, стоящую над отдельной личностью, более продолжительную, чем жизнь отдельного человека, «все, что составляет подлинную человечность, основано именно на обособлении ритуала, превращающего его в автономный мотив человеческого поведения» [Лоренц 1990: 65].

Следует, однако, подчеркнуть, что этикет (как и вежливость, которую он реализует) может быть как искренним выражением расположения к адресату (положительные чувства и эмоции), так и формальным исполнением ритуала (вне чувств и эмоций), и даже маскировкой, манипулятивным поведением (при возможных отрицательных чувствах и эмоциях)⁹. В нашем рассмотрении мы исходим из того, что говорящий имеет искренние намерения, доброжелательно настроен по отношению к адресату и посредством ритуалов почтительности планирует усилить положительный имидж¹⁰ адресата.

⁹В теории вежливости Х. Хафферланда такое исполнение ритуалов почтительности относится к кодифицированной вежливости, собственно этикету, то есть норме поведения, которая предписывает определенной группе людей, какие действия являются вежливыми, а какие невежливыми. Этот уровень вежливости встречается, прежде всего, в стратифицированных обществах, Там членам определенного слоя общества предписан определенный кодекс поведения. Соответствующее правилам поведение не обязательно является вежливым, но оно считается приличным. Однако нарушение этих конвенционализированных норм поведения считается невежливым [Haferland, Paul 1996: 28 и сл.].

¹⁰Следуя концепции Э. Гоффман, исследователи С. Браун и П. Левинсон [Brown, Levinson 1987] используют понятия позитивной и негативной вежливости; позитивная вежливость служит усилению положительного имиджа адресата: говорящий показывает, что желания и личные особенности адресата ему хорошо известны, он с симпатией относится к нему и солидарен с ним, даже если в данной конкретной ситуации и было совершено некоторое действие, умаляющее это впечатление. Демонстрация внимания, комплименты, подчеркивание принадлежности к одной и той же группе, стремление достигнуть согласия и избежать конфликтов, взаимное подчинение и т. п. – примеры проявления позитивной вежливости. Негативная вежливость выражает дистанцированную позицию, то есть подчеркивает независимость личности, ее потребность в неприкосновенной территории, и основана, главным образом, на стратегии

Социально-ритуальный тип дискурса тесно связан с конвенциональным характером коммуникативных актов. Под конвенцией понимаются принятые в данном обществе (регламентируемые данным обществом) формы взаимодействия – в том числе и речевого. Большинство коммуникативных актов в той или иной степени регламентированы и для говорящих, вероятно, удобнее, когда регламент есть, чем когда регламента нет. Конвенции, регулирующие этикетные акты общения, есть условия, необходимые для успешного взаимодействия в рамках регламентированных речевых ситуаций. «Огромное количество речевых актов стереотипны и повторяют то, что уже миллионы раз повторялось членами того же языкового коллектива лишь с незначительными модификациями. Это значит, что многие ситуации вызывают у нас тождественные реакции и что языковые формы этих реакций – целые предложения – носят отработанный характер. Их произнесение происходит едва ли не автоматически. В памяти они хранятся, наверно, так же, как отдельное слово, фразеологизмы, т.е. целостные и несобираемые единицы. В обыденной речи в виде готовых образцов воспроизводятся, а не конструируются, не только устоявшиеся единицы номинации, не только штампы отдельных отрезков высказывания, но и целые высказывания. Такие устойчивые стереотипы значительно облегчают общение» [Кубрякова, 1986: 101]. Поэтому коммуникативные акты, в которых совершаются социативные речевые действия, протекают шаблонно, заученно. Порядок отдельных речевых вкладов, структура последовательности отдельных речевых шагов заранее заданы центральной схемой соответствующих ритуальных действий. Это обуславливает и план языкового выражения. – коммуниканты пользуются формальными конверсационными речевыми моделями, возникшими в результате их повторяемости в типизированных ситуациях освобождающими говорящих от необходимости внимательно следить за отдельными ступенями коммуникативного акта, речевой акт

избегания, при помощи которой говорящий дает понять адресату, что он, по возможности, не нарушит границ его территории. Негативная вежливость включает сдержанность, официальность и владение собой; все возможные угрозы для авторитета адресата сглаживаются с помощью извинений и перемены темы, модальными частицами, смягчающими и косвенными формами (например, вопрос вместо просьбы) и другими подобными средствами.

осуществляется почти автоматически. Участники общения всегда могут прибегнуть к привычным, испытанным языковым средствам, при этом ритуальный характер общения имеет преимущества не только для говорящего, но и для адресата: привычное языковое оформление высказываний требует меньше затрат на их декодирование.

Повсюду, там, где мы имеем дело с повторяющимися языковыми ситуациями или решаем стандартные задачи, говорящие могут прибегнуть к устоявшимся языковым выражениям. Без этих «языковых заготовок» понимание было бы значительно затруднено; они заботятся о беглости говорения, разгрузке в речи, уверенности в поведении.

1. РЕЧЕВОЙ АКТ ИЗВИНЕНИЯ

1.1. Извинение как речевой акт **Общая характеристика.**

Определение. Комплексность извинения. Извинение представляет собой «парадный» пример экспрессивных речевых актов, когда речь идет об обсуждении аспектов «социальный ритуал» и «искренность или неискренность». В концепции С. Браун, П. Левинсон [Brown, Levinson 1987: 68, 187] речевые акты извинения рассматриваются как акты, «подрывающие» лицо говорящего (извиняющегося) и «укрепляющие» лицо адресата: извинение наносит ущерб авторитету говорящего, тогда как авторитет адресата от извинения выигрывает. Р. Ратмайр, автор уже упоминавшейся монографической работы о речевых актах извинения, возражает этой точке зрения и утверждает, что «извинения за пустяковую оплошность способствуют положительному имиджу не только адресата, но и самого говорящего», поскольку последний, извиняясь за разного рода ненамеренные проступки, проявляет себя как вежливый человек. Однако при наличии весомого повода для извинения: просящий извинения все-таки умаляет свой авторитет, признавая свою вину, и возвышает партнера по коммуникации, предоставляя ему в этот момент решить судьбу их дальнейших отношений» [Ратмайр 2001: 22-23].

Дж. Серль рассматривает извинение как стандартный пример экспрессивных речевых актов, иллокутивная цель которых заключается в том, чтобы «выразить названное в условиях искренности состояние, связанное с обозначенным в пропозициональном содержании положением вещей». Экспрессивы, по Дж. Серлю, не имеют никакой установки на внешний мир, так как говорящий не пытается «ни привести мир в соответствие со словами, ни привести слова в соответствие с миром» [Searle 1982: 34]. Р. Ратмайр возражает Дж. Серлю, обосновывая свою точку зрения справедливым замечанием о том, что его классификация основана на принятой в английском языке стандартной формуле извинения *sorry*, которая действительно выражает чувства и отношения говорящего. А принятая в немецком языке формула извинения – глагол *entschuldigen* и его синонимы в императиве – заставляет усомниться в названном статусе извинения как экспрессивного речевого акта. Поэтому Р. Ратмайр утверждает, что извинение имеет собственную иллокутивную цель,

состоящую в том, чтобы привести мир в соответствие с языком (в результате ущерба, причиненного говорящим, изменился внеязыковой мир, и адресат чувствует себя обиженным; посредством извинения говорящий стремится изменить сложившееся положение), и считает извинения директивными речевыми актами.

Наша точка зрения не совпадает с мнением Р. Ратмайр. Мы считаем, что извинения, представляя собой оценку действий говорящего, никак не могут быть причислены к директивам, направленным на изменение внеязыкового мира событий и действий, Решением спорного вопроса могло бы стать компромиссное предложение: рассматривать извинения как полиинтенциональные, гибридные речевые акты, интегрирующие, кроме директивной интенции, еще и ряд других, на наш взгляд, облигаторно реализуемых коммуникативных намерений, каковыми мы считаем оправдание, признание собственной вины, выражение эмоциональной аверсии говорящего по поводу собственного поведения.

Наша точка зрения противоречит мнению некоторых исследователей. Например, В. Холли четко отграничивал извинение от оправдания и речевого акта признания вины в зависимости от того, 1. отказывается ли говорящий от ответственности или ограничивает ее, даже разделяя негативную оценку действия (*sich entschuldigen*); 2. принимает ответственность за совершенное действие, но не разделяет его отрицательную оценку (*sich rechtfertigen*); 3. принимает ответственность за свои действия и одновременно разделяет их негативную оценку (*sich schuldig bekennen/um Verzeihung bitten*) [Holly 1984: 97]. Взгляд В. Холли на извинение как на отказ от (полной) ответственности, совпадающая с мнением Й. Ребайна [Rehbein 1976: 306], обосновывается этимологически, так как глагол *entschuldigen* первоначально являлся синонимом к лексемам *lossprechen, freisprechen* [Duden 2000].

Признавая справедливость приведенных мнений, мы, опираясь на обширный языковой материал, констатируем, что все три смежных речевых действия очень часто реализуются одновременно-последовательно, расширяя рамки интенционального смысла, превращая извинение в поистине полиинтенциональный акт.

Как было сказано, для речевого акта извинения существенны, кроме признания ответственности, еще и чувства сожаления или раскаяния¹¹. Этот аспект, не принятый во внимание В. Холли, учитывает в своем определении извинения Н.Р. Норрик, утверждающий, что социальная функция извинения состоит в принятии говорящим ответственности за наступление неблагоприятного положения дел, поэтому извинение всегда сопровождается эмоциональным состоянием раскаяния [Norrick 1978, 284]. Обращение к словарной дефиниции [mhd. entschuldigen = lossagen; freisprechen]: *jmdm. sagen, dass es einem Leid tut, was man getan hat; jmdn. wegen eines falschen Verhaltens oder um Verständnis, Nachsicht, Verzeihung bitten*) [Duden 2000] также показывает, что за формулой извинения в немецком языке стоит значение признания вины и выражение сожаления по этому поводу (хотя привязанность этикетных формул к стандартным ситуациям неизбежно приводит к частичной потере выразительности и конвенциональному характеру употребления этих формул).

Обобщая вышеприведенные мнения, мы даем общее, широкое определение извинения как комплексного речевого действия, совершаемого говорящим для психологической коррекции неблагоприятного положения дел, наступившего по его вине, сопровождающегося (имплицитно выраженным) признанием собственной вины и, следовательно, эмоциональным состоянием сожаления и/или раскаяния по поводу произошедшего, а также (опять же имплицитированного) обещанием не совершать впредь предосудительных действий либо (факультативным) оправданием/пояснением причин своих неуместных действий: *Entschuldige/n Sie = Ich weiß, dass meine Handlungsweise maleficent war und bekenne mit Reue meine Schuld, indem ich bitte, mich zu verzeihen; und verspreche, mich in Zukunft besser zu zeigen*. Разумеется, признание вины и просьба о прощении (*sich schuldig bekennen/um Verzeihung bitten*) и формальное, клишированное извинение отличаются друг друга интенсивностью выражаемой иллокутивной силы. Мы считаем возможным рассматривать эти два аспекта как различные коммуникативные стратегии извинения. Нашу точку зрения мы

¹¹Такое определение извинению дают Серль Дж. и Вандервекен Д.: Суть извинения заключается в выражении сожаления или раскаяния по поводу положения дел, за наступление которого ответственен говорящий [см. Searle, Vanderveken 1985, 211].

обосновываем тем, что акт извинения (как просьба о прощении) всегда бывает первым шагом для коррекции коммуникативного нарушения и всегда нуждается в принятии извинения адресатом, чтобы говорящий действительно был из-винен (лишен вины) (*ent-schuldigt*) [Lange 1984: 80].

Перлокуция речевых актов извинения в случае их успеха состоит в получении прощения и восстановлении статуса адресата, при этом выбор перлокуции остается за адресатом.

Условия успешности речевых актов извинения. Речевые акты извинения успешно совершаются при соблюдении следующих условий¹²:

1. Говорящий совершил действие, причинившее адресату некоторый ущерб; он признает причинение ущерба и просит адресата не обижаться и не принимать этот инцидент во внимание в дальнейших отношениях между ними.

2. Действие говорящего является малефактивным для адресата (причиняет ему ущерб), говорящий и адресат знают об этом; говорящий опасается, что адресат может обидеться или оскорбиться, если говорящий не принесет свои извинения.

3. Говорящий чувствует вину по отношению к адресату, он искренне сожалеет о том, что причинил адресату ущерб, и хотел бы все-таки сохранить прежние отношения с ним.

4. Акт извинения является попыткой восстановить коммуникативное равновесие и вернуться к положению дел, существовавшему до совершения малефактивного действия.

По поводу отдельных условий успешности следует сделать несколько замечаний. Вводное правило предполагает неуместность действия и поведения партнера, которая, однако, зависит от ситуации и статуса собеседников: то, что разрешено человеку с более высоким социальным или ситуативным статусом, не подобает человеку с более низким статусом и сопровождается извинением. Кроме того, неуместные поступки часто совершаются неконтролируемо (зевок во время разговора, опоздание, ошибка); они или их последствия всегда находятся в фокусе извинения; а просьбы о прощении за контролируемые поступки

¹²Отличие от схемы Дж. Серля [Searle 1971: 99-113] состоит в том, что мы включаем в перечень условие пропозиционального содержания и условие искренности.

произносится обычно сокращенно, без внимания к деталям [Ратмайр 2001: 66].

Правило искренности гласит, что извиняющийся должен искренне сожалеть о совершении неуместного поступка, иначе его извинение превращается в свою противоположность – грубый сарказм. Это замечание является ответом исследователям, считающим условие искренности необязательным при совершении речевого действия извинения, обосновывающих свое мнение формальным, почти неосознанным произнесением формул извинения в отдельных ситуациях. Однако использование клише не означает автоматически, что причиненный говорящим ущерб не вызывает его сожаления или раскаяния. Часто употребляемые фразы в типизированных ситуациях как «палочки-выручалочки» всплывают в сознании участников общения и являются первыми, предварительными речевыми действиями, которые – в случае их недостаточности для исчерпания инцидента – дополняются другими (оправданием, эксплицитным признанием вины и др.), выражаются более интенсивными, индивидуализированными языковыми средствами.

Что касается действительно неискреннего извинения (говорящий не испытывает сожаления по поводу – часто сознательного – причиненного адресату ущерба, но по тем или иным причинам выполняет ритуал извинения), то такие речевые акты следует определить как ситуативно неискренние¹³. При их рассмотрении играет роль морально-этическая категория лжи, мало имеющая отношение к категории искренности при совершении этикетных речевых актов.

Разумеется, чувства (как раскаяние) имеют разную временную протяженность и разную степень интенсивности. Но мы предполагаем, что эмоциональные состояния и эмотивный смысл в любом случае играют важную роль при совершении речевых действий извинения, поэтому

¹³О такого типа извинениях рассуждает Т. Зандер [Sander 2005: 18], приводя в качестве примера высказывание *Ich entschuldige mich dafür, dass ich deinen Hamster aus dem Fenster geworfen habe; aber es war richtig, das zu tun / aber ich empfinde keine Reue / aber wenn du dir einen neuen kaufst, werde ich es wieder tun*. На наш взгляд, ситуация, на основании которой Т. Зандер строит свои пространные рассуждения, некорректна изначально, поскольку психически здоровый человек, сознательно совершив необъяснимо жестокое действие по отношению к домашнему питомцу адресата, имеющему, вероятно, значение для последнего, не станет извиняться за содеянное в такой откровенно саркастичной форме, признавая в отсутствии сожаления или намерении при случае повторить свои действия. Совершенно очевидна реализация интенции, отличной от извинения.

вполне логично мнение о том, что степень искренности речевого акта является решающей: извинение всегда настолько искренне, насколько оно может быть таковым. Сказанное можно доказать на примере извинения за действие, произведенное когда-то давно, которое тогда было причиной сильных угрызений совести говорящего, но с течением времени превратилось в абсолютно трезвое осознание неправоты, не став, однако, формальным или неискренним.

1.2. Поводы для извинения. Варьирование извинения

В актах извинения говорящий имеет статус виновника (лица, совершившего действие). Ответственность за лежащее в основе акта положение вещей бывает, как правило, непосредственной и касается собственного неправильного поведения. Она может быть косвенной и касается инцидентов, за которые говорящий несет ответственность как опосредованно, например, как наставник-воспитатель, владелец и т.п., т.е. извиняются, кроме прочего, и за ущерб, нанесенный адресату поведением детей или домашних животных. В любом случае говорящий чувствует себя ответственным за произошедший инцидент и/или выражает это¹⁴.

Типологизация поводов для извинения связана с определенными сложностями. Иногда извинениям приписывается роль просто «показателей вежливости» для коррекции определенных инцидентов, затрудняющих коммуникацию [Machwirth 1978: 175; Norrick 1978: 280, 284]. А, например, В. Ланге не видит возможности типологизировать поводы для извинения даже после изучения множества книг о правилах хорошего тона [Lange 1984: 70]. Но если представить извинение, как уже указывалось, как систему стратегий, то типология поводов для него выстраивается легко. Рассмотрим две ситуации, в которых осуществляется речевой акт извинения:

(1) - *Vergebung, dass ich in Euch einen falschen Eindruck erweckt habe.*
– *Ach, steh auf, steh auf. Ich bin nicht gekränkt (M-S, 82).*

¹⁴ Условие искренности соблюдается, на наш взгляд, и в этом случае, речь, однако может идти о степени интенсивности выражаемого сожаления. Н.Р. Норрик справедливо указывает на то, что небольшая интенсивность чувств при выражении этикетных формул не является показателем «эмоционального обеднения» современного общества. Эмоциональная нагрузка на индивида была бы слишком велика, если бы он в такой же мере сочувствовал эмоциональным переживаниям своих коммуникативных партнеров, как он чувствует сам [Norrick 1978: 287].

(2) – *Verzeiht mir, Herr, wenn ich ungefragt einen Vorschlag mache, aber wäre es nicht klüger, bis zum Morgen zu warten? – Dann eben morgen früh* (M-S, 320).

Данные ситуации во многом сходны: один человек своим поведением нарушает интересы другого человека, испытывает по этому поводу определенные эмоции (сожаление, чувство вины), сообщает об этом адресату с целью сохранить или улучшить отношения, существующие между партнерами по общению. Различие между ситуациями заключается в том, что в первом случае адресанту совершенно необходимо получить положительный ответ адресата на произнесенное высказывание, а во втором – адресанту реакция адресата на извинение не требуется.

Причина этого различия может заключаться как в степени серьезности проступка, так и в характере цели, которую ставит перед собой говорящий, осуществляя конкретный речевой акт. Для ситуации первого типа коммуникативной целью является получение прощения, для ситуаций второго типа – выражение сожаления по поводу своего поступка. Речевые акты, свойственные первому типу ситуаций, обозначаются лингвистами как просьбы о прощении, а речевые акты, функционирующие в условиях ситуаций второго типа, как принесение извинения [Чинова 1999: 79], или в терминах Р. Ратмайр, извинения по существу и конвенциональные извинения [Ратмайр 2003: 66]. Похоже, но в иных терминах, классифицирует поводы для извинения С. Мартен-Клиф [Marten-Cleef 1991: 292], которая исходит из того, идет ли речь

1. о нарушении социальной нормы (конвенциональные извинения или принесение извинения) или

2. о нарушении границ личностной сферы адресата (просьбы о прощении или извинения по существу)¹⁵.

Как показывают исследования Б. Фрейзера, количество возможных поводов – нарушений общественных конвенций значительно меньше, чем группа поводов – личных афронтов, последние, кроме того, считаются

¹⁵ С. Мартен-Клиф исключает из анализа ситуации с перспективным извинением. Фразы как *Entschuldigen Sie mal, wollen Sie mich ausreden lassen!* Или *Entschuldigen Sie, wenn ich unterbrechen muss, aber was Sie da sagen, entspricht nicht den Tatsachen!* не рассматриваются как выражение извинения, поскольку они служат, по мнению автора, не для выражения сожаления, а для выражения агрессии и вводят высказывания протеста или возражения [см. об этом также Lange 1984: 78f]. Фразы, объявляющие прерывание разговора (*Wenn Sie mich bitte einen Moment entschuldigen würden*) тоже не рассматриваются как акты извинения.

более вескими, чем нарушения социальных норм и правил [Fraser 1981: 267].

К о н в е н ц и о н а л ь н ы е и з в и н е н и я . Конвенциональные извинения произносятся в связи с незначительными нарушениями этикета (по С. Мартен-Клиф, это непроизвольные физиологические проявления организма, ненамеренные толчки или опоздание на работу) и могут состоять из одной минимальной формулы извинения – глагола в императиве), они служат для сохранения социальной гармонии в определенном обществе и характеризуют говорящего как адекватного члена социума, соблюдающего его правила. Поводами для конвенциональных извинений могут служить:

а) ненамеренный телесный контакт: *Pedro stellte mit der rechten Hand das Radio an und kam dabei ungewollt mit Mathildes Knie in Berührung. – Verzeihung (K-S, 30);*

б) причиненное беспокойство, как, например, прерывание разговора: *Oh, ich bitte um Entschuldigung. Störe ich bei einer Besprechung? (M-S, 362);*

в) неумение владеть собой: *O Gott, zittern mir die Knie. Was müssen Sie von mir denken, entschuldigen Sie bitte (H-M, 270)* или недостаточно уважительное уважение к собеседнику: – *Worüber lachst du? Doch nicht über meine Vorschläge? Vergiss nicht, im Grunde sprach ich von meinem Tod. – Verzeih, Tante (K-VA, 55);*

г) недостаточное внимание:

– *Ich freue mich, dass die Küche meine Erwartung erfüllt. Es schmeckt wirklich ausgezeichnet. – Das freut mich. Der Wein auch? – Oh, ja, danke. Entschuldigen Sie meine Gedankenlosigkeit (H-M, 64)* – извинение приносится за то, говорящий оставил без внимания удачный выбор вина и церемонию его дегустации.

В следующем примере говорящий извиняется за то, что он забыл представиться в начале разговора: – *Ich wollte Ihnen eigentlich nur einen Vorschlag machen, Herr ... Herr ... – Ja, Entschuldigung, ich heiße Ehler, Reinhard Ehler (H-M, 53);*

д) нарушение договоренностей (опоздание и др.): *Entschuldigt. Ich habe eine alte Freundin getroffen und mich verquatscht (J-K, 119).*

П р о с ь б ы о п р о щ е н и и . Просьбы о прощении формулируются более пространно, чем с помощью одного иллокутивного

глагола в императиве. Эти извинения требуют дифференцированной вербальной реакции (принятие извинения или минимизация причиненного ущерба) и могут быть даже отклонены. Встретившиеся нам ситуации просьб о прощении часто идентичны ситуациям принесения конвенциональных извинений и могут быть описаны как

а) причинение серьезного материального ущерба: – *Entschuldige, Vater, weil ich den Ast abgebrochen habe. – Besser ein Ast als du. Trotzdem darfst du das nicht wieder tun* (M-S, 371)

Причинение серьезного материального ущерба сопровождается часто обвинением себя: *Verzeih mir, Pedro, ich kann nicht anders. Ich habe dich abgelenkt, ich wäre schuld an allem gewesen, was hätte passieren können ...* (K-A, 33) – просьба о прощении за разбитую машину и возможные последствия аварии.

б) причинение серьезного морального ущерба, примером его также может служить опоздание на важную встречу: *Haben Sie lange gewartet, Herr Ehler? Es ist nicht meine Art, zu spät zu kommen, aber ich habe mich verfahren* (H-M, 61), более поздний, чем было договорено заранее, телефонный звонок (*Meine Frau hat telefoniert. Fast eine halbe Stunde. Ich konnte sie nicht unterbrechen. Über Kleider, Krieg und Kinder* (R-L, 78)) или слова, интерпретируемые адресатом как вторжение в личную жизнь или даже как нанесение оскорбления: – *Nun, Ihr Mann ist tot, Sie sind eine Frau, das lockt die Haie an. – Ich weiß selbst, dass ich eine Frau bin, danke. <...> Es gibt aber auch weibliche Tiere unter Haien, Herr Wiedenroth. <...> Und die haben auch Zähne. – Ja, ja, ich wollte Ihnen nicht zu nahe treten* (H-M, 76).

Моральным ущербом может считаться недоверие близкому человеку (*Ich verstehe nicht, dass ich je daran zweifeln konnte* (K-A, 261)), сомнение в возможностях собеседника (*Verzeih meine Zweifel. Du kannst es tatsächlich noch* (M-S, 271), сознательное создание препятствий на пути близких (*Werdet glücklich, Kinder. Und nehmt einem alten Mann nicht übel, dass er eine Zeitlang so dumm war* (K-A, 202)), ложь или равносильное ей утаивание правды (*Vater! Ich habe es bewusst nicht gesagt. Ich habe dich belogen. Ich – ich habe es getan, weil ich deine Einstellung kenne* (K-A, 102)).

в) неумение владеть собой: *Man sagt im Zorn viel und nimmt es dann doch zurück, wenn man seinen klaren Verstand wieder beisammen hat* (B-W, 41));

г) недостаточное гостеприимство: *Bitte, nehmen Sie Platz. Es ist zum Frühstück nicht ganz so praktisch wie am Küchentisch, aber ich denke, es geht schon* (H-M, 130) – принимающая гостя хозяйка извиняется за недостаточность предоставляемых удобств. Еще пример: *Ich habe dich gar nicht vorfahren hören, sonst hätte ich dich mit einem Gläschen Champagner an der Haustüre begrüsst. So ist die Flasche noch zu* (H-M, 284)

Принципиальное различие между ситуациями просьбы о прощении и конвенционального извинения состоит в том, что одна предполагает монолог, произносимый без принуждения и непосредственно после проступка, а другая – диалог, причем диалог, не прекращающийся до тех пор, пока не получен желаемый ответ: – *Vergebt mir, mein Fürst, dass ich Euch so kläglich im Stich lasse. – Onkel, noch hast du mich nicht im Stich gelassen. Vielleicht finden wir einen Weg zu einer anderen Alternative* (M-S, 181).

При отрицательной реакции адресата адресант либо продолжает попытки получить прощение, либо откладывает их, но возобновляет впоследствии вновь и вновь:

- *Offensichtlich bereitet es Ihnen ein besonderes Vergnügen, darauf immer wieder anzuspieren.*

- *Wofür ich mich aufrichtig entschuldige. Ich habe deine Gefühle bislang nicht mit der angemessenen Rücksichtnahme behandelt.*

- *Sollte Ihre Entschuldigung tatsächlich aus tiefstem Herzen kommen, werden Sie diese Angelegenheit ein für allemal aus Ihrem Gedächtnis streichen.*

- *Das verspreche ich. Danach. Bedauerlicherweise müssen wir uns ein letztes Mal darüber unterhalten.*

- *Dann werden Sie verstehen, dass ich Ihre Entschuldigung nicht ernst nehme.*

- *Ich frage nur, weil ich es muss.*

- *Verzeihen Sie meine egoistische Eitelkeit. Bitte, fragen Sie, was Sie fragen müssen* (M-S, 413).

Причина различий между конвенциональным извинением и просьбой о прощении заключается, возможно, в том, что общественная оценка того, что хорошо и что плохо, знакома каждому члену этого общества, в то время как суждение отдельных индивидов по поводу определенного положения дел всегда индивидуально, так что чаще всего

требуется указание задетого лица на его негативную оценку предшествующего действия. Как утверждает В. Ланге [Lange 1984: 71], степень тяжести проступка зависит, кроме прочего, от таких факторов, как личная дистанция, социальный статус говорящего и адресата и оценка совершенного действия; более серьезные проступки требуют большего объема коррективной деятельности.

Проспективное и ретроспективное извинение. В лингвистической литературе извинения классифицируются по принципу следования до или после малефактивного действия на ретроспективное и проспективное [Лисенко 1999: 6] или превентивное в терминологии Р. Ратмайр [Ратмайр 2003: 134]. Проспективное извинение рассматривается как средство предупреждения конфликта, поскольку «такое извинение является попыткой компенсации ущерба, который может быть потенциально нанесен слушающему» в связи спланируемым действием, наносящем ущерб его имиджу (*Sie entschuldigen bitte die Störung, Herr Sanke. Aber ich möchte nur eine Frage stellen: Ist Ihr Sohn bei Ihnen? (K-M, 177)*). Ретроспективное извинение выступает средством улаживания уже произошедшего конфликта, компенсации уже нанесенного ущерба: – *Du musst nicht gekränkt sein. Ich wollte deinen Freund nicht beleidigen (N-H, 343)*.

Проспективное извинение. Лисенко М.А. указывает, что проспективное извинение не может быть связано с речевыми актами, цель которых противоречит идее вежливости, то есть с актами, совершаемыми с целью «нарушить социальную гармонию» в общении (речевые акты оскорбления, выражения презрения, угрозы и др.), категоричными директивными речевыми актами и речевыми актами спонтанного выражения отрицательных эмоций по отношению к собеседнику или в его присутствии. Реализацию проспективного извинения допускают речевые акты просьбы, совета, предупреждения, напоминания и запроса информации, поскольку они являются «вторжением в сферу негативного лица слушающего, которому навязывается определенный образ действий» [Лисенко 1999: 7], например: *Verzeiht mir, mein Herr, wenn ich ungefragt einen Vorschlag mache, aber wäre es nicht klüger, bis morgen zu warten? (M-S, 320)* – речевой акт совета сопровождается извинением – принятием ответственности за совершение действия, наносящего ущерб имиджу

адресата; *Verzeihen Sie, Sir. Könnten Sie mir vielleicht helfen (B-S, 135)* – извинением сопровождается речевой акт просьбы.

Встречаются случаи, когда проспективное извинение сопровождает речевые акты, «связанные с нанесением ущерба позитивному лицу слушающего: речевые акты критики, упрека, выражения несогласия, отказа, выражения жалобы, упоминание в разговоре запретных тем и тем, способных вызвать разногласия между собеседниками, речевые акты хвастовства» [Лисенко 1999: 7], или акты, связанные с поведением, не соответствующим правилам кооперации (прерывание собеседника, невнимание), например: *Hören Sie zu, was geht Sie eigentlich, entschuldigen Sie die harte Frage, das Privatleben von Fräulein Klett an? Haben Sie irgendwelche Rechte auf sie? (K-S, 58)* – извинение сопровождает речевой акт критики (за вмешательство в личную жизнь объекта разговора); *Lord Ashborne wäre jedenfalls nie auf Abwege geraten, wenn Sie ihm – verzeihen Sie, dass ich das sage – Gelegenheit gegeben hätten, sich Ihnen zu erklären (K-VA, 83)* – извинение сопровождает речевой акт упрека.

Ретроспективное извинение. Ретроспективное извинение встречается значительно чаще, поскольку круг ситуаций, допускающих ретроспективное извинение, шире: практически любому действию, ставшему причиной конфликта, может следовать речевой акт ретроспективного извинения, что логично, поскольку именно уже нанесенный ущерб требует компенсации в виде извинения. Даже в случаях нанесения оскорбления, угрозы, неконтролируемого всплеска эмоций, говорящий, переосмыслив свое поведение, пытается восстановить гармоничные отношения и обращается к ретроспективному извинению как к средству компенсации ущерба, например: *<...> Außerdem sucht er ständig nach Schlupfwinkeln für sich und seine zweifelhaften Damenbekanntschaften. Dabei macht er nicht einmal vor Hochsitzen halt. <...> Pfui Teufel! Entschuldige! Ich vergaß deine Anwesenheit ... (K-S, 54)* – говорящий извиняется за бранные слова в адрес объекта разговора, вызвавшие неловкость в дальнейшем общении; *Wird sie wieder gesund, Flip? Verzeihung, Euer Lordschafft. Mir rutscht das noch so über die Lippen (K-VA, 181)* – извинение за неподобающее обращение к лицу, стоящему выше по социальной лестнице, которое могло быть воспринято как оскорбление.

Ретроспективное извинение может быть нацелено на «нематериальную компенсацию неудобств, причиненных прошлыми действиями говорящего» [Лисенко 1999: 8], в том числе и невербальными: *Entschuldige, Vater, weil ich den Ast abgebrochen habe (M-S, 371)* – ретроспективное извинение за нанесение материального ущерба; *Verzeihung, mein Fürst, wie ungeschickt von mir (M-S, 359)* – извинение за физические неудобства, причиненные при обработке раны адресата; – *Du hast dich verspätet. – Ich bitte um Verzeihung, Fürst Kawakami. Man hat mich beobachtet (M-S, 78)* – извинение за опоздание; – *Miss Gibson, Sie haben ein wenig zu schnell gesprochen. Diesmal konnte ich Ihnen nicht folgen/ – Verzeihung, Fürst Genji. Ich ließ mich von meinem Enthusiasmus mitreißen (M-S, 100)* – извинение за вербальные действия: ненамеренное затруднение восприятия речи адресатом речи говорящего.

Такие действия не допускают проспективной компенсации, так как являются незапланированными, но в случае, если говорящий желает восстановить нарушенную гармонию, он извиняется за них.

М е т а к о м м у н и к а т и в н ы е и з в и н е н и я . Существует категория метакоммуникативных извинений [Ратмайр 2003: 138] или метаизвинений [Земская, Ширяев 1988: 125] – извинений, относящихся не к экстралингвистическому поведению говорящего, а к различным аспектам самого высказывания, к нарушениям норм ведения разговора. Это, как правило, вставные конструкции, включенные в более сложное высказывание, скрывающее в себе возможность конфликта и содержащие размышления говорящего о форме собственного высказывания. В фокусе метакоммуникативных извинений находится побочное перлокутивное воздействие высказываний, нарушающих принципы речевой вежливости, сформулированные в работах Х.П. Грайса [например в: Грайс 1985]: извинение за отказ, возражение, за вторжение в личную сферу, за отдельные части пропозиции как неоправданные или не лучшим образом подобранные метафоры, за отдельные нарушения в ведении диалога как перебивание партнера или употребление отдельных лексем – оговорки, грубых выражений и т.п. Примерами метакоммуникативных извинений могут служить следующие:

(1) Речевые акты, в процессе которых происходит нарушение постулата согласия [Leech 1983: 138] – акты возражения, отказа, критики и

т.д. – часто смягчаются извинением; говорящий сознает, что его высказывание обмануло ожидания собеседника, явилось причиной его разочарования; он извиняется именно за это разочарование, но не за само высказывание: *Tut mir wirklich leid, Frau Winkler, aber Herr Nordlohe ist in einer Besprechung. Sie hätten sich anmelden müssen* (H-M, 273) – секретарь извиняется за отказ директора банка принять посетителя, смягчая свое высказывание формулой сожаления *Tut mir wirklich leid*.

(2) *Der alte Stinkstiefel glaubt dir also nicht? Verzeihung, Sabine, aber ich muss mich erleichtern <...>* (K-A, 266) – говорящий извиняется за отдельную лексему, т.е. смягчает несдержанное выражение в отношении отца присутствующей при разговоре девушки ретроспективным извинением, подчеркивая, однако, сознательный выбор такого словарного регистра.

(3) Извинения сопровождают также высказывания, нарушающие постулат такта, т.е. вербальное вторжение в личную сферу в форме щекотливых вопросов, например, о деталях личной жизни: *Handelt es sich – verzeih meine Frage – um einen anderen Mann?* (K-S, 52).

В следующем примере говорящий косвенно извиняется за неузואльный вопрос о стоимости вина, предлагаемого адресатом: *Ich weiß, Gäste sollen so etwas nicht fragen, aber mich interessiert's trotzdem. Was kostet so ein Wein? Über 300 Mark?* (H-M, 286)

(4) Метакоммуникативное извинение произносится также для того, чтобы ослабить некоторое бестактное высказывание, которое произносится при отвлеченном обсуждении и не касается адресата лично, но которое он может принять на свой счет: *Wir würden Godthab anlaufen, und überall würden wie die Ameisen kleine krummbeinige Grönländer in Uniform herumwimmeln. Entschuldigung* (H-S, 371) – извинение приносится адресату за оскорбительное суждение о жителях Гренландии – говорящий в момент произнесения высказывания вспоминает, что его партнер по коммуникации гренландец по происхождению (*Ihm fiel ein, dass er gerade mit einer der kleinen, krummbeinigen Ameisen spricht*).

(5) Формулы извинения используются в качестве обращения к незнакомым людям, предваряя просьбы: *Verzeihen Sie, haben Sie Feuer?* (R-L, 53) или выступая как способ привлечения внимания слушающего при

вступлении в разговор: *Verzeihen Sie, wir suchen jemanden! Es ist ein Notfall! Wo finden wir hier die Polizei?* (К-М, 167)

Кроме того, формулы извинения используются в качестве сигналов обратной связи, которые свидетельствуют о том, что говорящий не расслышал или не понял сообщение: – *Ich habe keinen Familiennamen. Ich bin nicht vornehmer Abstammung.* – *Verzeihung, habe ich Sie richtig verstanden?* (М-С, 140)

Извинения в ситуациях, подобных приведенным выше, рассматриваются некоторыми исследователями как чисто ритуальные, формальные, аналогичные использованию формул благодарности в качестве сигнала завершения разговора. Например, М.Л. Макаров называет такие извинения «рамочным элементом дискурса» [Макаров 2003: 186]. Данная точка зрения представляется нам спорной. Начиная разговор, говорящий извиняется не только для того, чтобы привлечь внимание слушающего, но и для того, чтобы признать факт покушения на его внимание и время и навязывания ему необходимости вступить в разговор: *Ich muss Sie um Hilfe bitten, Sie sollen mich für meine Aufdringlichkeit/mein Einmischen/Unterbrechen ... entschuldigen* (как правило, такие формулы извинения используются при обращении к незнакомому лицу или к лицу более высокого социального статуса). То же справедливо и для использования формул извинения при переспросе: при всей их ритуализованности они сохраняют значение компенсации: говорящий берет на себя вину за то, что сообщение не понято им, следуя тем самым нормам сотрудничества в общении и сохраняя лицо автора сообщения.

Таким образом, в ситуации функционирования формул извинения в качестве средства управления дискурсом используемые формулы сохраняют значение компенсации за будущий или уже нанесенный ущерб. Тем не менее, такие ситуации представляются непрототипическими, поскольку в них не вполне соблюдается условие искренности: в связи с высокой степенью ритуализованности формул извинения в таком употреблении идея компенсации уходит на второй план. Очевидно, статус таких ритуализованных извинений отличается от статуса собственно извинений. Здесь происходит конкуренция функций и определенная десемантизация единиц, что позволяет отнести данные формулы в

рассматриваемом употреблении к периферии поля извинения как совмещающие в себе две функции.

П с е в д о и з в и н е н и я . Одним из условий успешности речевого акта извинения, как было указано выше, является условие искренности – основная характеристика прототипической ситуации извинения. Но как показывает анализ языкового материала, прототипическая ситуация извинения не является единственно возможным контекстом для появления высказываний, по форме совпадающих с высказываниями извинения, т.е. содержащими прямое или косвенное признание говорящим нарушения некоторой социальной нормы и его ответственности за это нарушение. Помимо цели гармонизации межличностного взаимодействия, извинение может преследовать цели, во-первых, противоречащие идее вежливости, и, во-вторых, не связанные с этой идеей. В таких случаях можно говорить о псевдоизвинении: невежливом, или грубом, извинении или о так называемой ироничной грубости, крайней степенью которой является сарказм. Дж. Лич определяет сарказм как использование вежливой формы для передачи невежливого содержания, т.е. для нанесения ущерба [Leech 1983: 67]. Примером псевдоизвинения может быть следующий речевой фрагмент: – *Wir wollen lieber das Meer und den blauen Himmel genießen, als uns mit solchen Themen befassen – Sie sind kein guter Gesellschafter, Flip. – Verzeihung, Mylady, lassen Sie mich gleich das Thema wechseln. Ob wir morgen wieder schönes Wetter haben? Der Himmel ist so blau – ob er eigentlich so blau bleibt?* (K-VA, 127). Несоблюдение максимы искренности проявляется в данном коммуникативном акте в том, что ретроспективное извинение сопровождается выполнением пожелания партнера в саркастичной форме. Такая форма извинения является, в свою очередь, свидетельством мнения говорящий о просьбе собеседника как о нанесении ему морального ущерба, сознание этого факта позволяет ему перейти к действиям по защите своего лица.

В целом, невежливое использование извинения аналогично использованию искренней вежливости: как вежливость не сводится к набору закрепленных этикетом формул, а проявляется в вербальных действиях, направленных на поддержание социальной гармонии через уважение этических прав собеседника, так и невежливость не сводится к употреблению слов и выражений с грубой семантикой, а является речевым

поведением, разрушающим социальную гармонию путем нарушения этических прав собеседника.

При анализе языкового материала нам встретились ситуации прагматических неудач, в которых неправильная оценка ситуации приводит к неправильному выбору стратегии извинения, что может вызвать неадекватную реакцию (иногда усугубление конфликта), например:

- *Ich bin solchen Lobes nicht würdig.*
- *Diese Bemerkung steht dir nicht zu. Wenn dein Fürst spricht, gibt es für dich nur eines: Schweigen, Dank, Entschuldigung oder gehorchen, je nach Situation. Sonst nichts.*
- *Jawohl, Herr. Vergebt meine Unhöflichkeit, Fürst Genji. Ich passe besser in die Ställe, als in Eure Gegenwart.*
- *Was habe ich soeben gesagt? Dank, Entschuldigung, Schweigen, Gehorsam. Hast du nicht gehört? Von großspurigen Entschuldigungen war die Rede. Entschuldige sich nie. Niemals. Verstehst du? (M-S, 16).*

1.3. Полиинтенциональность речевого акта извинения

Стереотипные стратегии извинения – просьбы о прощении можно подразделить далее на следующие разновидности в зависимости от реализации ими дополнительных интенций, расширяющих «горизонт интенционального смысла:

– признание факта совершения действия, ущемляющего имидж адресата (принятие ответственности): – *Ihr derzeitiges Benehmen zeugt weder von gutem Charakter, noch von hohen Prinzipien. – Ein unverzeihlicher Fehler, für den ich mich entschuldigen möchte.* (K-M, 177)

– выражение нежелания совершать причинившее ущерб действие: <...> *ich habe sie aus meinem Haus gejagt. Ich habe sie tödlich beleidigt. Mein Gott, verzeih` mir, das habe ich nicht gewollt. Ich liebe sie doch noch immer. Ich kann sie ja gar nicht hassen...* (K-A, 174)

– объяснение причины, оправдывающей совершение действия, ущемляющего имидж адресата: – *Willst net einen Imbiss einnehmen, bis ich fertig bin? – Nimm`s mir nicht übel, Dirndl, aber mir schmeckt der Schmarren, den die Burgel zubereitet, so gut, wie sonst nix anderes. Darum freu` ich mich auch jedesmal darauf* (B-W, 25).

– обещание не совершать в будущем действий, ущемляющего имидж адресата: <...> *Ich war doch ein Schaf und ich schwöre dir, dass ich nie, nie, nie mehr davonlaufen werde, kannst du mir meine Dummheit noch einmal verzeihen?* (K-S, 95).

– компенсация ущерба или предложение компенсации ущерба: – *Haben Sie Ihren Koffer schon gepackt, Flip? <...> – Mylady entschuldigen – ich will das sofort nachholen* (K-VA, 123).

1.4. Речевой акт извинения в составе диалогического единства

В прототипическом случае извинению предшествует неудачное или неправильное вербальное или невербальное действие говорящего, что позволяет нам характеризовать его в целом как реактивный речевой акт.

Многообразие личностей и их индивидуального мировосприятия обуславливают открытость перечня поводов для извинения, поскольку причинением ущерба может считаться любое действие в специфической прагматической ситуации при специфической расстановке сил. О некоторых поводах для извинения речь уже шла выше, здесь мы остановимся только на речевых актах, которые являются реакцией на вербальный стимул адресата.

И з в и н е н и е к а к р е а к ц и я . Непредсказуемость жизни вообще рождает непредсказуемость реакции индивида на внешнее воздействие: порой самое безобидное замечание, не предполагающее каких-либо подвохов со стороны его автора, но не учитывающее некоторые пресуппозиции, воспринимается собеседником как жестокое оскорбление, для восстановления коммуникативного «мира и согласия» в этом случае непременно должна последовать просьба партнера о прощении. Но он, в свою очередь, не всегда может сориентироваться в быстро меняющейся ситуации, поэтому адресат, не желающий открытого конфликта, вынужден, по сути, требовать извинения, поясняя причины коммуникативного сбоя или указывая на ущерб, нанесенный его лицу. Примеров таких ситуаций великое множество. Приведем некоторые из них.

– *Segeln Sie alleine? – Geht Sie das etwas an? – Nein, Entschuldigung <...>* (H-M, 87). Не имеющее никакого подтекста инициативное высказывание *Segeln Sie alleine?* рассматривается адресатом как вторжение

в его личную жизнь, к которой отправитель вопроса, служащий яхт-клуба, не имеет никакого отношения. Это мнение адресат и выражает репликой *Geht Sie das etwas an?*, которая является стимулом для извинения.

Похожая ситуация общения рождает извинение в следующем речевом фрагменте: – *Diese Jugend mit ihrer Intelligenz gegen das Alter. – Ich wollte Ihnen nicht nahe treten. Der Rat war sozusagen geschäftlich* (K-M, 27). Адресат извинения болезненно реагирует на некоторое замечание говорящего, однозначно указывая своей репликой (несмотря на обобщенную референцию), что для продолжения кооперативного общения от партнера требуется речевое действие извинения за нанесенный ущерб. Это косвенное побуждение безошибочно «прочитывается» говорящим, он правильно реагирует, восстанавливая кооперативный «мир»

Адресат имплицитно в своей реплике требует извиниться, реагируя на неадекватное поведение партнера (– *Hören Sie, Emilio, wenn Sie wollen, fahren Sie mit der Trambahn nach Hause, und ich setze mich ans Steuer. Dann würden wir alle miteinander ruhiger fahren können. – Verzeihen Sie, Signora* (FL-S, 74)) его неподобающий тон, вызванный волнением или возбуждением в релевантной ситуации (– *Es ist mir gänzlich unmöglich, die weiter zuzuhören, wenn du in diesem Ton weiterfährst, Wolfgang. – Verzeih. Ich bin zur Zeit noch sehr aufgeregt, wie du wohl denken kannst, aber ich werde mir Mühe geben, ruhiger zu sprechen* (K-Tt, 386)), или на его невнимательность (– *Um Himmels willen, Starkez. Können Sie sich denn nicht mal den Namen Ihrer Mandantin richtig merken? – Was? Entschuldigen Sie bitte vielmals* (C-T, 420)), неаккуратность (– *Du hast was verschüttet. – Tut mir leid* (G-T, 45)), нарушение данного слова (– *Ich hab dein Wort. – gehabt. Du musst schon entschuldigen. Ein Mensch darf seine Meinung ändern* (A-M, 40)) и мн.др.

Р е а к ц и я н а и з в и н е н и е . Будучи реакцией на вербальное или невербальное действие, речевой акт извинения может, в свою очередь, являться стимулом для развития сюжетной линии общения. Представленные выше поводы для извинения и реализующие их коммуникативные стратегии рождают соответственно различные диалоговые обязательства: извинения за нарушения коммуникативных постулатов и речевого этикета – метакоммуникативные извинения – исключают специфическую реакцию, а извинения за ущерб во внеязыковой среде требуют некоторой обязательной характерной ответной

реплики: конвенциональной (при нарушении общих правил поведения и вежливости) или дифференцированной (при извинении по более серьезным поводам) – согласие принять извинение минимизацию ущерба или отказ, в зависимости от тяжести ущерба [Ратмайр 2003: 116].

Содержательно ответная реплика зависит от степени адекватности извинения, которая в свою очередь, связана с выполнением условий успешности. Таким образом, извинение является неадекватным, если человек, причинивший ущерб, проявляет признаки неискренности, или если ущерб был причинен им намеренно. Как правило, на неадекватные извинения адресат отвечает отказом.

Реакция в виде согласия принять извинение. Прототипический случай адекватного извинения – извинение за незначительное нарушение правил хорошего тона. Идеальная ответная реплика в этом случае – это согласие его принять (*Ich verzeihe / vergebe dir, entschuldige dich*¹⁶), однако фактически эти формулировки употребляются крайне редко и лишь в качестве извинения по серьезным поводам и при значительной дистанции участниками коммуникации:

- *Paul, ich habe dich gefragt, wieviel Uhr du hast.*
- *Fünf nach zwei, Herr Baron. <...> Sie ist mir stehengeblieben. Ich bitte um Verzeihung.*
- *Ich verzeih dir. Aber das nächste Mal lasse ich dich aufhängen (K-S, 10).*

Участниками приведенного минидиалога являются барон и его слуга, который извиняется за то, что он стал случайным свидетелем ссоры господ. Остановившиеся часы в реплике слуги – обещание забыть все произошедшее. Барон тронут и признателен за понимание, и в своей реплике он сокращает дистанцию, эксплицитно выражая свое прощение и шутливо угрожая за недостаточный уход за часами.

Реакция на извинение в виде эксплицитного согласия его принять эксклюзивно встречается и в общении близких людей, выполняя в этом случае ряд дополнительных функций, как, например, успокоить «провинившегося», уверить его в своем добром отношении к нему, не

¹⁶ Во всех формах, кроме императива, глаголы *entschuldigen*, *verzeihen*, *vergeben* актантом в винительном или дательном падеже, обозначающим одушевленное лицо, выражают предоставление прощения, т.е. перлокутивное следствие просьбы о прощении:

испорченного нанесенным ущербом: – *Entschuldige und sag mir alles. Bist du mir nicht böse? – Nein, ich bin nicht böse. Ich entschuldige (FL-S, 129).*

Чаще согласие принять извинение выражается различными описательными формулами, исключаящими перформативные глаголы во избежание акцентирования внимания на серьезности причиненного ущерба с целью сохранения лица говорящего, который уже потерял некоторый авторитет сначала выполнением предосудительного действия, а затем извинением за него, например: – *Ich war blau, verstehst. – Ist vergessen (K-S, 92)* – в ситуации смущенного извинения за неадекватное поведение в состоянии алкогольного опьянения эксплицитно-перформативное согласие его принять в виде формулы **Ich verzeihe dir* выглядело бы слишком пафосным и было бы не к месту.

В речевом фрагменте – *Entschuldigung, wenn ich Sie so anstarre, aber Sie sollen das als Kompliment betrachten. – Gebongt (разг. речь)* согласие принять извинение выражено разговорно-метафоричным *gebongt*, которое, с одной стороны, является реакцией на просьбу о прощении за неприлично пристальное внимание к адресату, а с другой стороны, благосклонным ответом на восторженный комплимент.

Согласие принять извинение не всегда бывает выражено эксплицитно, его роль может выполнять предложение не возвращаться больше к обсуждению произошедшего инцидента: – *<...> Es lag ja allein an mir, dass ich Sie so in Harnisch gebracht habe. Es tut mir wirklich leid, Mr. Hunter... – Wollen nicht mehr darüber sprechen, Herr Inspektor (T-G, 47).*

Согласие принять извинение не эксплицируется, если оно не касается действительно серьезного случая; адресат просто принимает его к сведению и продолжает разговор, реагируя на пропозициональное содержание высказывания, например: – *Komm heraus, Kuma, dann bringe ich dich nicht um. Wenigstens nicht heute. – Schau doch nicht so böse, Hei-chan. Ich habe nur noch deine Wachsamkeit geprüft. – Und das hättest du auch getan, während ich mich ausziehe? (M-S, 121)* – извинение за случайное присутствие при совершении туалета его адресатом принимается последним, его реакция представляет собой вопрос о возможном поведении собеседника в ситуации наблюдения им более интимной части туалета.

Ответ на извинение может выражаться невербальными средствами и по поводу серьезного ущерба, причиненного говорящим. В этом случае адресат ожидает извинения (его отсутствие было бы нарушением ожидания и препятствовало бы продолжению коммуникации), и сама ситуация делает вербальное сопровождение действия прощения избыточной: – <...> *Erst muss ich wissen, ob zwischen uns alles in Ordnung ist. – Natürlich! Ich war doch so ein Schaf und ich schwöre dir, dass ich nie, nie mehr davonlaufen werde. Kannst du mir meine Dummheit noch einmal verzeihen? Er nickte lächelnd, sie jauchzte glücklich und warf sich ihm in die Arme (K-S, 95).*

Нам встретился пример нестандартного прощения причиненного ущерба в ситуации ссоры влюбленной пары: адресат – девушка – реагирует на полушутливую-полусерьезную просьбу о прощении пощечиной, которая однозначно интерпретируется говорящим как согласие это извинение принять: – <...> *Du solltest dich schämen! – Und wie ich mich schäme! Ich bin ganz zerknirscht. Betsy, Süße, verzeih mir!*

Da fühlte er einen klatschenden Schlag auf seiner rechten Wange, und mit fliegendem Röckchen rannte Betsy zurück zum Gesindehaus. Glücklich sah ihr Persy nach und rieb sich die rote Wange.

– Sie liebt mich. Betsy, du Allerschönste, noch einen Monat Geduld und wir feiern eine Doppelverlobung (K-VA, 31).

При неравном статусном положении собеседников согласие принять этикетное извинение вышестоящего предполагается априори, высокостатусный партнер даже не считает нужным дожидаться реакции адресата, как, например, в следующем высказывании, где извинение следует за порицание нижестоящего: *Mein Lieber... Das bedarf doch keiner Erklärung. Mir scheint, Ihnen sitzt Ihre Krankheit mehr zu, als gut ist. Ich muss Ihnen das sagen, entschuldigen Sie. Zehn Tausend Arbeiter, mit deren Entlassung wir drohen können, sind ein größeres Druckmittel als fünftausend.* <...> (K-A, 174). Речевое действие извинение является в этом случае проявлением минимального усилия говорящего сохранить «лицо» собеседника, но это совершенно очевидно этикетный, машинальный акт, выполняемый, потому что «так принято». Согласие принять извинение (ожидаемая реакция) настолько «запрограммировано» в типизированной

ситуации, что отправитель продолжает говорить, не делая паузу для эксплицирования этой реакции адресатом.

Следующий речевой фрагмент является тоже примером имплицитного согласия высокостатусного собеседника принять извинение нижестоящего, оно распространяется порицанием-поучением последнего с целью предупредить причинение ущерба в аналогичной ситуации в следующий раз; адресат извинения берет на себя компетенцию порицать, обусловленную не только его статусом, но и жизненным опытом:

- *Du sprichst, als wären Beweise und Tatsachen wichtiger als das, was im Herzen eines Mannes vorgeht.*

- *Ich bitte untertänigst um Verzeihung, Fürst.*

- *Gedanken sind ebenso wichtig, wie Taten, Mukai (M-S, 25).*

Реакция в виде минимизации ущерба. Эксплицитное согласие принять извинение встречается в повседневном общении нечасто, поскольку такая реакция идентифицирует вину говорящего и равносильна порицанию, которое, как уже говорилось, является шагом на территорию собеседника и ущемляет его лицо. Этикет же требует сохранения не только лица адресата, но и авторитета говорящего, поэтому более подходящей реакцией на извинение является минимизация ущерба, причиненного неправильным поведением последнего – в особенности при извинении по незначительным поводам. Й. Ребайн [Rehbein 1972: 316] называет этот феномен «сведением к пустяку» и приводит следующие примеры: *Das war ja nicht so gemeint! Ist ja Unfug! War ja nur ein Ausrutscher von dir!* Наш анализ выявил следующие стандартные формулы минимизации ущерба: *schon gut, keine Ursache, kein Grund zur Entschuldigung, ist nicht so schlimm, ist in Ordnung, macht nichts*, употребленные, например, в следующих контекстах:

(1) – *Tut mir leid, Mr. Centino. Wir haben Sie nicht erwartet. Stellina ist wie immer mit Mrs. Nunez nach Hause gegangen. – Ach ja, schon gut <...>* (C-W, 58);

(2) – *Entschuldigen Sie, Fürst. Sie haben genau wie er geklungen. – Kein Grund zur Entschuldigung* (M-S, 342);

(3) *Pedro stellte mit der rechten Hand das Radio an und kam dabei ungewollt mit Mathildes Knie in Berührung. – Verzeihung. – Keine Ursache* (K-S, 30);

(4) – *Es tut mir auch leid, dass ich mich habe so gehen lassen. Dass ich den Joker genannt habe. – Das ist nicht so schlimm, Ich habe diesen Namen so oft gehört und gelesen, dass ich ihn nicht mehr als beleidigend empfinde (T-G, 47);*

(5) – *Tut mir leid. – Das macht nichts, Miss Lawson. Lassen Sie sich Zeit (C-T, 284);*

(6) – *Tut mir leid, Audrey. Ich dachte nur, weil Sie schon mal bei Ihnen waren und mit Ihnen geredet haben... – Ist schon in Ordnung, Sir (C-T, 301).*

При общении близких людей в качестве минимизирующей реплики может использоваться несогласие адресата с самообвинением говорящего:

– *Vergebt mir, mein Fürst, dass ich Euch so kläglich im Stich lasse. – Onkel, noch hast du mich nicht im Stich gelassen. <...> (M-S, 181)*

Пример минимизация произошедшего: – *Vergebung, dass ich in Euch einen falschen Eindruck erweckt habe. – Ach, steh auf, steh auf. Ich bin nicht gekränkt (M-S, 82)*

В официальных ситуациях адресат может реагировать на извинение указанием на его необязательность или преувеличенность: – *Es tut mir leid, Sir, Ihnen diese zusätzliche Last übertragen zu müssen. – Das gehört zu meinem Job, Morton (B-S, 184)* – адресат извинения считает извинение излишним, поскольку причиненный ему ущерб является неотъемлемой частью его профессиональной деятельности. Еще пример: – *Verzeihung. Anscheinend habe ich mich verlaufen, gnädiges Fräulein. Ich bitte noch einmal um Verzeihung. – Das hier ist Zimmer Nr. 308. – Also doch. Mein Zimmer (K-A, 249)* – адресат указывает на неуместность извинения, поскольку нарушение норм поведения не состоялось.

Крайним случаем является ситуация, когда человек, которому был причинен ущерб, сам считает себя провинившимся: – *Alles ist einzig und allein meine Schuld. Meine Nachlässigkeit hätte Euch beinahe das Leben gekostet <...>. – Hide, erhebe dich und lass diesen Unsinn. Hier trifft nur einen Schuld, und zwar mich. Ich habe mich so sehr daran gewöhnt, gute und treue Männer um mich zu haben, dass ich die Fähigkeit eingebüsst habe, mich selbst zu schützen. <...>(M-S, 360)*

В подобных ситуациях нередко можно наблюдать взаимные извинения, служащие цели восстановления нормальных отношений после небольших столкновений. Примером такой ситуации может служить

следующая: – *Es tut mir auch leid, dass ich mich habe so gehen lassen. Dass ich den Joker genannt habe. – Das ist nicht so schlimm, Ich habe diesen Namen so oft gehört und gelesen, dass ich ihn nicht mehr als beleidigend empfinde. Es lag ja auch allein an mir, dass ich Sie so in Harnisch gebracht habe... Es tut mir wirklich leid, Mr. Hunter...* (T-G, 47).

Реакция в виде отказа принять извинение. Отказ принять извинение является репликой, противоречащей принципам кооперативного поведения. Она оказывается более или менее уместной в зависимости от тяжести причиненного ущерба. Для личных отношений между говорящим и адресатом отказ принять извинение означает, что адресат все еще сердится или обижен:

- *Ihr derzeitiges Benehmen zeugt weder vom guten Charakter noch von hohen Prinzipien.*

- *Ein unverzeihlicher Fehler von mir, wofür ich mich entschuldigen möchte.*

- *Das würde ich ja gern, wenn da nicht Euer amüsiertes Lächeln wäre* (M-S, 368) – адресат отказывается принять извинение, поскольку сомневается в его искренности (извиняющийся откровенно забавляется возмущением партнера).

Отказом принять извинение может быть и повторное обвинение/упрек:

- *Fürst Genji, ich wäre Ihnen zu überaus großem Dank verpflichtet, wenn Sie diese Angelegenheit nie wieder zur Sprache brächten.*

- *Emily, ich verstehe dein Unbehagen. Wirklich, das tue ich.*

- *Verzeihen Sie, mein Herr, wenn ich daran zweifle. Offensichtlich bereitet es Ihnen ein besonderes Vergnügen, darauf immer wieder anzuspielen.*

- *Wofür ich mich aufrichtig entschuldige. Ich habe deine Gefühle bislang nicht mit der angemessenen Rücksichtnahme behandelt* (M-S, 413).

Отказ принять извинение может быть выражен эксплицитно, и сопровождаться указанием на условия, при которых прощение возможно:

- *Sollte Ihre Entschuldigung tatsächlich aus tiefstem Herzen kommen, werden Sie diese Angelegenheit ein für allemal aus Ihrem Gedächtnis streichen.*

- *Das verspreche ich dir. Danach. Bedauerlicherweise müssen wir ein letztes Mal darüber unterhalten.*

- *Dann werden Sie verstehen, dass ich Eure Entschuldigung nicht ernst nehme* (M-S, 413).

В приведенном примере адресат косвенно отказывается принять неискреннее, на его взгляд, извинение, выставляя в качестве условия прощения требование забыть о причиненном ущербе. Поскольку адресант настаивает на обсуждении неприятной темы, адресат прибегает к эксплицитным средствам выражения отказа.

Перспективные (превентивные) извинения не требуют в ответ никаких обязательных реплик. Напротив, объявленное таким образом нарушение правил хорошего тона совершается при одном и том же говорящем и в некоторых случаях – одновременно с извинением. Ни в одном из засвидетельствованных примеров адресат не отвечает на перспективное извинение ни в форме прощения, ни в форме минимизации предварительно заявляемого ущерба. Наиболее частым поводом для перспективного извинения является нарушения порядка или покоя. В следующем примере в ситуации официального общения говорящий извиняется за свои действия, предполагая, что они могут быть малефактивными; адресат реагирует на содержание, включенное в пропозициональную часть высказывания: – *Entschuldigen Sie, wenn ich Sie störe, Frau Winkler, aber Herr Waffel hat es plötzlich sehr eilig. Er will morgen die Firma mit Ihnen besichtigen. – Haben Sie mit ihm selbst gesprochen?* (H-M, 199).

1.5. Языковое воплощение речевых актов извинения

Природа речевых актов извинения определяет их прототипно-ядерную эксплицитную форму – адресат извинения должен безошибочно определить тип речевого действия, это важно для говорящего, искренне желающего убедить партнера в своей доброжелательности и непреднамеренности нанесенного ущерба.

Прямое извинение. В основе прямых речевых актов извинения находится полная матричная формула *Ich bitte Sie/dich um Entschuldigung für x* с императивным вариантом *Entschuldige/n Sie mich für x*. Последний является даже более популярным в связи с его простотой и меньшим уроном для авторитета говорящего (при произнесении перформативной просьбы *ich bitte um...* говорящему приходится больше

«прогнуться», чем при просьбе-побуждении). Императивный вариант просьбы о прощении мы рассматриваем как особую форму имплицитно-перформативных высказываний, в которых называющий речевое действие глагол находится в вербализованной части: (*Ich bitte dich für x um Entschuldigung, indem ich sage:*) *Entschuldige mich*.

Иллокутивная часть речевых актов извинения. Самым частотным оператором порождения интенционального смысла в извинениях являются перформативные глаголы *entschuldigen*, *verzeihen* и *vergeben*, а также их номинализации *Entschuldigung*, *Verzeihung*, *Vergebung*. Используемые в конвенционализированных формулах извинения. При изолированном употреблении глаголов извинения или их номинализаций говорящий исходит из того, что адресат знает, к чему относится извинение, т.е. повод для извинения входит в прагматическую пресуппозицию, например: – *Der Verräter ist weder Fürst, noch hat er einen Namen. – Verzeihung.* (M-S, 366). В приведенном примере в пресуппозиции находится причина просьбы о прощении: говорящий нарушил традиции социальной группы, к которой он принадлежит, в этом состоит его вина, за это он просит прощения.

Фактором, который определяет выбор перформативного синонима, может считаться значимость события, его последствий для участников коммуникации. За незначительный проступок, за беспокойство, просьбы, нарушение правил приличия говорящий извиняется, употребляя формулы *verzeih/en Sie*, *entschuldige/n Sie*. За действия, поступки, которые имели для адресата серьезные последствия или повлияли на его жизнь, и/или при очень большой разнице в социальном статусе говорящий извиняется, употребляя формулы *vergib/vergeben Sie*.

Перформативный глагол и его номинализованные варианты конвенционально употребляются соответственно в двух возможных формах – императиве, настойчиво побуждающем адресата принять извинение (*Ich weiß, es klingt gemein, entschuldige* (FL-S, 58)) и индикативе (*Ietzt bin ich ganz für Sie da, Signora. Bitte mehrmals um Vergebung* (FL-S, 83)). Второй вариант извинения – индикатив номинализованных форм (*um Entschuldigung/ Verzeihung/Vergebung bitten*) стал настолько привычным, что в абсолютном большинстве случаев его употребления «теряет» глагольную часть и функционирует как формула, произносимая бессознательно, автоматически, почти как междометие в ситуации

совершения некоторого малозначительного нарушения: *Tschuldigung, Chef. Wir nehmen jetzt die Couch, wenn's recht ist* (М-Н, 12).

Но встречаются случаи, когда перформативный глагол употребляется неконвенционально, в форме настоящего времени индикатив: *Mein Englisch ist nicht gut. Ich entschuldige mich dafür* (М-S, 98). Об аналогичных случаях употребления в русском языке интересно пишет Р. Ратмайр [Ратмайр 2003: 77], опираясь на мнение авторитетных ученых, причисляющих такое функционирование перформативного глагола «извинять» к литературному просторечью [Ушаков 1935: 1148], утверждающих, что «говорить «извиняюсь» – нескромно, потому что тем самым человек извиняет сам себя» [Колесов 1988: 2342]. Наши наблюдения показывают ненейтральность такого формоупотребления: высказывание (как правило, ассертивное) приобретает категорично-констативный характер, не допускающий сомнений в результате речевого действия, то есть в его перлокутивном эффекте. Говорящий не просит прощения, а декларирует его получение, будучи уверенным в невозможности иного исхода ситуации, в лояльности адресата, в малозначительности нарушения: *Du wirst verzeihen, wenn ich nachher mit Papa über diese Dinge spreche* (К-А, 19). Такая форма может быть естественной в ситуации «положенного» этикетного извинения, приносимого лицом, имеющим компетенцию причинять адресату некоторый виртуальный ущерб, «вторгаться» на его территорию, требуя, например, определенных форм поведения и внешности: *Monsieur, Sie werden verzeihen, aber Madam de Vochard legt einigen Wert auf Formen, wenigstens zur Tafel* (ЕТ-S) – речевой акт извинения предваряет требование определенной формы одежды во время обеда в доме высшего дворянства, он совершается старым слугой, являющимся, по сути, распорядителем дома, и адресован детективу, не особенно заботящемуся о своих манерах. Аналогичны приведенной ситуации, где адресат вынужден прервать разговор или уйти, констативная форма извинения оправданы в этом случае очевидной для говорящего важностью повода для нарушения. Для формального сохранения видимости просьбы о прощении иногда употребляется слово *bitte*, смягчающее категоричность речевого акта: *Und*

*jetzt entschuldigst du mich bitte*¹⁷. *Ich habe eine Verabredung <...> (J-K, 139); Sie entschuldigen bitte die Störung, Herr Sanke. Aber ich möchte nur eine Frage stellen <...> (K-M, 177).* Для усиления, интенсификации перлокутивного эффекта употребляется модальная частица *doch*, эксплицирующая уверенность говорящего в получении прощения: *Du entschuldigst mich doch? <...> (FL-S, 13)*

Императив глаголов *entschuldigen*, *verzeihen*, *vergeben* часто сопровождаются различными иллокутивно существенными дополнениями, к которым относятся, в первую очередь, антропокомпоненты – обозначения говорящего и адресата. В силу особенностей синтаксической структуры, оба антропокомпонента могут присутствовать в высказывании с иллокутивным глаголом только в форме вежливого обращения (*Entschuldigen Sie mich, Verzeihen Sie mir*), при этом указание на говорящего факультативно и придает высказыванию особую значимость, сокращает дистанцию между говорящими, выражает доверие и близость, человеческое тепло и сердечность, как в следующем примере:

– *Was habe ich Ihnen gesagt? Wer kennt dieses Refugium hier? Niemand. Aber nun sehe ich, dass Sie mir nicht glauben, Marianne...*

– *Doch. Ich wollte es nur noch einmal hören, verzeihen Sie mir, Ralf (K-S, 50)*

При определенных условиях возможно возложение извинения на другое лицо: человек, причинивший ущерб, может попросить извиниться за него: *Oh, Frau Winkler? Guten Tag. Herr Grammlich ist auf einer Weihnachtsfeier, er lässt sich entschuldigen (H-M, 87).*

Появление антропокомпонентов в высказывании извинения в некоторых случаях превращает его в процесс определения ролей собеседников: как правило, люди, имеющие более низкий социальный или ситуативный статус, придают большое значение нанесенному адресату ущербу (даже если он объективно незначителен, как, например, вынужденное прерывание разговора) и подчеркивают признание своей вины, эксплицитно называя себя в качестве субъекта нанесения ущерба: *Verzeiht mir. Inzwischen habe ich mich an seinen Zustand so gewöhnt, dass ich vergaß, Euch zu warnen (M-S, 144)* – извинение слуги за неприятный запах

¹⁷ Р. Ратмайр рассматривает такие высказывания не как речевые акты извинения, а как декларацию своего ухода и окончание коммуникативного акта [Ратмайр 2003: 79].

от находящегося под его опекой больного. При более высоком социальном или ситуативном статусе извиняющегося он, как показал языковой материал, избегает эксплицитного признания вины: служебные обязательства расцениваются им как более важные, чем обязательства перед адресатом. Извинения с указанием на говорящего в таких случаях можно рассматривать как косвенную форму побуждения прервать разговор, покинуть помещение (часто в форме изъявительного наклонения): *Das überlassen Sie bitte den zuständigen Experten, Pater, wie ich Ihnen als Experte das Wort Gottes überlasse! Ich habe gleich eine Konferenz. Sie entschuldigen mich* – (K-A, 83).

Нередко перформативные глаголы извинения модализируются – используются в сочетании с модальными глаголами, превращаясь в скрытые перформативы. Это происходит, как правило, когда речь идет об извинении за инцидент, произошедший какое-то время назад, а не непосредственно перед моментом речи [Lange 1984: 81].

Модальный глагол *müssen* интенсифицирует просьбу о прощении, поскольку его добавление как бы выявляет объективность вины: вина говорящего признается столь очевидной или значительной, что извинение в этом случае неизбежно. В нижеприведенном примере высокомерный директор музея, из которого была совершена кража, вынужден извиниться за грубость в отношении работника сыскной полиции, в деловых качествах он напрасно сомневался, поскольку именно он блестяще раскрыл преступление: – *Ich... hm..., ich...na ja, ich hatte eben keinen guten Eindruck von ihm. Würde mich wohl entschuldigen müssen* (T-G, 62).

Модальный глагол *können* встречается в просьбах о прощении, выраженных в форме вопроса. Такие высказывания представляют собой запрос о возможности и способности адресата совершить действие (простить причинение ущерба), говорящий очень заинтересован в исполнении действия и наступлении желаемого перлокутивного эффекта, поскольку от этого зависит состояние его отношений с адресатом: *Ich war doch so ein Schaf und ich schwöre dir, dass ich nie, nie mehr davonlaufen werde. Kannst du mir meine Dummheit noch einmal verzeihen?* (K-S, 95). В ассертивных высказываниях извинения глагол *können* показывает обезоруживающе безоговорочное признание говорящим своей вины, он осознает меру тяжести нанесенного им ущерба и смиренно констатирует

ограниченность своей компетенции только просьбой о прощении: *Wir hatten uns viel zu erzählen, Herr Konradi, ich kann Sie nur bitten, uns zu verzeihen* (K-M, 181) – извинение адресовано незадачливым женихом отцу своей невесты, поводом для него является переполох, вызванный поздней ночной прогулкой влюбленной пары.

Используя модальный глагол *mögen* (*möchte*), говорящий вербализует очень деликатную просьбу о прощении, облекая ее в форму выражения намерения: – *Ihr derzeitiges Benehmen zeugt weder von gutem Charakter, noch von hohen Prinzipien. – Ein unverzeihlicher Fehler, für den ich mich entschuldigen möchte.* (K-M, 177)

Увеличение иллокутивной силы извинения и выражение реляционного смысла достигается использованием обращений, которые и в этих речевых актах одновременно выполняют функцию адресации и функцию регулирования отношений между говорящим и слушающим, свидетельствуя, как правило, о расположении говорящего к адресату: – *Entschuldigen Sie, Fürst, Sie haben ganz genau wie er geklungen* (M-S, 342); *Entschuldige, Papa. Das Gerede führt zu nichts* (N-H, 340). В ситуациях искренней просьбы о прощении имя часто ставится в форму, свойственную неофициальному общению, превращаясь в комплиментарный вокатив, при этом широко употребляются различные экспрессивные суффиксы (*Und wie ich mich schäme! Ich bin ganz zerknirscht. Bebsy, Süße, verzeih mir* (K-VA, 31)).

Модифицирующими операторами, сопровождающими выражение интенции извинения, являются слово *bitte*, междометия: *Bitte, nehmt meine Entschuldigung an und verschont meine Eltern* (M-S, 277) – слово *bitte* уже своей семантикой (оно является сокращенным вариантом слова *bitten*, превратившимся в конвенциональную формулу просьбы) указывает на интенсивность просьбы о прощении и милости за причиненный ущерб.

Междометия в высказываниях извинения указывают на такие эмоции как испуг от неожиданности причиняемого ущерба и свидетельствуют тем самым о ненамеренности соответствующего действия: *Oh, ich bitte um Entschuldigung. Störe ich bei einer Besprechung?* (M-S, 362).

Важным оператором интенционального смысла являются наречия, интенсифицирующие и модифицирующие извинение. Например, наречие *untertänigst* подчеркивает более низкий социальный статус извиняющегося и, следовательно, более интенсивную просьбу о прощении: *Ich bitte*

untertänigst um Verzeihung, Fürst (M-S, 25). Использованием наречий *wirklich, ehrlich, echt, aufrichtig* говорящий заверяет адресата в искренности испытываемых им чувств: <...> *Wofür ich mich richtig entschuldige* (M-S, 413); наречие *sehr* подчеркивает чувство неловкости адресата и его оценку ситуации – повода для извинения как очень неприятной: *Ich bitte Sie sehr um Verzeihung* (W-M, 56).

В. Ланге [Lange 1984: 79] обратил внимание на интенсификацию извинения наречием *vielmals*, например: *Mein Gott, James ... Entschuldige ... entschuldige vielmals* (L-E). Это выражение, часто используемое в разговорной речи, давно известно своей нелогичностью: нельзя требовать от человека, чтобы он много раз извинил коммуникативного партнера, но можно много раз просить его об этом. Правильно было бы сказать *Ich bitte vielmals um Entschuldigung* [Duden 1972; s.v. entschuldigen]. В. Ланге объясняет эту нелогичность тем, что наречие *vielmals*, являясь очень удобным средством интенсификации побуждения, просто «перекочевало» по принципу аналогичного уподобления из официальной формы *ich bitte vielmals um Entschuldigung* в идентичное по значению, но менее официальное *Entschuldige/n Sie vielmals*.

Пропозициональная часть речевых актов извинения.
Пропозициональная часть высказываний извинения включает распространенное или свернутое описание вины, ставшей поводом для совершения этого речевого акта. Оператором выражения пропозиционального смысла в свернутой пропозициональной части является существительное в винительном падеже без предлога: *Vergebt mir mein Eindringen zur Urzeit, mein Fürst* (M-S, 265); *Verzeiht mir meine Bemerkung, Fürst, aber wenn der Lohn dafür die Verbannung ist, dann wäre weniger Vertrauen tröstlicher* (M-S, 482) или (значительно реже) существительным в винительном падеже с предлогом *für*, которое заменяется местоименным наречием при указании вины в пресуппозиции высказывания извинения: *Für mein allzu pünktliches Erscheinen bitte ich um Entschuldigung* (L-G, 119); *Mein Englisch ist nicht gut. Entschuldigen Sie mich dafür* (M-D, 97).

Развернутое описание вины приводится в форме придаточного дополнительного предложения с союзом *dass*: *Verzeiht mir, dass ich widerspreche, Fürst Kawakami. Meiner Ansicht nach ist es korrekt, wenn Euch*

Fürst Shigeru das Betreten verweigert (M-S, 223); или придаточного дополнительного бессоюзного предложения: *Vergebt uns, Fürst Kudo, wir sind auf Shigerus Ruf eingefallen* (M-S, 328).

Часто нарушение – повод для извинения – описывается условным придаточным предложением с союзом *wenn*, которое представляет собой особый случай минимизации вины самим говорящим, повод для извинения в нем как будто бы ставится под сомнение: *Verzeihen Sie, mein Herr, wenn ich daran zweifle* (M-S, 413). Такие высказывания представляют собой извинение «на всякий случай», говорящий готов к реакции адресата, которая оправдывает его, снимет принятую им на себя вину (как, например: *es gibt auch Grund zum Zweifel*),

Наконец, еще одна распространенная форма выражения пропозиции извинения – предложение, присоединенное к иллокутивной части противительным союзом *aber*: *Verzeihen Sie, Pater, aber irgendwie sehen Sie mich hilflos* <...> (K-A, 25). Очевидна грамматическая специфика таких высказываний извинения: союз вводит противопоставление, мотив которого не назван прямо, а имплицирован и выводится путем несложных инференций: *Verzeihen Sie, Pater, aber irgendwie sehen Sie mich hilflos* → *Ich sollte stark sein, aber die Umstände zwingen mich, hilflos zu sein, dafür bitte ich Sie um Verzeihung*. Следует констатировать, что с помощью союза *aber* происходит компрессия важной части высказывания *die Umstände zwingen mich benifitent zu handeln*, имплицировается целое предложение. Результатом такой «нетрадиционной» связи является, естественно, языковая экономия, но ею вопрос не исчерпывается: перед нами разрыв привычной формальной связи между отдельными звеньями высказывания. Такая взаимосвязь частей не соответствует синтаксической норме, неожиданная последовательность синтаксических единиц или их опущение часто выражают эмоциональное напряжение, она характерна для эмфатической речи, выражения эмотивного смысла. Это своеобразная фигура речи: просьба о прощении получает необычное смысловое продолжение: *Verzeihen Sie, aber welcher Art sind Ihre Beziehungen zu dieser Signora Dosio?* (FL-S, 99) → *Verzeihen Sie (mir die indiskrete Frage), aber (dienstlich bin ich gezwungen sie doch zu stellen und ich frage Sie also,) welcher Art sind Ihre Beziehungen zu dieser Signora Dosio?* – вопросительная часть приведенного

высказывания лишено своей вводящей половины (она представлена имплицитно) и приобретает усеченный вид.

Подведем итог анализа прямых речевых актов извинения выводением синтаксических схем, лежащих в их основе. Все упомянутые специфические особенности укладываются в очень небольшие модельные рамки, перечень которых включает всего две единицы:

1. ($N_1(\text{ich}) + V_{\text{fin}}(\text{bitten}) + \text{um}) + N_4(\text{Entschuldigung/Verzeihung/Vergebung}) + X$,

где X является каузатором извинения, выраженным

а) предложной группой für + N_4 : *Für mein allzu pünktliches Erscheinen bitte ich um Entschuldigung* (L-G, 119);

б) союзным придаточным дополнительным предложением: *Tschuldigung, dass ich Sie hab warten lassen* (G-T, 436);

в) бессоюзным дополнительным придаточным предложением: *Verzeihung, Fürst, das war übereilt gesprochen* (M-S, 259);

г) имплицированным придаточным дополнительным, выведенным в поверхностную структуру противопоставлением с союзом *aber*: *Verzeihung, Sabine, aber ich muss mich erleichtern* (K-A, 266).

2. $V_{\text{imp}}(\text{entschuldigen/verzeihen/vergeben}) + (N_4/N_3(\text{ich}) + X)$,

где X является каузатором извинения с теми же формами выражения, что и перечисленные в первой модели:

а) *Ich muss mich bei Ihnen für mein Verhalten entschuldigen* (H-M, 67)

б) *Entschuldigen Sie, dass ich so spät anrufe <...>* (M-H, 141)

в) *Entschuldige, ich bin ein bisschen durcheinander* (S-T, 33)

г) *Verzeih, aber warum nimmst du kein Saridon?* (FL-S, 23)

Свойственными только извинению в императивной форме являются каузаторы, выраженные

д) придаточным условным предложением: *Verzeih, wenn ich dumm gefragt hab* (A-M, 31);

е) прямым дополнением: *Verzeihen Sie meinen späten Besuch, Herr Bender* (B-St, 35).

Приведенный перечень моделей наглядно показывает важность интенционального смысла при выражении извинения, иллокутивная часть является обязательным, неимплицированным компонентом высказывания. Говорящему важно совершить вербальный поклон для сохранения добрых отношений с партнером, продемонстрировать положительный настрой и

желание компенсировать нанесенный ущерб. Пропозициональная часть является факультативным, необязательным компонентом, поскольку вина говорящего, как правило, известна, является общей прагматической пресуппозицией. Ее представленность в высказывании есть эксплицитное признание говорящим своей вины, своего рода дополнительное самобичевание, оно является показателем неформальности извинения, добровольного выхода за рамки минимально необходимого речевого действия для обозначения большой степени своего раскаяния.

К о с в е н н о е и з в и н е н и е . Помимо стандартных формул извинения существует еще целый ряд других конвенциональных и неконвенциональных речевых актов, замещающих эксплицитное извинение. Такие речевые акты можно считать косвенными извинениями (если по контексту однозначно требуется извинение) осложненными сожалением по поводу причинения ущерба, признанием своей вины, предложением возместить ущерб, ссылкой на ненамеренность действия.

Выражение косвенного извинения в форме сожаления (*tut mir leid, ich bedauere, leider, bedauerlicherweise dummerweise* и т.д.) – продуктивный речевой акт в немецком языке. Отличие косвенного извинения от прямых высказываний сожаления по поводу неблагоприятного стечения обстоятельств, причиной которого послужил не говорящий (*Tut mir leid, wenn dich das alles so mitnimmt, Ich kann dir auch nur sagen, was sich so tut <...> (B-W, 39)*), при этом заключается в том, что такие высказывания, следующие за неудачным результатом действий, выражают как раз отказ говорящего взять на себя вину за произошедшее. Формула *Tut mir leid* и ее синонимы в таком случае – выражение смирения с ситуацией, которую уже нельзя изменить: *Ein Jammer, dass Bessie kurz vor Weihnachten sterben musste, und sie hatte das Fest doch so gern (C-W, 27)*. Извинение, напротив, выражает не покорность обстоятельствам, а попытку изменить оценку неверного действия на положительную: *<...> Tut mir leid, Mr. Clark, dass gerade ich es bin, der Ihnen sicherlich nicht gerade angenehme Nachricht übermittelt. Aber morgen hätten Sie es in allen Zeitungen lesen können (T-G, 14)*. Так же как и эксплицитное извинение, косвенное извинение-сожаление может выражаться по поводу вербальных или невербальных действий говорящего, причинивших ущерб: – *Wir sind da, Miss. – Ach, tut mir leid (C-W, 45)* – извинение за невнимательность, говорящая не

услышала, задумавшись, что таксист уже дважды повторил просьбу расплатиться; – <...> *Es tut mir leid, dass ich Sie damit belästigen muss* <...> (C-W, 122) – извинение за необходимость обращения к адресату с просьбой, оно сопровождается аргументацией – указанием на причины действия, причиняющего ущерб.

В. Ланге указывает на интересный дейктический феномен: вместо *Das tut mir leid* используется *Es tut mir leid*. Во втором варианте В. Ланге видит больше выражения раскаяния, чем в сожалении, непосредственно направленном на собственное поведение. Формула *Du tust mir leid* при извинении не используется (в отличие от речевого акта сочувствия) [Lange 1984: 96].

Косвенные извинения в форме высказываний признания собственной ответственности и вины и объяснения причин действий, вызывающих чувство вины, могут быть практически неограниченно разнообразны¹⁸. Поскольку сознание вины является условием успешности речевого акта извинения и, следовательно, предпосылкой для всякого извинения, то в повседневной коммуникации эксплицитное признание вины может быть использовано в функции полноценного извинения: *Alles ist einzig und allein meine Schuld. Meine Nachlässigkeit hätte Euch beinahe das Leben gekostet* <...> (M-S, 360).

Моделью высказывания признания вины может служить, например, негативная оценка говорящим самого себя и своего поступка: – *Das war eine Falle, glaub mir, ich kann nichts anderes sagen. – Ich verstehe nicht, dass ich je daran zweifeln konnte, Liebling* (K-A, 261) – говорящая косвенно извиняется за недоверие своему возлюбленному, негативно оценивая свои сомнения в его верности и глубоко раскаиваясь в своих предшествующих действиях.

Косвенное извинение может включать объяснение того, как мог произойти причинивший ущерб случай (при этом говорящий полностью признает себя виновным) или на ссылку на случайность, ненамеренность

¹⁸ Мы рассматриваем высказывания, в которых говорящий берет на себя ответственность за происшествие и его последствия, объясняет свои действия или оправдывается за них, предлагает компенсацию нанесенного ущерба, или в которых он снижает тяжесть проступка или отрицает его, как извинения. С. Мартен-Клеф рассматривает все перечисленное только как дополнения к собственно извинению, для которого, как указывалось выше, характерны признание вины и чувство сожаления.

произошедшего и невозможность представить все последствия своего поступка, или комбинирование указанных средств друг с другом или с другими средствами: *Es geschah in der Hitze des Gefechts. Ich habe jede Disziplin verloren. Das war unverzeihlich* (M-S, 302) – извинение за поражение в боевом состязании, включающее признание своей вины (*Ich habe jede Disziplin verloren*), ссылку на ненамеренность причиненного ущерба (*Es geschah in der Hitze des Gefechts*) и оценку степени тяжести своего проступка (*Das war unverzeihlich*); – *Damals, als ich's Edelweiß net zu dir gebracht hab', hast du mich einen verlogenen Burschen gescholten. – Man sagt im Zorn viel und nimmt es dann doch zurück, wenn man seinen klaren Verstand wieder beisammen hat* (B-W, 41) – извинение за горячность в разговоре с близким человеком (причиной которой была эмоция гнева, которая в силу своей биологической природы не может быть намеренной), приведшей к обиде; – *Ich wollte Sie vorhin nicht beleidigen, Mr. Hunter. Mich interessierte es nur, ob meine Vermutung richtig war* (T-G, 47) – имплицитное извинение за грубость сочетается с ссылкой на ненамеренность действия и объяснение причин того, как произошел вызывающий чувство вины случай. В следующем примере косвенное извинение складывается из признания говорящим своей вины и сожаления по поводу причинивших ущерб действий: <...>*Es lag ja allein an mir, dass ich Sie so in Harnisch gebracht habe... Es tut mir wirklich leid, Mr. Hunter...* (T-G, 47).

Продуктивным языковым показателем наличия извинения в пропозициональной части высказывания является словосочетание *übel nehmen*, которое можно рассматривать как включающее имплицитную просьбу о прощении и не обижаться, поскольку причинившее ущерб действие было ненамеренным и не имело целью нанесения обиды: – *Dein Butler hat mir 'ne Menge Geld gepumpt. Ich möchte es dir zurückgeben, Gordon... – Lex Franklin ist ein Idiot! Du darfst es ihm nicht über nehmen, Tom. Er hat sich eben durch deinen... hm ... etwas mitgenommenen Anzug verwirren lassen* (T-G, 20). В приведенном примере говорящий извиняется за поведение своего слуги, принявшего гостя за нищего, просящего милостыню. При этом объяснение причины, приведшей к неприятному инциденту, включает косвенное обвинение адресата в неопрятности, являющееся, по сути дела, перекладыванием вины.

В целом следует отметить непродуктивность неконвенциональных косвенных речевых актов извинения, что еще раз доказывает формализованность этого речевого действия, его облигаторность в релевантных ситуациях. Опускание пропозициональной части подчеркивает важность и интенсивность выражения интенционального и реляционного компонентов смысла, именно они доминируют в рассматриваемых речевых актах, подчиняя себе все остальные.

В качестве вывода из сказанного об извинении следует отметить сильную формализованность этого речевого действия, его облигаторность в релевантных ситуациях, это мнение доказывается непродуктивностью неконвенциональных косвенных речевых актов извинения. Эксплицитная выраженность только иллокутивной части высказывания и опускание пропозициональной части подчеркивает важность и интенсивность выражения интенционального компонента смысла, который в тесном переплетении с реляционным смыслом доминирует в рассматриваемых речевых актах, подчиняя себе все остальные. Эмоциональный и оценочный элементарные смыслы остаются чаще всего не востребуемыми (за исключением очень искренней просьбы о прощении за серьезный проступок) и находятся в ситуативно «невывешенной» части смыслового единства, хотя и в степени готовности к актуализации при первой необходимости.

2. РЕЧЕВОЙ АКТ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПОЖЕЛАНИЯ

2.1. Пожелание как речевой акт. Общая характеристика.

Пожелание определяется нами как речевой акт, иллокутивная цель которого состоит в реакции говорящего на действие адресата либо на некоторое положение дел, касающееся адресата и требующее реализации пожелания в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе. Пожелание выражает чувство благоволения говорящего по отношению к адресату, выражение этого чувства способствует установлению или поддержанию контакта с другими членами данного общества, следовательно, высказывания положительного пожелания предназначены для регуляции межличностных отношений коммуникантов (ср. также [Вдовина 2007: 15]).

Обращение к словарной дефиниции (*jmdm. gegenüber zum Ausdruck bringen, dass man sich für ihn wünscht, es möge ihm etw. bestimmtes Gutes zuteil werden* [Duden 2000]) показывает, что речевой акт пожелания реализует речевое действие выражения надежды на наступление определенного положения дел в жизни адресата и информирует его тем самым об оценке говорящим его действий или ситуации в целом. Поскольку желаемое положение дел не находится в компетенции адресата и говорящего, а зависит скорее от внешних обстоятельств, то при выражении пожелания речь не идет о попытке побудить адресата к действию, говорящий также не берет на себя обязательства выполнить будущее действие¹⁹.

Общая иллокутивная сила позволяет очертить круг высказываний, реализующих речевой акт положительного, ритуального пожелания. К ним мы относим пожелания-приветствия, пожелания-поздравления, тосты, пожелания-предписания, благословения. Высказывания негативного пожелания мы рассматриваем как отдельный речевой акт, входящий в группу актов эмоционального воздействия. Такая трактовка ни в коей мере не является возражением точке зрения лингвистов, определяющих пожелание широко и опирающихся в своем мнении на семантическую структуру перформативного глагола. Например, М.Я. Гловинская, описывая компоненты семантики русского глагола *желать*, утверждает,

¹⁹ Ср. таксономию и описание типов экспрессивных речевых актов в: [Hindelang 1978; Graffe 1990].

что пожелания – это изъявление желания не только добра, но и чего-то нехорошего, недоброго: X желает Y-у $P \approx$ «(1) X хочет, чтобы с Y-ом случилось P; (2) X говорит словесную формулу, принятую для этого; (3) произнесение формулы как бы способствует осуществлению P; (4) X говорит это, чтобы Y знал, что чувствует X по отношению к нему». Автор подчеркивает, что P может быть не только хорошим, но и плохим [Гловинская 1993: 211; также Формановская 1984: 102]. Мы полностью согласны с автором в том, что интенция выражения надежды на наступление определенного положения дел объединяет эти два вида в рамках одного иллокутивного типа; положительная или отрицательная оценки желаемого положения дел выражаются пропозицией и не могут считаться решающим критерием для разделения этих речевых актов. Но эти рассуждения верны для изолированного рассмотрения речевых актов, без отнесения их к какой-либо классификационной группе. В нашем же рассмотрении важно функционирование пожелания в диалогическом дискурсе, определяющим моментом является его роль в реализации целей общения: положительное пожелание относится к вежливым, этикетным речевым действиям, оно реализуется говорящим с целью выразить симпатию по отношению к адресату и надежду на будущее благополучие в его жизни. А негативное пожелание является нарушением социальных норм, формой вербальной агрессии, посредством которой говорящий в целях удовлетворения собственных интересов воздействует на эмоциональное состояние адресата, а иногда просто эмоционально разряжается [см. также Коморова 2005]. Такой угол зрения дает нам основания развести речевые акты положительного и негативного отрицания в разные группы экспрессивных речевых актов²⁰ и констатировать невозможность рассмотрения высказывания негативных и позитивных пожеланий как зеркальное отражение друг друга, каждый из них обладает рядом специфических черт. Оценочное значение, присутствуя в высказываниях обоих типов, является необходимым условием совершения данного речевого акта; но, если высказывание положительного пожелания способствует плавному завершению общения,

²⁰ Как два различных подкласса рассматривает положительное и негативное пожелание и автор монографии об экспрессивах С. Мартен-Клиф [Marten-Cleef 1991: 164f; 238f]; она считает положительное пожелание выражением надежды на будущее благополучие адресата, а негативное пожелание – надежду на то, что с адресатом случится желаемая неприятность.

не разрушая контакта, то проклятия нацелены на его резкий обрыв с малой вероятностью восстановления этого контакта: – *Kann ich sonst noch etwas für Sie tun? – Ja. Scheren Sie sich zum Teufel* (H-S, 62).

Как положительный речевой акт, направленный на поддержание положительного лица адресата, рассматривает пожелание А. Вежбицка, его специфика отражена автором в следующей семантической экспликации:

Я желаю тебе счастья =
желая, чтобы ты был счастлив,
зная, что я не могу сделать так, чтобы это произошло путем
говорения этого,

я говорю: я хочу, чтобы ты был счастлив [Вежбицка 1985: 272].

На основании приведенных семантических толкований можно предложить формулировку условий успешности акта пожелания в его широком понимании:

1. предварительное условие: Говорящий хочет, чтобы наступило некоторое положение дел, касающееся адресата. При этом ни говорящий, ни адресат не несут (или несут частично) ответственность за наступление этого положения дел,

2. условие искренности: произнося определенную словесную формулу, одобренную социальными конвенциями, говорящий оценивает желаемое положение дел как положительное для адресата и искренне надеется на его наступление;

3. существенное условие: говорящий выражает пожелание, чтобы адресат знал его доброе отношение к себе.

Соблюдение данных условий приводит к коммуникативной удаче акта пожелания.

Психической основой пожелания является надежда, которая классифицируется как «положительная эмоция ожидания» [Mees 1985: 10]. В зависимости от степени интенсивности это чувство может варьироваться от приятного беспокойства до тоски и страстного желания. Степень интенсивности лежащего в основе пожелания чувства зависит, кроме всего прочего, и от того,

1. идет ли речь при его поводе о повторяющейся ситуации (как, например, принятие пищи) или об однократном событии (как, например, экзамен),

2. в каких социальных отношениях находятся участники общения – говорящий и адресат пожелания,

3. какие последствия имеет для партнеров наступление или ненаступление желаемой ситуации (например, неудавшееся блюдо имеет значительно менее серьезные последствия, чем несданный экзамен).

Повседневные рутинные речевые действия пожелания, к которым относится большинство пожеланий благополучия и удачи в регулярной деятельности адресата, характеризуются невысокой степенью интенсивности выражения эмоции ожидания. Это доказывается тем, что большинство употребительных выражений пожелания клишировано. Для речевого акта пожелания удачи в однократной или специфической деятельности адресата характерна, напротив, высокая степень интенсивности выражения эмоции ожидания.

2.2. Поводы для пожелания

Принципиально важное отличие высказываний пожелания от высказываний других речевых актов заключается в том, что они нарушают некоторые принципы кооперативного общения, например, они вопреки правилам сообщают адресату общеизвестную, банальную информацию (*Du bist 16 geworden und ich wünsche dir zu diesem großen Tag alles Beste*). Тем не менее, высказывания пожелания соответствуют норме и реализуются в соответствии с тем, «как принято». Значит, главным моментом в значения пожелания и успешности этого речевого действия является существующая в том или ином обществе традиция.

Такие традиционные поводы для пожелания классифицируются лингвистами с разных точек зрения. Например, Г. Хинделанг [Hindelang 1978: 67], рассматривающий ритуальные пожелания, делит их по ситуативно-временному критерию на

сезонные пожелания (*Frohe Ostern!*),

пожелания, обусловленные временем суток (*Gute Nacht!*),

и пожелания, обусловленные случаем (*Gute Fahrt!*).

С. Мартен-Клиф [Marten-Cleef 1991: 164, 167] различает только два подтипа положительных пожеланий, причем не на основе их ситуативной привязанности, а на основе их пропозициональных особенностей. Свое мнение она обосновывает тем, что выраженное в пожелании чувство надежды характеризуется больше его направленностью на желаемое состояние, чем его зависимостью от признаков актуальной ситуации. Подтипы высказываний положительного пожелания дифференцируются автором, таким образом, в зависимости от того, выражается ли при их помощи надежда на будущее благополучие адресата или надежда на успех его будущей деятельности.

Пожелание благополучия выражается по поводу общих праздников (*Also dann bis zum 27-sten. Ach ja, und frohe Weihnachten (М-Н, 256)*), по поводу начала нового отрезка времени и по поводу индивидуальных знаменательных дат в жизни человека (*Also, alles Gute zum Geburtstag! Liebe und Freude, Vertrauen, Freundschaft, Erfolg! (разг. речь)*). Положительные пожелания сопровождают также принятие пищи и напитков (*Guten Appetit!*), они произносятся при посещении больных – пожелания здоровья и выздоровления (*Ich wünsche Ihnen gute Besserung! (Н-М, 172)*).

Пожелание успеха (успешное завершение действия, благоприятные условия его совершения) относится к будущей деятельности адресата, при этом речь может идти как о регулярной деятельности (работа по профессии, занятия спортом, творческая деятельность – *Guten Flug! Bis morgen, Herr Kapitän!.. (К-М, 13)*) или однократном действии – поездка или экзамен (*Okay, mein Freund. Viel Glück! (В-С, 217)*):

И. Соса-Майор, сопоставляющий функционирование разговорных клише в немецком и испанском языках [Sosa-Mayor 2006], подразделяет пожелания в зависимости от индивидуальности повода для них на

тосты и застольные пожелания (*Auf deine Gesundheit! (разг. речь)*), общие пожелания благополучия (например, *Mach's gut! Alles Gute!*), специфические ситуативные пожелания (*Behüt dich Gott, Vater! (М-З, 3)*),

пожелания по поводу событий частного (например, день рождения) и коллективного (например, рождество) характера, например, *Guten Rutsch, Frohe Weihnachten!*

Сравнив эти и другие²¹ классификации поводов для положительного пожелания, приходим к выводу о том, что перечень традиционных внешних событий, обуславливающих появление этикетных высказываний пожелания, весьма невелик и они поддаются завершённому перечислению: расставание (*Leb wohl, Wimbledon (M-H, 192); Schönen Tag noch!*), встреча (*Guten Morgen!*), прием пищи (*Guten Appetit!*), отход ко сну (*Gute Nacht!*), болезнь (*Ich wünsche Ihnen gute Besserung! (H-M, 172)*), некая деятельность (*Viel Glück, Gentlemen! (B-S, 38)*), планирование свободного времени (*Und ich wünsche dir Spaß bei der Omi! (H-M, 279)*). Каждое из перечисленных событий при условии соблюдения культурных норм конвенционально сопровождается или предваряется речевым актом пожелания.

2.3. Варьирование пожелания

Все положительные – этикетные – пожелания в разговорном обыденном дискурсе обладают единой перлокутивной прагматикой без каких-либо специфических коннотаций, т.е. не подлежат какой-либо другой интерпретации, кроме единственно обусловленной. Это значит, что если некто услышал конвенционально употребленное пожелание *Viel Glück!*, то ему не придет в голову искать в нем скрытый смысл (за исключением особых случаев преднамеренной коннотации). При реализации этикетного пожелания главное – сказать общепринятое, предусмотренное нормами межличностного общения – то, что всегда говорится в подобной ситуации. Иными словами, стремление участников общения быть максимально вежливыми делает высказывания пожелания с положительным пропозициональным содержанием высокочастотными и стереотипными высказываниями. Именно стереотипность позволяет осуществить речевой акт пожелания без риска ошибиться в выборе формы. Ранних Н.А. рассматривает два аспекта стереотипности: содержательный и формальный [Ранних 1994]. Высказывания, характеризующиеся двойной стереотипностью – смысловой и формальной – автор называет

²¹ О поводах для пожелания говорят, например, Н.А. Ранних [Ранних 1998], М.В. Уткина [Уткина 2002], Е.В. Вдовина [Вдовина 2007].

стереотипными или собственно этикетными. Посредством таких высказываний пожелания любой говорящий может совершить речевой акт пожелания необходимой ситуации по отношению к любому слушающему, независимо от возраста и социального положения последнего, а также степени знакомства с ним. Такие речевые акты используются при недостаточно близком знакомстве между коммуникантами, при отсутствии необходимости подчеркивать характер своего отношения к собеседнику, в ситуациях строго официального общения. Стереотипность формы и содержания достигает своего максимума в пожеланиях типа *Guten Morgen! Guten Appetit!*, названных ситуативными, поскольку их употребление строго закреплено за определенной коммуникативной ситуацией.

Стандартным и ситуативным пожеланиям противопоставляются индивидуализированные пожелания, предназначенные конкретному слушающему в определенный момент времени; они не могут продуцироваться любым говорящим: *Mit der Kaffeekanne kann man, finde, ich, einen recht guten Kaffee machen. Und ich hoffe, du machst es dir damit so richtig gemütlich und genießt ein bisschen!* (разг. речь). Такие высказывания пожелания называются автором индивидуализированными. Выбор предмета пожелания зависит от ряда обстоятельств: ситуации общения, числа участников, личных взаимоотношений, настроения, стиля общения (встречаются как официальные, так и фамильярные формы осуществления высказываний пожелания). Индивидуализированные пожелания произносятся, когда говорящий намерен подчеркнуть свое отношение к слушающему, как, например, в высказывании *Kopf hoch! Sei nicht traurig!* (разг. речь), которым говорящий пытается ободрить, поддержать адресата.

Искреннее пожелание обуславливается аффектами говорящего и сопровождается выражением положительных эмоций – очевидно, что нейтральных оптативов-пожеланий не может быть по определению, например: *Gesegnet sei dieser Abend und diese Stunde!* (R-L, 180) – говорящий эмоционально выражает глубокое удовлетворение настоящим положением дел, пожелание адресовано его партнеру – любимой женщине, с которой он провел несколько часов и испытывает от ее присутствия неизмеримое чувство счастья. Еще пример благословения: *Mögen unsere Ahnen über Euch wachen und Euch sichere Heimreise gewähren* (M-S, 308) – говорящий оценивает ситуацию как опасную для жизни адресатов и

благословением выражает надежду на благополучный исход путешествия. Анализ языкового материала показывает, что среди пожеланий, обусловленных аффективными состояниями говорящего, весьма распространены высказывания со свободной пропозициональной частью, поскольку аффективное состояние говорящего предполагает, а потому и конвенционально допускает эмоционально-речевую реакцию избирательно на любое возможное событие, вызвавшее это аффективное состояние.

Среди ситуативных, нестандартных пожеланий встречаются высказывания, в которых говорящий желает партнеру ненаступления некоторого положения дел, оцениваемого им отрицательно: *Wir wollen hoffen, Aniser, dass der Täter bald gefunden wird. Ich wünsche dir wirklich nicht, dass du mit deinem Sohn auch noch eine solche Enttäuschung erleben müsstest!* (M-Z, 5). В высказываниях такого рода на передний план выдвигается реляционный смысл, говорящий, испытывая искренние положительные чувства к адресату и со-чувствуя ему по некоторому релевантному поводу, пожеланием проявляет свое отношение к нему, личную заинтересованность в благоприятном исходе дел (о личной заинтересованности свидетельствует употребление местоимения *wir*, представляющим говорящего участником событий).

Следует отметить абсолютное преобладание стандартных, клишированных высказываний пожелания в немецком языке. Объяснение этому факту кроется, вероятно, в доминантных национальных особенностях общения, т.е. особенностях, которые проявляются у представителей данного народа во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций. В немецкой культуре отмечается существенная доля поверхностного вежливого общения²², поэтому частотными являются стандартные нейтральные высказывания типа *Schönes Wochenende! Schönen Tag noch! Gute Besserung! Viel Spaß!*, отсутствие употребления пожеланий личного характера по большому количеству поводов, что свойственно, например, русской культуре.

²² С. Эрхардт в результате диахронического анализа категории вежливости выявляет причины сдержанной, «холодной» вежливости в европейских, в том числе и немецкой, культурах [Ehrhardt 2002: 42-58]. Он полагает, что необходимость сдерживать аффекты и сублимировать инстинкты при общении была первоначально обусловлена принадлежностью ко двору, где сильная моделированность поведения, достигавшая невиданного перфекционизма, страховала каждое релевантное лицо от ошибок и была залогом сохранения привилегированного положения.

2.4. Полиинтенциональность пожелания

Кроме основной иллокутивной функции, то есть формулы пожелания, дискурс пожелания может содержать неосновную/ые иллокутивную/ые функцию/и, выраженные актами благодарности или комплимента, указанием на повод пожелания, а также на дальнейшие взаимоотношения:

- *Und gesegnet seist du, weil du endlich mal wagst, etwas zu sagen, worüber du sonst errötet wärest (R-L, 180)* – в пропозицию высказывания помещен повод для благословения, имплицитно говорящий выражает положительную оценку адресата и ситуации общения, а также благодарность адресату за теплые слова. Произнесение подобных высказываний пожелания в определенном контексте является достаточным для осуществления речевых актов благодарности.

- *Es war schön. Viel Spaß in New York (M-H, 142)* – пожелание сопровождается ретроспективной положительной оценкой совместно проведенного времени и благодарностью за него. Положительная оценка может касаться и самого адресата, превращаясь в комплимент его достоинствам (*Bist ein fein's lieb's Dirndl. Der Herrgot mög' dich hüten (B-W, 41)*) или третьего лица, присутствующего при разговоре: *Beständig, wie ein Fels. Möge er so werden, ganz wie sein Vater (M-S, 480)*.

- *Werde mit Oliver glücklich und erzieh ihn anders, als ich erzogen wurde <...> (K-A, 308)* – пожелание в форме побуждения имплицитно скрывает отрицательную оценку обстоятельств, касающихся говорящего. Собственно, осознание негативного влияния этих обстоятельств на жизнь близкого человека, желание изменить их, уменьшить их влияние и являются поводом для действий говорящего и пожелания адресату.

- *Viel Spaß noch. Und tun Sie nichts, was ich nicht auch tun würde (M-H, 87)* – пожелание сопровождается побуждением-рекомендацией.

- *Für das neue Jahr wünschen wir Euch, dass die Zeit bis Pauls Rückkehr recht schnell vergeht. Hoffentlich kommst du, Nelly, in den freien Tagen ein bisschen zur Ruhe (разг. речь)* – пожелание по стандартному поводу – наступление традиционного праздника – приобретает индивидуализированный характер при упоминании ситуативных обстоятельств общения (сын адресата находится в длительном отъезде) и

при выражении надежды на наступление бенефактивного для адресата положения дел.

- *Morgen um elf. – Ich bin da. Einen schönen Sonntag noch* (K-S, 84) – пожелание при прощании с собеседником сочетается с выражением обещания быть в назначенное время в условленном месте.

- *Ja, es ist der richtige Zeitpunkt für Sie, etwas anderes zu machen. Nun... viel Glück, mein Lieber. Viel Glück* (M-H, 191) – пожелание удачи в новом начинании предваряется декларативной оценкой момента времени, подходящим, по мнению говорящего, для кардинальных изменений в жизни адресата. Описание автором поведения говорящего (*Ernest starrte hinunter auf seine Hände, die fest um die Knie geschlungen waren; Er seufzte; Plötzlich sah er viel älter aus; Er sah Simon an und versuchte zu lächeln*) свидетельствует, кроме того, о переходе в доминирующее положение эмотивного смысла: психологическое состояние говорящего представляет собой смешение искренней радости с неумело скрываемым сожалением по поводу грядущих изменений, в результате которых он должен лишиться общения с близким другом.

- *Das beste Gebiss geht in die Binsen, wenn man auf Granit beißt. Alles Gute. Viel Glück* (K-A, 158) – пожелание удачи в предстоящей политической деятельности сопровождается предостережением искушенного говорящего о трудностях определенного рода, которые непременно встанут на пути его «донкихотствующего» собеседника, пытающегося в одиночку бороться с огромной машиной капиталистического производства.

- *Verzeih. Alles Glück, Josef. Wirklich!* (R-L, 79) – искреннее пожелание удачи адресовано находящемуся в опасности собеседнику, которому говорящий в силу обстоятельств не в состоянии помочь, за это он просит прощения. Выделенный в отдельное высказывание интенсификатор *wirklich* свидетельствует о стремлении говорящего убедить партнера в своей искренности, что, в свою очередь, показывает важность реляционного компонента в смысловом целом.

Кроме интенций с положительным эмотивным смыслом высказывания пожелания реализуют иногда интенции, расположенные на противоположной стороне оценочной шкалы, как в высказывании *Leben Sie – vorläufig – wohl, signora* (K-A, 225), которое кроме пожелания

благополучия выражает интенцию угрозу, не выраженную эксплицитно, но явно просматриваемую за словом *vorläufig*;

Часто пожелание произносится в ситуации приветствия или прощания и совмещает соответственно иллокутивные функции пожелания и приветствия/прощания: *Gute Reise! Leben Sie wohl!* Такие высказывания играют важную роль в процессе регулирования межличностных взаимоотношений, способствуя их укреплению. Своим содержанием и собственно произнесением (не являющимся обязательным) высказывания пожелания при приветствии или прощании эксплицируют интерес говорящего к делам слушающего, симпатию.

Корт М., рассматривая формы приветствия и прощания в немецком языке [Kohrt 1985: 177], утверждает, что, несмотря на очевидную этимологическую связь пожеланий и приветствий как *Guten Tag!* и т.п., последние не могут рассматриваться сегодня как выражение пожелания. Опираясь на мнение Праузе К. [Prause 1930: 10], Корт М. делает вывод о том, что отдельные формулы пожелания уже не наполнены смыслом, которым они когда-то обладали. Это подтверждается, по его мнению, существованием функционально эквивалентных форм выражения приветствия *Guten Tag!* и *Tag!* или *Hallo!* и форм выражения прощания *Auf Wiedersehen!*, *Tschüs!* или *Ich empfehle mich!* Качественное различие между пожеланием и приветствием М. Корт устанавливает при помощи двух наблюдений [Kohrt 1985: 178]:

1. В отличие от приветствия в ответ на пожелание следует чаще всего акт благодарности, например,

пожелание: – *Alles Gute auf deinem weiteren Lebensweg!* – *Danke schön!*;

приветствие: – *Guten Tag!* – **Danke sehr!*

М. Корт оговаривает одно исключение: в отличие от других формул приветствия/прощания в ответ на прощание *Gute Nacht!* наряду с «ответом-эхом» *Gute Nacht!* может появляться и благодарность, например, в виде фразы *Danke, gleichfalls!*

2. В отличие от пожелания приветствие/прощание, по мнению автора, может дословно повториться как взаимное приветствие/прощание в секвенции адресата, например:

пожелание: – *Viel Glück im neuen Jahr!* – (**Viel Glück im neuen Jahr!*)
Das wünsche ich dir auch!

приветствие: *Guten Tag!* – *Guten Tag!*

На основе этих двух признаков М. Корт отграничивает приветствия/прощания от пожеланий: «Только в тех случаях, где восприятие формулы как пожелания исключено и одновременно возможен или даже конвенционален «эхо»-ответ той же формулой, можно без сомнений определить это выражение как формулу приветствия» [Kohrt 1985: 179].

Первым им признаки достаточно четко дифференцируют приветствие только в комбинации друг с другом, о чем свидетельствует следующий пример: на пожелание-поздравление *Frohe Weihnachten!* может последовать «эхо»-ответ *Frohe Weihnachten!*, но, в отличие от приветствия, реакцией на него может быть и благодарность, как *Danke sehr!*

Мы считаем, что пожелание, даже если оно произносится в ситуации приветствия или прощания, остается пожеланием, и его эллиптическая форма не должна вводить нас в заблуждение: формуле *Guten Abend!* соответствует менее распространенная эксплицитно-перформативная формула *Ich wünsche Ihnen einen guten Abend!* Высказывания пожелания такого типа мы рассматриваем как высказывания, совмещающие в себе иллокутивные силы приветствия и пожелания, что доказывается возможным развертыванием формулы *Guten Abend!* во фразу *Ich begrüße Sie und wünsche Ihnen einen guten Abend!* Поскольку краткие формы значительно более употребительны в повседневном общении, то они почти полностью вытеснили свои полные, требующие больше усилий эквиваленты и превратились в повседневные языковые клише.

Формулами, реализующие одновременно интенции приветствия и пожелания успехов в будущей деятельности, являются специфические приветствия представителей определенных профессий как *Glückauf!* (приветствие горняков), *Glückab!* (приветствие летчиков), *Gut Holz!* (приветствие игроков в кегли). Из соображений коммуникативной экономии не принято многословно желать друг другу хорошего результата в работе, благополучного возвращения к месту старта или спортивного успеха. Ситуативные условия, например, на рабочем месте горняка, ведут к ограничению коммуникации самым необходимым, быстро

произносимым. Формулой *Glückauf!* приветствие связывается с пожеланием успеха и отсутствия происшествий и травм в деятельности адресата. Первоначально эта формула выражала только пожелание, чтобы месторождение «открылось» и позволило легко добыть необходимый минерал. Х. Вейт [Veith 1871: 245] предполагает, что «*Glückauf!* является стяженной формой высказывания *Ich wünsche Glück, auf das die Gänge Dir auf tun!, Glück schließe sich Dir auf!*» Семантические особенности формулы *Glückauf!* вряд ли отражаются в сознании современных горняков как в эквивалентной формуле *(Viel) Bergmannsglück!* Формула *Glückauf!* используется горняками при встрече вне шахты, в ответ на нее следует эхо-высказывание *Glückauf!*, в ответ на реплику *(Viel) Bergmannsglück!* следует благодарность *Danke (gleichfalls)!*

Приветствие охотников *Weidmannsheil!* воспринимается в первую очередь как пожелание, что доказывается ответом на него *Weidmannsdank!* Приветствия представителей профессиональных социальных групп, которые реализуются, как правило, в виде формул, находятся, таким образом, на пересечении приветствия и пожелания. Принимая это во внимание, мы, тем не менее, рассматриваем их как пожелание успеха в будущей деятельности, поскольку они обладают четкими признаками этого типа речевого акта.

При прощании высказывания пожелания могут использоваться в качестве средства плавного завершения коммуникации как с обоюдного согласия коммуникантов (*Gute Heimkehr, meine Herren! (R-I, 265)*), так и при желании одной из сторон прекратить разговор (*Nein, meine Herren! Unter Druck verhandle ich nicht! Guten Tag und weiterhin einen schönen Sonntag! (K-A, 224)*).

Высказывания пожелания при прощании могут быть использованы как в комплексе со словами прощания (*Also auf Wiedersehen und alles Gute (FS-S, 23)*), так и в качестве их субститута (*Gute Reise! Viel Glück! Alles Gute!*). Некоторые из них используются только в этой ситуации (ситуативные высказывания пожелания при прощании *Machen Sie es gut! (разг. речь)*). Эксплицируя значение прощания, данные высказывания пожелания, тем не менее, оставляют открытой позицию собственно формул прощания.

Заслуживают внимания случаи, когда высказывания пожелания имеют точки соприкосновения с директивами, как, например, пожелание-совет (*Viel Spaß noch. Und tun Sie nichts, was ich nicht tun würde (M-H, 87)*) или пожелание-мольба (*Heilige Maria, sei mein Fürsprecher und sorg dafür, dass die zwei wohlbehalten zurückkommen (B-W, 20)*). Директивы-пожелания употребляются чаще всего при условии достижимости пропозиции, контролируемости положения дел, которое является предметом пожелания – в первом высказывании пожелание-совет произносится говорящим по поводу действий, выполнение которых практически возможно, то есть содержание совета характеризуется признаком контролируемости. В ситуации неочевидности практической достижимости желаемого, неясности действий, которые могут привести к желаемому результату, совет является не вполне корректной формой выражения мыслей, поэтому предпочтительной формой в этом случае является собственно пожелание: *Ich wünsche dir viel Glück, mein Alter. Hoffentlich findest du auch endlich in den Hafen der Ehe. Ich würd es dir wünschen <...> (U-V, 41)*. Совет *Ich rate dir endlich in den Hafen der Ehe zu finden* в ситуации приведенного высказывания, не подкрепленный аргументацией, выглядел бы несколько странно и мог бы быть расценен адресатом как вмешательство в его личную жизнь, в то время как пожелание в представленной выше форме показывает заинтересованность говорящего в благополучии партнера и является благопожеланием, не включающим иные интенциональные смыслы, кроме эксплицитированных.

Во втором из приведенных выше высказываний близость пожелания и просьбы заключается в осознании говорящим его собственной неспособности влиять на ход событий. Просьба-мольба близка пожеланию своей некатегоричностью, в ней выражено психологическое состояние говорящего (в данном случае страх за жизнь близкого человека, отправившегося в опасный путь), значимость того, о чем молят, много больше значимости просто желаемого. Включение директивного иллокутивного компонента в высказывания пожелания становится возможным, поскольку они, также как совет или просьба, «предполагают такие отношения между прескриптором и исполнителем, при которых последнему предоставляется свободный выбор совершать или не совершать действие» [Акимова, Масленникова 1987: 4]. Кроме того, и

высказывания пожелания и директивы используют идентичные формальные средства для выражения своих значений, что делает возможным их слияние в рамках одного высказывания.

Особняком в парадигме пожелания стоят высказывания пожелания в так называемом застольно-торжественном дискурсе – тосты, конвенционально возможные и социально одобряемые речевые акты пожелания, произносимые при проведении разного рода ритуальных и неритуальных застольных мероприятий. Тосты представляют собой благопожелания одному адресату или всем присутствующим, включая говорящего. Их пропозиции описывают положение дел как предпочитаемое адресатом/адресатами. А. Вежбицкая изображает схему речевого акта тоста-пожелания таким образом: я говорю, что я хочу, чтобы произошло нечто хорошее для X, и представляю себе, что если мы говорим это, выпивая, то это произойдет. Я говорю это потому, что хочу сказать, что мы питаем добрые чувства к X [Вежбицкая 1997: 108]. Пожелания-тосты имеют такой же перлокутивный эффект, как и искреннее пожелание – они, с одной стороны, вносят изменения в психическое состояние адресата, настраивая его на положительную «волну» не только в сиюминутном общении, но и дают заряд позитивной энергии на будущее (как известно, «доброе слово и кошке приятно»). С другой стороны, произнесение тоста как адекватная форма речевого поведения во время застолья успешно используется как речевая стратегия достижения говорящим целей установления/поддержания личных связей с адресатом. Например, тост *Trinken wir auf die Kunst und auf die Freundschaft, und reichen wir uns die Hände über den Ozean hinweg* (М-Н, 363), безусловно, является той самой «смазкой» социального механизма, продвигающего говорящего на пути достижения личных (не обязательно корыстных) целей.

Аналогично тостам функционируют застольные пожелания – пожелания хорошего аппетита и т.п.: *Guten Appetit!, Lass es dir schmecken!, Wohl bekomm's!, Mahlzeit!* По наблюдению И. Соса-Майор, при адресации формулы *Guten Appetit!* (лицу, принимающему пищу) не играют роли социальные отношения между партнерами, они могут быть даже незнакомы друг с другом. Эта формула произносится перед началом еды или во время еды и выполняет часто организационную функцию,

сигнализируя начало трапезы (в этом случае произносится всегда хозяином и адресуется гостям): *Ich wünsche euch einen guten Appetit, lasst es euch gut schmecken!* (разг. речь)

Пожелания *Lass es dir schmecken!*, *Wohl bekomm's!* функционируют аналогично формуле *Guten Appetit!* и отличаются от нее только частотой употребления (*Wohl bekomm's!* является скорее «забытой» формулой и встречается редко). А формула *Mahlzeit!* как пожелание за столом встречается только на юге Германии и представляет собой результат эллиптирования средневерхненемецкой застольной молитвы *Got gesegene daz malzit* [Sosa-Mayor 2006: 250],

В класс пожеланий часто включаются так называемые пожелания-поздравления [См., например, Коморова 2005] (*Frohe Weihnachten! Alles Gute zum Geburtstag!*). Такая точка зрения требует некоторых пояснений.

Высказывания типа *Frohe Weihnachten! Alles Gute zum Geburtstag!* действительно являются пожеланиями, поскольку форма этих высказываний, безусловно, указывает на речевой акт пожелания с имплицитным перформативным глаголом *wünschen* (*Ich wünsche dir frohe Weihnachten! Ich wünsche dir alles Gute zum Geburtstag!*). Еще меньше сомнений при определении вида речевого акта вызывают высказывания с номинальным сказуемым *Glückwunsch* и с производным глаголом *beglückwünschen* в роли сказуемого, поскольку пожелание успеха/счастья является эксплицитно выраженным значением сказуемого (*Glück wünschen*).

Однако ситуация не так проста, как это кажется на первый взгляд. Высказывания указанного типа произносятся в праздничном дискурсе и предполагают (в зависимости от того, по какому поводу произносится пожелания – в связи с личным или общепринятым праздником) реакцию в виде благодарности, (- *Alles, alles Gute zum Geburtstag! – Danke*), или ответного пожелания (- *Simon, wie geht's? Frohe Weihnachten <...> – Auch Ihnen frohe Weihnachten!* (М-Н, 254)). Семантика существительного *Glückwunsch* включает кроме компонента *Wunsch für Glück und Wohlergehen zu einem besonderen Fest*, который допускает употребление этого слова в речевых актах пожелания, еще и компонент *Ausdruck der freudigen Anteilnahme an einem Erfolg, einer Leistung, einem freudigen Ereignis*, который без сомнений относит нас к речевому акту поздравления.

Действительно, высказывания типа *Glückwünsche. Das hier ist super. Wie bist du dazu gekommen?* <...> (М-Н, 313) вряд ли можно отнести к речевым актам пожелания, они являются речевыми актами поздравления с успехом, удачей и т.д.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что высказывания типа *Frohe Weihnachten!*, являясь полиинтенциональными образованиями, представляют собой особую группу, «переходную зону» между высказываниями пожелания и высказываниями поздравления. Их полная реализация предполагает речевое действие (*Ich gratuliere Ihnen/dir*) и сообщение о событии-поводе (*zu ...*). Но в реальном общении некоторые компоненты речевого акта поздравления отсутствуют, т.е. исходная интенция (поздравление) не эксплицируется из-за очевидности ситуации: пожелание веселого Рождества или всего хорошего в день рождения всегда предполагает предшествующее поздравление с праздником. Поэтому в высказывании выделяется только предмет поздравления-пожелания.

Немецкие лингвисты различают речевые акты поздравления по поводу уже наступившего события (*Glückwunsch*) и акты пожелания будущего благосостояния (*Glück etc. wünschen*) [Coulmas 1981: 149; Marten-Cleef 1991: 145]. Главным различием между ними является временная отнесенность. Даже если ситуативный повод для поздравления и положительного пожелания (как, например, свадьба или рождение ребенка) совпадает, эти два речевых действия касаются различных аспектов события: положительное пожелание выражает надежду на дальнейшее благополучие адресата; поздравление выражает разделение радости по поводу уже произошедшего события.

С различной временной отнесенностью обоих актов связан еще один дифференцирующий критерий – различие в выражаемом чувстве: при поздравлении чувство выражаемой симпатии можно охарактеризовать именно как со-радость, разделенную радость; при хорошем пожелании то же чувство точнее можно охарактеризовать как участливую надежду, благожелательность [Marten-Cleef 1991: 142]..

Отличие поздравления (*beglückwünschen*) от положительного пожелания (*Glück wünschen*) доказывается также его положением в диалогической секвенции: секвенция с поздравлением не может принимать

образ «эхо-секвенции» [Coulmas 1981: 150], когда адресат принимает ход в разговоре от говорящего и передает его обратно. Например:

- *Alles Gute für die Zukunft!*

- *Danke gleichfalls! Das wünsche ich dir auch!*

Такой «рикошет», как правило, невозможен при поздравлении в связи с особенностями пропозиции:

- *Herzlichen Glückwunsch zu deinem 1. Platz!*

- **Dir ebenfalls!*

Исключение составляют случаи, когда поздравления касаются совместно празднуемых событий (например, близнецы могут взаимно поздравлять друг друга с днем рождения, и супруги друг друга с годовщиной свадьбы).

По причастности к адресату события высказывания поздравления-пожелания можно разделить на две группы: 1) событие, непосредственно связанное с адресатом – поздравления с днем рождения, с свадьбой и т.п., 2) событие, связанное с адресатом опосредованно – поздравления с праздниками, принятыми в данном обществе.

Говорящий, выступая в качестве автора поздравлений-пожеланий, выбирает стандартную форму поздравлений, которая позволяет не выходить за рамки этикета, избежать казусов, но не всегда оценивается положительно, либо оригинальную, которая высоко оценивается всеми участниками общения. На появление в высказываниях поздравления окказиональных пожеланий влияют степень эмоциональности адресанта, степень родства, официальность/неофициальность поздравления.

Высказывания со сказуемым, выраженным номинальной формой *Glückwunsch* находятся в рамках этой «переходной зоны» ближе к речевым актам поздравления, поскольку предполагают только выражение радости по поводу успехов адресата.

О собственно речевых актах поздравления речь пойдет ниже.

2.5. Пожелание в составе диалогического единства

Пожелания в конкретных ситуациях речевого общения реализуются в диалогическом дискурсе, который находится в непосредственной зависимости установок, целей, личностных и социальных характеристик партнеров, ситуативного контекста. Диалогический дискурс обладает

большей спонтанностью, поэтому пожелания представлены чаще всего неразвернутыми структурами (*Gute Heimkehr, meine Herren!* (R-L, 265); *Alles Gute! Viel Glück!* (K-A, 158). Речевое поведение (и, соответственно структура высказывания пожелания) обуславливается опытом индивида, который зависит от исторического и культурного контекстов и формируется моральными, социальными нормами, а также зависит, по нашему мнению, от эмоционального состояния говорящего и от его риторических способностей в целом. Как показывает языковой материал, развернутыми структурами чаще всего бывает представлено благословение (*Gott schütze sie, wo immer sie sein mögen* (M-H, 309)), поскольку пожелания, которые прежде были, в основном, частью обрядов и ритуалов и имели скорее религиозно-мистическую, чем социальную основу, еще не потеряли, вероятно, свою могущественную (магическую) силу.

При анализе закономерностей использования высказываний пожелания важно дифференцировать их с точки зрения соотношения с непосредственно предшествующей им репликой. На этом основании можно наметить две группы высказываний

а) пожелания как реакция, каузированная репликой адресата: – *Drück mir die Daumen, Grundmutter, damit ich die richtigen Worte für den Mattias find'*. – *Bist ein fein's lieb's Dirndl. Der Herrgott mög' dich segnen* (B-W, 41) Адресат «требует» положительного пожелания в сложной жизненной ситуации и говорящий в соответствии с общепринятыми нормами благословляет его, желает ему удачи в его предприятии. Такие пожелания, обусловленные прагматической ситуацией, могут являться планируемым перлокутивным эффектом декларативной инициативной реплики адресата, например: – <...> *Ich brauche Glück. – Wir drücken Ihnen die Daumen* (R-L, 355). Второй коммуникант счел необходимым в ответ на «требование» пожелания высказать его, соблюдая при этом дискурсивные прескрипции и тем самым декларируя свою культурную адекватность.

Наличие просьб о пожеланиях при прощании указывает на важность данного речевого акта для общающихся, как способа выяснения отношения у собеседника к своей личности. Использование этикетного высказывания пожелания для ответа на подобную просьбу может быть знаком равнодушия (или даже неуважения, нелюбви) к собеседнику, непризнания важности или сложности предстоящих ему дел: – *Wünschen*

Sie mir Glück und sagen Sie mir, dass Sie mich vermissen.- Was wollen Sie, ein Abschiedsorden und einen Verdienstorden? (M-H, 261)

б) инициативное пожелание является, как правило, реакцией говорящего на некоторый внешний стимул (болезнь адресата и другие поводы, перечисленные выше): *Die Herren wünschen Ihnen schnellste Besserung (K-A, 173)* – пожелание здоровья. Ответ на инициативное пожелание является обязательной, ожидаемой реакцией на его иллокутивную часть – это чаще всего речевой акт благодарности, который и представляет собой планируемый перлокутивный эффект: – *Schöne Grüße vom ganzen Italienlager! Wir wünschen Frau Chefin alles Gute. – Danke. Vielen Dank (K-A, 125);*

Реакцией на иллокуцию может быть также ответное пожелание: – *Viel Glück , mein Junge... – Für Sie auch, Inspektor! Werden es brauchen können, schätze ich... (T-G, 199);*

Этикетность, ритуальность речевых актов пожелания обуславливает крайнюю редкость появления реакции на их пропозициональную часть, поскольку несогласие с содержанием пожелания является в какой-то мере нарушением конвенций общения и правил речевого этикета. Однако такая реакция все же возможна при близких отношениях партнеров, которые допускают отклонения от правил «сохранения лица» собеседника. Примером реакции на пропозицию пожелания может быть следующий речевой фрагмент: – *Also dann, bis zum 27sten. Ach ja, und frohe Weihnachten. – Davon kann keine Rede sein, außer ich lasse mich volllaufen (M-H, 256)* – адресат пожелания утверждает невозможность веселого празднования Рождества, ситуативный контекст речевого фрагмента указывает на аргументы такого пессимистического настроения – нелюбимая теща и постоянные стычки с ней негативно окрашивают радостное предвкушение праздника.

Реакция на пропозицию встречается и при произнесении пожеланий-тостов, что является более логичным – вполне допустимо появление собственной идеи-повода для застольного пожелания. Кроме того, возражение содержанию пожелания-тоста может возникнуть и из соображений скромности, если внимание автора тоста сосредоточено на тех или иных сторонах личности его адресата: в таком случае последний предлагает переключить внимание на достоинства или благополучие всех

присутствующих или «рикошетом» направляет пожелание его инициатору: – *Auf deine Gesundheit. – Ich trinke lieber auf uns und unsere Musik (пазд. речь).*

2.6. Языковое воплощение речевого акта пожелания

2.6.1. П р я м о е п о ж е л а н и е . Языковые средства, репрезентирующие речевой акт пожелания, не отличаются большим разнообразием; этот факт объясняется сильной формализованностью пожелания, которая, в свою очередь, позволяет говорящему в любой ситуации, не задумываясь, продемонстрировать собеседнику свою социальную адекватность и благорасположение.

И л л о к у т и в н а я ч а с т ь в ы с к а з ы в а н и й
п о ж е л а н и я . Полный, прототипный вариант пожелания представляет собой высказывание с развернутыми иллокутивной и пропозициональной частями, формула которого может быть представлена как *Ich wünsche dir/Ihnen X*. Открытая семантика мотивирующего глагола *wünschen*²³, то есть его обязательная валентность на пропозицию предопределяет состав перформативной парадигмы, выражающей пожелание. Она включает, в первую очередь, эксплицитно-перформативные высказывания, содержащие перформативный глагол *wünschen*, например: *Ich wünsche Ihnen viel Kraft für die nächsten Tage (U-V, 10)*.

Полнота такой канонической формулы пожелания (вербальная представленность обоих антропокомпонентов) обеспечивает безошибочность интерпретации ее адресатом как искренней надежды на наступление желаемого положения дел. Адресат пожелания в таких высказываниях выражается местоименной формой дательного падежа, а также дополнительно называется обращением, которое, формально нарушая закон языковой экономии – личное местоимение второго лица при непосредственном общении достаточно четко определяет

²³ Глагол *wünschen* иногда используется в значении «хотеть», поскольку он находится в числе синонимов предиката желания. Дифференциация их употребления определяется тем, что пожелание обычно содержит элемент оценки, «в то время как при выражении желания говорящий, рассматривая свой объект как средство достижения цели, может оставаться к нему безразличным» [Шатуновский 1989: 76]. Перформативный глагол *wünschen* определяется исследователями как глагол эмоционально-оценочного значения [Золотова 1988: 362] или глагол со значением активно проявляемого чувства [Кубик 1977: 127], а также как глагол социальной активности [Арутюнова 1976: 126].

адресованность высказывания, – выполняет, тем не менее, исключительно важную коммуникативную функцию: оно подчеркивает ориентированность пожелания на адресата, придает ему особую убедительность, является вербальным «касанием», «поглаживанием» адресата, то есть является незаменимым оператором реляционного смысла высказывания, выводящим его на передний план. Обращения представлены, прежде всего, собственными именами (*Ich wünsche Dir alles Glück, Fritz* <..> (K-A, 158)), но могут быть ситуативно обусловлены и выражены фамильярными клише (*Ich wünsche Dir viel Glück, mein Alter* (U-V, 41)) или официальной номинацией (*Ich wünsche Ihnen einstweilen ein langes Leben, Mr. Fonesca* (B-S, 166)). Н.И. Формановская в анализе функциональных особенностей русских обращений формулирует их семантическую структуру следующим образом: «Здесь – сейчас – я – тебя – /Вас/вас – имея мотив и цель включиться в контакт – зову, называя – в избранной социостилистической тональности» [Формановская 2000]. Следуя рассуждениям автора, обращение *Fritz* в вышеприведенном высказывании интерпретируется как «Я, здесь и сейчас, называя, зову тебя, конкретного, хорошо знакомого, близкого, в неофициальной обстановке, имея намерение вступить в дальнейшее общение в дружеской тональности»; обращение *Mr. Fonesca* равно: «Я, здесь и сейчас, называя, зову вас, конкретного, знакомого, но, возможно, не близко, уважаемого и, возможно, старшего, возможно – в официальной обстановке, имея намерение вступить в дальнейшее общение в вежливой тональности».

Интересным наблюдением является факт изменения эмотивной направленности смысла высказывания пожелания при элиминировании антропокомпонентов – при всей очевидности их избыточного характера они являются важными элементами структуры речевого акта. Их неназывание превращает искреннее пожелание в ироническое, даже саркастическое, ср. *Wünsche angenehme Nachtruhe!* (N-H, 201) – пожелание спокойно провести ночь адресовано солдатам противовоздушной обороны, уже несколько суток не имеющим возможности отдохнуть из-за непрекращающихся бомбежек. В высказываниях такого рода реляционный смысл не превалирует (поэтому исчезает необходимость ситуативно избыточного называния адресата и адресанта), он уступает доминирующее положение эмоционально-оценочному смысловому компоненту, который,

эксплицируясь, оказывается на отрицательном отрезке оценочной шкалы, даже несмотря на использование положительно-оценочных лексем *angenehm* и *Nachtruhe*.

Высказывания пожелания-поздравления реализуются, как правило, посредством именных перформативных формул, в предикативной позиции которых находится номинация *Wunsch/Glückwunsch: Ein bisschen verspätet, aber dennoch von Herzen: meine allerherzlichsten und liebevollsten Wünsche zu deinem Geburtstag!* (разг. речь). Элементами, указывающими на адресата и адресанта в этом случае, являются соответствующие притяжательные местоимения. Такие высказывания функционируют, как уже было указано, в специфическом праздничном дискурсе, их употребление демонстрирует культурную и социальную адекватность говорящего.

Перформативное выражение интенции иногда интенсифицируется модифицирующими операторами – наречиями образа действия, как: *von Herzen* или *wirklich*: Пожелания, включающие такие операторы, эмоционально маркированы и являются показателями искреннего, неформального пожелания. Достаточно редкая употребляемость модификаторов (они появляются скорее в официальных ситуациях, чем в повседневном общении) объясняется, вероятно, тем, что пожелание априори предполагает открытость намерений и отсутствие скрытых мотивов, поэтому дополнительное убеждение собеседника в истинности выражаемой интенции является излишним и несколько тавтологичным. Оно используется только как ситуативный смысловой оператор, когда прагматические условия требуют эмоциональной «поддержки» интенционального смысла.

Семантически избыточным является также указание на будущность желаемого (*wünsche für die Zukunft*), поскольку пожелание по своей природе проспективно, всегда касается еще не наступившего положения дел (было бы странно выражать пожелание, направленное в прошлое: **wünsche für die Vergangenheit*). Следует оговориться, что речь идет не об установлении пожеланием временных рамок его действия, такое ограничение в релевантных специфических ситуациях даже логично – пожелание по поводу дня рождения или нового года традиционно определяет срок его исполнения: наступающий календарный год или год жизни: *Für das neue Jahr wünschen wir euch, dass die Zeit bis Pauls Rückkehr*

recht schnell vergeht (разг. речь). В следующем примере говорящий указывает на временные границы (*für die nächsten Tage*), в которые адресату, потерявшему близкого человека, предстоит прощение с ним и осознание тяжести потери: *Ich wünsche Ihnen Kraft für die nächsten Tage* (U-V, 10). Возможно, такое частое традиционное включение в пожелание временного актанта и распространяется – в соответствии с законом аналогичного уподобления – на речевые акты с неопределенным «сроком реализации», пожелания просто на будущее, ср.: *Ich danke Ihnen, Frau Strobel. Und ich wünsche Ihnen für die Zukunft alles Gute* (U-V, 22). Эта избыточность раздвигает рамки безличной клишированной формулы (*Ich wünsche Ihnen alles Gute*), вносит некоторый, пусть минимальный, элемент разнообразия, а, значит, и индивидуальности в пожелание.

Эксплицитный перформатив пожелания редко «скрывается» за модальным глаголом, модифицирующее влияние которого порождает новые нюансы смысла, не всегда уместные в дискурсе пожелании; так, например, вынужденность, неотвратимая обязательность как главный элемент значения глагола *müssen* противоречит условию искренности при совершении речевого действия пожелания (**Ich muss Ihnen wünschen...*) и обрекает его на неудачу. Тем не менее, модальные глаголы спорадически все же сопровождают пожелание, например *Ich will es Ihnen von ganzem Herzen wünschen, dass sich Ihr großes Opfer gelohnt hat* (T-O, 40). Модальный глагол *wollen*, основное значение которого определяется как выражение воли, твердого желания [Duden 1998: 101], при сочетании в этом высказывании с перформативным глаголом *wünschen* удваивает иллокутивную силу называемого им речевого действия, указывая на личную заинтересованность говорящего в реализации речевого акта: *ich will wünschen und ich wünsche...*

Значение глагола *dürfen* предполагает получение права на совершение речевого действия [Duden 1998: 94], однако, поскольку современные социальные конвенции не требуют разрешения адресата для выражения пожелания²⁴, то очевидно выполнение этим модальным

²⁴ Можно предположить, что первоначально запрос разрешения на произнесение пожелания имел логичные основания: пожелание как некий ритуал, призывающий высшие силы для исполнения желаемого, представлялся как нарушение границ личной сферы адресата, «вторжение» на его индивидуальную территорию. Поэтому, вероятно, имевший искренние коммуникативные намерения

глаголом иной функции. На наш взгляд, он подчеркивает подчиненное статусное положение благожелателя-говорящего и является средством повышенной вежливости, придает высказыванию особую торжественность, даже некую пафосность, например: *Dies alles vorausgeschickt, dürfen wir dem Fürsten Hohenlohe wünschen: möge er für den Rest des Lebensabends so glücklich werden, wie man es mit einundachtzig Jahren sein kann* (K-B, 550)).

Аналогично функционируют пожелания с глаголом *lassen*, с тем лишь небольшим различием, что если *dürfen* в повествовательном по форме высказывании констатирует наличие права совершать речевое действие пожелания, то *lassen* (как правило, в побудительном высказывании) представляет собой формальную просьбу о предоставлении такого права: <...> *Lassen Sie mich Ihnen und meiner Freundin Glück wünschen* (G-M, 529). Значит, при наличии специфических условий принципиально возможно отклонение такой просьбы: **Nein, ich lasse Sie es nicht tun*. Однако перформативы, как известно, лишь формально «скрываются» за модальным глаголом, придавая высказыванию различные прагматические оттенки смысла, поэтому с уверенностью можно утверждать, что в данном случае глагол *lassen* представляет собой некоторый «разбег», имеющий целью придать высказыванию особую торжественность, эмоционализировать его (ср. формальное *Ich wünsche Ihnen Glück*).

Иногда перформативный глагол употребляется в форме кондиционалиса, некатегоричность которого превращает его в оператор порождения окказионального смысла – неуверенности в возможности исполнения желания, и поэтому в целесообразности пожелания: *Ach Ulla, ich würde Dir ja so sehr wünschen, dass Du diesmal Glück hast!* (G-W, 144), Осознавая слабую степень надежды на положительный исход дел, говорящий все-таки осторожно, с оговоркой осуществляет это речевое действие.

Перечисленные особенности исчерпывают список специфических возможностей эксплицитно-перформативного выражения иллокутивной части высказываний пожелания. Поскольку коммуникативная ситуация и

благожелатель осмеливался произносить пожелание, только если был уверен в расположенности адресата принять его.

прагматический контекст безошибочно «проявляют» интенцию говорящего, то необходимость вербализации интенции отпадает. Поэтому наиболее стереотипной формой выражения пожелания являются имплицитно-перформативные высказывания: *Guten Tag und weiterhin einen schönen Sonntag!* (К-А, 224). В них формально отсутствует перформативная часть, но высказывания всё же являются перформативными, так как их актуализацией совершается определенное речевое действие: = *Ich wünsche Ihnen einen guten Tag und weiterhin einen schönen Sonntag!* Опущение актантов, соответствующих говорящему и адресату, вызвано тем, что они очевидны в ситуации произнесения пожелания. Опущение же актанта, являющегося вербальным выражением пропозиции, невозможно в силу семантической недостаточности глагола *wünschen* (**Ich wünsche Ihnen!*). Такие высказывания «стилистически в небольшой степени снижены, несколько непринужденны» [Формановская 1984: 102].

Пропозициональная часть высказываний пожелания. Вербализованная пропозиция высказываний пожелания часто представляет собой ритуальные клише, наиболее употребительными среди которых являются *Viel Glück! Alles Gute! Guten Appetit! Mahlzeit! Gute Besserung! Gute Reise! Schönes Wochenende! Schöne Ferien! Viel Spaß! Viel Freude!* и др. Возможности более индивидуализированного выражения пропозиционального содержания пожелания вряд ли можно исчислить, поскольку жизненные ситуации, в которых уместно пожелание, исключительно многообразны. Это многообразие умножается также включением в рассмотрение речевых способностей и умений говорящего, прагматической ситуации (торжественность, праздничность контекста поздравления). Поэтому мы констатируем, что «несть числа» вариантам пожелания, рожденным творческим потенциалом собеседников в той или иной ситуации. Приведем лишь некоторые наиболее интересные примеры: *Ich bin sehr unbescheiden. Ich wünsche mir sehr viel, aber vor allem, dass wir solche Augenblicke noch oft erleben, Daniel, mein Liebster!* (V-DN, 64) – пожелание беспредельности счастливых минут с любимым человеком; *Ich wünsche Ihnen allen eine gute Zeit und vor allem gute und schöne Gefühle in allen Lebensbereichen* (разг. речь) – новогоднее пожелание положительного жизненного настроения; <...> *Hoffentlich findest du in den Hafen der Ehe. Ich würd es dir wünschen* (U-V, 41) – пожелание хорошему другу устроить,

наконец, свою личную жизнь; *Also, ich wünsche Ihnen, Herr Professor, recht bald wieder in Ihre Position zu kommen!* (K-Z, 735) – пожелание окончания репрессий и возвращения к обычной жизни адресовано репрессированному профессору-еврею в нацистской Германии; <...> *Du, Christoph, wirst eine Gelegenheit erhalten, deinen bisherigen Verdiensten ein neues Verdienst hinzuzufügen. Es wird das letzte sein, und wir wünschen, dass dich dein Glück auch diesmal nicht verlässt* (L-S, 261) – пожелание удачи в очередном опасном предприятии.

Перечень индивидуализированных форм пожелания может быть продолжен, но уже приведенные примеры большой очевидностью доказывают, что при неизменности поводов для пожелания формы их эмоционального выражения в пропозициональной части пожеланий значительно варьируются. Для создания некоторой обзримости этих форм выражения применим синтаксический критерий, который позволяет констатировать наличие в основании поверхностной структуры высказываний пожелания следующих моделей:

1. $(N_{1(\text{Pronomen})} + V_{\text{fin}(\text{wünschen})} + N_{3(\text{Pronomen})}) + (\text{Attr}) N_4$, где пропозициональная часть эксплицитно выражается зависимой именной словоформой в винительном падеже, например: *Ich wünsche dir und Evi einen guten Aufstieg* (B-G, 15). Положительное пожелание предполагает наступление бенефактивного для адресата положения дел, поэтому в качестве дополнения всегда выступает либо положительно оценочная лексема (*Gutes, Glück, Spaß, Vergnügen, Freude, Lust, Behagen, Erfolg, Liebe*: *Ich wünsche Ihnen die Liebe zu Ihrem Schicksal* (M-KH, 86)), часто с интенсифицирующими операторами *viel, alles*, либо нейтральное существительное (*Tag, Abend, Erwachen, Leben, Reise, Heimfahrt, Gesundheit Unterhaltung* и др.), сопровождаемое положительно-оценочным прилагательным в функции определения (*gut, glücklich, (wunder)schön, angenehm, froh, gesund, unterhaltsam, ungebrochen, vollkommen* и др.): *Wir wünschen Dir ungebrochene Schaffenskraft und eine so enge Mitarbeit mit uns wie bisher* (K-T, 401). Оценочное прилагательное может выступать также в качестве определения к предикату, например: *So schön wünsche ich mir auch unser weiteres Leben* (T-O, 40).

Большинство из словосочетаний, употребляемых в высказываниях этой модели, имеют фразеологизированный характер, их количество

довольно ограничено (*Viel Glück! Hals- und Beinbruch! Gute Besserung! Gute Nacht! Guten Tag/Morgen!* др.). Это устойчивые пожелания, они не допускают включение в них дополнительных элементов. Исключением является актуализирующий компонент – дейктическое местоимение *du/Sie*, которое может включаться в высказывания с эксплицированной иллокутивной частью: *Ich wünsche dir/Ihnen alles Gute!* и т.п. Что касается номинативной референции, то в пожеланиях *Gute Reise!* и *Guten Appetit!* она существенно отличается от референции в опативах *Hals- und Beinbruch!*, В первых двух высказываниях пропозиция содержит прямые именованья мыслимых объектов (*Reise, Appetit*), которые должны стать (в соответствии о пожеланиями говорящего) благоприятными для адресата пожелания. В пропозициях пожелания *Hals- und Beinbruch!* содержатся номинации (*Halsbruch, Beinbruch*), называющие объект, формально не имеющий отношения к желаемому положению дел. Даже наоборот, они как будто выражают надежду на отрицательный результат усилий адресата. Однако стертая внутренняя форма²⁵ нимало не препятствует функционированию этой конвенциональной формулы как пожеланию успеха: *Hals- und Beinbruch, halt die Ohren steif!* (*N-H, 350*). Примечательно, что именно формальная отрицательность пожелания этого фразеологизма является порой основой для ее индивидуализирующей модификации²⁶, например, «удачным», на наш взгляд, пожеланием при открытии зимнего катка является *Viel Vergnügen und keinen Hals- und Beinbruch!* (*SZ, 05.12.2006*).

2. $N_1(\text{Pronomen}) + V_{\text{fin}}(\text{wünschen}) + N_3(\text{Pronomen}) + \text{Objektnebensatz}$, где пропозициональная часть выражена дополнительным придаточным предложением, например: *Ich wünsche dir, dass du endlich mal vernünftig und nüchtern dem Leben entgegen gehst!* (*разг. речь*). Такое пожелание является пространным, позволяет говорящему учесть отдельные нюансы жизненной ситуации адресата. Частотными операторами, порождающими различные окказиональные смыслы, в таких высказываниях являются модальные

²⁵Словарь Wahrig объясняет такую «странную» форму пожелания удачи вероятным народно-этимологическим перевоплощением выражения на идиш *hazloche und broche*, означавшим *Erfolg und Gelingen* [Wahrig 2002].

²⁶ И. Соса Майор заметил зависимость между степенью устойчивости формы идиомы и ее значением, он считает, что чем идиоматичнее формула, тем больше вероятности, что ее формой и буквальным значением «играют» [Sosa Mayor 2006: 32].

частицы, которые, например, в приведенном выше высказывании эмоционально указывают на пресуппозицию пожелания – непутевость и легкомысленность адресата. В контексте совместных переживаний собеседников, их общего жизненного опыта, высказывание пожелания может и не содержать полной пропозиции, а лишь дейктически указывать на ее представленность в предыдущих репликах, например: *Ich bin überzeugt, dass das Blut der Witwen und Waisen an seinen Reichtümern klebt. Wie denkst du, Albrecht? – Ich wünsche es, Ditlinde, ich wünsche es, dir und deinem Gatten zum Trost (M-KH, 152)*

Распространенным пожеланием, построенным по модели с придаточным предложением, является высказывание, предлагающее собеседнику самому определить круг желаемых приоритетов: *Wir wünschen dir, was du dir selber wünschest (S-B, 131)*. Вероятно, такой тип пожелания, достаточно распространенный в наше время, представляет собой образец обезличивания имевшего когда-то важное значение ритуала пожелания: отправитель высказывания не дает себе труда (или не имеет возможности, времени) задуматься о том, что было бы благом для его собеседника и лишь формально соблюдает минимум необходимых правил вежливости. Такое «практичное», оправданное современным темпом жизни пожелание можно сравнить с не менее распространенными сегодня денежными подарками, когда даритель предлагает партнеру самому приобрести себе желаемый предмет.

3. **Möge** + **N₁** + **N_{3(Pron.)}** + **(NG)** + **Infinitiv** – модель, занимающая особую «нишу» в сфере выражения пропозиции пожелания. По ней строятся высказывания благословения, например: *Mögen euch kraftvolle Gezeiten vorwärts tragen und möge euch die Woge der Erinnerung nach Hause bringen (M-S, 484)*. Вариантом этой модели является образование с прямым порядком слов: *Gott möge schützend über Ihrem Leben stehen (T-O, 40)*. Как видим, говорящий при произнесении таких пожеланий-благословений призывает для их исполнения высшие силы (*Gott/Götter, Herr/Herrgott, Buddha/Buddhas*) или силы, сравнимые по значимости для говорящего с высшими (*Ahnen, Gezeiten*). Эти номинации выполняют в синтаксической структуре благословения роль грамматического субъекта или генетивного определения к существительному, называющему их благорасположение (*die Gunst der Götter, Gottes Segen*), например: *Gott möge dieses Haus*

segnen! (разг. речь); *Mögen unsere Ahnen über Euch wachen und euch sichere Heimreise gewähren* (M-S, 309); *Möge die Gunst der Götter mit allen sein, die wahre Tugend besitzen* (M-S, 289); *Gottes Segen zu deinem Geburtstag, Vater. Möge der Herr seine Hand allzeit schützend über dich halten* (S-T, 15).

В качестве сказуемого таких пожеланий-благословений чаще всего употребляются глаголы *beschützen/schützen, behüten, segnen, retten, beistehen, wachen*, основным компонентом значения которых является защита, оберегание, предохранение от чего-либо, в нашем случае от действия черных, нечистых сил. Такие благословения сопровождают прощание с отправляющимся в дальнюю и/или опасную дорогу или на сложное предприятие, например: *Mögen alle Götter und Buddhas dich segnen und beschützen!* (M-S, 177).

Речевые единицы, модифицированные модальным глаголом в сослагательном наклонении, являются стилистически отмеченными вариантами, формами с высокой степенью торжественной вежливости.

Структурным вариантом данной модели является образование без модального глагола *mögen*: $N_{1(Gott)} + V_{fin} (Präs. Konj.) + N_3$, например: *Gott beschütze dich!* (разг. речь). Эмфатический порядок слов в высказываниях, построенных по этой модели, выводит на передний план желаемое действие охранения адресата, эмоционализируя тем самым благословение: *Behüt dich Gott, Vater!* (M-Z, 3).

Сакральный характер высказываний, построенный по описываемой модели, сохранился и до сегодняшних дней и, несмотря на частое употребление их «всуе», они являются важными операторами порождения эмотивного смысла высказывания, выражая значимость речевого действия для самого говорящего и желаемую действенность его для адресата. Вся конструкция является в высшей степени эмоциональной.

Следует указать на существование пожеланий-эксclamативов, строящихся по модели $Es + V_{fin} (Präs. Konj.) + N_1!$, например: *Noch einmal: es lebe die Zivilisation!* (R-L, 226); *Lang lebe der Kaiser!* (M-S, 178). Такие пожелания адресованы не конкретному собеседнику желающего – важному элементу речевой ситуации пожелания, а некоему собирательному или статусно очень удаленному адресату, что делает их отнесение к пожеланиям спорным.

Особую форму имеют пожелания-тосты, пропозиции которых могут быть как условно свободными, строящимися по модели **Auf + N₄!** (*Auf die kleinen bezaubernden Hotels!* (М-Н, 170)), так и фразеологизированными (*Zum/Auf das Wohl! Prosit!* с вариантами *Prost! Prösterchen!*), Формула *Prosit!* этимологически представляет собой форму 3 лица единственного числа презенс конъюнктив латинского глагола *prodesse*, означающего *nützen, zuträglich sein*, и является пожеланием (*es nütze, es möge nützen*), синонимичным немецкому *Wohl bekomm's* [Coulmas 1981: 168]:

В пропозиции тостов-пожеланий чаще всего не содержится дейктических компонентов, указывающих на адресата речи, как в следующем фрагменте: *Auf fröhliche Zeiten, mein Lieber* (М-Н, 22). В приведенном тосте и подобных ему вообще невозможен дейктический компонент, указывающий на адресата речи, поскольку он, адресат речи, не является субъектом в пропозиции тоста и вообще не фигурирует в ней. Однако встречаются высказывания, в которых адресат пожелания указан, например: *Auf den Chauffeur. Es war sehr freundlich von dir* (М-Н, 133) – высказывание адресовано человеку, оказавшему говорящему помощь на дороге.

Выбор говорящим одной из названных форм осуществления речевого акта пожелания зависит от многих социальных факторов: от возраста и пола собеседника, наличия или отсутствия иерархического компонента в отношениях между партнерами, наличия или отсутствие эксплицитно выраженной симпатии у коммуникантов, эмоционально-психологического состояния говорящего в момент общения. Эти факторы определяют выбор формы обращения к адресату, размер высказывания пожелания и наличие в нем различного рода интенсификаторов-модификаторов, выбор пропозитивных номинаций и их объем²⁷.

Модификаторы высказываний пожелания (специфические обращения, наречия-интенсификаторы или деинтенсификаторы) позволяют адресату узнать об отношении к себе говорящего: этикетное ли это внимание (характерное для нейтральных и нулевых отношений и

²⁷ Следует заметить, что социальные характеристики общающихся в речевом акте пожелания, определяя выбор используемых средств, не ограничивают самой возможности коммуникантов высказывать пожелания: не требуется владения какой-либо определенной социальной ролью или позицией.

выражающееся в клишированных вариантах пожеланий (*Fröhliche Weihnachten!, Auf Dein Wohl!*)) или особое, предполагающее некую степень интимности в отношениях участников коммуникации.

Не менее важным фактором при выборе языковых средств реализации высказываний пожелания является социальный статус или иерархия отношений коммуникантов. Пожелания вышестоящему более сдержаны и направлены на сохранение дистанции. В немецком языке такие пожелания характеризуются структурным разнообразием и распространенной пропозицией (*Auf die guten schönen Jahre, die wir zusammen gearbeitet haben!*), употреблением эксплицитно-перформативных вариантов (*Ich wünsche Ihnen alles Gute zum Geburtstag!*) иногда с добавлением обращения, выраженного титулом или фамилией (*Frau Winkler, ich wünsche Ihnen alles Liebe zum Geburtstag!*). В отношении равного по статусу адресата используются как краткие клишированные формулы (*Alles Gute für die Zukunft!*), так и индивидуализированные личностные языковые средства эксплицитного и имплицитного характера (*Ich wünsche Dir alles erdenklich Gute!; Kopf hoch! (разг. речь); Lasst uns darauf trinken, dass nichts passiert!* (К-А, 179)).

Факторы пола и возраста играют в социальной интеракции второстепенную роль и подчиняются по степени важности факторам социального статуса и социальной дистанции.

К о с в е н н о е п о ж е л а н и е . Косвенные формы речевого акта пожелания представлены маргинально, что объясняется, вероятно, отсутствием необходимости непрямого выражения благоволения говорящего к адресату. Скорее, наоборот, пожелание как речевое действие с интенцией совершить «поглаживание» адресата и укрепить тем самым фундамент отношений с ним не допускает косвенности во избежание недопонимания и недоразумений, а, следовательно, речевых неудач. Однако, существует категория высказываний пожелания, конвенциональная косвенность (гибридность) которых имеет целью не скрыть по каким-то причинам свое намерение, а интенсифицировать его. Речь идет о пожеланиях-побуждениях, пожеланиях в форме императивных высказываний: *Werde mit Oliver glücklich und erzieh ihn anders, als ich erzogen wurde* (К-А, 308). В таких высказываниях повелительное наклонение глагола десемантизируется, утрачивает свое первичное

грамматическое значение и является оператором-интенсификатором реализации пожелания: *Ich wünsche dir, dass du mit Oliver glücklich wirst und ihn anders erziehst, als ..., und betone meinen Wunsch ausdrücklich – werde mit Oliver glücklich und erzieh ihn anders, als...* Высказывания пожелания в императивной форме не следует идентифицировать с директивами, которые, согласно Дж. Серлю, представляют собой попытки ... со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил [Серль 1986б: 182]. Высказывание *Werdet glücklich, Kinder* (K-A, 202) не имеет целью изменение окружающего мира – невозможно стать счастливым по приказу, одномоментно. Оно является выражением психического состояния радости, глубокого удовлетворения от созерцания теплоты отношений между сыном говорящего и его невестой.

Поводы для выражения пожеланий-побуждений остаются неизменными, все они не выходят за рамки вышеприведенного перечня, Регулярность употребления пожеланий в повторяющихся речевых ситуациях приводит к их конвенционализации и превращению в этикетные, бессознательно произносимые формулы. Такими лексикализованными пожеланиями являются формулы пожелания при прощании: *Leb wohl, Gundel* (N-H, 355), *Machen Sie es gut* (разг. речь), *Lass dir's gut gehn* (N-H, 317); при приеме пищи: *Lass dir's gut schmecken* (B-G, 24)); при отходе ко сну: *Und nun schlaf schön, mein Sohn* (K-VA, 38), *Gute Nacht. Traum was Schönes* (разг. речь).

К разряду конвенциональных косвенных речевых актов пожелания относятся фразеологизированные высказывания – синонимические семантически эквивалентные перифразы перформативных пожеланий: *Ich drücke Ihnen beide Daumen für Bochum* (K-A, 145) = *Ich wünsche Ihnen viel Erfolg in Bochum*.

Косвенные высказывания похвалы неконвенционального характера встречаются редко, их появление в рассматриваемом дискурсе обусловлено специфическими нетипизируемыми причинами, каждое из них требует индивидуального рассмотрения.

Примером стратегии изменения референциальной соотнесенности объекта пожелания может служить следующее высказывание: *Ich wünsche dir zu deinem Sohne Glück; er soll einen reichen Vater haben* (G-M, 46) – пожелание удачи новорожденному сыну адресата является, по сути,

пожеланием материальных благ его отцу. Такая форма пожелания избирается говорящим, вероятно, из соображений ситуативной неуместности прямой адресованности речевого действия.

В высказывании *Hoffentlich kommst du in den freien Tagen ein bisschen zur Ruhe* (разг. речь), которое произносится в предверии рождественских каникул и интерпретируется как *Ich wünsche dir, dass du ein bisschen zur Ruhe kommst*, косвенная форма призвана снизить категоричность пожелания, выразить осторожную надежду на, по крайней мере, небольшой перерыв в суеде рабочих дней. Ключевым словом-оператором в этом высказывании является модальное слово *hoffentlich*, эксплицирующее неассертивный, скрытый компонент смысла – сожаление-сочувствие по поводу большой занятости адресата. В таком же контексте произносится пожелание *Ein kleiner Adventskalender für dich, vielleicht kann er dir die Adventszeit ein bisschen erheitern* (разг. речь). Ассертивно-информативная форма пожелания также выполняет функцию снижения категоричности и выражение неуверенной надежды на изменение в психическом состоянии адресата. Более того, дарение праздничного подарка (*ein kleiner Adventskalender für dich*), сопровождающее пожелание, практически исключает прямое выражение этого речевого акта (*Ich wünsche dir, dass der Adventskalender dir die Adventszeit erheitert*), поскольку в таком случае категоричное утверждение благоприятного влияния подарка равнозначно самопохвале, которая, как уже говорилось, является социально порицаемым действием.

Заключая анализ высказываний пожелания, можно констатировать сильную формализованность этих речевых актов, лишь изредка «разбавляемых» элементами персонализации. Важной особенностью Индивидуализированные пожелания пронизаны положительными эмоциями и свидетельствуют о теплом, сердечном отношении говорящего к партнеру. При формировании интенционального смысла используются типизированные, клишированные формы, перемещающие эмотивный смысл на вторые позиции. Такая стереотипность позволяет высказываниям пожелания быть частотными формулами, годными «на все случаи жизни», которые, являясь частью общего тезауруса членов языкового сообщества, автоматически выдаются сознанием говорящему в релевантной ситуации.

3. РЕЧЕВОЙ АКТ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

3.1. Общая характеристика речевого акта поздравления.

О п р е д е л е н и е . Речевой акт поздравления обладает общими свойствами класса социативных экспрессивов: он выражает чувства и отношение (симпатию) говорящего к адресату и направлен на получение положительной реакции последнего. Следовательно, адресат и отправитель поздравления являются обязательными элементами коммуникативной ситуации, в которой реализуется высказывание поздравления, при отсутствии адресата речевой акт несостоятелен. Целью данного речевого действия является сохранение контакта в нужной тональности, поддержание теплых дружеских отношений с адресатом посредством выражения собственного эмоционального состояния, об этой цели свидетельствует дефиниция перформативной номинации *Glückwunsch: freudige Anteilnahme an einem Erfolg, einer Leistung, einem freudigen Ereignis* [Wahrig 2002]. Таким образом, можно утверждать, что поздравление является действием, регулирующим межличностные отношения собеседников, они выполняют – как и другие социативы – функцию создания особой атмосферы вежливости, доброжелательности в процессе общения.

Такие особенности поздравления называет и Маринин Ю.Н., определяющий критерии отнесения высказываний к рассматриваемым речевым актам [Маринин 1996: 10-12]. Основным из них является, по мнению автора, общность иллокутивной силы (выразить эмоцию) и перлокутивной цели (добиться ответной эмоциональной реакции), реализующих коммуникативную функцию создания у адресата положительного эмоционального настроения. Это находит свое отражение в пропозиции (не обязательно выраженной эксплицитно) речевого акта поздравления, включающей положительно оцениваемые адресантом события в жизни адресата, например: – *Damit können wir uns ein Weilchen über das Wasser halten! – Gratuliere, Bob! (M-H, 156)* – поздравление с успешно совершенной сделкой; *Dann bist du obendrein noch ein Glückspilz. Auch dazu gratuliere ich dir (M-S, 305)* – поздравление с удачей.

Речевой акт поздравления связан, кроме того, с регламентированным речевым поведением в определенной ситуации общения, ориентирован на соблюдение социальных ритуалов. Эту особенность тоже следует считать

признаком, определяющим принадлежность высказывания к группе поздравлений, ведь у всех поздравлений (как и у всех социативных речевых актов в целом) нет другого назначения, как служить «поглаживаниями». Именно поэтому отсутствие поздравления в важной для нас ситуации задевает, а его совершение носит социальный характер, является сигналом уважения адресата, желания поддержать контакт с ним.

Третьим специфическим признаком поздравлений является устойчивость, повторяемость, стереотипность формул его выражения, наличие ядерных лексических единиц, обслуживающих этот речевой акт – матричных глаголов *gratulieren* и *beglückwünschen*, а также номинации *Glückwunsch: Glückwunsch!* (М-Н, 155); *Ich bin gekommen, um Sie zu beglückwünschen* (К-А, 262). Варианты формул поздравления служат адекватному отражению прагматических установок говорящего и получению желаемого эффекта воздействия на партнера,

Важным моментом Маринин Ю.Н. справедливо считает направленность поздравления на адресата, которая отграничивает этот речевой акт от ряда экспрессивов, выражающих психическое состояние субъекта речи безотносительно к собеседнику и вне связи с этикетным поведением (например, спонтанное выражение эмоций). Действительно, фраза *Das ist eine gute Entscheidung. Ich gratuliere* (разг. речь) должна интерпретироваться не иначе как *Ich gratuliere (dir) (zur guten Entscheidung)*, при обращении говорящего в пустое пространство, высказывание теряет смысл.

Учитывая названные признаки, мы вместе с Марининым Ю.Н. определяем поздравление как речевой акт, связанный с общепринятыми нормами поведения в типизированной речевой ситуации, указывающий на доброжелательное отношение к собеседнику, позволяющий поддерживать контакт в нужной тональности, имеющий устойчивый план выражения и реализующий стереотипную интенцию – поздравляя, выразить собственное эмоциональное состояние и вызвать у адресата положительный эмоциональный отклик [Маринин 1996: 10-12].

Отличие поздравления от пожелания. Как было сказано в предыдущем разделе, акт поздравления в немецком языке по форме идентичен акту пожелания, что вызывает трудности при их

идентификации. Поэтому возникает необходимость уточнить различия между этими типами речевых актов.

Вслед за Ф. Коулмасом и мы утверждаем, что поздравление отличается от пожелания в первую очередь временной отнесенностью [Coulmas 1981: 149; а также Verschueren 1985: 194; Marten-Cleef 1991: 145]: поздравление (*Gratulation, Glückwunsch*) реализуется по поводу уже наступившего события, а пожелание касается будущего блага (*Glück wünschen*). Даже если ситуативный повод для поздравления и положительного пожелания совпадает (например, день рождения), эти два речевых действия касаются различных аспектов события: пожелание выражает надежду на дальнейшее благополучие адресата; поздравление является со-радостью, разделенной радостью по поводу произошедшего события, наступившего положения дел.

С различной временной отнесенностью обоих актов связан еще один дифференцирующий критерий – различие в выражаемых эмоциях: при поздравлении чувство выражаемой симпатии можно охарактеризовать именно как переживаемую вместе с адресатом радость, то есть разделенную радость; при пожелании говорящий испытывает скорее участливую надежду благожелательность [Marten-Cleef 1991: 142].

Оба речевых действия часто совершаются непосредственно друг за другом, при этом поздравление предшествует пожеланию: *Aber zum Geburtstag möchte ich Ihnen gratulieren. Herzlichen Glückwunsch, Herr Präsident, und ein langes Leben (L-G, 58)*. Поздравление в приведенном примере касается наступившего события – первого дня нового года жизни, далее говорящий пожеланием выражает надежду на будущее счастье и долголетие адресата.

Поздравления, в отличие от пожелания, могут содержать элемент признания, похвалы, комплимента. Они произносятся при особых достижениях адресата, которые по достоинству оцениваются говорящим: *Herzlichen Glückwunsch zum Examen, Delia! Mit Auszeichnung besteht nicht jede ihr Sekretärinnenexamen (G-V, 23)* – поздравление по поводу успешно сданного экзамена сопровождается эксплицитно выраженной положительной оценкой способностей адресата²⁸. Но комплимент, тем не

²⁸ Безусловно, поздравляют и по поводу событий, произошедших без вмешательства адресата и которые не могут быть положительно оценены похвалой: день рождения, выигрыш в лотерее: *Da Sie*

менее, не следует смешивать с речевым актом поздравления: поздравление касается достигнутых успехов или торжественных событий в жизни адресата, при этом определяющим моментом является результирующий характер события – повода для поздравления: достигнут определенный успех, завершен определенный отрезок в жизни.

Значит, поздравление есть просто проявление хорошего отношения говорящего к адресату, он дает понять, что он искренне желает адресату наступления положительного положения дел (с его участием или без): *Ich beglückwünsche Sie herzlich und wünsche Ihnen weitere Erfolge (K-T)*.

Условия успешности речевого акта поздравления. К условиям успешности речевого акта поздравления Дж. Серль относит следующие [Searle 1982: 91]:

1. Предварительные условия: имеет место какое-либо событие, положение дел, касающееся адресата и соответствующее его интересам;

2. условие искренности: говорящий оценивает наступившее положение дел (на основе конвенциональных ценностей) положительно для адресата и (на основе социальных традиций) положительно и для себя самого;

Таким образом, поздравление является выражением испытываемой говорящим участливой радости по поводу настоящего положения дел²⁹.

Эти условия приближают исследователей к пониманию семантической структуры данного акта, что нашло выражение в семантической экспликации поздравлений, предложенной Вежбицкой А. [Вежбицкая 1985: 270], которая включает новый элемент, отличный от предыдущих определений, а именно, что событие, приятное говорящему, должно быть каким-то образом каузировано адресатом поздравления. Таким образом, семантическая экспликация Вежбицкой выглядит следующим образом:

Поздравляю! =

Зная, что ты сделал так, что с тобой произошло нечто хорошее,

Leser unserer Zeitung sind, <...> wissen Sie, dass wir zwölfmal im Jahr eine Glücksfamilie des Monats wählen. Für diesen Monat hat die Redaktion Sie gewählt: Herrn und Frau Steputat. Meine herzlichsten Glückwünsche. <...> (L-GM).

²⁹ Ср. определение поздравления у Серля/Вандервеке [Searle, Vanderveken 1985: 212]. В поздравлении говорящий выражает во вводном условии удовольствие от того, что положение вещей бенефактивно или хорошо для слушающего.

предполагая, что тебе из-за этого приятно,
желая сделать так, чтобы ты знал, что мне тоже приятно,
я говорю: мне тоже из-за этого приятно.

Как видим, данная экспликация соответствует условиям успешности Серля: предварительное условие – Зная, что ты сделал так, что с тобой произошло нечто хорошее, предполагая, что тебе из-за этого приятно; условие искренности: мне тоже приятно; существенное условие: я говорю: мне тоже из-за этого приятно.

Таким образом, условия успешности акта, а также его семантическая экспликация фактически подводит нас к семантическому разложению перформативного глагола на соответствующие смысловые компоненты [Падучева 1985: 24; Баранов, Крейдлин 1992: 91]. Это видно и при описании семантической структуры глагола «поздравлять», выполненном Гловинской М.Я. [Гловинская 1993: 210], которое при переложении на немецкий язык имеет следующий вид: *X gratuliert Y zu P =*

«(1) X знает что актуально P, приятное для Y-а;
(2) X хочет, чтобы Y узнал, что X-у, как и Y-у, приятно P;
(3) X говорит словесную формулу, принятую для этого;
(4) X говорит это, чтобы Y знал, что X думает/помнит о нем и хорошо к нему относится».

Гловинская М.Я. не считает предложение «что P, приятное для Y-а, каузировано каким-то образом Y-ом» необходимым предварительным условием акта поздравления и не включает его в свое толкование, близкое к экспликации Вежбицкой А. Нам такая точка зрения представляется справедливой, поскольку поздравление, на наш взгляд, не может быть ограничено действиями или свойствами, приписываемыми говорящему или слушающему.

3.2. Поводы для поздравления

Ситуации – поводы для поздравления определяются культурными традициями, поэтому они легко поддаются исчислению. Например, С. Мартен-Клиф классифицируют поводы для поздравления следующим образом [Marten-Cleef 1991: 147]:

1) «переходные» ритуалы³⁰ как дни рождения (прежде всего совершеннолетие и «круглые» дни рождения), религиозные праздники (конфирмация) и семейные праздники (помолвка): *Ich gratuliere dir zur Konfirmation (G-E, 82); Lieber Großvati, ich gratuliere Dir zu Deinem Geburtstag und zu Deinem Heiratsfest (G-W, 161);*

2) особые успехи адресата как, например, успешно сданный экзамен, спортивная победа и др.: *Herzlichen Glückwunsch, Lone, zur Silbermedaille (L-K, 240);*

3) счастливые события, произошедшие без непосредственного вмешательства или специальных усилий адресата: *Sie will dich sprechen. Ich habe schon ein Dutzend Fragen an sie gerichtet, aber sie besteht darauf, mit dir zu quatschen. Herzlichen Glückwunsch! Du hast Eindruck auf die Dame gemacht (C-T, 43)*

Представляется, что ситуация, где поздравляют не по поводу календарного праздника, который наступает как бы сам собой, а по поводу достигнутого адресатом успеха или его индивидуальной удачи, является более значимой. Соответственно ожидается, что этот повод будет чествоваться поздравлением больше. С. Мартен-Клиф объясняет эту особенность поздравления его приспособляемостью: достигнутый адресатом результат поднимает его настолько, что это требует эмоционального признания говорящего, чтобы сгладить возникающие эмоционально-ценностные неровности и чтобы не возникло впечатление эмоциональной недоброжелательности (зависти). В этой ситуации облигаторно требуется не допускающее сомнений выражение участливой радости [Marten-Cleef 1991: 156].

Определяющим для всех названных поводов для поздравления является их значение лично для адресата. Но следует заметить, что в целом, как утверждает С. Мартен-Клиф, в немецкой культуре не принято специально поздравлять друг друга с Рождеством, а поздравление, например, по поводу дня рождения не только принято, но и ожидается, его

³⁰ «Переходные ритуалы» Ф. Коулмас [Coulmas 1981: 99] характеризует как события, которые знаменуют уникальные отрезки или переломные моменты жизни «общественного» человека (рождение, достижение половой зрелости или инициация, свадьба или смерть), регулирующие поведение окружающих его людей. Ф. Коулмас считает, что переходные ритуалы во многих культурах представляют собой поводы для поздравления и пожелания. Языковая дифференциация между частными и общими, циклическими и одномоментными поводами различается, однако в разных культурах . [Coulmas 1981: 151].

отсутствие считается странным, если не невежливым. И если отсутствие поздравления по поводу переходных ритуалов воспринимается часто как извиняемое нарушение правил («Говорящий, вероятно, забыл!») или как доказательство уже нарушенного взаимоотношения; то отсутствие поздравления по поводу успехов адресата или его неожиданной удачи (поводов, связанных с престижем адресата), воспринимается как знак антипатии («Говорящий, вероятно, завидует»).

Для поздравления важнее, чем для пожелания, сам факт его произнесения, который свидетельствует об заинтересованности и участии говорящего в жизни адресата. Отсутствие поздравления в релевантной ситуации говорит о снижении или даже отсутствии интереса к адресату и чувства единения с ним³¹. Причина такого трепетного отношения к, казалось бы, личным событиям заключается, вероятно, в том, что положительная ценность рассматриваемых ситуаций установлена общепринятыми общественными конвенциями (в немецкой культуре день рождения считается важным праздником³²) и нуждается поэтому в соответственном почитании³³.

С другой стороны, для успеха речевого акта поздравления не обязательно, чтобы говорящий действительно положительно оценивал повод для поздравления и действительно испытывал радость, которую он выражает. Соблюдение конвенций речевого общения предполагает, что особые успехи, удача партнера или важные события в его жизни оцениваются положительно и радость по их поводу разделяется окружающими. Вопрос об искренности поздравляющего не встает до тех пор, пока эти правила признаются и речевое действие совершается в соответствии с нормами.

Для поздравления важен эмотивный смысл, роль играют так называемые «чувственные конвенции», как их называет А.Р. Хохшильд

³¹ Эту мысль подчеркивает и подчеркивает Махвирт [Machwirt 1970: 78], утверждая, что важно не столько содержание поздравления и пожелания, сколько сам факт совершения этих речевых действий.

³² Следует, однако, оговориться, что в действительной оценке положения вещей мнение адресата может не совпадать с мнением партнера, например, в ситуации, если последний поздравляет с именинами как принято в католической церкви, а адресат является представителем иной конфессии и не придает этому празднику большого значения.

³³ Социальное соглашение о значимости частных праздников или особенных событий особенно четко просматривается в большом количестве и выборе поздравительных открыток. Интересным в этой письменной форме поздравления является факт, что небольшие возможности языковой реализации часто компенсируются особенно оригинальным и шутливым оформлением.

[Hochschild 1975: 573], или конвенции проявления чувств, которые, собственно, соблюдаются – в разной степени – при совершении всех экспрессивных речевых действий, Выражение радости при поздравлении – положительной эмфатической эмоции [Mees 1985: 10] – соответствует, как правило, существующей социальной позиции ожидания, к которой говорящий (более или менее осознанно) привязан. Поэтому сила, степень выражаемого чувства не имеет для описания действия поздравления центрального значения и нуждается только в общей характеристике, поскольку определяющей является не радость сама по себе (например, по поводу того, что адресат сдал экзамен), но и внутреннее, психологическое участие, заинтересованность в успехе партнера. Эмоциональный смысловой фон при выражении поздравления может варьироваться от простой радости (например, по поводу дня рождения партнера-друга) до гордости (например, по поводу успешно сданного выпускного экзамена) и восторга (например, по поводу выигрыша в лотерее). В целом следует отметить, что при поздравлении в распоряжении говорящего небольшой арсенал средств выражения различных нюансов чувств. Причина этому – сильная ритуализация действия поздравления, которая проявляется в стандартизации языковых средств.

3.3. Полиинтенциональность речевого акта поздравления

Будучи реализованными в контексте, этикетные формулы, входящие в состав речевого акта поздравления, наряду с инвариантным значением приобретают дополнительные ситуативно обусловленные интенциональные смыслы, зависящие от многих речевых факторов. Наиболее часто поздравление сопровождается выражением пожелания, обе интенции образуют неизменный, неразлучный «тандем», выводимый в поверхностную структуру в первую очередь лексическим оператором *Glückwunsch* и производным от него *beglückwünschen*, сама форма которых (→ *Glück wünschen*) свидетельствует о неполной экспликации этого интенционального гибрида; в высказывании *Herzlichen Glückwunsch zum Geburtstag, mein Schatz!* (G-V, 34) формально совершается речевое действие пожелания, но контекст однозначно сигнализирует имплицирование интенции поздравления. О том, что лексемы *Glückwunsch* и *beglückwünschen* превратились в системные синонимы поздравительному

перформативу *gratulieren*, можно судить по ставшим конвенциональными тавтологиям *ich beglückwünsche und wünsche*, например: *Ich beglückwünsche Sie herzlich und wünsche Ihnen weitere Erfolge* (K-T, 367). Однако языковой материал позволяет констатировать, что изолированное употребление слова *Glückwunsch* или *beglückwünschen* абсолютно доминирует и не требует никаких дополнительных операторов для проявления интенций пожелания или поздравления. И несмотря на всегда однозначно поздравительный дискурс функционирования рассматриваемых лексем, именно их обусловленное внешней формой значение стирает сомнения в выражении ими интенция пожелания и, следовательно, в интенциональной гибридности рассматриваемого речевого акта.

Поздравление и пожелание могут выражаться разными лексическими единицами и выражать названные интенции не одновременно, а последовательно, нанизываясь, как бусины, на единую ситуативно-специфическую мыслительную нить: *Gratuliere, Bernhard! Ich drücke Ihnen beide Daumen für Bochum <...>* (K-A, 145) – высказывание поздравления с успехом сопровождается речевым актом пожелания удачи в дальнейших начинаниях.

В пропозиции поздравления часто скрывается имплицитно-перформативное выражение комплимента, например: *Gratuliere. Sie besitzen einen ausgesprochen guten Geschmack* (H-M, 129) – говорящий поздравляет адресата с удачно найденными дизайнерскими идеями, одновременно совершая речевое действие комплимента, который как таковой и воспринимается партнером. Речевой акт *Glückwünsche. Das hier ist super <...>* (M-H, 313) можно, следовательно, интерпретировать как *Ich mache dir ein Kompliment, weil ich finde, du hast hier alles super gestaltet; ich gratuliere dir zu deinem Erfolg und wünsche dir auch weiter viel Glück.*

Поскольку поздравление всегда связано с успехами адресата в той или иной сфере, для достижения которых он приложил некоторые усилия, то говорящий, индивидуализируя основное речевое действие (поздравление), эксплицитно выражает положительную оценку действиям, стараниям, умениям партнера, рассчитывая на положительную эмоциональную реакцию последнего, то есть совершает одновременно речевой акт похвалы, например: *Mein Gott, das ging aber schnell. Meinen Glückwunsch, alter Junge. Gut gemacht <...>* (M-H, 187).

Поздравление сочетается также с выражением многих других интенций, вряд ли поддающихся исчислению, что свидетельствует о когнитивном многообразии человека как *homo sapiens* и неисчерпаемом разнообразии ситуаций общения. Приведем лишь некоторые из возможных примеры:

- *Ich gratuliere, Kläuschen. und ich bin so stolz auf dich, ganz schrecklich stolz auf dich (T-L. 59)* – речевой акт поздравления сопровождается выражением эмоциональной положительной оценки, сопряженной с подчеркнута эмоциональной ассертивной экспликацией реляционного смысла – открытым заверением в гордости говорящего за успехи партнера. Этот пример показателен для подтверждения тезиса об одновременной реализации не только интенциональных, но и эмотивных смыслов. Поскольку речевой акт поздравления является, как уже говорилось, выражением со-радости, то совершенно логично, что искреннее индивидуализированное поздравление всегда сопровождается экспликацией комплекса эмоций – от сдержанного одобрения до большой радости, восторга. Поздравление как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию и оценку, превращаясь в многоглавую эмотивную сущность.

- *Gratuliere, du hast den Vogel abgeschossen. Du wirst den Preis natürlich nicht annehmen (L-Ex, 237)* – речевой акт получает неожиданное продолжение: поздравив адресата с успехом, говорящий настоятельно рекомендует (в форме уверенного утверждения, что подчеркивает настоятельность рекомендации, превращая ее практически в веление) не принимать предусмотренный за победу приз. Лишь контекст и пресуппозиции общения дают нам возможность инферировать причины такой необычной реакции – говорящий – организатор соревнования по стрельбе – запрещает сыну – незапланированному победителю получать награду, чтобы не дать злым языкам повода для досужих разговоров о нечестности релевантных лиц и семейственности всего предприятия.

- *Auch ich gratuliere. Sie wissen sicher, was diese Wahl bedeutet: einen Monat lang, in jeder Woche einmal, dürfen Sie sich ein Ereignis aussuchen, an dem Sie gern teilnehmen möchten. <...> Die Redaktion macht alles möglich und übernimmt die Kosten (L-GM, 75)* – речевой акт поздравления

сопровождается детальным пояснением благ, прилагающихся к удаче адресатов, выбранных семьей месяца (*Glücksfamilie des Monats*).

Высказывания поздравления всегда являются показателем определенного типа отношений между говорящим и адресатом, вербальное проекцией положительного реляционного смысла: поздравляют тогда, когда хотят подчеркнуть свое внимание к адресату, заботу о нем. Поэтому так показательна содержательная наполненность поздравления, по которой адресат может узнать об отношении говорящего к себе: является ли это внимание машинальным, просто привычкой соответствовать социальным конвенциям или особое, предполагающее некую степень интимности в отношениях участников коммуникации. Полиинтенциональность поздравления, как и специальные языковые показатели эмотивности, свидетельствует о некотором «смятении чувств», желании сказать много и сразу.

3.4. Поздравление в составе диалогического единства.

Поздравление как реакция. Как уже указывалось выше, ситуация поздравления предполагает, что говорящий правильно оценивает некоторые события из жизни адресата как положительные и согласно этикету поздравляет его. Значит, можно утверждать, что при поздравлении мы имеем дело с реактивным речевым актом, стимулом для которого являются самые разнообразные жизненные ситуации, индивидуально оцениваемые партнером как бенефактивные или имеющие положительный оценочный знак в соответствии с культурными традициями языкового коллектива. Например, речевой акт *Ich wollte dir nur gratulieren. Mit deiner Bäuerin kannst dich wahrlich sehen lassen* (M-W, 20) представляет собой адекватную реакцию на первое появление на людях «новоиспеченной» супружеской пары, поздравление при этом касается не только важного события в жизни адресата – его женитьбы, но и успешного выбора жены, которую, по мнению говорящего, не стыдно показать окружающим (поздравление сливается, по сути, с речевым актом комплимента).

Поздравление может быть рикошетной реакцией на поздравление партнера, если наступление положительного положения дел (сданный экзамен, победа в соревновании, выигрыш в лотерее и др.) касается обоих,

например: – *Herzlichen Glückwunsch, Lone, zur Silbermedaille. – Ich gratuliere zur Bronzemen, Jan (L-K, 381)*. Такая реакция в ситуации обоюдного успеха партнеров также является конвенционально ожидаемой, отсутствие взаимного «поглаживания» часто свидетельствует о сознательном нарушении норм поведения с целью невербального маркирования (молчанием как нулевым речевым актом) антипатии к собеседника,

Контексты поводов для поздравления, касающихся обоих участников общения, являются, скорее, исключением, чем закономерностью (вряд ли возможен коммуникативный ход как *- *Herzlichen Glückwunsch zu deinem 1. Platz! – Dir ebenfalls!*). Но это исключение подтверждает постулированное выше отличие поздравления (*beglückwünschen*) от пожелания (*Glück wünschen*), заключающееся в том, что диалогическое единство с поздравлением принципиально не может принимать образ «эхо-секвенции» [Coulmas 1981: 150]. При пожелании же адресат как эстафетную палочку принимает ход в разговоре от говорящего и всегда имеет возможность передать его обратно выражением взаимного пожелания. Например: – *Alles Gute für die Zukunft! – Danke gleichfalls! Dir auch! (разг. речь)*.

Партнер по разным объективным обстоятельствам не всегда бывает в курсе актуального положения дел, требующего реакции в виде поздравления. В таком случае собеседник сам сообщает ему новости о последних событиях, надеясь на совершение им соответствующего речевого действия, ожидая его: – *Flip, alter Freund, stell' dir vor, Bebsy hat sich mit mir soeben verlobt. – Gratuliere <...> (K-VA, 100); Beglückwünsche mich, Liebste, denn ich bin sehr glücklich! (M-Bt, 81)*

Р е а к ц и я н а п о з д р а в л е н и е . Поздравление как ритуал требует, в свою очередь, обязательных ответных ритуальных речевых действий от адресата – как правило, это высказывания благодарности, являющиеся самой простой и наиболее частой реакцией на поздравление и планируемым перлокутивным эффектом: – *Gratuliere zu Ihrem Geburtstag! – Danke, für mich ist jeder Tag ein Geburtstag (L-D, 204)*

Но пресуппозиции партнеров в общении иногда значительно отличаются друг от друга, так что один из собеседников может по той или иной причине оказаться обладателем информации о достойных

поздравления событиях, неизвестной другому, В такой ситуации логичной реакцией на поздравление является удивление и вопрос о причине нестандартного «прочтения» поздравляющим событийного фона общения, например: – *Ich bin gekommen, um Sie zu beglückwünschen. – Beglückwünschen? Mich? <...> (K-A, 262)*. Явная «непрозрачность» повода и искреннее недоумение адресата подчеркиваются эмоциональной структурой его ответной реплики, представляющей собой последовательность однословных эллипсов. Ненаигранная обескураженность реакции требует от отправителя поздравления пояснения, которая и является третьим репликовым шагом данного коммуникативного акта: – *Ja, Doktor. Nachträglich. Sie haben Glück, noch am Leben zu sein*

Реагируя на пропозицию поздравления (часто имплицированной в связи с ее очевидностью для обоих партнеров), говорящий имеет возможность согласиться с положительной оценкой своих успехов, которая не обязательно выражается эксплицитно, но легко выводится из контекста общения, например: *Gratuliere, Bob! – Wenn das rauskommt, werden sie drüben bei M&R ein paar Leute aus dem Fenster schmeißen (M-H, 156)* – адресат поздравления, находясь в эйфории от успеха рискованного предприятия, «не слышит» речевого акта партнера и рассуждает о возможных следствиях своей удачливости.

Противоположной реакцией на пропозициональное содержание поздравления может быть также его отклонение по некоторым причинам, например: – *Jetzt will er auch noch ein Buch über mich schreiben. – Ach. da gratuliere ich dir aber. – Ich will nichts davon wissen. <...> (J-B, 111)* – адресат выражает недовольство по поводу для поздравления (предполагаемое написание книги о нем), рассматривая его в собственной, отличной от общепринятой, системе ценностей, в которой возможность стать героем литературного произведения оценивается отрицательно.

Если оценки события адресатом поздравления, представленная в пропозиции, не совпадает с оценкой адресанта, перлокутивный эффект поздравления может быть неожиданным, вплоть до обратного, как, например, в следующей ситуации, где адресат считает, что он и обстоятельства его жизни не «заслуживают» ни положительной оценки, ни поздравления, и реагирует на речевое действие крайне отрицательно,

переноса неспособность дать адекватную оценку на личность поздравляющего: – *Nein, wirklich sehr geschmackvoll, äußerst geschmackvoll. Ich muss Ihnen gratulieren. Tatsächlich! – Ursulas schiefer Mund gerät noch eine Spur schiefer. Ein Waschlappen, sonst nichts. Er wagt keine Auseinandersetzung mit mir. Der Kerl hat kein Rückgrat* (H-M, 19). Интересно, что даже в таких обстоятельствах и при всей агрессивности отношения к партнеру адресат все же соблюдает внешние приличия и оставляет истинную реакцию на высказывание собеседника во внутренней речи. В следующем примере ситуация несколько иная – адресат не считает себя причастным к удаче и, следовательно, не признает себя объектом поздравления, что и декларирует в своей реактивной реплике: – *Dann bist du obendrein auch noch ein Glückspilz. Auch dazu gratuliere ich dir. <...> – Diesmal stand das Glück sowieso auf unserer Seite <...>* (M-S, 305). Причиной такого неприятия поздравления в подобной ситуации можно, вероятно, считать также стремление минимизировать собственные успехи, достижения, даже степень удачливости, поскольку их безоговорочное признание граничит с самопохвалой, которая табуируется социальными конвенциями.

3.5. Языковое воплощение речевого акта поздравления

Языковое воплощение речевого акта поздравления включает единицы различных уровней, которые имеют структуру четких формул, устоявшихся в языке, или изобретенных отправителем окказиональных единиц. Исследование показывает, что клишированные формулы представлены в языке в преобладающем большинстве, причины чему следует, вероятно, искать в исторических корнях светских ритуалов, когда любой неверный шаг, не к месту сказанное слово могли стоить релевантному лицу не просто положения при дворе, но часто свободы и даже жизни. Отточенная в течение столетий, отмеренная до миллиметра ритуальная вежливость, разученные вербальные «поклоны» снижали риск неправильной интерпретации высказывания, исключали двусмысленности при его восприятии адресатом, но, несомненно, ограничивали гибкость и вариативность выражения интенции.

Ритуализированность речевого действия поздравления и ограниченность количества форм его реализации особенно касаются «переходных ритуалов» (дни рождения, календарные даты и т.д.). При

поздравлении с иными событиями в жизни собеседника (особая удача, успех) говорящий пытается преодолеть ограничения и внести некоторую вариативность в его выражение.

Прямое поздравление. Полная реализация речевого акта поздравления предполагает интенциональное речевое действие (*ich gratuliere*) и называние события-повода (*zu ...*), таким образом, матричная формула речевого акта поздравления может быть представлена в следующем виде: *Ich bewerte die aktuelle Sachlage/die letzten Ereignisse als günstig für dich und gratuliere dir dazu (zu deren Eintritt)*. Эта прототипная формула коррелирует с перформативным клише *Ich gratuliere dir zu ...* как, например, в высказывании *Ich gratuliere Dir zum Glück Deines Sohnes (K-T, 438)*. Эта матрица лежит в основе всех высказываний поздравления, в какие бы внешние формы они не облекались; скрытая, подразумеваемая часть высказывания *Herzlichen Glückwunsch zum Examen, Delia (G-V, 23)* эксплицируется нами как *Ich gratuliere dir zum Examen, Delia und spreche dir meinen herzlichen Glückwunsch dazu aus*.

Полнокомплектные речевые акты поздравления встречаются в первую очередь в праздничном, подчеркнуто торжественном, а также статусно маркированном дискурсе, где важно напомнить, что именно говорящий совершает речевой акт (и выражает тем самым симпатию к адресату), и подчеркнуть, что именно адресат и его жизненная сфера являются объектом интереса отправителя поздравления. Стратегически важным в такой ситуации является и называние повода для поздравления, хотя и этот элемент ритуала является избыточным и противоречит правилам речевого общения, предполагающим имплицирование прагматических пресуппозиций, то есть самоочевидной или хорошо известной информации [Клюев 1998: 88]. Но ритуальное название повода для поздравления выделяет его значимость, придает высказыванию коммуникативный объем, подчеркивает торжественность ситуации.

Таким образом, можно констатировать, что поздравление является эксплицитно-перформативным речевым актом, ликоподдерживающий интенциональный смысл доминирует в его смысловой структуре. Информативная формула поздравительных перформативов включает иллокутивный и пропозициональный компоненты.

Иллокутивная часть высказываний поздравления. Предикат эксплицитно-перформативных высказываний поздравления выражается перформативными глаголами *gratulieren* и *beglückwünschen*³⁴ (*Das höre ich gern und beglückwünsche dich zu deiner Gottesklugheit (M-J, 1073)*), а также отглагольным дериватом *Glückwunsch*, как правило, в сочетании с (имплицитно представленным) функциональным глаголом (*darbringen, anbringen, abstaten, ausdrücken, aussprechen*), например: *Ich habe Ew. Majestät meine Glückwünsche dargebracht zu dem wahrlich beneidenswerten Lose, der Herrscher über ein so glorreiches Land wie Portugal zu sein <...>* (M-BK, 609).

Варьирование иллокутивной части высказываний поздравления связывается в первую очередь с полнотой ее представленности, то есть с наличием или отсутствием элементов, называющих адресата и адресанта, а также с формой их репрезентации. Оба антропокомпонента могут опускаться – присутствие обозначаемых ими лиц при общении делает их название избыточным, а валентность перформатива допускает имплицитирование зависимых актантов, В целом опущение антропокомпонентов создает особую естественность, фамильярность общения, например: *Gratuliere zum Sündenbekenntnis (K-T, 703); Herzlichen Glückwunsch (L-FS, 185)* (ср. чопорно-официальное *Ich spreche hiermit meinen herzlichen Glückwunsch aus*). Синтагматика изолированного употребления существительного *Glückwunsch*, требуя опущения зависимых актантов в роли грамматического субъекта, допускает, однако, название отправителя высказывания в форме соответствующего притяжательного местоимения: *Auch in meinem Namen: herzlichen Glückwunsch und so weiter (L-GM, 74)*. А для адресата в случае такой представленности иллокутивного компонента и узуальной невозможности названия грамматического объекта речевого акта (**Meinen Glückwunsch für dich!*) существует возможность репрезентации его в форме обращения,

³⁴ Глагол *beglückwünschen* является прямым переводом латинского *gratulari = Glück wünschen* и поэтому идеографическим синонимом глагола заимствованного в 16 веке глагола *gratulieren* [Duden 1998: 252]. По аналогии с другими перформативами, функционирующими в социативных речевых актах, квалифицируем названные глагольные лексемы как глаголы со значением социальной активности, по определению Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976: 126] (они активно воздействуют на межличностное взаимодействие), а также как глаголы со значением активно проявляемого чувства [Кубик 1977: 127] и глаголы эмоционально-оценочного значения [Золотова 1988: 362; Вольф 1985: 163].

значительно индивидуализирующего поздравление, снижающего степень его формальности, клишированности: *Glückwunsch, Clarissa (S-Tr, 36)*.

Эксплицитно-перформативное выражение основной интенции речевого акта поздравления модифицируется в направлении усиления или снижения иллокутивной силы высказывания, его эмотивности. Основными лексическими операторами порождения эмотивного смысла являются положительно-оценочные наречия и прилагательные или предложные группы – интенсификаторы эмоциональной выразительности речевого действия, наиболее частотные из них *herzlich, aufrichtig, von Herzen: Und nun noch einmal: herzlichen Glückwunsch. Und diese Blumen für Sie (L-GM, 75); Gratuliere Ihnen aufrichtig! Da haben Sie was Gutes, was Reelles <...> (M-B, 152); Ein bisschen verspätet, aber dennoch von Herzen: meine allerherzlichsten und liebevollsten Wünsche zu deinem Geburtstag! (разг. речь)*. Еще большая степень интенсивности воздействия иллокутивной силы достигается употреблением превосходной степени наречий и прилагательных при квалификации предиката: *Meinen tiefgefühltesten Glückwunsch, Kleiner (M-G, 24)*.

Выражение интенции в иллокутивной части речевых актов поздравления часто модифицируется включением в предикатную структуру модальных глаголов, «прикрывающих» перформативную представленность интенции и. окрашивающих смысл всего высказывания дополнительными модальными оттенками. Анализ языкового материала позволяет нам констатировать, что в таких квазиперформативных речевых актах возможно употребление всех предикатов внутреннего состояния, как называет модальные глаголы Падучева Е.В. [Падучева 1985: 21], – факт, противоречащий утверждению С. Мартен-Клиф, считающей значения возможности и необходимости не совместимыми с интенцией выражения поздравления [Marten-Cleef 1991: 152]. Наши наблюдения приводят нас к противоположному выводу – популярности глагола *können* и реальной представленности глаголов *müssen* и *sollen*, что в очередной раз доказывает нерациональность установления жестких рамок при определении сферы функционирования языковых явлений – язык, как живой организм, чутко реагирует даже на малейшие нюансы ситуации общения и отношений между партнерами, предлагая для их выражения порой самые неожиданные, окказиональные, непрототипические средства. Поэтому

правильнее говорить не о невозможности употребления тех или иных средств в некоторой ситуации, а о рестрикциях, действующих при этом.

Ограничения касаются, например, функционирования глагола *dürfen*, появляющегося при особенно вежливом поздравлении, как правило, в форме вопросительного высказывания: *Emily, darf ich dir jetzt zu deinem Geburtstag gratulieren <...>* (M-S, 481). Конвенциональная ответная реплика адресата – благодарность (*Danke, Matthew. Ganz herzlichen Dank*) – доказывает совершение речевого акта поздравления, а не запроса разрешения на него. Глагол *dürfen* в высказывании в форме утверждения теряет оттенок несмелого поздравления, когда говорящий в случае принципиально возможного отрицательного ответа (*Nein, du darfst nicht*) ретируется, отложив попытки совершения запланированного речевого акта на более благоприятный момент. Ассертивная форма поздравления, напротив, приобретает настойчивость, даже некоторую безапелляционность, обусловленную правом говорящего (часто самостоятельно присвоенным или предусмотренным положением) совершать любые речевые акты, в том числе и поздравление: *Was ich gesehen habe, verdient höchste Anerkennung, Herr Minister, ich darf Sie zu Ihren Leistungen beglückwünschen* (L-G, 144). Очевидно, что говорящий употреблением глагола *dürfen* в приведенном высказывании подчеркивает свой приоритет и статусность, официальность обстановки совершения речевого действия.

Идентично *dürfen* функционирует глагол *erlauben*, имеющий системное значение обладания правом, разрешением: *Da erlauben Sie mir aber, Sie herzlich zu beglückwünschen!* (M-Z, 344); *Ich erlaube mir, Sie zu beglückwünschen* (L-F, 37).

Модальные глаголы *wollen* и *mögen* употребляются в высказываниях поздравления в целом без ограничений (чаще всего в форме второго конъюнктива): *Ich möchte dir gratulieren. Amerikaner sind heutzutage Mangelware <...>* (M-H, 417); *Ich wollte dir nur gratulieren. Mit deiner Bäuerin kannst du dich sehen lassen* (M-W, 20). Функции, выполняемые этими операторами модального смысла, идентичны во всех экспрессивных речевых актах – совершение некоторого «разбега» перед реализацией основной интенции, кроме того, вербализация преднамеренности, осмысленности речевого действия, маркирование его неспонтанного и,

следовательно, неритуального характера. В следующем примере индивидуализированность поздравления поддерживается большой эмотивной плотностью средств его выражения: *Und da es die Stunde der Glückwünsche ist, wollen wir dich auch dazu beglückwünschten, – dich beglückwünschen vor allem dazu, dass du unter uns bist, dass du in Sicherheit bist, dass es gelang, dir im letzten Augenblick den Weg zu uns zu bahnen* (M-A, 852).

Глагол *können*, выражающий, как известно, способность или возможность совершения действия, тоже очень тонко нюансирует поздравления, пользуясь при этом, как правило, поддержкой других смыслопорождающих операторов. Например, высказывание поздравления с успешным, по мнению говорящего, принятием решения *Zu dieser Wahl könnte ich dich nur beglückwünschen* (L-P, 62) предполагает такую степень обезоруженности говорящего правильностью выбора, что он признает себя способным только совершить речевое действие поздравления и отказывается от какого бы то ни было комментария.

Наконец, глагол со значением необходимости *müssen* уже по определению вносит в высказывание элемент вынужденности, незапланированности события – повода для поздравления: *Nein, wirklich sehr geschmackvoll, äußerst geschmackvoll. Ich muss Ihnen gratulieren* (H-M, 19). Гибридный речевой акт, сочетающий поздравление с комплиментом (художник адресует комплимент хозяйке дома, нашедшей, по его мнению, интересные дизайнерские решения) показывает неожиданность увиденного и некоторую обескураженность говорящего. Искреннее восхищение заставляет его на какой-то момент забыть о правилах приличия и выдать употреблением глагола *müssen* его невысокую предварительную оценку способностей адресата. Такое функционирование *müssen* сближает его с описанным выше контекстом использования глагола *können*: у говорящего нет иного выхода, кроме как признать достоинства адресата и поздравить его с обладанием ими.

Примеров употребления глагола *sollen* в контексте прямого речевого акта поздравления нам не встретилось, что, однако, на наш взгляд, свидетельствует о невысокой частотности, но не невозможности функционирования этого глагола в рассматриваемой сфере. Не вызывают сомнения такие потенциально возможные высказывания как *Ich soll dir*

gratulieren, передающее волю третьего лица, но не включающее говорящего в число отправителей поздравления, что должно, вероятно, свидетельствовать об особом, возможно, негативном, отношении говорящего к адресату, нежелании его поздравлять. Реальными являются также такие высказывания как *Soll ich dich (zu...) beglückwünschen?/Soll ich dich wohl beglückwünschen?*, указывающие на неуверенность говорящего в существовании повода для поздравления, но в случае наличия такового рассматриваемые как совершение соответствующего речевого действия.

В целом следует подчеркнуть, что квазиперформативные высказывания поздравления, модифицированные модальными глаголами, являются стилистически маркированными как формы подчеркнуто вежливые, и, как и при выражении других речевых действий, содержат мысль не о желании, возможности или необходимости совершить действие, а исполняют роль самого действия «здесь» и «сейчас», то есть являются эквиакциональными. Причинами появления модификаторов являются эмоциональная дистанция между коммуникантами, степень языковой компетенции адресанта, его психологический облик.

Далее следует констатировать непредставленность в немецком языке третьего члена перформативной парадигмы речевых актов поздравления – имплицитно-перформативных высказываний. Невозможность и неправильность интерпретации высказываний типа *Du hast Geburtstag!* как *Ich gratuliere dir zum Geburtstag, indem ich sage, dass du Geburtstag hast* свидетельствует об обязательной вербализованности иллокутивной части высказывания поздравления, без этого облигаторного компонента речевой акт поздравления несостоятелен.

Пропозициональная часть высказываний поздравления. Пропозиция эксплицитно-перформативных высказываний поздравления может быть представлена развернуто и быть выражена:

- простой номинацией повода для поздравления нейтральным существительным (*Examen, Geburtstag, Konfirmation, Heiratsfest, Medaille, Erfolg, Leistung* и др.), например: *Herzlichen Glückwunsch zum Geburtstag, mein Schatz (G-V, 34);*

- распространенной номинацией повода для поздравления в виде самостоятельных или придаточных предложений, например: *Wolle und Grannen in gutem Verhältnis. Gratuliere! (S-B, 64); <...> dann bestätigen Sie*

mir die Übergabe und sind der Besitzer des Hofes, wozu ich Ihnen jetzt schon gratuliere (F-E, 17); Martha, du hast vorhin wunderschön auf dem Cembalo gespielt! Meinen Glückwunsch! (U-M, 52).

Пропозиция может быть свернута и ограничена местоименным наречием, отсылающим к названному ранее или эксплицируемому из контекста поводу для поздравления: – *Fünf nach, und meine Uhr geht genau. – Ich beglückwünsche dich dazu, eine genaue Uhr ist tatsächlich das, was wir augenblicklich dringend nötig haben. Ohne Uhr wären wir angeschissen (L-S, 31)* – развернутая пропозиция указана в инициативной реплике адресата поздравления, в собственно высказывании поздравления она повторяется в свернутом виде (*dazu*).

Наконец, пропозициональная часть высказывания может быть представлена имплицитно, это происходит в том случае, если коммуникативная ситуация подсказывает содержание мотива поздравления: *Gratuliere, Bernhard! (K-A, 145)* – поздравление адресовано человеку, перенесшему тяжелую травму и с трудом добившемуся дополнительной операции в известной клинике. Знания об этих обстоятельствах является частью прагматической пресуппозиции обоих участников общения, кроме того, повод для поздравления эксплицируется в инициативной реплике адресата, сообщающей последние новости, достойные поздравления: *Es ist erreicht! Ich komme nach Bochum! Dort wird man meinen Haxen wieder hinkriegen!* В следующем примере повод для поздравления является частью ситуации общения – поздравление произносится в связи с покупкой большой собственности, описание которой предшествует высказыванию поздравления: <...> *Schließlich wurden die Papiere unterzeichnet, der Bankwechsel über eine knappe halbe Million Pfund wurde begutachtet und für korrekt befunden, und die Polizeistation war in Simons Eigentum übergegangen. <...> – Gratuliere, Herr Besitzer. Bereust du es nicht? (M-H, 200).*

Все описанные и аналогичные им высказывания поздравления укладываются в рамки одной синтаксической модели:

$$(N_1) + V_{\text{fin}} + (N_3/N_4 + \text{zu} + N_3),$$

где спрягаемый глагол выражается глаголами *gratulieren*, *beglückwünschen*, или предикативными словосочетаниями *Glückwunsch (Glückwünsche) darbringen, anbringen, aussprechen, ausdrücken*. Небольшие

вариации модели связаны с имплицитной/эксплицитной представленностью пропозиции и участников акта общения. Такое небольшое модельное разнообразие рассматриваемого речевого акта подтверждает факт, что поздравление является типизированной формулой с установившейся структурой

К о с в е н н о е п о з д р а в л е н и е . Клишированный характер и обязательная перформативность поздравления практически исключает возможности непрямого выражения интенции, поэтому категория косвенных высказываний поздравления ограничивается небольшим набором редко встречающихся структур, в основном окказиональных, случайных. Образцами таких неграмматикализованных косвенных/гибридных речевых актов могут, например, служить следующие, скрывающие основную интенцию за формулами вежливости – (1) извинением за нетерпение и (2) эксплицитным, а потому особенно торжественным выражением радости по поводу успеха адресата: (1) *Verzeihen Sie meine Ungeduld, wenn ich mir erlaube, Sie zu beglückwünschen* (L-G, 128); (2) *Lieber Herr Martini. ich bin, wie gesagt, sehr erfreut, Sie zu Ihrem großen Erfolge beglückwünschen zu können* (M-KH, 175).

Единственной конвенциональной косвенной формой поздравления является поздравление-пожелание: *Alles Gute zum Geburtstag und viel Glück im weiteren Leben!* (разг. речь), которое, однако, тоже подчиняется определенным рестрикциям – эта формула может появляться только в ситуациях поздравления, поводом для которых являются переходные ритуалы, но абсолютно исключаются при поздравлениях с успехами или удачей адресата (**Alles Gute zu deiner großen Leistung!*). Этот факт в очередной раз подтверждает правильность мнения об имплицитной представленности поздравления в таких высказываниях, эксплицирующих только вторую часть полииллокутивного речевого акта – пожелание. Формула *Alles Gute!* является идеальным образцом клише и полностью соответствует всем центральным признакам этой практически лексикализованной языковой формы, выделенным Ф. Коулмасом [Coulmas 1981: 81]: она предсказуема, облигаторна и понятна в специальной ситуации, несмотря на свою эллиптичность. Эта формула может варьироваться, но в очень небольших пределах – можно пожелать *Alles*

erdenklich Gute, Alles Beste, Alles Liebe, но узуально не **Alles Schöne, *Viel Gutes, *Das Beste*.

Косвенные высказывания с изменением референциальной отнесенности встречаются при поздравлении крайне редко, что объясняется все теми же причинами – важностью ритуального действия поздравления для поддержания межличностных отношений, возможностью неправильной интерпретации речевого акта, совершенного с отступлениями от конвенциональных форм. Опасения прагматической неудачи вполне оправданы, примером чему может служить следующее высказывание, произнося которое, говорящий не включает себя в отправителя поздравления: *Beglückwünschen kannst du dich, da dir gelungen ist, was du erreichen wolltest (L-V, 199)*. Это речевое действие никаким образом не может быть воспринято как ликоподдерживающее, скорее наоборот, предложение поздравить самого себя имплицитно подразумевает нежелание говорящего совершать требуемый ситуацией речевой акт, а, следовательно, отрицательную оценку достигнутого адресатом успеха или средствам его достижения. Значит, можно констатировать доминирование в этом высказывании не интенционального смысла (выражение поздравления), а эмотивного, в первую очередь реляционного – дефинирование отношения говорящего к партнеру. При трансформации же этого высказывания в соответствии с нормами ритуала мы получаем доброжелательное поздравление, выражающее положительную оценку успехов адресата и радость по этому поводу: *Ich kann dich beglückwünschen, da dir gelungen ist, was du erreichen wolltest*.

Главным итогом краткого анализа речевых актов поздравления являются четкое определение их как строго формализованных, типизированных речевых актов, не имеющих практически свободного пространства для вариаций. Важным выводом является также невозможность импlications интенциональной части речевого акта, что подчеркивает доминирующую роль интенционального смысла в целостном смысле высказывания.

Глава III. ИНФЛУКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Речевые акты выражения эмотивно-оценочного отношения говорящего к явлениям окружающего мира не упоминаются в работах Дж.Р. Серля и Дж.Л. Остина, на это впервые обратила внимание В.Н. Телия в связи с анализом эмотивно-оценочных лексем: «Мы полагаем, что для того, чтобы выразить неодобрение, презрение, пренебрежение или одобрение как иллокутивную силу, можно прибегнуть к прямому вердиктиву типа: Я презираю тебя, Я одобряю тебя или же к эмотиву: Ты – Иуда <хриstopродавец <...> И поскольку презрение, пренебрежение и т. п. – не вердикты суда, а «приговоры души», то эксплицируемые в речи чувства-отношения можно назвать эмотивами (не порывая традиции с их семантическим статусом, определяя их как эмоциональные перформативы: Я презираю тебя /уничтожаю / одобряю и т. п.)» [Телия, 1996: 210].

Речевые акты эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, как их понимает Телия В.Н. — это речевые акты эмоционального самовыражения, поводом для которого является ощущение говорящим несоответствие адресата и его поведения норме или представлениям говорящего о ней.

В речевых актах, названных нами актами эмотивно-оценочного отношения и эмоционального воздействия, выражаются не только чувства-состояния (по Телия В.Н.), но и чувства-отношения, неразрывно связанные с рациональной оценкой воспринимаемого, пропущенной через эмоциональную сферу психики [Графова 1987]. Это всегда воздействия, направленные вовне, связанные с нормами, социальными (интегрирующими людей в общество) и ролевыми (права и обязанности одного лица по отношению к другому, формирующие систему социального взаимодействия). Поскольку все конвенциональные нормы нарушаются, предусматривается принуждение для их соблюдения. «Действия, которые предполагается осуществить в случае выполнения или невыполнения нормы субъектом, обычно нормируются в виде поощрений и наказаний <...>. Роль санкции как регулятора поведения – предупреждать повторения нарушения и закреплять положительный опыт следования норме» [Ишмуратов, 1987: 87-88]. Одобрение, похвала – неформальные позитивные санкции, порицание, замечание, насмешка, издевка,

неодобрение, недоброжелательный отзыв, пренебрежение – неформальные негативные санкции к тем, кто нарушает социальные нормы [Кравченко 1996: 103-104]. Предпосылкой целесообразности и успешности речевых актов эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия является тот факт, что в результате социализации членам общества свойственно нравственное сознание, господствующее в данной национальной духовной культуре, т.е. происходит принятие индивидами характерных для этой культуры поведенческих норм. В обществе существуют конвенции, по которым то или иное поведение считается предосудительным или похвальным, в том числе и в виде неписаных правил, не всегда вполне осознаваемых индивидами.

1. РЕЧЕВОЙ АКТ КОМПЛИМЕНТА

Комплимент как речевой акт прочно закреплен в повседневном речевом общении. Если не во всех, то во многих языковых обществах обмен комплиментами является общепринятой стратегией вежливости.

1.1. Комплимент как речевой акт. Общая характеристика.

Определение. Как правило, комплимент определяется как ритуализированная (не всегда искренняя) оценка объектов, которая прямо касается партнера; совершением речевого действия комплимента говорящий стремится убедить адресата в своем уважении. Так дефинирует комплимент, например, Адамчик К. [Adamzik 1984: 269]. Подобное определение не учитывает прототипического понятия «подлинного» комплимента, под которым мы понимаем высказывания восхищения положительными качествами человека, рассматриваемыми как нечто данное природой, уникальное. Такой комплимент «мифологизирует» адресата, возносит его до необыкновенных высот, указывает на прецедентность его качеств.

Объединив вышеприведенные «узкие» характеристики, получаем следующее общее, «широкое» определение комплимента как речевого акта: Complimentом можно считать всякое направленное на адресата высказывание искреннего восхищения его положительными качествами или их ритуальную положительную оценку, выражаемую говорящим с целью убедить собеседника в своем уважении. Дж. Холмс похоже определяет рассматриваемый речевой акт, выделяя критерии, которым должен отвечать комплимент, чтобы вообще считаться комплиментом: Compliment – это речевой акт, который эксплицитно или имплицитно приписывает кому-либо другому, не говорящему, как правило, адресату, что-либо «хорошее» (собственность адресата комплимента, его качества, умения и т.д.), которое положительно оценивается говорящим и слушающим. В большинстве случаев комплименты имеют оценку «хорошо» для адресата, и даже если комплименты явно относятся к третьему лицу, они могут быть косвенными комплиментами адресату [Holmes 1987: 465-466].

Ф у н к ц и и . Compliment как вежливое речевое действие, выполняет в процессе коммуникации множество функций. Одной из самых важных является психолого-эмоциональная функция: считается, что социальный индивидуум только тогда может поддерживать свою идентичность, если ее принимают другие. Наблюдения показывают, что каждая психологически здоровая личность имеет тенденцию к мотивационно искаженному в положительную сторону, не соответствующему действительности, представлению о себе. Поэтому для подтверждения самооценки человек ищет признания, уважения партнера. Посредством комплиментов может быть создана атмосфера взаимного участия и доверия, в которой один партнер может быть уверен в протекции другого. Лестное признание достоинств друг друга повышает чувство собственного достоинства каждого участника общения; ритуально-игровым реверсом естественного чувства превосходства говорящий снижает социальное напряжение, создает предпосылки для приветливой, приятной кооперации.

Конвенции обмена формулами вежливости дают участникам общения схему интерпретации социальных позиций, действий и интенций – поведение партнера становится для обоих интерактантов прогнозируемым, калькулируемым. Благодаря ритуальному структурированию общение становится вдвойне «надежным» – предсказуемым и не опасным (лишенным злого умысла), что позволяет его участникам взаимно определять перспективы действия, не подвергая их неудачам, значит, можно говорить о когнитивной функции, выполняемой комплиментами.

Compliment служит для того, чтобы выразить адресату или третьему лицу положительную оценку говорящего. Если compliment адресован слушающему, то можно предположить, что он вызовет положительную реакцию реципиента. Он испытывает положительные эмоции, поскольку он, во-первых, находит подтверждение, признание своих успехов или внешних качеств, а во-вторых, поскольку его успех и, следовательно, он сам как личность находит признание у другого лица – говорящего. В результате создается – на основе возникшей общности взглядов, интересов, вкусов – социальная связь между индивидами. Другими словами: говорящий солидаризируется со слушающим. Это еще одна

функция, которая приписывается речевым актам комплимента: Изъявление солидарности или социальной связанности [Wolfson, Manes 1980: 391]. Compliments создают социальную связь там, где необходимо построить отношения или поддержать уже имеющиеся. Complimentом говорящий показывает адресату, что он уважает и ценит его как личность и заинтересован в нем и в хороших с ним отношениях. Одним словом, «наиболее очевидной функцией комплимента как положительного аффективного речевого акта является смазывание социального механизма <...>» [Holmes 1987: 409].

В рамках теории П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson 1987] высказывание комплиментов рассматривается как «положительная стратегия вежливости». В этой связи авторы указывают на предположение, что каждый компетентный взрослый член общества имеет лицо как самоуважение, которому можно угрожать или заботиться о нем. В общем, следует исходить из того, что партнеры по коммуникации кооперируются в рамках интеракции, чтобы сохранить свое лицо и лицо партнера (сохранение собственного лица зависит и от партнера, поскольку если угрожать лицу другого, то он прибегает к стратегиям, которые ставят под удар позитивную самооценку инициатора разговора, то есть угроза лицу партнера возвращается рикошетом к говорящему). Другими словами, комплимент, который делается в интересах собеседника, свидетельствует о его включении в систему ценностей субъекта, способствует развитию взаимоотношений коммуникантов. Перлокутивным эффектом комплимента является утверждение превосходства, совершенства адресата. Такое солидаризирующее действие комплимента особенно хорошо заметно в начале разговора, поскольку успешным иницирующим комплиментом говорящий создает себе доступ к говорящему и обеспечивает его готовность к кооперации в предстоящем разговоре.

На наш взгляд, неправомерно обесценивать комплимент как речевой акт, выполняющий исключительно фатическую функцию, направленную только на установление и поддержание контакта (как считают, например, уже упомянутый выше Адамчик К., а также Формановская Н.Д., Серебрякова, Трипольская Т.А., Морозова И.С. и некоторые другие исследователи). Мы не считаем, что комплимент является собой видовое начало по отношению к фатической разновидности общения и не

укладывается в рамки праздноречевых актов, «пустых разговоров», скорее фатическая функция есть одна из многих функций комплимента.

Комплимент как риторически «сильное» высказывание можно охарактеризовать как вдохновляющий речевой акт, поскольку он призван вдохновить адресата на совершение речевых и неречевых ответных шагов, придать ему уверенность в себе и в расположении говорящего.

Отличия комплимента от других речевых актов. Compliments близки другим речевым актам с идентичной формой: речевым актам похвалы, лести или поздравления-пожелания. Однако на констатации идентичности названных речевых актов все единодушие исследователей практически и кончается, появляется множество разногласий: В.В. Леонтьев определяет речевые акты лести и комплимента как разновидности речевого акта похвалы. Н.Д. Формановская и В.И. Карасик классифицируют комплимент как лесть, а американские лингвисты отождествляют речевые акты похвалы (комплимента) и лести. Несмотря на структурную и тематическую близость речевых актов комплимента и похвалы, они имеют, на наш взгляд, существенные различия: похвала подчиняется большим ограничениям, чем иллокутивно независимое высказывание комплимента, поскольку похвала всегда имеет статусную зависимость: вышестоящий может сколько угодно хвалить подчиненного, но не наоборот – подчиненный не может направить вышестоящему даже обоснованную похвалу (но восхищенный комплимент). Поскольку похвала представляет собой оценку достижений, то хвалящий должен обладать компетенцией оценивания, у подчиненного такой компетенции (по статусу) быть не может.

Критерий статусной и ролевой дифференциации партнеров определяет еще один характерный признак комплимента, часто остающийся недоучтенным в исследованиях – обязательный момент интимации, то есть вхождения в личное (в том числе интимное) смысловое поле адресата, участие в моделировании и модифицировании его «личного образа себя» (Мурашкина Э.В.). Этот момент определяет деликатность комплимента как особого речевого акта в отличие от похвалы, при производстве которой признак статусной дистанцированности является не нейтральным. Интимность в устном комплименте создается

пространственной близостью, визуальным контактом, улыбкой, частной темой разговора [Beetz 1981: 145].

В качестве отличительных признаков комплимента называются, кроме того, его краткость, а также окказиональность, появление в определенных ситуациях [Beetz 1981: 145], меньшая степень искренности по сравнению с похвалой [Безменова 2001: 5; Трипольская 1999: 75; Marten-Cleef 1991: 128]. Последняя особенность объясняется, вероятно, тем, что при выражении комплимента по многим поводам важнее выразить чувства, чем их на самом деле испытывать, то есть для успешного совершения речевого акта комплимента, как правило, неважно, является ли симпатия говорящего искренней или нет. Это не означает, однако, что комплимент всегда неискренен, как лесть. Скорее ни говорящий, совершающий речевое действие комплимента, ни его адресат, просто не задумываются о том, испытывает ли говорящий те эмоции, которые он декларирует.

В похвале оцениваются заслуги, достижения, являющиеся результатом усилий ее адресата, то есть похвала тяготеет к образу предвосхищаемого нормативного и никак не неожиданного результата; комплимент же включает ситуативную оценку, которая ориентирована не столько на заслуги, сколько на нестандартную, выходящую за рамки повседневной рутины данность (например, внешность, вкус, даже характер). Всем участникам общения очевиден конвенциональный характер ритуального комплимента, никто не принимает его всерьез; похвала имеет, как правило, более сильные аргументы.

Похвала выполняет наряду с оценочной также ободряющую функцию (*Tüchtig, tüchtig, junger Mann! Bloß nicht kleinkriegen lassen (ET-S, 39)*), которая, впрочем, может быть выражена и комплиментом. Будет ли такой комплимент успешным, зависит от того, располагает ли адресат необходимой компетенцией по отношению к говорящему.

При нарушении прагматической пресуппозиции мы имеем дело с лестью. Высказывания лести отличает высокая степень эмотивности и экспрессивности, многословность, максимально положительная оценка. Пресуппозиция лести включает неистинность и сознательно ложные намерения со стороны говорящего, речевой акт лести успешен при условии, что адресат не воспринимает лесть как таковую. Комплимент не

имеет намерений обмануть адресата, то есть адресат, как правило, не может быть обижен комплиментом, конвенциональность и ритуализированность которого очевидны.

Лесть предполагает ролевые отношения, направленные снизу вверх, в отличие от комплимента, произносимого в ситуациях общения равноправных партнеров либо направленного от вышестоящего к нижестоящему. Поскольку, однако, по формальным признакам лесть не отличается от комплимента, то единственным способом их дифференциации является опора на ситуацию и контекст.

Поздравление-пожелание в отличие от комплимента, который не носит устойчивого характера и варьируется в зависимости от конкретных условий речевого общения, употребление которого не ограничено стереотипными ситуациями, касается скорее конвенционализированных поводов (успехов или удачи, хорошего здоровья партнера по коммуникации) или событий (юбилеи, дни рождения и т.п.) (ср. исследование Норрика Н.Р., в котором названные речевые акты рассматриваются как идентичные [Norrick 1978]). В этих ситуациях поздравление-пожелание обязательно ожидается. Его произнесением говорящий подчиняется принятым в обществе правилам вежливости. Поздравление-пожелание еще больше, чем комплимент ограничено выбором языковых средств: речь идет о формализованном, строящемся по модели речевом акте с очень ограниченными вариационными возможностями. Тем не менее, различия между комплиментом и поздравлением-пожеланием не всегда очевидны. Часто эти два речевых акта совпадают или дополняют друг друга: *Aber ich wünsche ihr nichts mehr, als dass sie die Schönheit ihrer Mutter geerbt hat, deine Schönheit, Karin* (К-О, 64) – комплимент матери совпадает с пожеланием ребенку, эти две интенции являются двумя семантическими слоями приведенного высказывания. Или, если, например, коллеги поздравляют очень уважаемого университетского профессора с юбилеем на торжественном собрании, то комплименты и поздравления-пожелания смешиваются или комбинируются: Поздравления-пожелания произносятся как формульные высказывания в рамках юбилея, одновременно успехи, достигнутые юбиляром за годы творчества и обогатившие науку, признаются и почитаются в форме комплиментов.

Комплимент как ритуал. Ритуал комплимента часто критикуется за предсказуемость и избыточность: речевой акт комплимента обязательно запускает механизм благодарения, а тот, в свою очередь, обязательно предполагает уверение в избыточности благодарности, поскольку речевое действие комплимента было искренне и приятно его исполнителю. Несмотря на прозрачность комплиментарного «расшаркивания», его невысокую информационную ценность, интерактанты не отказываются от его исполнения, поскольку этот ритуал очень важен на уровне отношений, его опущение порицается. Повторные комплиментарные уверения могут дать партнеру новую информацию и изменить ситуацию общения: в тех случаях, когда инициативный комплимент воспринимается адресатом как слишком преувеличенный, явно неискренний, он вынужден вежливо его отклонить; и только после повторения комплимента, когда становится очевидна серьезность намерений говорящего, адресат пересматривает результат своей первой интерпретации, делая на основе конвенций вежливости и ситуативных обстоятельств заключение о соответствующих словам интенции говорящего.

Второе замечание, на которое опирается критика комплиментов – отношение к комплименту как бесполезному и занимающему время «холостому ходу», как симптому скудости мышления. Доказать, что эти упреки не имеют основания, поможет обращение к делению речевых актов на локутивные и иллюкутивные. Тот, кто осуждает комплименты как ложь, реагирует, вероятно, на локутивный акт, на пропозицию высказывания, и оставляет без внимания его иллюкутивную роль и эффективность в поддержании отношений, смягчении общественных нравов. Факт, что интерактанты, как правило, не искренни в своем высказывании (они говорят обычно то, что, по их мнению, хочет услышать адресат), и обстоятельство, что оба партнера не имеют заблуждений по поводу этого факта, подчеркивает, какое значение в комплиментах имеет уровень отношений и как мало значит содержание.

Следует, однако, заметить, что формальность комплимента остается скрыта от адресата, ведь если ритуальный характер и желание выразить солидарность слишком очевидны, то говорящий легко может быть уличен

в неискренности: успешный комплимент должен, по мнению адресата, быть спонтанным и искренним.

Н. Вольфсон [Wolfson 1989: 221] на основе противоречия между ожиданием оригинальности и спонтанности комплимента и его действительной реализацией делает вывод о том, что употребление формальных комплиментов происходит на бессознательном уровне: функция комплимента заключается в создании и поддержании солидарности, формальная природа комплимента и факт, что она (формальная природа) не очевидна, тесным образом связаны с этой функцией [Wolfson, Manes 1980: 391-392]. Причина, почему формула в основе комплимента чаще всего не осознается говорящим и слушающим, заключается, возможно, в его «свободе появления» [Wolfson, Manes 1980: 294]. То есть сам факт, что комплимент появляется неожиданно и относительно независимо от темы разговора и времени, придает ему спонтанный и оригинальный характер.

При этом нельзя забывать о прескриптивности говорения комплимента как обязательного речевого акта и о его «встроенной» прескриптивности как обязывающего речевого акта: комплимент обязывает адресата принять правила игры говорящего (Браун П., Левинсон С. относят комплимент к поведенческим речевым актам, ограничивающим свободу человека). Ведь не только говорить комплименты – вежливо, но и не принять, проигнорировать комплимент зачастую просто невежливо (если только адресат не придает большого значения риску ухудшения отношений в результате откровенного нежелания адресата принимать комплимент и реагировать на него, «как принято»).

Факт, что комплимент ожидается или что произнесение комплимента является вынужденной реакцией на это ожидание, находится в противоречии к требованию оригинальности, спонтанности и правдоподобности. Ведь если в определенных ситуациях произнесение комплимента требуется ситуацией, то говорящему сложно в этих «вынужденных» условиях проявлять свою оригинальность. В этом случае наличие рутинных, легко вызываемых памятью, отвечающих правилам вежливости формулировок значительно облегчает ему задачу [Edmonson 1983: 56]: «Лингвистические формулы являются инструментами вежливого

поведения. Они служат средством снижения риска ликоущемления» [Laver 1981: 289].

Дилемма, которая стоит перед говорящим, основывается на двух существенных противоположных максимах: максиме качества, в соответствии с которой требуется искренность говорящего: «не говори того, что, по твоему мнению является неверным» [Грайс 1985: 223] и принципе вежливости: (здесь максима одобрения: «Максимизируй восхваление другого» [Leech 1983: 132]), следуя которым, говорящий ставит себе цель выразить слушающему свое одобрение и тем самым солидарность. Говорящий должен, в конце концов, сам решить, какие принципы наиболее подходят в той или иной ситуации: если говорящий оценивает какое-либо качество своего партнера как положительное и выражает свое мнение вербально, то, во-первых, он выполняет требование искренности, и, во-вторых, поддерживает положительное лицо адресата своим признанием, одобрением и уважением. Если высказывание говорящего соответствует требованию искренности при оценивании им каких-либо качеств адресата как отрицательных, тогда это высказывание не будет ликоподдерживающим, наоборот, оно скорее будет ликоущемляющим и поэтому в большой степени угрожающим отношениям между партнерами. Чтобы предотвратить этот риск и сохранить равновесие в отношениях, говорящий отказывается от «стоцентной» искренности. То есть если он делает комплимент своему партнеру, не испытывая положительных эмоций в связи с поводом комплимента, то его «маленькая ложь» действует вопреки правилу искренности, но в пользу гармоничных отношений. Б. Левандовска-Томащук [Lewandowska-Tomaszczyk 1989: 85-86] обозначает комплименты как более или менее прозрачную «социальную ложь».

Таким образом, следует констатировать, что наши требования к обществу парадоксальны. Теоретически каждый осознает, что фокус высказывания комплимента не может лежать на его содержании или истинности содержания, поскольку задачей является в первую очередь создание солидарности. Тем не менее, всегда существует риск, что комплимент не будет успешным: формальная структура комплимента, неприятная тема, слишком явные намерения говорящего (желание получить что-либо), преувеличение или нежелательные для слушающего

попытки сблизиться могут представлять собой потенциальную угрозу лицу адресата.

Комплиментарные признаки. Условием для совершения речевого действия комплимента, как уже указывалось выше, является исходящая от говорящего положительная оценка различного рода (референтных, то есть существующих, или виртуальных, то есть приписываемых) имиджеобразующих признаков как личности слушающего, так и его деятельности в широком понимании. Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал позволяет нам выделить следующие «провоцирующие» комплимент признаки:

1. внешний вид собеседника; такие комплименты адресуются, как правило, женщинам: *Sie wissen, dass Sie entzückend sind. Sicher haben Ihnen das viele Männer vor mir gesagt, ich kann es nur wiederholen (K-S, 34);*

2. положительные качества собеседника: *Sie sind sehr tapfer, gnädige Frau! (J-K, 82); Du bist ein kluger Junge (K-A, 290);*

3. особенности внешности, характера или поведения собеседника: *Wunderbar! <...> Ich spreche mit Ihnen als Künstler, junge Dame, als Erforscher der Schönheit, und ich kann Ihnen versichern, dass ich kaum einen Busen gesehen habe, der sich mit Ihrem vorzüglich ausgerichteten Oberdeck vergleichen ließe. <...> (M-H, 367); Lass dich anschauen, Jacques, gut siehst du aus, braun, wie ein Zigeuner (K-An, 13); Helen, du bist nicht nur sehr aufregend – du bist auch komisch, und das ist eine außerordentlich seltene und reizvolle Kombination (R-L, 99); Und du, Cordelia, wirst noch mit hundert so quicklebendig sein wie ein Showstar (C-W, 112);*

4. профессиональные качества собеседника: – *Was ist mit Ihren Marketingleuten? – Gute und fähige Leute. Aber keiner von ihnen besitzt Ihre Qualitäten. <...> (M-H, 446); Deine Schießkunst ist beeindruckend. In Amerika wird es wenige geben, die genauso gut sind wie du (M-S, 425); Sie haben Ihren Beruf verfehlt, Hortebiche. Tatsächlich! (ET-S, 28);*

5. высокие нравственные качества собеседника: *Wir sind es, die dankbar sein müssen. Wir könnten keinem edleren Fürsten dienen (M-S, 417); Beständig wie ein Fels. Möge er so werden, ganz wie sein Vater (V-S, 429);*

6. способности собеседника: *Der liebe Gott hat dir eine Stimme gegeben (C-W, 113); Diplomatisch wie eh und je (M-S, 224); Wissen Sie, Alvirah, Sie können gut mit Worten umgehen (C-W, 108); Kate, für ein Stück*

von deinem Streuselkuchen würde ich an das Ende der Welt gehen (C-W, 163); Wenn es etwas zu entdecken gibt, findest du es bestimmt, Schatz (C-W, 131);

7. родственники или близкие люди собеседника: *Sie können stolz auf sie sein. Sie ist in jeglicher Hinsicht ein wunderbares Kind (C-W, 59); <...> Und warum hast du Nicole vor mir versteckt? Ich lerne nie so bezaubernde Frauen kennen (M-H, 313); Was für ein hübscher Junge. Er wird in der Zukunft viele Herzen brechen (M-S, 480);*

8. собственность, жилище собеседника: *Oh, Sie sind zu beneiden! Was würde ich geben, um solch ein herrliches Schiff zu besitzen! Sie müssen eine sehr, sehr glückliche Frau sein! (H-M, 64); Sie haben hier ein sehr kostbares Stück (H-M, 17).*

Как видим, при совершении комплиментов избегаются темы, которые касаются интимной сферы или сферы табу (за исключением специфических ситуаций), поскольку они легко могут стать угрозой самоуважения говорящего – а именно желанию неограниченной свободы действий и сохранению дистанции. Поэтому выбирается нейтральная, безобидная тема, которая, так же как и формальная структура, поддерживает ритуальный характер речевого акта. Фатические элементы разговора, не имеющие большого значения с содержательной точки зрения, служат той самой «социальной смазкой»: «роль играет не буквальное значение, а тот факт, что произносится ожидаемое [...]. Буквальное значение исчезает, уважительность становится все более заметна» [Coulmas 1986].

Наиболее «чистой» формой комплимента является искренняя оценка партнера, не принадлежащего ему имущества. Такое открытое выражение оценки возможно при тесных отношениях и небольшой социальной дистанции между коммуникантами. В других случаях, когда партнеры не находятся в близких дружеских отношениях друг с другом, предпочитается оценка объектов.

Анализируя особенности социальных контактов в разных ситуациях, К. Адамчик сделал интересное наблюдение: открытая оценка партнера при неблизких социальных отношениях высказывается в случаях окончания «общей истории интеракции», когда исключается опасность превращения такого высказывания в источник особого фокусирования отношений [Adamzik 1984: 289]. Иллюстрацией сказанному может служить ситуация

обращения со словами положительной оценки к увольняющемуся с работы коллеге: *Wir haben Sie alle als immer hilfsbereiten Kollegen und liebenswürdigen Menschen ins Herz geschlossen* (пример К. Адамчика). В продолжение «нормальных» отношений такие открытые высказывания оценки и отношения, по меньшей мере, необычны, заключает автор.

Опасность интерпретации открытого выражения положительной оценки партнера как навязывания близких отношений исключается при явно выраженной вертикальной дистанции. Вышестоящее лицо может без страха быть неправильно понятым выразить адресату свое мнение о нем: *Sie haben uns viele Jahre treu gedient* (В-Н, 8). Общая положительная оценка вышестоящего лица нижестоящим звучит, на наш взгляд, несколько подобострастно: *Sie waren immer sehr freundlich zu mir, Sie und Ihr Fräulein Schwester* (В-Н, 8).

Средством профилактики неверной интерпретации адресатом выражения восторженной оценки в комплименте как попытки навязать ему тесные отношения при неблизкой социальной дистанции между партнерами является маркирование высказывания как не совсем соответствующего действующим конвенциям социального поведения, то есть как легкое нарушение нормы. Признавая «ликоущемляемость» своих речевых действий, говорящий ритуально предваряет комплимент просьбой о разрешении его произнести: *Miss, darf ich mir erlauben, Ihnen zu sagen, dass Ihre Schönheit die Schätze dieser Sammlung in den Schatten stellt* (М-С, 157).

В анализируемом материале встречаются высказывания, в которых оцениваются достоинства лица, не участвующего в референтной ситуации. С точки зрения Падучевой Е.В. это те же высказывания-комплименты, но употребленные в неканонической ситуации общения [Падучева 1996]: *Diese Frau kann mit ihren Kochkünsten jedem ein verzücktes Stöhnen entlocken* (М-Н, 315); *Sie müssen mir unbedingt verraten, wer die Fassade entworfen hat. Sie ist unglaublich geschickt gemacht* (М-Н, 309); *Sie ist ein richtig schönes Mädchen geworden* (С-В, 58). Мы рассматриваем такие высказывания как высказывания положительной оценки, они близки анализируемому речевому акту комплимента тематически, композиционно и стилистически, но не рассчитаны на непосредственный перлокутивный эффект (хотя опосредованный,

отсроченный подобный эффект возможен), который является конституционным элементом этого речевого акта.

Псевдокомплименты. К условиям успешности речевого акта комплимента, как было указано выше, относится условие искренности. Но встречаются высказывания комплимента, которые преследуют цели, противоречащие идее позитивной вежливости – демонстрации солидарности и единства. В таких случаях можно говорить о псевдокомплименте или об ироничной грубости, сарказме [Leech 1983], например: *Talentvoll geschlussfolgert. Kolossal scharfsinnig, Monsieur, und ein ganz entzückender Humor!* (ET-S, 78). Сарказм говорящего свидетельствует о его отрицательной оценке содержания реплики, предшествующей псевдокомплименту: говорящий считает замечания собеседника неумным и неуместным. В псевдокомплиментах, как и в искренних комплиментах, фигурируют метафоры, гиперболы, дается наивысшая степень оценки. Вывод о несовпадении буквального содержания высказывания и его интенционального смысла, то есть о неискренности оценки, мы делаем, исходя из социальных конвенций общения людей, не находящихся в близких отношениях друг с другом: открытая многословная положительная оценка не приветствуется, она рассматривается как нежелательная попытка нарушить дозволенные границы социальной свободы адресата. Поэтому даваемая предельно завышенная оценка создает эмоционально-комический эффект и такие высказывания, притворно-восхвалительные, восклицательные по форме, воспринимаются как насмешливо-осуждающие по содержанию.

Примером псевдокомплимента, являющимся, по сути дела, оскорблением, может служить следующее высказывание: *Unser Kerlchen ist heroisch. Wie hübsch!* (R-L, 342). Несмотря на положительно-оценочные лексемы высказывание является грубым издевательством над плененным адресатом. Кроме ситуативного контекста, на презрение и ненависть говорящего по отношению к адресату указывает уничижительное обозначение его *unser Kerlchen* и употребление лексемы *hübsch*, которая имеет невысокий оценочный потенциал и при сочетании с «сильной» лексемой *heroisch* оказывает задуманный говорящим перлокутивный эффект – оскорбление.

Комплимент и пол. В речевых актах комплимента находит свое реальное отражение половой признак: явно прослеживается тенденция к высказываниям комплимента в адрес представителей противоположного пола. Compliments делаются обычно мужчинами и адресуются женщинам [Leisi: 61]. Однако нельзя полностью согласиться с общепринятым мнением, представленным, например, в работе Карасика В.И. [Карасик 2002: 124], что комплимент, адресованный мужчине, касается скорее его деятельности, профессии, хобби, характерных особенностей, нежели его внешности, как комплимент женщине. Если первую часть этой точки зрения следует признать в принципе верной (ср. комплимент мужчине *Und wenn Sie meine Meinung hören wollen: Sie haben außerordentlichen Mut bewiesen* <...> (B-H, 46)), то вторая часть – о том, что комплимент женщине касается в первую очередь ее внешности – уже давно не соответствует изменившимся социальным условиям и приоритетам женщин. Свидетельством этому может служить наш языковой материал, отражающий современную языковую картину, в котором почти равномерно представлены комплименты женщинам, основанием для которых являются, конечно, внешность (*Toll siehst du aus* (R-P, 17)), но и интеллект (*Du bist ein kluges Mädchen* (U-M, 64)), способности (*Du bist eine gute Zeichenleserin, ich habe dich heimlich beobachtet* (L-Ex, 546)), моральные качества (<...> *aber du bist ein ehrliches Weib und hast deinen Verstand* <...> (M-B, 338)), профессиональные качества (*Sie sind eine glänzende Schauspielerin und ziemlich furchtlos obendrein* (P-N, 27)), нравственные качества (*Sie sind eine Heldin, Ulrike* (U-M, 47)). То есть содержание комплиментов не зависит в целом от пола. Правильнее было бы поэтому говорить не о гендерных различиях оснований для комплиментов, а о гендерном варьировании форм выражения. Самым простым примером может быть уменьшительно-ласкательный суффикс *-chen*, употребляющийся по отношению к молодым женщинам или детям (*Engelchen, Schätzchen*) и приобретающий пейоративную коннотацию в случае употребления по отношению к мужчине³⁵. Языковые средства такого рода можно назвать

³⁵ Интересное рассуждение Субботиной О.А. о гендерно маркированной коннотации русского прилагательного *хорошенький*, возникающей при эстетической оценке мужчин и женщин [Субботина 2004: 210]: положительная оценка при отнесении к женщине и пейоративная при отнесении к мужчине,

«прагматическими полуфабрикатами», приобретающими свой коннотативный компонент при актуализации в речи, и именно их следует рассматривать в гендерном анализе.

1.2. Полиинтенциональность речевого акта комплимента

Интенцией комплимента является стремление выразить положительную оценку и комплекс эмоций (удовольствия, восторга), ее сопровождающий или ею порожденный. Кроме того, целью комплимента является также воздействие на эмоциональное состояние и ценностные представления адресата, установление желательной атмосферы коммуникации, формирование самооценки адресата. Стремление вербализовать положительное мнение и выразить положительные эмоции в адрес собеседника делают это речевое действие сильным средством манипуляции: при намерении склонить адресата к продолжению какого-либо действия, добиться от него желаемых поступков, сделать его зависимым от комплиментарных действий.

Использование комплимента для реализации данных интенций основывается на специфических знаниях в информационном тезаурусе говорящих, на представлении о психологических характеристиках человека и специфике коммуникативного взаимодействия, которая зависит от личностных качеств коммуникантов. Подобное функционирование комплиментов наиболее ярко демонстрирует комплексность интенционального смысла, его компонентный состав с доминирующей комплиментарной интенцией, на которую накладываются прочие, служащие для наиболее полного представления ситуации, придания высказыванию оригинальности и искренности и оказания соответствующего воздействия на слушающего.

Окказиональными интенциями, эксплицитно выражаемыми высказываниями комплимента являются, например:

- указание причины положительных изменений внешнего вида собеседника: *Du siehst wirklich prächtig aus. Die Provence hat dir gut bekommen, das ist ja auch nur verständlich (М-Н, 342);*

что автор связывает с существованием социального представления о «хорошеньком мужчине» как об эстетическом «антиидеале» мужчины.

- объяснение причин тому, что тот или иной предмет стал поводом для комплимента: *Dein Haus gefällt mir. Ich mag Räume, die nicht so aufgemotzt sind* (M-H, 147);

- квази-исповедальное признание в симпатии и привязанности, в чувстве гордости за знакомство или за возможность иметь близкие отношения с лицом, которому делается комплимент: *Du bist wunderschön. Und eben in dieser Disco war ich richtig stolz. Die schönste Frau gehört mir, mir allein* (R-P, 57);

- указание на обстоятельства, проявляющие положительные особенности внешности адресата: *Sandra, wissen Sie, wie schön Sie sind, wenn Sie lächeln?* (C-W, 106);

- заверения в уникальности повода для комплимента: *Phantastisch! Sie sind eine tolle Köchin! <...> So was Feines habe ich noch nicht gegessen. Ich schwör's* (M-H, 363);

- подтверждение правоты третьих лиц, проявлявших ранее восторг по поводу предмета комплимента: *Sie waren großartig heute Abend, Herr Konrad. Jetzt endlich verstehe ich die Euphorie meiner Haushälterin immer dann, wenn Ihr Name in den Medien fällt <...>. Genießen Sie Ihren Erfolg, Sie haben ihn zu Recht* (J-K, 127);

- обольщение, выражение желания, возникающего в связи с поводом для комплимента: *Du siehst unwerfend aus! Zum Anbeißen!* (R-P, 48);

- выражение побуждения к желаемому говорящим, выгодным для него действию: *Du bist ja ein kleiner, tapferer Mann, und du musst mir jetzt etwas versprechen* (K-A, 256). Здесь комплимент выступает средством воздействия на самооценку адресата комплимента с тем, чтобы заручиться в дальнейшем его поддержкой. Такие высказывания являются наиболее яркими примерами функционирования комплиментов как «социальной смазки».

Узуальными интенциями, накладываемыми на интенцию комплимента, являются, в первую очередь, акты пожелания-поздравления. Например, в ситуации, где поводом для комплимента является новорожденный малыш, родителей поздравляют, делая им одновременно комплимент: ребенок оценивается как результат усилий родителей. По поводу любого общественного признанного торжественного события обычно произносятся пожелания: *Herzlichen Glückwunsch! Das habt ihr gut*

hingekriegt. Но и в ситуациях, где торжественный повод отсутствует, адресата поздравляют. В таких случаях поздравление-пожелание функционирует как комплимент или его субститут: *Gratuliere zum neuen Auto; Glückwunsch; das Stück werde ich mir noch einmal ansehen*. Другой узуальный речевой акт, который выступает в комбинации с комплиментом, – акт благодарности. Так, говорящий благодарит в ситуации, в которой предметом комплимента является кулинарное искусство: *Das Essen schmeckt wunderbar, vielen Dank*. И в случае, когда предметом комплимента является, например, театральный успех, одновременно произносится акт благодарности: *Danke für den gelungenen Abend, klasse Inszenierung und super gespielt*. И, наконец, комплимент выступает в сочетании с актом приветствия (или в качестве его субститута): *Hei, toller Schnitt*.

Адресат относится к говорящему как к волшебному зеркалу, и отношение это заинтересованное и капризное. Поэтому при неверном, на взгляд адресата, отражении (или искажении) его имиджеобразующего признака или выборе не того признака (который был желаем), подозрении в недооценке достойных положительной квалификации качеств возникают различного рода нарекания, недовольства адресата. Это ситуации прагматических неудач, в которых неправильная оценка ситуации приводит к выбору неверной стратегии комплимента, что вызывает неадекватную реакцию, например: – *Wir haben hier ein Sprichwort. Selbst billiger Tee schmeckt beim ersten Aufguss gut. Selbst die Tochter einer Hexe ist mit achtzehn schön. – Aber mein Fürst, ist das Euer schönstes Kompliment?* (M-S, 487). Высказывание говорящего, задуманное как искренний комплимент, который должен выполнять еще и функцию одобрения, воспринимается адресатом как высказывание отрицательной оценки и не ведет к конфликту только потому, что адресат не сомневается в хороших намерениях говорящего.

В следующем примере – высказывании искреннего комплимента отца, небогатого горняка, сыну, ставшему зятем крупного промышленника, адресату в словах слышится отрицательная оценка его внешности, поэтому реакцией на этот неудавшийся комплимент служит оправдания адресата о необходимости выглядеть именно так, а не привычным для него и его отца образом: – *Du siehst gut aus. Zu gut für*

meine Begriffe. – Ich komme mir auch vor wie ein Pfau, Vater, aber ich kann keine Party im Blaumann besuchen (K-A, 133).

В косвенных высказываниях комплимента при выражении положительной оценки активнейшую роль играют и эмоциональные смыслы, вернее, номинации и предикации с общим эмоциональным смыслом (*lieben, wünschen, sich freuen* и под.): *Nicht der Augenblick überwältigt mich, sondern du, Heiko, du allein (M-S, 226)*. Н.Д Арутюнова отмечает, что «для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека. ... Оценка представляет человека как цель, на которую обращён мир. В этом смысле она телеологична» [Арутюнова 1988: 159]. В идеализированную модель мира входит и то, что уже есть, и то, к чему человек стремится. Комплиментарное оценочное высказывание в результате стремления к идеалу включает, помимо собственно оценочных концептов *gut* также концепты, связанные с эмоциями человека – *Liebe, Freude* и пр.: *Ich brauche dich zu meinem Leben, wie eine Blume die Sonne. Ich weiß, dass es ohne dich für mich auf dieser Welt kein Glück mehr geben wird (T-O, 63)*.

По мнению Е.М. Вольф, «при предикатах желания событие оценивается как положительное для субъекта желания» [Вольф 1985: 125]. На наш взгляд, выражение оценки с помощью эмоциональных концептов в реальном языке намного сложнее. Автор оценочного высказывания может, исходя из своих этических представлений, оценивать на основании того, что он любит, желает, уважает: *Noch nie habe ich aus dem Mund einer Kurtisane in Edo derart wahre Worte vernommen. Mit Ausnahme von einer (M-S, 126)* – основанием положительной оценки адресата является его умение думать и рассуждать, определять суть явлений; но приведенное высказывание является не просто формальным признанием этого умения, но и выражением глубокого уважения говорящего этого качества в людях вообще и в адресате особенно. В следующем высказывании основанием для комплимента послужили красота и ум придворной куртизанки, которые прославили ее повсюду; говорящий польщен ее посещением и выражает комплиментом свое почтение ей: *Ich fühle mich geehrt, Euch kennen zu lernen, Dame Heiko. Euer Ruhm hat sogar diesen abgelegenen Ort erreicht (M-S, 294)*.

Представление о предмете любви, восторга, уважения, подражания варьируется в различных культурах и даже ситуациях. Высказывание *Richtig frivol siehst du aus* (К-А, 247) воспринимается адресатом как комплимент в ситуации тайной встречи влюбленных, но может быть порицанием в любой другой. В связи с вопросом культурной адекватности комплимента следует еще раз подчеркнуть недопустимость интерпретации смысла любого высказывания с опорой только на одну лишь поверхностную структуру. Исключительно важную роль играет прагматический контекст. Иное высказывание, помещенное в другие ситуативные условия, может превратиться из комплимента в его противоположность.

1.3. Речевой акт комплимента в составе диалогического единства

В отличие от ритуальных экспрессивных речевых актов (как благодарность или приветствие) комплимент не «привязан» к определенному месту в структуре диалогического единства. Дж. Манес и Н. Вольфсон, исследовавшие большой корпус американских комплиментов, установили, что они могут появляться почти в любой точке интеракции [Manes, Wolfson 1981: 115]. Несмотря на то, что точных «предписаний» для употребления комплиментов не существует, действуют определенные «правила поведения»: в определенных ситуациях (впервые увиденный новый предмет одежды, ювелирное украшение или необычная прическа) и в ответ на определенные высказывания партнера следует реагировать произнесением комплиментов. Ожидание комплимента в таких случаях настолько велико, что их отсутствие может быть воспринято как знак неодобрения [Manes, Wolfson 1981: 130]. Следует, однако, заметить, что социальное давление – «движущая сила» производства комплиментов – оказывается только на интерактантов, которые находятся в близких отношениях друг с другом, этот факт еще раз указывает нам на то, что комплименты – как и другие интеракциональные ритуалы – функционируют, прежде всего, как средство сохранения и поддержания отношений.

Реакция на комплимент. Существуют определенные правила, регулирующие отношение адресата к речевому акту комплимента. Анализу типов реакции на комплимент в американском

английском языке посвятила свое исследование А. Померанц [Pomeranz 1978]. Вместе с ней мы выделяем два основных реакционных хода: а) реакция на иллокуцию – признание комплимента как желаемого в данной ситуации речевого действия или отклонение его как нежелательного речевого действия, б) реакция на пропозицию – выражение отношения к содержащейся в комплименте оценке. Эти два типа реакций не являются альтернативными, они могут комбинироваться в следующей реплике.

Отклонение действия комплимента как такового и выражение несогласия с его содержанием мешают созданию атмосферы согласия. Признание комплимента, напротив, дает понять, что адресат принимает речевое действие и коммуникативную цель партнера; таким образом он подтверждает интеракционную инициативу говорящего. Можно предположить, что согласие с содержанием высказывания партнера или уклонение от открытого возражения способствует развитию или поддержанию социальной близости; однако и такие реакции на комплимент имеют, как показано ниже, определенные ограничения.

Реакция на иллокуцию. Типичными реакциями на иллокутивную составляющую комплимента являются следующие:

1. Простое признание комплимента, положительно оценивающее коммуникативную интенцию партнера, состоит в благодарности за него: *Sehr schön. Das Kleid, meine ich. – Danke (K-K, 593); Was man auch gegen dich sagen kann: Du bist das Ideal einer Hausbesitzerin... – Danke (F-T, 205); – Diplomatisch wie eh und je. – Vielen Dank (M-S, 224)*. Краткость форм реакции-благодарности объясняется, вероятно, тем, что более обстоятельные формы как *Ich möchte mich ganz herzlich bedanken* неадекватны ситуации и отвлекают внимание от сути разговора, поскольку они придают комплименту как легкому дружескому жесту несоответствующее ему значение.

Благодарность за коммуникативное намерение сделать приятное собеседнику выражается и в форме положительной оценки этого намерения: *Wie schön du bist, Pat! – Schön, dass du mir das sagst (R-DK, 430); – Deine Geschicklichkeit im Umgang mit der Erde ist höchst beeindruckend. – Zu gütig, werter Herr (M-S, 125)*. В ответе может содержаться выражение радости, удовольствия от полученного комплимента: *Manchmal finde ich Euch fast ein bisschen sympathischer,*

Longinos. – Wie schön (K-K, 271). Многие из таких реакций (*sehr freundlich, sehr lieb* и т.д.) привязаны к формальным ситуациям общения; в целом они являются проявлением значительно более интенсивных усилий по поддержанию отношений: адресат, благодарно принимающий комплимент, указывает говорящему и на то немаловажное обстоятельство, что комплимент является верным ключом в беседе, что задано конструктивное направление для общения, при котором обмен любезностями может принимать очень дифференцированные языковые формы.

Формы реакций, подобные описанным, могут появляться и в ответ на неритуальные, то есть искренние речевые акты положительной оценки собеседника. В этом случае адресат комплимента истолковывает инициативное положительно-оценочное высказывание говорящего как дружеский жест. Тем самым он оценивает социальное значение этого речевого акта и затушевывает вопрос об истинности пропозиции. В таких действиях адресат исходит из следующих соображений: с одной стороны, он минимизирует комплимент, руководствуясь представлениями о скромности; он считает, что отсутствие возражения или ограничения содержания комплимента может быть воспринято как самопохвала: – *Ich fühle mich geehrt, Euch kennenzulernen, Dame Heiko. Euer Ruhm hat sogar diesen abgelegenen Ort erreicht. – Ein gänzlich unverdienter Ruhm, mein Fürst (M-S, 294).* В следующем примере минимизируется положительная оценка моральных качеств отца новорожденного ребенка, содержащаяся в косвенном комплименте ему при обсуждении имени малыша. – *Beständig wie ein Fels. Möge er so werden, ganz wie sein Vater. – Der Vater ist höchstens schwerfällig wie ein Fels. Hoffentlich wird der Sohn klüger (M-S, 480).*

С другой стороны, адресатом может двигать желание побудить говорящего к подтверждению неритуального характера комплимента. Тогда следующая, третья реплика говорящего включает его заверения в серьезности коммуникативных намерений: – *<...>Und du bist nicht nur schlagfertig und charmant, sondern du siehst auch noch toll aus <...>. – Hör auf! Sonst werde ich noch Größenwahnsinnig. – Das wirst du nie. Du merkst ja gar nicht einmal, wie gut du bist (R-P, 61).*

2. метакоммуникативное определение инициативного высказывания как комплимента: – *Nicht der Augenblick überwältigt mich, sondern du, Heiko, du allein. – Es ist nicht nötig, mir Komplimente zu machen. Ich liebe Euch (M-S, 226)*. Такое указание на ритуальность инициативного высказывания (оно может появиться в ответ не только на действительно формальные высказывания, но и в ответ на искреннее восхищение партнером) тоже является показателем скромности адресата, который явно ограничивает истинность оценки: высказывание *Sie sind ein Schmeichler, junger Freund (G-B, 91)* в ответ на комплимент возрасту адресата. Высказывается ли посредством такой метакоммуникативной квалификации скорее благодарность, скромно минимизирующая положительную оценку партнера, или иронично критикуется инициативный ход говорящего, зависит в значительной степени от коннотативного содержания реактивной реплики и выраженного в нем отношения адресата к такому типу высказываний.

3. прямое неприятие положительной оценки партнера. И в этом случае также не затрагивается пропозициональное содержание высказывания, отклоняется само речевое действие как нежелательное: – *<...> Du bist ein Dorfpolizist. Und zwar der beste, den's gibt. – Reg dich nicht auf (G-T, 372)*. Такая реакция, агрессивно отклоняющая попытку партнера позитивно структурировать общение, противоречит социальным конвенциям вежливой кооперации (К. Хорни считает отрицание комплимента признаком глубинного невроза [Хорни 1993]). Померанц А. [Pomeranz 1978] даже исключает такие (не самые типичные) реактивные высказывания из своего анализа. Мы рассматриваем реакции такого типа как средство подчеркнутого дистанцирования. Они реализуются главным образом в форме прямого требования прекратить совершение нежелательных речевых действий или негативной оценки комплиментарного ритуала: – *Der Butler ist mein Vater. was wollen Sie denn von ihm? – Dein Vater? Meine Hochachtung! Nicht allen Vätern gelingt es, solche Töchter in die Welt zu setzen <...> – Was wollen Sie? Wir haben keine Zeit für solchen Quatsch! (K-VA, 12)*.

Реакция на пропозицию. Комплимент, как уже говорилось, может рассматриваться не только как социальное действие подтверждения позитивного лица партнера, но и как искренняя положительная оценка.

В этом случае адресат реагирует на пропозициональное содержание инициативного высказывания согласием или несогласием с этой оценкой. Положительно-оценочные высказывания такого типа касаются, как правило, объектов, которые, по мнению говорящего, положительно оцениваются и самим адресатом. То есть, ожидая реакцию адресата на такое высказывание, говорящий предполагает, что тот согласится с его содержанием: *Du bist so jung. – Ich fühle mich jung!* (F-T, 5). Согласие также может выражаться с помощью невербальных средств общения (жестов). Например, кивок головой: *Ein schönes Paar! – Julia nickte lächelnd* (F-T, 6); *Ein schönes Auto. Läuft wunderbar! – Anita nickte* (P-D, 322). Согласие с положительной оценкой может быть не выражено эксплицитно, оно может подразумеваться, адресат принимает комплимент к сведению, испытывая положительные эмоции – цель комплимента достигнута, – и продолжает разговор: – *Und du, Cordelia, wirst noch mit 100 Jahren so quicklebendig sein wie ein Showstar. – Apropos, ich sollte mir eigentlich die Proben zum Krippenspiel ansehen <...>* (C-W, 112).

В случаях особенной гордости адресата оцениваемым объектом он, соглашаясь с содержанием комплимента, добавляет к нему выражение собственной оценки: – *Nettes Auto, Nigel. Sehr praktisch für das Land. Und für wieviel sind diese Dinger zu haben? – Ungefähr für das, was man für eine nette kleine Wohnung in Fuhlham hinlegt – das heißt, falls man überhaupt einen bekommt. Die Warteliste für dieses Modell ist ellenlang. Eine wirklich gute Investition. Wertsteigerung inbegriffen* (M-H, 223) – многословная оценка показывает распирающую счастливого обладателя эксклюзивной модели автомобиля гордость и радость. Такую реакцию на краткий комплимент можно обозначить как социально порицаемую похвальбу.

Желание избежать самопохвалы, противоречащей социальному требованию быть скромным, объясняет факт, что адресат часто все же избегает равнозначного ей вербального согласия с положительной оценкой. Для адресата возникает дилемма, которую А. Померанц описывает следующим образом: Желание избежать самовосхваления и стремление согласиться с содержанием комплимента, чтобы поддержать инициативу говорящего положительно структурировать общение, находятся в потенциальном конфликте друг с другом: принять комплимент – значит, согласиться с его содержанием, а это равнозначно

самопохвале [Pomeranz 1978: 92]. Коммуниканты решают этот конфликт, указывая в ответных высказываниях согласия на частичное несоответствие оценки говорящего действительности или ее ограничение какими-либо обстоятельствами. Ограничения положительной оценки могут иметь различные формы:

- адресат соглашается с содержанием комплимента, но ослабляет его выражением сомнения по поводу объективности оценки, например, в форме переспроса «из скромности», используя глагол отношения *finden*: – *Talentvoll geschlussfolgert. Kolossal scharfsinnig, Monsieur, und ein ganz entzückender Humor! – Finden Sie? <...> (ET-S, 78)*. Функцию «согласия с сомнением» выполняет переспрос словами *wirklich, ja* и др.: *Ich bewundere Ihre Einrichtung. – Ja? – Ja, es steckt eine pure, ja, wenn ich so sagen darf, eine fast sinnliche Leichtigkeit darin <...> (H-M, 18)* – переспрос показывает соответствующую приличиям неуверенность адресата в искренности оценки и выражает требование подтвердить ее.

- *Du bist schön, Marie. – Für dich! Ich muss schön sein (Ph-M, 235); – Richtig frivol siehst du aus. – Nur für dich (K-A, 247)* – адресат соглашается с содержанием комплимента, но ограничивает его обусловленностью обстоятельствами: необходимостью хорошо выглядеть, чтобы понравиться адресату; – *Wissen Sie, Alvirah, Sie können gut mit Worten umgehen. – Das meint mein Redakteur auch immer (C-W, 108)* – согласие с содержанием комплимента обосновывается ссылкой на мнение третьего лица;

- Ограничением положительной оценки может служить объяснение обстоятельств, приведших к актуальному состоянию дел или качеству адресата, являющемуся поводом для комплимента: – *Du siehst wunderbar aus, Emma. Dein Haar gefällt mir. – Ich war bei Bruno am Beauchamp Place – ein richtiger Goldschatz und schrecklich indiskret (M-H, 129)*.

- В ответ на оценочное суждение, которое является не только выражением субъективного мнения, адресатом приводятся различные недостатки оцениваемого объекта: – *Es ist schön hier. Es ist saugemütlich. – Herr Direktor... Unser Haus ist eben nur ein kleines Arbeiterhaus <...> (K-A, 119)*.

- Адресат приводит слабое возражение в ответ на комплимент: *Findest du auch, dass ich leichtsinnig war? – Nein, mutig. – Ach, Mut – ich*

bin nicht sehr mutig. Ich habe manchmal Angst genug dabei gehabt... (R-DK, 155); возражение часто сопровождается сомнением в истинности оценки: – *Du bist der geborene DJ. Das Publikum mag dich, das spürt man. – Und was ist, wenn ich das Publikum im „Magic“ nicht begeistern kann? (R-P, 66);*

- Адресат квалифицирует оценку как преувеличенную: *Du bist so schön. – Nun übertreib nicht, Junge, ich weiß selber, wie ich aussehe! (F-T, 27).* Возражение может быть при этом связано со знанием реальных обстоятельств, не допускающих положительной оценки: – *Sie sehen gut aus. Bald werden Sie mich wieder herumscheuchen... – Lügen Sie nicht, Mädchen. Unter Kollegen tut man das nicht (K-A, 86).* В приведенных фрагментах комплимент не имеет под собой никаких оснований и поэтому наигран, говорящий изобличен, его неискренность замечена адресатом и досадна.

- Адресат скромно умаляет свои умения и заслуги: – *Man muss sich als Mann anstrengen. – Sie machen das in bewunderungswürdiger Weise. – Es gibt auch geradezu unverständliche Verpflichtungen, die damit verbunden sind <...> (K-S, 30); – Du bist ein kluger Junge. – Das weiß ich alles von Dr. Pillnitz. Das ist unser Zechenarzt (K-A, 290).*

- Адресат прибегает к комплименту-«бумерангу» – ответному комплименту – сравнению собственных положительно оцениваемых говорящим качеств с такими же самого говорящего, которые он сам оценивает, как правило, значительно выше: – *Er ist sehr schön. – Aber nicht so schön wie du (K-K, 166); Sie kocht wirklich gut. – Alles von dir gelernt (F-T, 58); Du siehst heute Abend ungeheuer appetitlich aus, Schätzchen. – Du bist auch nicht so schlecht (H-S, 244); Sie waren eine äußerst geduldige Lehrerin. – Ein gelehriger Schüler lässt den Lehrer immer gut erscheinen (M-S, 341).*

- В ответе на комплимент может содержаться положительная оценка третьих лиц, причастных к предмету обсуждения: – *... Ich habe in Singers Bericht die Sache mit Chile gelesen. Sie sind sehr gut, Laura, und ich bin es auch. – Und derjenige, der hinter uns her ist, ebenfalls (B-S, 112). – Ach, Sie sind jung! – Nein, jung ist Ralph. Das Leben liegt noch vor ihm. Deshalb sieht er die Dinge anders (F-T, 96).*

- Возражение адресата может быть обосновано антипатией адресата к говорящему: *Ich kam nach Hause. Auf dem Vorplatz stand, wie*

von Gott gerufen, das Dienstmädchen Frida. «Sie sind ein süßes Kind» sagte ich, denn ich hatte Lust, etwas Gutes zu tun. Sie machte ein Gesicht, als hätte sie Essig getrunken (R-DK, 117).

Реакцией на неудавшийся комплимент может быть вербально выраженное недовольство адресата (*Selbst die Tochter einer Hexe ist mit achtzehn schön. – Aber mein Fürst, ist das Euer schönstes Kompliment? (M-S, 482)*) или сокрушение адресата по поводу его собственного внешнего вида (*Du siehst gut aus. Zu gut für meine Begriffe. – Ich komme mir auch vor wie ein Pfau, Vater, <...> (K-A, 133)*).

Комплимент как реакция. Комплимент может входить в состав не только прогрессивной, иницирующей реплики, но и быть частью регрессивного, реагирующего, репликового шага, в таком случае комплимент является неожиданной реакцией, отличной от конвенциональной, обычно ожидаемой. Ситуацией-стимулом, вызывающей реакцию в виде комплимента, может быть, например, вопрос о внешности говорящего, которым говорящий практически «напрашивается» на комплимент, и реплика говорящего является вынужденной реакцией (не всегда искренней) на него: – *Ich gebe zu, dass ich mir mit dem besten Willen nicht vorstellen konnte, wie unsere U-40 aussieht. – Und wie sieht sie aus, Mike? – Sehr ungewöhnlich und sehr herausfordernd (B-S, 107).* U-40 в приведенном примере – женщина-тайный агент, коллега и собеседница человека, произносящего комплимент.

Адресат «напрашивается» на комплимент и намеренным принижением своих достоинств или высказыванием искреннего недовольства своими успехами: *Mein Englisch ist nicht gut. Ich entschuldige mich dafür. – Sie sprechen gut Englisch (M-S, 98)*, или жалобами на недостаток физических возможностей (финансовых средств и т.п.) для достижения того или иного качества/статуса: – *Man hat auch viel Arbeit. Das Ganze muss nicht nur erhalten, es soll auch noch vergrößert werden. <...> Man muss sich auch als Mann anstrengen. – Sie schaffen das in bewunderungswürdiger Weise (K-S, 30).*

Интересен случай, когда комплимент появляется в ответ на вопрос доктора о здоровье пациента, заданный в популярной среди людей этой профессии солидаризирующей *wir*-форме, включающей говорящего в число лиц – субъектов действия: – *Na, wie fühlen wir uns heute? – Sie sehen blendend aus, Doktor. Aber wie ich mich fühle – das hoffte ich eigentlich von Ihnen zu erfahren (J-K, 141).* Пациент – человек с чувством юмора – остроумно

«перевернул» вопрос, используя при этом комплимент как тонкий и действенный инструмент.

1.4. Языковое воплощение речевого акта комплимента

Различные исследования комплиментов показывают, что форма этого речевого акта подчиняется определенным правилам. Выбором готовых схем, структур комплимента говорящий облегчает адресату идентификацию комплимента. Ведь только после того, как комплимент признается слушающим как таковой, он начинает выполнять функцию демонстрации единства и солидарности. Однозначно положительная конвенциональная форма снижает при этом риск появления двусмысленностей и недоразумений. Правила касаются как семантики, так и синтаксического строения речевого акта. Так, исследование Дж. Манес и Н. Вольфсон показывает, что в английском языке в двух третях высказываний комплимента, в которых носителем положительной оценки является прилагательное, используется всего пять прилагательных (*nice, good, beautiful, pretty, great*); высказывания с глаголом – носителем положительной оценки – в 90% ограничиваются двумя глаголами *love* и *like*. При исследовании синтаксических структур выявилось еще более строгое ограничение: в более 50% всех подвергнутых анализу комплиментов использована одна и та же структура, 85% всех исследованных комплиментов лежат всего три структуры [Manes, Wolfson 1981]. В связи с ограниченной гибкостью и вариативностью формы речевой акт комплимента описывается как формализованный или рутинный: Комбинация ограниченных семантических средств и синтаксических структур доказывает, что дело здесь не просто в частотности их употребления. Авторы утверждают, что комплименты являются формулами, как благодарность или приветствие [Manes, Wolfson 1981: 123]. Речевой акт комплимента действительно отличается формальным характером, и основывается на чрезвычайно привлекательном качестве; их структуры высоко формализованы, они с минимальными усилиями могут быть приспособлены к большому количеству ситуаций, которые требуют положительного комментария.

В качестве иллокутивной структуры комплимента выступает матричная (инвариантная) формула, отражающая взаимодействие

собеседников в следующем виде: *Hiermit anerkenne (konstatiere) ich auf Grund der imagebildenden Kennzeichen das Vorhandensein der positiven Eigenschaften von X und drücke mit meinem Sprechverhalten die Bewertung dieser Eigenschaften aus.* Эта иллокутивная матрица коррелирует с перформативной комплиментарной формулой (*Hiermit mache ich dir/Ihnen ein Kompliment, indem ich sage...*). Указанная стандартная формула является основой семантического содержания любого высказывания комплимента, какие бы функциональные и смысловые оттенки не находили в нем свое выражение и какие бы лексико-семантические средства при этом не использовались.

Все высказывания комплимента по формальной структуре можно разделить на прямые (характеризующие, где положительная оценка говорящего эксплицитно выражается локутивным актом: *Sie sehen sehr hübsch aus, Françoise. Ihre Frisur gefällt mir* (М-Н, 292)) и косвенные (имплицитные, нехарактеризующие), имеющие самые разнообразные формы, функционирующие как комплимент.

Прямые комплименты. Прямые комплименты относятся к имплицитно-перформативным высказываниям, которые практически не употребляются в перформативной формуле, этому препятствует факт их подчинения предикату цели (Апресян Ю.Д.) – чересчур «прямолинейная» положительная оценка рассматривается в межличностном взаимодействии как ликоущемление – нежелательное навязывание близких отношений. Однако эксплицитно-перформативные комплименты не могут быть совсем исключены из рассмотрения, поскольку положительная оценка партнера реально может выражаться фразой *Mein Kompliment!* или квази-перформативной формулой *Ich muss dir ein Kompliment machen!*, которые не представляют собой ничего необычного. Скорее наоборот, приведенные высказывания реализуют искреннюю неритуальную оценку, а использование слова *Kompliment* выражает более высокую степень значимости и серьезность коммуникативного намерения говорящего. Однако большинство высказываний комплимента состоят все-таки только из пропозициональной части, иллокутивная часть (*Ich mache Ihnen/dir ein Kompliment, indem ich sage, dass ...*) представлена имплицитно.

Пропозиция высказываний комплимента включает выражение говорящим либо положительной оценки объекта (*Du bist ein geborener DJ.*

Das Publikum mag dich, das spürt man (R-P, 66), либо своего положительного отношения к объекту комплимента (*Ich habe Sie bewundert, Frau Winkler. Wie Sie so am Grab Ihres Mannes standen, so alleine und so gefasst, ich hätte das nicht geschafft! Es hat mich beeindruckt, wie Sie Ihre Gefühle in der Gewalt hatten (H-M, 24)*). Различный пропозициональный смысл реализуется в различных синтаксических структурах и имеет специфические лексические смыслопорождающие операторы.

Выражение положительной оценки партнера. Первый тип комплимента представлен пропозицией с квалифицирующим предикатом, приписывающим субъекту некоторые положительные признаки: *Bist doch ein Goldjunge! (K-VA, 68)*.

Существительные. Наиболее ярким комплиментом этого типа является высказывание с предикатом, выраженным оценочными существительными, в которых сема оценки является единственной и составляет основу их номинативного значения. Основной функцией таких оценочных существительных является именно предикатная, то есть характеризующая – они используются не (или не только) для идентификации предмета речи (указание на объективные признаки лица, предмета, явления), а для выражения субъективного – положительного в нашем случае – отношения к данному предмету: *Barbirolli! Du bist ein Genie! (L-F, 23)* – эмоциональный комплимент адресату по поводу его умения справиться в сложной ситуации и найти выход из сложившегося положения; *Ihr habt Phantastisches geleistet (M-H, 67)* – комплимент, включающий элементы похвалы и благодарности за колоссальные размеры проделанной работы, «приправлен» выражением положительных эмоций; *Mein Junge, du bist ein richtiges Naturtalent! (P-N, 13)* – комплимент исключительным способностям адресата; – *Welch ein Genuss ist es, ein richtiges Damenkleid zu sehen. Sie sind ein Inbegriff der Eleganz, Madame (M-H, 441)* – комплимент внешнему виду адресата-женщины, выглядящей необыкновенно элегантно в вечернем платье, включает не только объективно положительную оценку, но и выражение особенного субъективного расположения.

Как видно из двух последних приведенных примеров, распространенным комплиментарным средством является метонимическое уподобление адресата олицетворенному положительному

морально-нравственному (*Naturtalent*) или эстетическому (*Inbegriff der Eleganz*) качеству, Традиционным метонимическим переносом является, кроме того, перенос *pars pro toto*, при котором личность адресата замещается выдвигаемой на передний план частью тела адресата, заслуживающей положительной оценки: *Aber ich sehe – Sie hatten wieder eine Nase* (ET-S, 82) – комплимент профессиональной интуиции адресата – детектива, причем она не специфицируется дополнительно прилагательным как *gute Nase*, отсутствие такой характеристики является, на наш взгляд, особым средством интенсификации комплимента, как бы усилением «от обратного». Похожим примером языковой экономии в целях повышения воздействия на адресата является следующий: *Der liebe Gott hat dir eine Stimme gegeben* (C-W, 113), где явно не просто декларируется наличие у адресата голоса (голосом обладает, собственно, каждый способный говорить), а подчеркивается его исключительный вокальный дар. Существительное *Stimme* выражает в этом случае оценочный признак более ярко, конкретно и, следовательно, экспрессивно, и добавление к нему прилагательного, даже самого аффективного (*wunderbare, ausgezeichnete, zauberhafte, tolle* и т.п.), «разжижает образ и по общеэстетическому закону ослабляет его» [Пешковский 1930: 157].

Оценочные существительные как средства комплимента также строятся часто на основе авторских и языковых метафор, образованных от имен собственных, мифологических героев, известных личностей и т.д. Это очень продуктивная модель, по которой говорящий строит ситуативные высказывания комплимента: – *Sie wissen, wer ich bin? – Ein Engel. Eine Madonna* (K-A, 33) – действие приведенного комплимента усиливается не только благодаря синтаксическому повтору – употреблению двух синонимичных номинативных предложений непосредственно друг за другом, но и метафорическим сравнением адресата с неземными существами – ангелом, мадонной. В высказывании *Sie sind ein rechtes Schätzchen, Sylvio* (W-O, 54) комплимент строится на основе метафорического сравнения адресата с сокровищем; в высказывании <...> *Weil Sie die Sonne sind, die über meinem an sich trostlosen Dasein strahlt* (K-VA, 28) значимость адресата в жизни говорящего сравнивается со значимостью солнца для всего живого.

Часто только ситуативный контекст определяет истинную интенцию идиоматичного высказывания комплимента с оценочным существительным, он может семантически инвертировать смысл высказывания. Например, восклицание *Sie sind mir ein Früchtchen, Ern!* (M-H, 195), парадигматическое значение существительного в котором определяется в словаре как *Taugenichts, Tunichtgut*, правильно интерпретируется адресатом как шуточный комплимент и похвала одновременно в ситуации, когда адресат, предугадав положительный исход сделки (покупки крупной недвижимости), заранее приготовил бутылку дорогого шампанского и в подходящий момент как бы невзначай, как «рояль из кустов», предлагает ее говорящему. Близкие социальные и положительные личностные отношения между партнерами являются дополнительным аргументом в трактовке приведенного высказывания как комплимента за хороший выбор и похвалы за предусмотрительность.

Семантическая инверсия в следующем благодарном комплименте *Oh, du geliebter Verschwender!* (T-O, 58) поддерживается лексемой *geliebt*, исключающей возможность ирритирования адресата отрицательным значением слова *Verschwender*, а также ситуативным контекстом – комплимент произносится как реакция на большой букет роз – выражение адресатом любви. Сопровождающими комплимент интенциями в приведенном высказывании являются положительная оценка действия адресата и благодарность за него, а также положительная оценка самого адресата как личности и выражение – посредством слова *geliebt* – особенно теплого отношения к нему.

Среди оценочных существительных следует отметить особую группу комплиментарных вокативов – комплиментов, стянутых в обращение, которое легко трансформируется в свою полную форму. Примером таких комплиментов-обращений, выражающих в первую очередь субъективно-положительное отношение говорящего к адресату, могут служить слова *Schatz/Schätzchen* (*Annischatz, Liebes du!* <...> (U-V, 48), *Liebes, Liebste(r), Liebling* (- *Wir heiraten bald, ja? – Liebster!..* (U-V, 15)), именной вокатив в сочетании с оценочным прилагательным (*Meine wundervolle Simone! Du sollst nicht mehr weinen...* (U-V, 59)) или любое обращение в комплиментарной ситуации, как, например: *Liebes, reizendes Tantchen, du siehst entzückend aus in deinem Sommerkleid* (K-VA, 132). Первую часть

приведенного высказывания можно трансформировать в полную формулу: *Du bist lieb und reizend, Tantchen, <und du siehst entzückend aus in deinem Sommerkleid>*. Комплиментарный вокатив может находиться в причинно-следственных отношениях с основным содержанием высказывания, например: *Kleine tapfere Frau! Kopf hoch! <...> (T-O, 38)* – приведенное высказывание может быть развернуто в *Sie sind eine kleine und zierliche, aber eine tapfere Frau, deshalb halten Sie Ihren Kopf hoch!*; оно выполняет одновременно с комплиментарной еще и ободряющую функцию в ситуации общения адресата с врачом перед принятием важного решения.

Такое индивидуальное название человека (как правило, любимого) имеет древнюю традицию и в высказываниях приведенного типа выполняет не только функцию подчеркивания особенности адресата, его непохожести на всех остальных, оно представляет собой выражение ласки, степени доверия к адресату. Э. Лайзи связывает значение специфического названия партнера при близких социальных отношениях с традиционными представлениями о «магии имен», в соответствии с которой «человеческое имя стоит в центре круга магических представлений» и составляет существенную и необходимую часть человеческой личности [Leisi 1978: 27]. Креативность выражающих свои нежные чувства коммуникантов не имеет границ при создании новых комплиментарных вокативов; использую метафору Э. Лайзи, можно утверждать, что в рассматриваемых ситуативных высказываниях комплиментов просто «кишит» метафорами. уменьшительно-ласкательными словами и формами: *Simone, mein Herz! <...> (U-V, 59); Ach du, mein kleines unschuldiges Lämmchen! Du hast uns beide unsagbar gequält, nicht wahr? (B-St, 64); Aber es wird vorüber gehen, denn ich habe ja dich. Dich, du meine geliebte Frau! (T-O, 33)*. Характерными являются уменьшительно-ласкательные суффиксы, присоединяемые не только к оценочным словам, но и к именам собственным: *Annilein, mein Liebes. Schau mich an, mein kleiner Liebling (U-V, 64)*, сопровождающимся притяжательным местоимением первого лица и прилагательными *klein, lieb, süß*, которые являются самыми частотными в комплиментарных вокативах. Такое сочетание притяжательного местоимения, прилагательного и оценочного существительного или имени собственного может представлять собой законченное общеоценочное высказывание

комплимента в интимной социальной сфере общения: *Simone, meine allerliebste Frau!* (U-V, 60); *Ach, du mein kleines süßes Engelchen!* (T-O, 47); *Dirk, mein Dirk. Mein lieber kleiner Junge du! Ich habe dich so lieb <...>* (U-V, 34); *Meine liebe Frau, die Sonne meines Lebens!* (T-O, 28). Можно сказать, что взаимное «переименование» партнеров является прототипичным языковым средством общения близких людей, выбор вокатива всегда индивидуален, главное для говорящего – поднять близкого человека над повседневностью.

Комплиментарные вокативы следует отличать от собственно обращения как простого сигнала привлечения внимания, выполняющего функцию идентификации адресата. Ласкательные слова при употреблении в роли традиционного обращения теряют свой оценочный компонент, сохраняя, однако, значение для выражения отношения говорящего к адресату, поскольку изменение ритуала обращения может привести к изменению отношений. Ласкательные слова в функции обращения не употребляются самостоятельно как комплиментарные вокативы, а сопровождают различные речевые акты, создавая атмосферу интимности и доверительности, например, речевой акт эмоционального приветствия: *Liebes, wie schön, dich zu sehen!* (B-H, 15) или *Guten Abend, kleine Waldfee!* (B-St, 6); речевой акт просьбы о прощении: *Liebling, verzeih, wenn ich etwas heftig war* (B-H, 16); речевой акт напоминания: *Bruderherz, hast du vergessen, dass Armin heute zum Kaffee kommt?* (B-H, 4); речевой акт обещания: <...> *Aber Sie sollen sich nicht mehr über mich zu beklagen haben, schönes Kind* (T-O, 58); речевой акт утешения: *Liebling, bitte, beruhige dich* (B-H, 22) и др.

Наряду с оценочными существительными в комплиментах употребляются существительные с синтаксически обусловленным оценочным значением – такие существительные не имеют в своем значении семы оценки, однако в определенном контексте, находясь в предикативной позиции, они выполняют оценочную функцию. Механизм возникновения оценки в таких случаях обусловлен тем, что существительные с семантикой, далекой от ярко выраженной качественности, могут осмысливаться как совершенно определенные квалитативные единицы. Например: *Es war ein Gedicht* (M-H, 300) – комплимент приготовленному адресатом блюду; семантическая структура

слова *Gedicht* как единицы словарного состава не включает аксиологических компонентов, но в ситуации оценивания обеда оно приобретает роль метафорического оценочного сравнения (*Das Mittagessen war so schön, wie nur ein Gedicht sein kann*). Еще пример: *Du bist ein wahrer Mensch!* (G-M, 569). Атрибутивное прилагательное в таких высказываниях выступает не в функции носителя оценочной информации, а в функции усилителя оценочного значения, выраженного именем существительным: *Sie sind ein echter Profi* <...> (C-W, 201).

Прилагательные. Прилагательные благодаря своей чрезвычайной семантической мобильности – они легко приспосабливаются к существительным различной семантики, допуская самые разнообразные сдвиги в значении – часто включается в высказывания комплимента как средство обозначения положительно оцениваемых признаков адресата или связанных с ним предметов или явлений: *Ich habe dich beim Reiten beobachtet. Du bist ein guter Reiter* (M-S, 317) – качественное прилагательное *gut* (являющееся ядерным оценочным определителем) выражает положительную оценку способности адресата ездить верхом.

Прилагательные выполняют в высказывании две основные семантико-грамматические функции языка – атрибутивную и предикативную. Считается, что предикативные прилагательные способны осуществлять пропозициональные функции, и без них предложение, как таковое, немислимо: высказывание *Du bist echt gut!* (R-P, 61), лишенное именной части сказуемого, теряет смысл: ~~*Du bist.*~~ Атрибутивные же прилагательные, выполняя в предложении квалитативную функцию, не входят непосредственно в пропозициональную часть и могут быть опущены без нарушения целостности предложения. Однако Е.М. Вольф, анализируя атрибутивные группы в составе текста [Вольф 1985: 154], утверждает, что во многих случаях прилагательное становится обязательным элементом высказывания. К таким случаям относятся и речевые акты комплимента с оценочным прилагательным, являющимся центром высказывания; если предложение без атрибутивного прилагательного и остается грамматически правильным, то теряет всякий смысл с точки зрения авторской интенции: высказывание *Du bist eine wunderschöne Frau, Laura. Ich hatte es fast vergessen* (B-S, 103) меняет свой смысл при опущении атрибутивного прилагательного *wunderschön* и

превращается из восторженного комплимента в ироничное замечание, граничащее с насмешкой: *Du bist eine Frau, Laura. Ich hatte es fast vergessen.* Впрочем, в этом месте нам следует оговориться и напомнить о специфических случаях выражения искренне-восхищенной комплиментарной оценки неоченочным существительным без определения его оценочным прилагательным как в примерах, приведенных выше: *Sie hatten wieder mal eine Nase (ET-S, 82), Der liebe Gott hat dir eine Stimme gegeben (C-W, 113).* Такие высказывания следует определить, вероятно, как особую группу речевых актов, реализующих интенцию комплимента только в определенном контексте при условии использования специальных интонационных средств.

В комплиментах с прилагательным-носителем положительной оценки выкристаллизовывается большая группа высказываний с положительными общеоценочными прилагательными (в предикативной и в атрибутивной функции), которые не просто реализуют сему рациональной оценки со знаком «+», констатируя ее наличие, но и указывают на особую интенсивность представленности этой оценки и чувства, вызываемые оцениваемым лицом или предметом (*außerordentlich gut/schön*): *ausgezeichnet, wunderschön, wunderbar, hervorragend, kostbar, herrlich, bezaubernd: Sie sind ein hervorragender Kapitän. <...> (K-Mr, 14) = Sie sind ein außerordentlich guter Kapitän.* Поскольку указанные и некоторые другие прилагательные выражают высокую степень представленности оцениваемого признака, они не могут употребляться с усилителями типа *sehr, unheimlich, ungeheuer, unwahrscheinlich, wahnsinnig* и т.п., словосочетания **außerordentlich wunderbar, *wahnsinnig ausgezeichnet, *unwahrscheinlich hervorragend* и подобные избыточны и потому недопустимы. Из сказанного совершенно логично сделать вывод, что семантически менее «сильные», рационально-оценочные прилагательные (*lieb, gut, sympatisch, schön*), без таких интенсификаторов просто не могут достигнуть равновесной степени экспрессивности: *Du bist unwahrscheinlich / unheimlich / außerordentlich gut!*

Среди комплиментов с прилагательным в предикативной функции встретила группа «странных», на первый взгляд, высказываний как *Du bist einfach zu schön (M-S, 156)*, в которых говорящий указывает на избыточность положительного признака, что в традиционном

употреблении оценивается скорее отрицательно, порицается, ср.: *Du bist zu bescheiden = Ich bin überzeugt, dass du mehr kannst, als du zeigst, also sollst du mehr zeigen*. Однако мы склонны, тем не менее, рассматривать такие высказывания как комплименты, иногда неинтенциональные, случайные, но большей частью все-таки намеренные, указывающие на неподходящее «обрамление» комплиментарного признака действительностью, условиями, в которых он проявляется. Это мнение о несоответствии формы/содержания и окружающей реальности, как правило, поясняется говорящим во избежание неправильной интерпретации его высказывания адресатом: *Du bist es, die zu gütig ist, und außerdem zu schön, um dich in diesen Ginzawäldern zu verstecken* (M-S, 127), либо вытекает из ситуативного контекста: *Sie sind zu hübsch* (K-A, 44) – невольный комплимент врача новой медсестре, сомневающегося в достаточной мере ее безопасности в условиях работы с большой группой итальянских шахтеров-гастарбайтеров «с Везувием в крови».

Прототипическое высказывание комплимента *Du bist gut* при определенных ситуативных условиях может подвергаться семантической инверсии [Вольф 1985: 181]: положительное в буквальном значении высказывание, будучи произнесено с особым (нисходящим) интонационным вариантом, обозначает отрицательную оценку: *DU bist (aber) gut*. Смена знака оценки («+» на «-») превращают комплимент в речевой акт упрека, порицания.

Прилагательные в комплименте может представлять и частнооценочное или окказионально-оценочное значение, то есть выражать объективные параметры окружающего нас мира и выражать субъективное отношение говорящего к сообщаемому. Они употребляются при нейтральном существительном, не имеющем в своей семантической структуре оценочного значения. Существительные в таких высказываниях «имеют валентность на качественный признак, которая реализуется в определенных условиях коммуникативной и синтаксической структуры предложения» [Вольф 1985]. Комплиментарными признаками в высказываниях с частнооценочными прилагательными служат отдельные аспекты личности, например:

- внешность (черты лица, волосы, фигура, улыбка, предметы одежды): *Sie sind eine so hübsche Dame* (K-A, 293);

- профессиональные качества: *Sie waren eine äußerst geduldige Lehrerin* (M-S, 341),

- интеллектуальные особенности: <...> *Du bist ein kluger Mensch* <...> (M-B, 258);

- нравственные качества: *Sie sind ein anständiger Mensch* (M-Z, 84); *Sie sind ein properer Kerl!* <...> (M-BK, 371); *Ich weiß, du bist eine treue Haut, Barbilolli* (L-F, 54);

- особые умения или способности адресата комплимента: *Mr. Singer, Sie hat mir erzählt, dass Sie ein erstklassiger Schachspieler sind* (B-S, 38); *Ein viel versprechender Vorschlag, mit einleuchtenden Vorzügen* (M-S, 255))

- качества предмета, которым владеет адресат: *Wirklich ein schöner Raum!* (C-W, 161).

Прилагательное, как уже указывалось, может выступать не только в функции носителя оценочной информации, но и в функции усилителя оценки, выраженной существительным: *Ich habe sehr große Hochachtung vor Ihnen* (T-O, 40). В таких случаях наиболее явно проявляется подчинительная функция прилагательного, его смысловая зависимость от определяемого им существительного.

Эффективность комплимента, сила его воздействия повышается при употреблении прилагательного в сравнительной или превосходной степени, ср. комплимент внешности женщине, с которой говорящий был ранее знаком только опосредованно и которая явно выигрывает при сравнении реальности с представлениями о ней: – *Und nun enttäuscht Sie die Wirklichkeit?* <...> – *Nein, nein.* <...> *Die Wirklichkeit ist schöner, greifbarer, mitreißender.* <...> (K-M, 123). В следующем высказывании комплимент адресату в форме оценки его значимости для общества является одновременно антикомплиментом говорящему: возвышая адресата, говорящий в то же время принижает свои заслуги: *Sie sind ein größerer Mensch als ich* (M-B, 191).

Комплименты с прилагательным в суперлативе представляет собой самую высокую оценку и характеризуется гиперболизированной мерой качества по отношению к норме проявления этого качества. Комплиментарная оценка в таких высказываниях часто расходится с реальным положением дел, что чревато для говорящего уличением его в неискренности, корыстных намерениях: *Je mehr ich darüber nachdenke,*

desto mehr kommt es mir doch so vor, als wäre dies der amüsanteste Weg, Edo zu verlassen (M-S, 255) – высказывание, задуманное как комплимент военно-тактическим умениям высокостатусного адресата, воспринимается последним как плохо скрытая лесть. Интересным способом избежать интерпретации комплимента как неискренней лести является употребление скрытого суперлатива как в следующем высказывании: *Wir sind es, die dankbar sein müssen. Wir könnten keinem edleren Fürsten dienen (M-S, 417)*. Приведенный комплимент – искренний, эмоциональный – может быть трансформирован в высказывание с эксплицитным суперлативом, приобретающим оттенок подобострастия и теряющим значение скромного саморазумеющегося почитания: *Es gibt keinen Fürsten, der edler sind, als Sie, Sie sind der edelste Fürst*.

Комплиментарное сравнение-экватив может выноситься за структурные рамки предложения, выражающего собственно комплимент: *Beeindruckend. Wie in einem erstklassigen Restaurant (H-S, 304)* – комплимент эстетическому вкусу и кулинарным умениям хозяину дома, принимающему гостя. Такое выделение лестного сравнения повышает прагматический эффект комплимента: поначалу скованный стеснением и неуверенный в себе адресат «тает», услышав положительную оценку. Социальный механизм «смазан», адресат благодарно реагирует на комплимент, объясняя источник своих способностей, завязывается дружеская беседа.

Выражение отношения к объекту. Во втором типе высказываний (выражение отношения к объекту комплимента) говорящий сообщает о собственном эмоциональном состоянии, о том, как он воспринимает партнера. В качестве предиката в них выступают глаголы, в которых оценочная сема присутствует имплицитно, «по умолчанию»: *Ich bewundere Ihre Einrichtung (H-M, 18)* – выражение положительного отношения к предмету комплимента предполагает его положительную оценку говорящим (восхищение вызывает то, что нравится, было бы абсурдно выражать восторг по поводу предмета, вызывающего у нас неприятие): *Ich finde Ihre Einrichtung absolut spitze und ich bewundere sie*.

Следует заметить, что глаголы играют значительно менее важную роль в производстве комплиментов по сравнению с прилагательными или существительными, их возможности в плане выражения оценки более

ограничены, поскольку глагол выражает такие значения, которые отражают характер действия, особенности протекания обозначенного процесса, способ его существования. Эти причины определяют немногочисленность оценочных глаголов, наиболее употребительными из которых являются *bewundern*, *begeistern*, *gefallen*, *genießen*, например: *Manchmal bewundere ich dich echt, aber das weißt du ja (R-L, 34)*; – *Ich freue mich, dass Ihnen die Bilder gefallen. – Was heißt „gefallen“? Ich bin begeistert, hingerissen! Wie machen Sie das nur? (K-S, 47)*.

Немногочисленность оценочных глаголов не делает их менее значимым языковым средством при реализации комплиментарной интенции, напротив, они реализуют дополнительные смысловые нюансы. Compliments с глаголом-носителем положительной оценки отражают личную оценку и тем самым солидаризирующее действие совершенно особым образом, поскольку глагол прямо связан с личностью говорящего – это он является лицом, которое ощущает, имеет эмоции: *Ich habe seit Monten nichts mehr so sehr genossen (M-H, 25)* – говорящий, измученный скандалами и затянувшимся бракоразводным процессом с бывшей супругой, испытывает необыкновенный психологический комфорт в обществе старого друга. Его высказывание – комплимент изысканному ужину – является одновременно благодарностью за поддержку и понимание и выражением всего комплекса обуревающих его в связи с последними событиями эмоций. Еще пример: *Was ich über Sie gehört habe, beeindruckt mich, Mr. Singer (B-S, 38)* – говорящий делает комплимент деловым качествам адресата, высоко оценивая их и подчеркивая важность этой оценки в приложении к своим прагматическим целям..

Значительна группа высказываний комплимента с глаголом-носителем положительного заряда, характеризующим действие, выполняемое или выполненное адресатом высказывания: *Das machst du spitzenmäßig, Joana (R-P, 56)*; *Es macht mir nicht aus, ich fahre gern mit Ihnen durch Landschaft. Sie fahren sehr sicher (H-M, 31)*. Действие или состояние, выраженное предикатами таких комплиментов, модифицируют оценочные наречия, которые мы, вслед за Вольф Е.М. [Вольф 1985: 133] считаем частью двучленного семантического единства с глагольным базовым элементом – вместе они образуют полный предикат. Другими словами,

оценочные наречия в комплиментах являются обязательными семантическими и синтаксическими модификаторами глагола, их опущение лишает высказывание смысла или «перевоплощает» его в недопускающее возражений побуждение: *Sie fahren sehr sicher – Sie fahren!*

Специфическим глаголом этой группы, оценивающим внешность адресата как состояние, является глагол *aussehen*, характеризующий внешний вид адресата в сочетании с наречиями положительной оценки *hübsch, gut, wunderbar, prächtig, umwerfend, köstlich, blendend, phantastisch, bezaubernd, entzückend, hinreißend, appetitlich* и др.: *Du siehst wunderbar aus, Emma. Dein Haar gefällt mir (M-H, 129); Sie sehen phantastisch aus, Laura (B-S, 141).*

В ряду оценочных наречий, положительно квалифицирующих внешний вид говорящего, встречаются наречия с отрицательным системным значением, которые в сочетании с негатором дают в сумме выражение положительной оценки: *Du siehst auch nicht schlecht aus! (R-P, 36) = Du siehst auch gut aus.* Такое «отрицание отрицания» является одним из способов некатегоричного, сдержанного комплимента, принятого при социальных отношениях между партнерами, не допускающих открытого выражения восторга без нарушения личностных границ адресата (ущемления его «лица»).

Различные ситуационные условия добавляют отдельные интенциональные нюансы в высказывания комплимента с глаголом *aussehen*. Это может быть, например, поддразнивание в целях разрядки обстановки, как в высказывании *Du siehst hinreißend aus, wenn du wütend bist (K-VA, 136)*, где комплимент предназначен влюбленной в говорящего девушке, ревнующей его ко всем особам женского пола. Он произносится во время очередной сцены ревности, где является абсолютно неадекватным ситуации общения, но именно неадекватность и неожиданность делают данный речевой акт действенным средством «обезоруживания» адресата. В высказывании *Sondra, wissen Sie, wie hübsch Sie sind, wenn Sie lächeln? (C-W, 106)* комплимент является скорее средством ободрения подавленного жизненными обстоятельствами адресата.

Семантика глагола *aussehen* легко допускает сравнения различного рода в качестве квалифицирующих актантов. Здесь следует оговориться,

что элемент сравнения, или, правильнее, вывод из сравнения, присутствует в любой оценке, он является ее конституирующим элементом. Вывод из сравнения, помимо устанавливаемых отношений тождества и различия, даёт новое знание о величине или степени интенсивности определённого свойства в его отношении к другому [Бартон 1978: 48]. В высказывании с имплицитным компаративом *Du hast noch nie wie vierzig ausgesehen, Schatz (G-T, 289)* предметом комплиментарной сравнительной оценки являются возрастные особенности внешности адресата, который, по мнению говорящего, выглядит значительно моложе своих лет, инференциальный вывод из сравнения может выглядеть следующим образом: *Du hast noch nie wie (Leute mit) vierzig ausgesehen = Du siehst viel jünger aus, als die Leute mit vierzig aussehen, und das schätze ich positiv ein.*

Наряду с имплицитным компаративом может употребляться эксплицитное сравнение в форме наречия в сравнительной степени, особенно в ситуациях, в которых именно изменение внешности является главным поводом для комплимента, например: *Sie sehen sehr viel besser aus, als beim letzten Mal (J-K, 146).*

В подлинном, неритуальном, а потому часто многословном комплименте функцию обстоятельства образа действия при глаголе *aussehen* выполняет придаточное предложение нереального сравнения: адресат в нем сравнивается с прецедентными или мифическими фигурами, божествами: *Du überraschst mich, du siehst so aus, als wärst du einem Gemälde aus der Zeit des schimmernden Prinzen entstiegen (M-S, 265).*

Местоимения в комплиментах. Интересно обратить внимание на использование местоимений в речевых актах комплиментов, поскольку они реализуют некоторые особые смысловые оттенки.

Комплимент, как известно, является декларацией положительной оценки партнера и положительного отношения к нему. Однако не все высказывания, выражающие положительное отношение, могут считаться комплиментами: в высказываниях комплимента не может появиться местоимение *wir*. Высказывание *Wir sind doch gute Freunde!* является либо информацией для третьего лица, либо призывом к адресату, побуждающим его к определенному поведению или отношению. Комплимент должен быть обращен только к собеседнику и не может включать говорящего в число референтов.

Объект комплиментарной номинации обычно легко определяется контекстом, ситуацией общения – комплимент является речевым актом, обязательным условием успешности которого является присутствие адресата, поэтому референт не всегда выражается языковыми средствами. Однако при неясной референции и/или в целях убеждения адресата в положительной оценке его говорящим и, следовательно, в расположении говорящего особенно важным является «привязывание» оценки к адресату, то есть включение в высказывание элементов, исключающих всякие неточности или недоразумения при идентификации, а именно личных и притяжательных местоимений второго лица. Таким образом избегается впечатление, что говорящий оценивает объект, принадлежащий адресату, вне связи с самим адресатом, ср.: *Das ist eine schöne Kette*, но: *Du hast eine schöne Kette*; *Deine Kette ist schön*; *Die Kette steht dir gut*. Можно утверждать, что личные и притяжательные местоимения ритуально используются для того, чтобы конституировать близость общения и партнеров. Наш языковой материал дает нам доказательства этой точки зрения: *Ein vielversprechender Vorschlag, mit einleuchtenden Vorzügen* (M-S, 255) – оценочно-дескриптивное высказывание без отнесения к его автору превращается в льстивый комплимент при включении притяжательного местоимения: *Ihr Vorschlag ist vielversprechend, er hat einleuchtende Vorzüge*. И наоборот, аффективный комплимент смелой предприимчивости адресата, выражающий субъективные эмоции гордости говорящего, как *Und wenn ich ehrlich sein soll, ich bewundere deinen Entschluss* <...> (B-H, 7), становится нейтральным (по шкале эмоциональности) высказыванием положительной оценки при трансформации синтаксической структуры и замене притяжательного местоимения определенным артиклем: <...> *das ist ein tapferer Entschluss* <...>.

Таким образом, личные местоимения 1 и 2 лица единственного и множественного числа и соответствующие им финитные формы глаголов, а также косвенные формы указанных личных местоимений и их притяжательные местоимения являются сигналами реализации личного плана высказывания, «включенности» говорящего и адресата в ситуацию общения. Однако есть большая группа «сильных» комплиментов, в которых не называется ни субъект, ни конкретный объект комплимента: *Einer hübschen Frau kann man nicht böse sein* <...> (K-T, 395), которые не

перестают, тем не менее, быть комплиментами. Напротив, такое обобщение категории (*hübsche Frauen*), причисление к ней адресата (*eine der hübschen Frauen*) и указание на невозможность применения к нему карательных мер в связи с яркой выраженностью положительно оцениваемого признака (*Man kann hübschen Frauen nicht böse sein, auch dir kann man nicht böse sein, weil du eine dieser hübschen Frauen bist*) увеличивают положительный перлокутивный эффект высказывания, не нарушая при этом границ дозволенного, поскольку они не включают прямых локальных детерминантов «здесь» и «сейчас». Такого рода комплименты с изменением референции, реализующие речевую стратегию некатегоричного высказывания, мы относим к категории косвенных, речь о них пойдет ниже.

Лексические интенсификаторы. Еще раз обратимся к лексическим интенсификаторам, увеличивающим положительный заряд комплимента – частицам и наречиям, в которых доминирует «функция модификации, спецификации, градуации, интенсификации содержания высказывания или его частей» [Пророкова 1991: 6]. Кроме уже упоминавшихся *sehr, außerordentlich, unwahrscheinlich, ungeheuer, absolut*, подчеркивающих высокую степень эмоционального состояния, часто встречаются слова *echt, wirklich, wahrlich, richtig* и др., выводящие на передний план значение истинности, соответствия содержания комплимента реальному положению дел, например: *Du bist ein richtig schönes Mädchen geworden* (С-В, 58) – модальное слово *richtig* со значением «несомненно» усиливает положительное оценочное значение, указывая на отсутствие расхождения между оцениваемым признаком адресата – его внешностью – и общепринятой нормой. Такую же функцию выполняет модальное слово *wirklich* со значением «действительно» в высказывании *Du siehst wirklich prächtig aus <...>* (М-Н, 342), указывая на искренность слов говорящего, соответствия содержания комплимента действительности.

Модификации и интенсификации оценочного значения способствуют также модальные частицы, наиболее употребительными из которых в высказываниях комплимента являются *ja* и *aber*: *Ein Hotel! Sie sind ja ganz schön raffiniert* (М-Н, 192); *Der Streuselkuchen sieht aber köstlich aus, Kate* (С-В, 164). Семантическое содержание частиц *ja* и *aber* очень

невелико, их коммуникативная роль заключается скорее в том, чтобы закрепить высказывание в разговорном контексте и модифицировать пропозициональное значение высказывания в направлении увеличения его эмоциональности и, следовательно, силы воздействия на адресата.

Средством интенсификации эмоциональной оценки в комплименте выступает полупрефикс *sau-*, добавляемый к частнооценочному прилагательному: *Es ist schön hier. Es ist saugemütlich* (K-A, 119). Он вносит своеобразное субъективное дополнение к значению прилагательного, придает ему новую эмоционально-оценочную окраску.

Синтаксис комплиментов. Анализ синтаксических структур, используемых для выражения прямого комплимента, позволяет сделать вывод об определенной формальности этого речевого акта – существует конечное число прототипических комплиментарных синтаксических моделей. Однако наличие большого количества вариантов (с различным порядком слов, выражающим большую или меньшую степень эмфатичности, с различной степенью представленности членов предложения, с различной частеречной выраженностью оценочного элемента) позволяет нам не согласиться с мнением об исключительно ритуальном характере комплимента. Напротив, именно анализ синтаксических структур дает очень весомый аргумент в пользу рассмотрения большинства комплиментов как искренних, а следовательно, подлинных, не фатических речевых актов положительной оценки партнера. В очень обобщенном виде комплиментарную модельную парадигму можно представить следующим образом:

I. (Du bist/Sie sind) X!, где X – оценочный элемент, который может выражаться:

а) оценочным прилагательным и нейтральным существительным ($X_{Adj} + N_1$): *Sie sind wirklich eine tapfere Frau!* (T-O, 40); *So ein schönes Mädel!* (K-M, 18); *Welch ein wunderbarer Mensch bist du, Karin!* (T-O, 55);

б) нейтральным прилагательным и оценочным существительным ($Adj + X_{N1}$): *Ach du, mein kleines süßes Engelchen!* (T-O, 47);

в) оценочным существительным (X_{N1}): *Bist du doch ein Goldjunge! Madonna!*;

г) оценочным прилагательным (X_{Adj}): *Du bist so lieb, Loretta!* (K-VA, 52); *Carsten, ich liebe dich! Du bist wundervoll!* (U-V, 63); *Diplomatisch wie eh und je* (M-S, 224);

II. (Du hast/Sie haben) X!, где X выражен оценочным прилагательным и нейтральным существительным: *Sie haben eine wunderbare Stimme. Ich höre Sie gerne sprechen* (T-O, 22); *Ein schönes Gut haben Sie, Herr Baron* (B-St, 20);

III. (N_1/das ist) X_{Adj} !

Deine Technik ist großartig (C-W, 157); *Die Idee ist wunderbar* (M-H, 216); *Das ist hübsch* (M-H, 166); *Phantastisch!* (M-H, 363);

IV. Du/Sie Verb_{fin} (N_4) X_{Adv} !

Sie schaffen das in bewunderungswürdiger Weise (K-S, 30); *Toll siehst du aus!* (R-P, 17); *Super machst du das!* (R-P, 17);

IVa. Ich + V_{fin} + N_4 + (X_{Adv})!, где V_{fin} выражен глаголами *finden, bewundern, genießen*: *Ich finde dich immer hübsch, Eva!* (E-A, 34); *Ich bewundere Ihre Einrichtung!* (M-H, 18).

Приведенные модели не исчерпывают, разумеется, всего многообразия структурных вариантов комплиментов, каждая из них может включать высказывания, выходящие за ее строгие рамки.

Остановимся на некоторых специфических синтаксических особенностях высказываний комплимента. Первые три модели включают варианты с неполной представленностью членов предложения – эллиптические варианты, выражающие эмотивную оценку в очень концентрированной форме. В них может отсутствовать либо указание на предмет комплимента, либо глагольная часть или артикль: *Höchste Klasse! Gib mir noch einen* (R-P, 45); *Nettes Auto, Nigel. Sehr praktisch fürs Land* (M-H, 33).

Эллиптическими являются специализирующиеся только на выражении комплиментарной оценки экскламативные фразеологизированные высказывания (безглагольные эллиптические и полные) комплимента с типизирующими словами *was für, welch, wie, solch* которые в сочетании с эмоционально-экспрессивной интонацией поддерживают положительную силу высказываний. В пропозиции комплиментов (1) *Was für strahlende kleine Schönheiten sie doch sind!* (M-H, 367); (2) *Karin, welch eine wunderbare Frau bist du doch!* (T-O, 35); (3) *Karin, was bist du für ein Mensch!* (T-O, 58)

выражается эксплицитно (1, 2) и имплицитно (3) спонтанная аффективная оценка, совмещаемая с семой интенсивности качественного признака³⁶. Наибольший интерес представляет собой третий тип высказывания, где оцениваемый признак не выражен и должен быть выведен на основе стереотипных представлений адресата о возможных признаковых характеристиках. В приведенном высказывании (3) говорящий имплицитно выражает общеоценочное значение *wunderbar*, которое адресат на основе своей картины мира вкладывает в свою интерпретацию. Значит, положительное содержание комплимента заложено в самой структуре высказывания и в высокой степени поддерживается ею.

Местоимения *was für, welch, solch, wie* в указанных конструкциях играют роль интенсификаторов оценки, и значение интенсификации накладывается на оценку, даже превалируя над ней в комплиментах типа (3), поскольку имплицитность выражения является, как уже указывалось выше, традиционным средством усиления эмоционального воздействия. Такие комплименты можно назвать интригующими, имеющими установку на завладение вниманием адресата. Заметим, что в успешном комплименте интригующий момент, как правило, дополняется эксплицитным, иначе он может озадачить адресата, а не вдохновить его. В нашем контексте высказывание (3) дополняется пояснением говорящего: *Karin, was bist du für ein Mensch? Ich kann den Jungen immer weniger verstehen. Er scheint in seiner Dunkelheit vernünftiger gewesen zu sein als jetzt. Ich habe fast das Gefühl, dass er erst als Sehender blind wurde.* Восклицание обращено к покинутой мужем – прозревшим после врожденной слепоты сыном говорящего – женщине, обладающей отвратительной внешностью, которая, однако, сполна компенсируется ее нравственной красотой.

В эллиптических высказываниях – комплиментарных вокативах часто наблюдается прономинальная инверсия – рематическая постановка личного местоимения после обращения: *Mein geliebter Mann, du!* (Т-О, 38), что можно, вероятно, объяснить желанием выделить адресатную отнесенность, виртуальную тактильность такой оценки – вербальное

³⁶ Крейдлин Г.Е и Рахилина Е.В., рассматривая подобные структуры русского языка, выделяют три части их ропозитивного компонента: презумптивную (знание говорящим нормативного для всех членов общества значения оцениваемого признака) и двух ассертивных: утверждения о том, что адресат обладает этим признаком, и утверждения о том, что адресат обладает высокой степенью этого признака [Крейдлин, Рахилина 1984].

«прикосновение» говорящего к адресату является сигналом его особого, интимного отношения к последнему.

Действие речевых актов комплимента может быть усилено использованием разнообразных лексико-синтаксических повторов, которые могут ограничиваться рамками одного высказывания или оформляться как самостоятельные высказывания, непосредственно соположенные в речевой цепи, например: – *Sie wissen, wer ich bin? – Ein Engel. Eine Madonna (K-A, 33).*

Косвенные комплименты. Помимо стандартных формул комплимента существует еще целый ряд других конвенциональных и неконвенциональных речевых актов, замещающих эксплицитный комплимент. Такие речевые акты можно считать косвенными, если контекст не допускает другого их прочтения. Косвенные комплименты используются из «стратегических» соображений, то есть если говорящий опасается, что прямой комплимент может иметь ликоущемляющий эффект для адресата, а, следовательно, для него самого. Косвенный комплимент позволяет, таким образом, избежать впечатления, что он служит только прагматическим целям – является средством добиться расположения адресата.

В косвенных комплиментах прагматическое значение может полностью вытеснять семантическое, степень косвенности комплимента варьируется от низкого уровня, в котором она определяется лексическим составом предложения, до высокого уровня, где прагматическое значение может быть определено только с подключением ситуативного контекста.

Многообразие форм косвенных комплиментов не позволяет категоризировать их, поэтому при их анализе мы опираемся на содержательные аспекты или определенные стратегии говорящего. В комплименте могут быть объединены несколько стратегий.

Комплименты с изменением референциальной соотнесенности. Одной из наиболее популярных «куртуазных» комплиментарных стратегий является преобразование различных элементов прямого положительно-оценочного высказывания, в частности преобразованием референциальной соотнесенности объекта или субъекта комплимента. Примером реализации такой стратегии может случить высказывания с заменой конкретной референции субъекта оценки на неопределенную: *Ein*

Mann, der solch eine Frau wie Sie an seiner Stelle hat, der soll Gott auf Knien dafür danken <...> (T-O, 38). В приведенном высказывании, формально представляющим собой декларативное выражение говорящим своего мнения, не указан положительно оцениваемый признак (*solch eine (*wunderbare) Frau*), она заложена как данное, как факт в рамках высказывания. Кроме того, в нем изменен субъект оценки – говорящий, производящий предикацию признака, устраняет себя как оценивающее лицо, и приписывает оценивающую деятельность обобщенному субъекту, не участвующему в ситуации общения (*ein Mann, der solch eine Frau hat*). Указанием на действительную оценку адресата говорящим является его мнение о необходимости высокой степени благодарности (*soll Gott auf Knien danken*), которое может появиться как реакция на нечто исключительно положительное для субъекта оценки. Таким образом, путем несложных инференций мы можем сделать вывод о подлинной комплиментарной оценке адресата: *Sie sind eine außerordentliche Frau* <und ein Mann, der solch eine Frau wie Sie an seiner Stelle hat, der soll Gott auf Knien dafür danken>. Compliment адресату является в данном высказывании одновременно порицанием третьего лица – супруга оцениваемой женщины, который не смог оценить ее по достоинству.

Большую группу косвенных комплиментов составляют высказывания с расширением объекта оценки – заменой его конкретной референции на неопределенную, например: *Und warum hast du Nicole vor mir versteckt gehalten? Ich lerne nie so bezaubernde Frauen kennen* (M-H, 313). Эксплицитная положительная оценка, выраженная причастием *bezaubernd*, направлена адресату, но касается не его (ее) конкретно, а всей категории женщин, выделяемой говорящим (*so bezaubernde Frauen*), к которой причисляется и адресат (<*Sie sind eine bezaubernde Frau, Nicole. Ich habe Pech, denn*> *ich lerne nie so bezaubernde Frauen* <*wie Sie*> *kennen*). Наречие *nie* гиперболизирует высказывание, придает ему значение исключительности а, следовательно, уникальности.

Пример, подобный вышеприведенному, но допускающий возможность редких случаев такой же исключительности: *Meine Hochachtung! Nicht allen Vätern gelingt es, solche Töchter in die Welt zu setzen* <...> (K-VA, 12). Compliment адресован девушке, отца которой касается высказывание. Несмотря на то, что комплимент не включает оценочных

слов и не называет адресата прямо, он однозначно интерпретируется последним благодаря возгласу восхищения *Meine Hochachtung!* От буквального содержания приведенного высказывания до его действительного смысла всего несколько семантических шагов: *Du bist ein echt hübsches Mädchen. Nicht allen Vätern gelingt es, solche Töchter in die Welt zu setzen. Dein Vater hat es aber geschafft, deshalb drücke ich ihm meine aufrichtige Hochachtung aus.*

Косвенный комплимент достигается путем смещения объекта оценки – оценивается не адресат высказывания, а третье лицо, присутствующее при этом: *Joana macht das ganz toll. Du kannst stolz auf sie sein (R-P, 57)*. Формально такое высказывание выражает собственно оценку, однако присутствие оцениваемого лица и намеренный выбор положительно-оценочного наречия индицируют комплиментарную интенцию. Перлокутивный эффект такого комплимента не менее (если даже не более) силен, чем в случае прямого комплимента, к которому часто относятся осторожно в связи с его возможной формальностью. Еще примеры такого рода: комплимент умению адресата комплимента (но не адресата высказывания) зажечь публику *Hat sie dir schon erzählt, wie sie für den DJ eingesprungen ist? Das war spitze. Die Disco hat getobt (R-P, 34)*; комплимент силе характера присутствующего отца ребенка, значение имени которого является предметом обсуждения в высказывании *Beständig wie ein Fels. Möge er so werden, ganz wie sein Vater (M-S, 480)*; комплимент кулинарным способностям третьего лица, присутствующего при высказывании: *Madam ist ein Goldstück (M-H, 277)*.

Высказывания отрицательной оценки, порицания лица, не присутствующего при разговоре, могут являться комплиментом адресату высказывания или третьему присутствующему лицу, поскольку при этом недостатки отсутствующего противопоставляются достоинствам присутствующего: *Von seinem Personal sollte er lernen. Sein Kammerdiener hat ein besseres Benehmen als er (K-VA, 64)* – комплимент манерам адресата комплимента, выигрывающим при сравнении их с поведением обсуждаемого лица. Вариантами такого типа косвенных комплиментов является принижение себя и своего окружения для положительно-оценочного выделения адресата: *Meine Männer reichen nicht an Eure*

Krieger heran, trotzdem geben sie ihr Bestes (M-S, 294) – комплимент воинскому искусству адресата и его спутников.

Лицо, чьи качества являются предметом сравнения, может быть не конкретным, а собирательным, тогда положительно оцениваемые качества конкретного адресата высказывания и комплимента гиперболизируются, приобретают масштаб исключительности: *Du verlierst mich nie. Und weißt du, warum nicht? Weil du mich nie festhalten wolltest, wie ein Bauer seinen Acker. Der glänzendste Mann ist langweilig dagegen (R-L, 292)*.

Комплименты с имплицитной оценкой. Другой тип косвенных комплиментов – высказывания, не выражающие «видимую» оценку, но касающиеся, тем не менее, какого-то качества адресата. Речь идет о констатирующих или вопросительных формулах – часто риторического характера: замечание о внешних изменениях или вновь приобретенном объекте адресата: *Hast Du abgenommen?; Oh, Sie haben ein neues Auto!* Чаше, однако, положительная оценка выражается в констатациях, реализуясь при помощи интенсификаторов, частиц, а также восклицательных выражений, которые показывают, что говорящий оценивает качество адресата положительно: *Du stiehst dem Star die Show (R-P, 15)* – комплимент девушке, выполняющей функции диджея на дискотеке настолько хорошо, что реакция публики на ее реплики заставляет говорящего сомневаться в качестве выступления присутствующей в клубе поп-звезды; *Heute Nacht werde ich bestimmt träumen (H-S, 132)* – комплимент девушке, настолько очаровавшей говорящего и заполнившей все его мысли, что он предполагает (и надеется) увидеть ее и продолжить общение с ней во сне. Еще несколько примеров: *Wenn Liebe deine schwache Seite ist, dann erbebe ich beim Gedanken daran, wie wohl deine Stärke aussieht (M-S, 228)* – комплимент умениям красивой и опытной куртизанки, которые говорящий оценивает настолько высоко, что ему трудно представить качества, превосходящие эти умения. *Kate, für ein Stück von deinem Streuselkuchen würde ich bis ans Ende der Welt gehen (C-W, 163)* – комплимент кулинарному искусству адресата, говорящий готов совершить невозможное для того, чтобы насладиться произведением этого искусства; *Nichts ist für dich schön genug, Dolores! (T-O, 59)* – комплимент внешности адресата, с которой, по мнению влюбленного говорящего, ничто не может сравниться. В таких

имплицитных комплиментах, как видно из последних примеров, также используется гипербола в функции выражения степени, интенсивности положительной оценки (*bis ans Ende der Welt gehen; nichts ist schön genug*). Примечательно также использование юмора, который часто находится на границе с иронией: *Sie haben Ihren Beruf verfehlt, Hortebiche! Tatsächlich!* (ET-S, 28) – комплимент детектива наблюдательности дворецкого, который мог бы, по шутливо-ироническому мнению говорящего, значительно преуспеть в сыском деле.

Произнося комплименты с имплицитной оценкой, говорящий ориентируется на конкретного адресата с его фоновыми знаниями и языковой компетенцией, он рассчитывает на способность адресата восстановить эксплицитно не выраженную информацию. Такие комплименты полностью зависят от контекста. Фактором, оказывающим влияние на их прагматическую сущность, оказывается признак релевантности содержания высказывания для данной ситуации общения.

Многие косвенные комплименты включают эксплицитное или имплицитное выражение желания говорящего достичь статуса, который сравним со статусом адресата: *Oh, Sie sind zu beneiden! Was würde ich geben, um solch ein herrliches Schiff zu besitzen! Sie müssen eine sehr, sehr glückliche Frau sein!* (H-M, 64). Такие комплименты обладают большой положительной силой, поскольку оценка говорящего выходит за рамки простого положительного суждения, ведь говорящий рассматривает предмет комплимента как желаемый и достойный подражания. При выражении сожаления по поводу отсутствия у самого говорящего способностей или возможностей для достижения цели – состояния/статуса адресата, говорящий принижает себя при одновременном восхвалении слушающего. Эта рационально-эвристическая стратегия – использование намеренно ассиметричной конструкции – имплицитно выражает высокую меру солидарности и соответствует присутствующему всегда (пусть бессознательно) желанию адресата получить одобрение [Brown, Lewinson 1987: 62]. Фромм Е. видит в производстве таких комплиментов отражение мировоззрения, ориентированного на владение, при котором идентификация индивида происходит на основе того, чем он владеет [Fromm 1991: 79-90]: говорящий, который рассматривает достигнутый адресатом статус или находящуюся в его распоряжении собственность как

достойную стремления или подражания, ищет вербальную возможность приобщиться к этому. Даже если эта стратегия, как описано выше, является солидаризирующей, она, тем не менее, отражает общее убеждение в том, что владение или приобретение чего-либо – будь это материальная вещь или способность – является обогащением личности. Трудно спорить с этой точкой зрения, при внимательном рассмотрении всего проанализированного материала приходится констатировать правоту автора в подавляющем большинстве случаев. Тем интереснее могло бы стать более подробное изучение и сравнительный анализ речевого акта комплимента (например, в период до и после объединения Германии или на материале русского языка в советский и постсоветский периоды) в рамках социолингвистики.

Рассматривая расположение смысловых компонентов высказываний комплимента, мы видим совершенно иную конфигурацию, чем в социативных речевых актах. Абсолютной доминантой в ней является теперь эмотивный смысл, в котором, в свою очередь, в постоянном движении находятся его составляющие – эмоциональный, оценочный и реляционный смыслы, то и дело (в различных прагматических ситуациях) «уступающие» друг другу место на поверхности смыслового универсума. Пропозициональный и интенциональный смыслы нерелевантны в ситуации комплимента, они подавляются безусловным приоритетом трехглавой доминанты и выполняют лишь вспомогательную роль в формировании единого смысла. При непрямом выражении комплимента интенциональный смысл несколько ближе к поверхности, поскольку его хотя бы минимальное проявление важно для идентификации речевого акта адресатом, но при этом его спутниками становятся самые различные окказиональные смыслы, многообразные, как многообразна сама жизнь с ее непредсказуемостью.

2. РЕЧЕВОЙ АКТ ПОХВАЛЫ

В этом разделе рассматриваются речевые акты похвалы, разряд оценочных явлений, сущность и предназначение которых определяются связью этого вида речевой деятельности с категорией добра, с проблемой взаимодействия человека и мира в ценностном аспекте. Похвала встречается в экстралингвистических условиях, значимым и определяющим компонентом в которых является параметр типовых статусно-ролевых проявлений коммуникантов (учитель – ученик, начальник – подчиненный, родитель – ребенок), где возможна определенная выборка речевых маркеров оценки, отличающихся по силе воздействия – эмоциональному заряду.

Прагматическая сущность похвалы проявляется в принципе увеличения ценности, возвышения достоинств адресата. Оценочный компонент в общении коммуникантов затрагивает параметр психоэмоционального комфорта говорящей личности в общении. Следовательно, речевой акт похвалы может быть опосредованным сигналом развертывания общения по модели комфортного диалогического общения [Романов, Ходырев, 2001: 40-45; Морозова, Максимова, 2003], которое базируется на переживании и демонстрации эмоций и чувств.

2.1. Общая характеристика похвалы

Похвала определяется как демонстративное выражение (часто в присутствии третьих лиц³⁷) особого одобрения партнера по поводу его поступка (поведения), исключительных успехов (по меньшей мере, выходящих за рамки требований нормы), имеющее целью вызвать его положительную эмоциональную реакцию: Это определение называет некоторые индексальные признаки, которые следует рассмотреть подробнее.

Эксплицитность. Есть много возможностей выражения одобрения и признания заслуг. Но ободряющую улыбку, кивок головой, восхищенный взгляд нельзя считать похвалой. Похвала есть вербальное и эксплицитное

³⁷ Ср. определение речеактового глагола *loben* в словаре Wahrig: *jmdm. ein Lob erteilen, jmdn. vor anderen anerkennen*

речевое действие. Она всегда имеет конкретного адресата и не допускает сомнений в своей адресованности. Важной особенностью похвалы является тот факт, что она представляет собой однозначный социальный и ситуативный маркер отношения говорящего к адресату: хвалят потому, что нравится нечто, совершенное или сказанное адресатом. Похвала означает одобрение, служит для адресата вербальным сигналом того, что его действия (или действия третьего лица) положительно оценены адресантом.

Эксплицитность похвалы предполагает осознанную интенциональность. Говорящий имеет намерение похвалить, его действия интенциональны. Адресант похвалы никогда не симулирует своего эмоционального состояния, хваля искренне, от души, он может даже не осознавать движущий им мотив. То есть похвала может варьироваться в зависимости от степени одобрения, но не может быть нерешительной похвалы. Похвала всегда содержит элемент обязательства, возникающий как следствие ее эксплицитности.

Оценка. Кваликативная компетенция говорящего распространяется на интерпретацию оценочных критериев и на действия адресата. Он сам выбирает объект похвалы и выбирает вербальные средства ее выражения, определяет ее нюансы. Это тот самый ценностно-кваликативный характер похвалы, который делает ее гибким инструментом воздействия. И именно ее subtilность и многочисленные возможности ее варьирования и дозирования, как отмечает Р. Пэрис, исследующий языковые механизмы властного манипулирования людьми [Paris 1998: 155], являются источником часто возникающей психологической зависимости адресата: он становится зависимым от суждения говорящего и сам начинает моделировать себя по заданному им образцу. То есть «коварство» похвалы заключается в том, что адресату приходится «расплачиваться» за нее потерей какой-то части своей самостоятельности.

Похвала должна иметь возможность вербального варьирования, и хотя в ней используются различные риторические фигуры, ее нельзя считать клишированным, формальным речевым актом. Искусство похвалы состоит в своеобразном балансе общего и частного: говорящий хвалит адресата как олицетворение общепризнанных добродетелей, одновременно он выделяет эти качества в индивидуальном квалифицировании адресата.

Статусные роли. Речевой акт похвалы конструирует отношения не только говорящего и адресата, квалифицируя их, он модифицирует отношения говорящего с теми, кому похвалы не досталось – третьими лицами, присутствующими при выражении похвалы. Похвала сравнивает, она отделяет среднестатистическое от того, что заслуживает особого одобрения, незаурядного. Таким образом, похвала распределяет места в оценочной иерархии, претендуя на компетенцию такого распределения.

Указывая на оценочный статус, похвала подтверждает статусность в целом как социальное явление. Фиксируя один статус, она одновременно маркирует и другие. Тот, кто распределяет статусные роли, является частью вертикальной иерархии, ориентирование на которую обязательно для всех.

Индивидуальный характер похвалы. Похвала всегда однозначно адресована, она всегда имеет индивидуальные контуры. Только на основе строгой личностной отнесенности похвалу можно использовать как технику индивидуализации, дифференциации общей массы и личности.

Несмотря на то, что разделение оценивающего и оцениваемого выражает фундаментальную асимметрию, оно одновременно создает своеобразную близость, квази-интимность между говорящим и адресатом. Прежде всего, адресат чувствует себя выделенным из толпы и поднятым над ней авторитетной похвалой – эффект, который – парадокс – тем сильнее, чем дальше и недостижимее авторитет.

Референция успехов. Похвала пресуппозитивно предполагает достижение адресатом успехов, доказывающих, в свою очередь, наличие у него определенных умений. Однако общее правило – без достижений нет похвалы – часто нарушается, встречаются случаи, когда похвала отсутствует, несмотря на достижения. Поскольку похвала является средством поощрения адресата, то говорящий, обладающий компетенцией поощрения, сохраняет за собой безусловное право определять границу между нормой и экстраординарностью. Более того, он в какой-то мере решает, что можно считать достижением, а что нет. Часто выдающееся не замечается, сознательно игнорируется, а среднее выделяется. Решающим в этом случае являются не действительные усилия потенциального адресата, а предпочтения, иногда просто личная симпатия говорящего.

Но независимо от того, заслужена ли похвала или нет, намерения говорящего – повышение самооценки адресата, его ободрение и побуждение к дальнейшим усилиям, повышение его мотивации – не меняются. Выразительное одобрение укрепляет чувство собственного достоинства и подтверждает идеализированную картину собственного «Я». Она одновременно ратифицирует гордость за собственные достижения, придает уверенность в своих способностях. Этим она направляет взгляд в будущее: за достигнутыми успехами должны последовать другие, которые, как надеется адресат, тоже будут отмечены похвалой. Так одна похвала питает надежду на следующую, возможно, большую похвалу, на невысказанное «*Weiter so!*», присутствующее имплицитно в любой похвале [Sprenger 1999: 10], она фиксирует одновременно уровень достижений адресата, ниже которого теперь ему опускаться не следует. Поэтому нередко – опять парадокс – адресат воспринимает похвалу как груз, как наложенное на него обязательство и в будущем добиваться таких же экстраординарных успехов, по меньшей мере, не опускаться ниже уже достигнутого уровня. Похвала закрывает в определенной мере возврат к среднестатистичности и превращает необыкновенное усилие в повседневность.

Отличие похвалы от других речевых актов положительной оценки. Не любая оценка действий адресата принимает характер эксплицитной похвалы. В типологии оценочных речевых актов (например В. Циллига или К. Адамчика) похвала располагается над теми положительными оценочными речевыми актами, которые часто встречаются в повседневных ритуалах подтверждающего характера [Goffmann 1974: 97ff]. В них важно ограничить направленное партнеру внимание настолько, чтобы не нарушать допустимую социальную границу отношений. Эксплицитность и непосредственная адресация похвалы, а также интенсивность оценки выделяют ее из общего потока высказываний и основывают новую градацию релевантности, в которой успех и статус адресата, а также масштаб говорящего внезапно выходят на первый план. Это тот шаг, который ломает плавное течение общения и маркирует похвалу как сознательный сигнал желания выделить адресата из окружающих.

Конечно, границы слабого, часто обозначенного только жеста или неэмоционально вербализованного одобрения и перехода от него к эксплицитной похвале размыты, ведь в оценочном высказывании может варьироваться суть оценивающих квалификаций, их сила и интенсивность, а также весь спектр одновременно выражаемых смысловых нюансов. Это четко видно при сравнении ритуального комплимента и похвалы. Как ритуальная форма положительной оценки партнера комплимент реализует интенцию сигнализировать партнеру (часто при помощи клишированных форм) вежливую любезность и предупредительность, при этом вопрос об искренности является вторичным. В отличие от похвалы квази-интимность отношений в комплименте нейтрализуется, поэтому комплименты возможны и там, где партнеры (почти) не знакомы, комплимент тогда является способом начать разговор и познакомиться. Прямое или косвенное указание на успехи в ритуальном комплименте слабо представлено (или не представлено совсем), часто оценка выражается совершенно спонтанно, как непосредственное выражение расположения, она может распространяться на объекты, принадлежащие адресату и которые не могут рассматриваться как достигнутый успех.

Типологически похвала отграничивается и от таких стандартизованных поощрений как публичное вручение наград или премий. В таких ситуациях особенно четко виден неритуальный характер похвалы. Чествование уже изначально определяется как не-рутинная ситуация, оно проходит в соответствии со строгой схемой, которая не допускает варьирования. Премия символизирует поощрение, но не эксплицирует его. Квалификация остается задачей лаудативного речевого акта, который является частью предписанного ритуала. Похвала-лаудацио обосновывает поощрение и в этой функции используется в рамках торжественного мероприятия. В качестве примера приведем небольшой отрывок из лаудативной речи по поводу присуждения Лейпцигской премии комитета по правам человека: <...> *Ich stehe nicht an hervorzuheben, dass Sie damit ein Pionier der Auseinandersetzung mit Scientology in Europa und der ganzen Welt sind. Wir wissen dass dazu Mut gehört. Der einfache Weg ist sich abzudecken und abzuducken und Auseinandersetzungen aus dem Weg zu gehen. Ich habe Respekt vor einem Mann, der nicht sich windschnittig macht, sozusagen die Segeln so stellt, dass er nicht vom Gegenwind erfasst wird,*

sondern der seine Verantwortung ernst nimmt, nämlich die Verantwortung sowohl gegenüber den einzelnen Personen, vor allem jungen Menschen, aber auch älteren, also gegenüber den einzelnen Personen, aber auch die Verantwortung gegenüber dem gesamten Staats- und Gemeinwesen <...> [www.leipzigerpreis.de]. Подобная многословная публичная похвала, построенная по определенным правилам, звучит часто пресно и скучно: ее ритуальность выводит на передний план клишированность формулировок, стандартизованность ситуации лишает похвалу ее качественных признаков.

П о в о д ы д л я п о х в а л ы . Похвалой оценивается прошлое действие адресата, поэтому существенным моментом в нем является момент каузальности. Объектами-каузаторами оценки, то есть поводами для похвалы могут быть:

- стремление адресата сделать свою работу качественно, добросовестно, умело: *Jetzt wirst du eine wirkliche Musikerin (C-W, 159); Das nenne ich pünktlich (B-H, 16);*

- нравственные качества адресата, как честность, доброта, проявляемые во взаимоотношениях субъекта с другими людьми, то есть в поступках, адресованных другим. Именно эти поступки и оцениваются похвалой, например: *Du bist wenigstens ein ehrliches Kind, Arnulf, und das gefällt mir (T-O, 17); Bist ein braves Mädchen, dass du dich so um deine kleine Schwester kümmerst (M-S, 379);*

- ум и сообразительность адресата: *Du hast deinen Ruf klug eingesetzt. (M-S, 305); Gute Idee. Damit hast du Medien erst mal auf deiner Seite (J-K, 123);*

- смелость адресата: *Du hast dich auf unserer Reise hierher mustergültig verhalten (M-S, 166); Sie wehren sich ordentlich. Fast schade, dass Sie allein sind (H-S, 393);*

- послушание адресата, его подчинение авторитету, требованиям ситуации или общества в целом: – *Sie hat Kopfweg. Da muss man ganz leise sein! – Ich bin ganz leise, Mami! – Du bist ja auch meine Supermaus (H-M, 212).*

Из перечисленных поводов для похвалы следует вывод о ее деятельностном, созидательном характере: адресат похвалы хорошо делает что-то от него зависящее: свою работу, хорошо ведет себя, совершает

добрые поступки, проявляет смелость и сообразительность. Эти поводы являются стимулом для реакции говорящего, который, однако, имеет свободу выбора – вербализовать свою реакцию или промолчать. Между усилием для достижения успеха и его выразительным одобрением находится открытое пространство, зона неопределенности, контролируемая только авторитетом, обладающим компетенцией одобрения, решающим, хвалить или не хвалить. Такая социальная власть над адресатом наряду с непредсказуемостью квалификации часто воспринимаются им как источник некоторого оценочного произвола и укрепляют в нем чувство зависимости от оценивающего [Paris 1998: 165].

Со своей стороны говорящий, произнося похвалу, не принимает на себя никаких обязательств. Однако похвала тоже содержит элемент демонстративного признания говорящим ценностей и норм, по которым он измеряет партнера. Более того, говорящий должен не просто обладать качествами, которые он положительно оценивает, он должен их репрезентировать и олицетворять как личность. Иначе возникают сомнения в оценочной компетенции говорящего (не может хвалить за честность лживый, за доброту злой, за трудолюбие ленивый человек). Другими словами, для того, чтобы иметь «право» правдоподобно хвалить, говорящий должен сам быть одобряем. Если он обладает авторитетом, то похвала действенна, если же он не пользуется уважением, то речевое действие похвалы безуспешно.

С отсутствием самообязательств связано отсутствие дилеммы последствий речевого действия похвалы: поскольку говорящий ничего непосредственно не предлагает и не требует, то он и не зависит от реакции адресата. Но это впечатление обманчиво, на самом деле и адресат посредством реакции на похвалу имеет много возможностей переопределить ситуацию таким образом, что оценочная компетенция говорящего будет поставлена под сомнение, как это происходит, например, в следующем речевом фрагменте: – *Sie haben Frau Seidel eine große Freude bereitet. Sie haben ein gutes Herz. Sie sollen es nicht immer verleugnen. – Nun stimmen Sie nur nicht in Mutter Seidels Lobesgesänge ein, Molly. Sie hat einen Narren an mir gefressen und ich mag sie auch <...>* (V-DN, 6). Минимизируя одобрение, адресат похвалы показывает, что он имеет другие масштабы и считает сомнительной очень субъективную оценочную компетенцию

третьего лица, на мнение которого опирается говорящий. Даже если он избегает явного афронта, то его реакция все равно сохраняет характер косвенного оспаривания компетенции и авторитета говорящего.

2.2. Функционирование и варьирование похвалы

Условия успешности речевого акта похвалы. Общие условия успешности речевого акта похвалы можно сформулировать следующим образом³⁸:

1. Говорящий сообщает адресату пропозицию, которая касается определенного объекта, одновременно говорящий предсказывает, что оцениваемый объект соответствует требованиям, предъявляемым к нему нормой;

2. говорящий и адресат знают объект и требования, предъявляемые к нему нормой;

3. а) Говорящий занимает более высокое социальное положение по сравнению с адресатом или находится в условиях ситуационной статусной асимметрии (обладает в данной ситуации общения компетенцией оценивания);

б) адресат ответственен за объект оценки³⁹.

Любая оценка включает влияние на слушающего, на его поведение и потенциальные речевые действия. Но в отличие от похвалы оказание влияния в других оценочных речевых актах является следствием, а не необходимым условием для совершения речевого действия. Даже если действие адресата является объектом выражаемого мнения, оно не обязательно имплицитно побуждает адресата продолжить выполнение данного действия⁴⁰. А при похвале именно тот факт, что говорящий не только оценивает действия или поведение адресата, но и оказывает оценочным речевым действием влияние на него, является особенным

³⁸ Мы опираемся на условия успешности похвалы, сформулированные В. Циллигом для педагогического дискурса [Zillig W, 1982].

³⁹ Если ситуация, действие, качество и т.д. произвольны и не поддаются изменению в ту или иную сторону, их нельзя вменить субъекту в вину или поставить в заслугу (см. [Воркачев 1990: 90; Вольф 1985: 141]).

⁴⁰ Здесь, конечно, не имеются в виду такие случаи, когда говорящий использует формы выражения мнения, чтобы выразить косвенное побуждение или соответствующий намек. Например, высказывание *Die Perlenkette finde ich schön* является побуждением, а не выражением мнения, если оно произносится для того, чтобы побудить адресата купить оцениваемый объект

условием успешности этого речевого акта. Поэтому дополнительным условием для похвалы является:

4. а) Говорящий хочет выражением оценки побудить адресата и в будущем действовать так же, как этого требуют установленные для оцениваемого объекта ценностные ориентиры.

Речевой акт похвалы следует отличать от таких высказываний, которыми говорящий показывает, что оцениваемый объект в порядке или не в порядке, не высказывая при этом похвалы. То есть, реагируя на правильный ответ ученика высказыванием *Ja, das ist richtig*, учитель не высказывает похвалу, а подтверждает, что ответ был верен. Для того, чтобы это высказывание стало похвалой, необходимо выполнение второго дополнительного условия:

4. б) пропозицией говорящий выражает, что объект оценки соответствует ценностным ориентирам, превышающим норму.

В а р ь и р о в а н и е п о х в а л ы . Похвала варьируется в каждом конкретном случае в зависимости от ситуации. Существует огромное количество модификаций похвалы, большой спектр высказываний, которые маркируют самые различные способы похвалы. Так, наряду со спонтанным выражением наивысшего восхищения (*Hut ab, Frau Winkler! Hut ab! Sie können sich auf mich verlassen!* (H-M, 252)) существует снисходительная похвала, которая посредством одобрения пытается понизить статус адресата (*Freut mich ungemein, dass Sie doch noch drauf gekommen sind* (H-M, 256) – похвала с иронией, указывающая на ненаблюдательность адресата); существует льстивая похвала, имеющая целью расположить к себе адресата и получить ответное одобрение (- *Mein Fürst, Ihr habt triumphiert. – Nein Mukei, du hast triumphiert. Dieser Sieg gebührt dir allein* (M-S, 453)); не говоря уже о самопохвале. Сложно объединить все нюансы похвалы в одной типологии, поэтому мы предлагаем в качестве когнитивного классификационного признака статусный признак: исходным положением является утверждение, что похвала может быть направлена сверху вниз или появляться в общении равностатусных партнеров.

Похвала «сверху вниз». Похвала сверху вниз представляет собой классический образец статусного общения: *Ihr seid treue Gefolgsleute eines treuen und selbstlosen Freundes* (M-S, 453) – похвала царственной особы

свите погибшего военачальника. Похвала сверху вниз является сутью авторитарной власти, которая только в вынужденных случаях прибегает к строгим мерам для реализации своей воли, которая действительно регулирует поведение других «раздачей и лишением поощрений или созданием ситуаций их ожидания (надежды на поощрение, опасения лишения поощрения)» [Popitz 1992: 129]. Поэтому похвала авторитетного лица имеет свободу модуляций: она может быть милостивой или покровительственной (*Aber Ihre Zeugnisse sind einwandfrei. Sie gefallen mir. Ich stelle Sie zur Probe ein (B-H, 10)*), великодушно сокращать дистанцию между партнерами (*Vielen Dank, Mukai. Wie immer hast du deine Sache gut gemacht (M-S, 259)*) или наоборот ее увеличивать, часто она произносится с оговоркой и смешана с порицанием, иногда она настолько амальгамирована с одновременной критикой, что границы между одобрением и порицанием практически неразличимы: *Sie können ja sogar lachen. Freut mich ungemein! (ET-S, 28)* – похвала имплицитно порицание адресата за излишнюю серьезность. Поскольку адресат находится в зависимости от суждения хвалящего, последний получает в свое распоряжение широкий спектр «автократичных» суждений, власть дефиниции.

Похвала при равных отношениях между партнерами. Похвала равностатусного партнера тоже имплицитно ситуативную, «одномоментную» асимметрию говорящего и адресата. Такое «неравновесие» тут же или через какое-то время, как правило, компенсируется и нейтрализуется асимметрией в пользу говорящего. Иначе говоря, речь идет о ситуации крыловских петуха и кукушки – похвала одного предполагает похвалу другого, хваля друг друга, партнеры взаимно повышают статус: *Donnerwetter! Da hast dich aber mächtig ins Zeug gelegt! – Nur zu wenig, wenn ich dich so betrachte. Du siehst hinreißend aus (H-M, 285)* – похвала равных не принимает демонстративный характер эксплицитного одобрения, она сливается с другой, более слабой формой выражения положительного мнения и оценки партнера – комплиментом. Часто одобрение адресовано партнеру косвенно, при оценке объекта, указывающей на особые умения адресата. Этим на второй план отодвигается важность авторитетного суждения, избегается четкое

указание на социальную расстановку сил: *Ich weiß ja nicht, wie du das machst. Hast du in der Küche eine Köchin versteckt?* (H-M, 288).

Самопохвала. Наконец, остается пограничный случай – самопохвала или оценочный рефлексив (Е.М. Вольф), речевой акт, в котором субъект и объект оценки совпадает – говорящий положительно оценивает сам себя: *Frau Winkler! Wenn ich Ihnen so etwas sage, können Sie hundertprozentig davon ausgehen, dass das stimmt. Ich habe schließlich auch meine Ehre. Und wir haben einen guten Ruf, wie Sie wissen!* (H-M, 124). М.М. Бахтин отмечает, что «в жизни мы делаем это на каждом шагу, оцениваем себя с точки зрения других, через другого стараемся понять и учесть трансградиентные собственному сознанию моменты» [Бахтин 1994: 94]. Самопохвала произносится с целью произвести на адресата хорошее впечатление, говорящий считает, что «другие будут о нем лучше думать» [Апресян 1995: 343]. П. Экман считает самопохвалу одним из видов лжи с целью «повысить свой социальный статус, выглядеть в глазах других людей более важным, привлекательным, интересным. Преувеличенный факт куда более привлекателен, чем тот, который реально имел место. В преувеличении всегда присутствует доля правды, но правда приукрашена» [Экман 1993: 87]. Таким образом, цель самопохвалы – улучшить мнение окружающих о себе, произвести впечатление. Кроме того, говорящий пытается компенсировать внешним выражением невысокую реальную самооценку или подтвердить высокую самооценку: – *Ich bin eine ganz schlechte Köchin. – Dann mache ich alles selbst. Ich bin ein guter Koch* (V-DN, 10) – ироничная самопохвала уверенного в своих кулинарных умениях говорящего, она является одновременным порицанием адресата высказывания, признающего в отсутствии таковых; *Ich habe den Besitz gut verwaltet! Wirklich!* (F-WZ, 8) – самопохвала имеет целью убедить собеседника в своем усердии, принесшем, на его взгляд, хорошие результаты.

Поскольку открытая самопохвала порицается, то положительная самооценка выражается чаще всего косвенно и скрыто. При этом совсем не обязательно упоминать себя. *Ein Mann hat eben die Führungsnatur. Das ist gottgegeben. Sie werden schon sehen, Frau Winkler, Ihre Firma wäre in guten Händen* (H-M, 128). Самохваляющий говорит о своих поступках и предметах, о степени сложности какого-то дела, с которым он справился, невзначай

называет знаменитостей, с которыми он общается, морализирует и сетует на испорченность мира, осуждает осуждающих, презирает слабых духом и т.д., то есть постоянной квалификацией всего и вся говорящий представляет себя как несгибаемого стража нормы. Себя он представляет очень скромным и кокетничает своей «нормальностью».

Так как самопохвала часто не адресована прямо, то она не является собственно похвалой. С другой стороны, каждая похвала представляет собой в определенной мере самопохвалу, поскольку она, как было указано выше, демонстрирует соответствие говорящего критериям оценки, предъявляемой им к партнеру. Иначе говоря, нет похвалы без самоодобрения. Но ведь конвенциональной является и формула «нет уважения без самоуважения». Так, очевидное самоодобрение часто стимулирует одобрение внешнее и может на него рассчитывать. Самопохвала должна побудить партнера к ответному хвалящему речевому действию: – *Ich bin eine gute Musikerin, gute Geigerin. – Genau. Endlich sagen Sie etwas Positives über sich selbst (C-W, 108)*. И все-таки вынужденная ответная похвала значительно менее ценна, так как в ней изначально отсутствует тот важный момент спонтанности и искренности, на которых строятся личные одобрительные отношения.

2.3. Полиинтенциональность речевого акта похвалы

Основной интенцией речевого акта похвалы является выражение намерения похвалить, похвала всегда интенциональна. Ненамеренной похвалы быть не может априори. Теоретически можно себе представить случайно, ненамеренно вербализованную похвалу в случае, когда говорящий, положительно оценивая действия адресата, по каким-либо причинам (психологическим, педагогическим и т.д.) желает воздержаться от эксплицирования своей оценки, но его эмоции берут верх и похвала произносится. В нашем языковом материале таких неинтенциональных высказываний похвалы нам не встретилось, их следует, скорее, искать в педагогическом институциональном дискурсе.

Похвала пресуппонирует одобрение действия или поведения адресата, то есть положительная оценка является важнейшим конституирующим элементом смысла высказывания похвалы: *Gut gemacht*,

Kleine. Das war gekonnt (K-A, 252) – говорящий положительно оценивает выполнение данного им адресату задания.

Референциальная система похвалы включает кроме оценки еще и норму. Без отнесенности к субъективной оценочности, с одной стороны, и без опоры на существующие в обществе нормы, с другой стороны, не может быть похвалы. Более того, похвала контурирует ценностные ориентиры, как бы создавая их заново. На этой странной соотнесенности подтверждения и конституирования заново основана общественная сила похвалы. Конечно, общность оценочных критериев ничего не меняет в основополагающей асимметрии отношений: один оценивает, другой оценивается. Независимо от того, действительно ли говорящий находится в более высоком статусном положении, он своим поведением берет на себя роль компетентного ценителя, «стража» нормы. Оценивая, «измеряя положительность» других, он использует готовые масштабы, которым он сам, по его мнению, без сомнений соответствует.

Выражение оценки, в свою очередь, сопровождается выражением комплекса эмоций, от сдержанного одобрения, как в вышеприведенном высказывании, до восторга: *Es sieht phantastisch aus, Ern!* (M-H, 238) – эмоция восторга сопровождает выражение положительной оценки, имплицитной похвалу. Оценка как бы «вбирает» в себя соответствующую эмоцию, и параметры оценки и эмоции совпадают: *Es sieht phantastisch aus und das schätze ich gut ein.* Это есть следствие того, что природа эмоций двуедина: их познавательные-информативные свойства слиты с ценностно-оценочными. Эмоциональные механизмы работают по принципу взаимной оценочно-когнитивной корреляции [Приходько 2004; 12].

Определение похвалы как гармонизирующей коммуникативной ситуации придает первостепенную важность интенции создания атмосферы сотрудничества, доброжелательности, коммуникативной комфортности. Произнося похвалу, говорящий оказывает воздействие на эмоциональное состояние и ценностные представления адресата, формирует его самооценку: *Und Sie, Herr Wolff – Sie haben eine gute Arbeit geleistet!* (H-M, 125). Положительная оценка выполняет психологический эффект «поглаживания», одобрения, сближает партнеров, вызывая у них положительные эмоции. Далее партнеры планируют собственное речевое

поведение в соответствии со «стратегией близости» [Михальская 1996: 47], заключающейся в установке на коммуникативное сотрудничество.

Похвала, данная за некое одобряемое действие, предполагает и воздействие на адресата, она служит средством стимулирования усилий адресата, направленных на продолжение той или иной деятельности: *Ist schon schön, wenn ordentlich sauber gemacht wird (H-S, 158)* – похвала за хорошую уборку в комнате, побуждающая адресата стараться и впредь поддерживать чистоту.

Высказывание похвалы, как и любое оценочное высказывание, понимается как семантико-прагматический тип, который не только выражает определенное положение вещей, но и передает мысли, чувства, отношение говорящего к внешнему миру, показывая тем самым связь высказывания с ситуацией. Окаzionaliальными, сопутствующими основной одобрительной интенции ситуативные коммуникативные намерения не бесконечно разнообразны, они типизируются, поскольку конечно число ситуаций похвалы. Наш анализ позволил выделить следующие ситуативные интенции, сопровождающие основную интенцию или порождаемые ей:

- эксплицитное побуждение к продолжению действия: *Tüchtig, tüchtig, junger Mann! Bloß nicht kleinkriegen lassen! (ET-S, 39)*. Приведенное высказывание содержит одобрение поведения адресата – детектива, ведущего расследование происшествия в доме очень состоятельных людей и несколько фрустрированного разговором с высокомерным дворецким. Такая похвала утверждает адресата в правильности своей позиции и стимулирует его к продолжению его деятельности.

- предположение о впечатлении, которое произведет одобряемое говорящим действие адресата: *Ihr Mädels habt das wirklich toll gemacht, das Krippenspiel wird eine Wucht (C-W, 116)* – похвала касается действий группы детей, готовящих инсценированное представление к празднованию Рождества. Интенсивное эмоциональное одобрение результатов их подготовки и не менее эмоциональное изображение фурора, который, по предположению говорящего, произведет спектакль, заряжает адресатов новой энергией и стимулирует их к еще большему старанию.

- выражение благодарности за выполненное адресатом действие: *Du bist ein liebes Mädchen (C-W, 62)* – высказывание благодарности всегда

следует как реакция на бенефактивное для говорящего и, следовательно, положительно оцениваемое им действие. При разностатусных позициях говорящего и адресата (говорящий занимает супериорную позицию), как в приведенном высказывании, высказывание благодарности, имплицитно, кроме оценки, еще и интенцию похвалы.

- выражение мнения о возможных последствиях иного поведения адресата (невыполнения им одобряемых говорящим действий): *Das ist sehr klug von dir. Würdest du ihn erpressen, hätte er nur das Gefühl, vom Regen in die Traufe zu kommen (J-K, 70)*. Приведенное высказывание является примером организации комплекса интенций в речевых актах похвалы, связанных между собой каузальными или следственными отношениями, в данном случае: *Ich lobe dich, weil du ihn nicht erpresst hast, wenn du ihn erpresst hättest, dann hättest du seine Frust zur Folge*. Говорящий может сопровождать похвалу предупреждением о возможных отрицательных последствиях одобряемого действия, предостережением: *Ein guter Gedanke, Loretta. Nur darf das keiner, absolut keiner ahnen (K-VA, 138)*.

- сообщение говорящего о своей уверенности в наступлении одобряемого положения вещей: *Mein Zuckermäuschen – das ist eine goldige Antwort. Die habe ich dir auch zugetraut (K-VA, 96)*. Говорящий утверждает, что не ожидал иного положения вещей, поскольку знает наклонности и способности адресата и может предсказать результат его действий. Противоположным приведенному является высказывание восторженной похвалы, сопровождаемое «раскаиванием» говорящего в собственной недооценке возможностей и умений адресата: *Glorreiche Idee, Evertier! Hätte ich Ihnen gar nicht zugetraut! Phantastischer Einfall (ET-S, 20)*.

- ободрение адресата, затратившего большие усилия для достижения одобряемого положения вещей: *Ihr seid alle wie die Champions gefahren. Und ich verspreche euch, dass es das nächste Mal besser geht (M-H, 222)*. Посредством такой похвалы-ободрения говорящий пытается воздействовать на адресата с целью побудить его к продолжению начатого действия.

- заверения в уникальности одобряемого действия адресата: *Einfach großartig. So etwas habe ich in Kabuki Aufführungen gesehen, aber noch nie im richtigen Leben (M-S, 457)*

- сообщение о влиянии одобряемого действия/поведения адресата на деятельность говорящего: *Wie gesagt, deine Taten haben mich zu einer Entscheidung gebracht (M-S, 168)*;

Из сказанного явно, что функционирование похвалы реализует комплексный интенциональный смысл, в котором на ведущую интенцию выражения эмоционального одобрения накладываются прочие.

2.4. Похвала в составе диалогического единства

Речевой акт похвалы имеет важную особенность: поскольку говорящий оценивает действие или результат действия, то речь идет о реализации реактивного речевого акта. Важная особенность похвалы заключается в том, что при совершении этого речевого акта конституируется ситуативная система ценностей: выполненному действию на шкале оценки противостоит его альтернатива – адресат мог действовать иначе; возможность такой альтернативы и является необходимым условием для совершения речевого действия похвалы.

Поскольку похвала является реакцией на невербальный стимул, то она не требует какой-либо специальной реакции от адресата, действия, которое он должен был бы выполнить. Конечно, есть определенные ожидания выражения благодарности или скромности, но форма этих реакций не ограничена никакими правилами и рамками.

Первым реактивным шагом является идентификация действия, интерактивное выяснение его однозначности и степени его интенсивности. Адресат показывает, что он воспринимает похвалу как таковую, что значение действия им понято правильно. У него два пути реагирования на похвалу: с радостью принять оценку говорящего и поблагодарить его – это самая простая и самая частая реакция на похвалу (- *Dann ist deine sprachliche Leistung beeindruckend <...>. – Ich danke Ihnen, mein Fürst, im Namen meiner Lehrer (M-S, 187)*), – или же попытаться минимизировать действие партнера и снизить квалификативную ценность похвалы, не обращая внимания, например, на ее неритуальный характер и относясь к ней как к формальному комплименту: – *Also wirklich, Mathew, dank Heiko scheinst du ja mit einem Mal viel Verständnis für Japan zu haben. – Wir hatten etwas Gelegenheit zu sprechen (M-S, 401)*.

При этом адресат помнит о табуировании самопохвалы: поскольку слишком эйфорическое восприятие похвалы граничит с самопохвалой, то конвенции предписывают слабые, темперированные реакции в форме, например, – часто наигранного – удивления, скромного стеснения и выражения благодарности и растроганности: – *Oh, ist Ihr Kaffee gut! – Wirklich? Wirklich? Das hat mir heute Morgen ein Mann gesagt – sonst noch nie jemand. – Er ist wirklich gut (B-KW, 132).*

Ослабленная реакция на похвалу (*Erst anschauen. Dann loben oder kritisieren (V-DN, 31)*) нередко рождает сомнения говорящего: является ли сдержанность партнера желанием соответствовать требованиям скромности или за ней скрывается косвенное неприятие. Более того: снижение воздействия похвалы может иногда быть попыткой стать равным говорящему.

Неприятию похвалы адресатом может быть несколько причин. Возможно, похвала касается положения дел, не имеющего отношения (или имеющего лишь косвенное отношение) к адресату и он не желает приписывать себе чужой успех (- *Das klingt wunderbar. Du spielst mit so viel Gefühl. Die meisten Leute leiern diese schönen Lieder einfach nur herunter. – Ich spiele nur so langsam, weil ich die Noten nicht schneller lesen kann (C-W, 25)*). Возможно, адресат не признает авторитета говорящего. Возможно также, что адресат не хочет довольствоваться похвалой и хочет большего или, наоборот, отказывается от «оваций» из скромности (- *<...> Es ist ein beglückendes Gefühl, wenn Gutes dem Traurigen folgt. Wir zwei haben uns keinen leichten Beruf erwählt. – Die anderen auch nicht, aber wenn man den Beruf als Berufung auffasst wie du-. – Psst. <...> ich mag das nicht (V-DN, 57)*). Каковы бы ни были мотивы и констелляции похвалы, она в любом случае маневрирует адресата в ситуацию, которая угрожает его независимости и самостоятельности. Поэтому для сохранения свободы действий и выбора адресат, как бы балансируя на краю, включает в свое «одобрение одобрения» – положительную реакцию на похвалу – определенные сигналы тонко дозированного дистанцирования и минимизации похвалы, Важно при этом учитывать, что реакция на похвалу может концентрироваться не только на иллокуции, то есть на коммуникативном намерении похвалить, но и на его пропозициональном содержании,

оценочных суждениях и квалификациях (см. рассуждения А. Померанц [Pomeranz 1978: 273ff]).

Реагируя на пропозицию, адресат имеет в своем распоряжении различные возможности релятивации похвалы без открытой резкости в адрес говорящего:

1) он может согласиться с похвалой – в определенных пределах, то есть принять оценку на основе общности оценочных критериев: – *Eine ausgezeichnete Strategie. – Und trotzdem bleibt es ein Spiel <...> (M-S, 305); – Sie sind ein Engel. – Sagen Sie das meinem Mann (M-H, 147)*. Согласие с похвалой не всегда выражено эксплицитно, часто адресат, принимая положительную оценку, испытывает удовлетворение от признания, подтверждения его успехов и, гордясь собой, комментирует положение дел – основания похвалы: – *Das Polohaus sieht gut aus. Als ob es schon immer da gewesen wäre. – Es ist aus alten Steinen und alten Ziegeln gebaut <...> (M-H, 239)* – похвала архитектору, удачно вписавшему элемент создаваемого им гостиничного комплекса в общую архитектурную «атмосферу» местности;

2) он может модифицировать оценку, либо сдвигая масштабы, либо рассматривая оцениваемый объект – собственные достижения – в другом свете. Первое возможно посредством похвалы-бумеранга, то есть использования высказанной похвалы для ответной хвалы говорящего, его успехов: – *Sie lernen rasch, Fürst Genji. Ihre Aussprache und Ihr Vokabular haben sich innerhalb von drei Wochen erheblich verbessert. – Das Lob gebührt Ihnen, Emily (M-S, 341)*. Вторая модификация достижима при оценочном сравнении собственных успехов с успехами и достижениями третьих лиц, выигрывающих при таком сравнении: – *Dein Hieb war gut. Das Rohr blieb einen ganzen Herzschlag stehen, ehe es fiel. – Wenn Großvater zuschlug, traf er so sauber und rasch, dass das Rohr ganze fünf Herzschläge stehen blieb (M-S, 299)*;

3) он может косвенно отклонить похвалу, рассматривая собственный успех или успех третьих лиц в другой системе ценностей, не затрагивая непосредственно оценку говорящего: – *Alle Achtung, Singer. – Warten wir es ab. Wir haben noch keine Resultate. Für keinen von uns (B-S, 92); – Dein Talent und dein Mut haben mich beeindruckt. Am meisten aber hat mir deine*

Entschlossenheit imponiert <...>. – Ich bin eines solchen Lobes nicht würdig (M-S,).

Может быть отклонена и самопохвала говорящего, что, впрочем, встречается редко, поскольку такая реакция противоречит общепринятым конвенциям вежливого общения и может больно ранить говорящего, ищущего подтверждения своей самооценки. Одним из немногих примеров высказывания-реакции такого рода является следующее: – *Aus dem Axl wird nie ein guter Hotelier, weil ihm das nicht liegt. Mit einem einzigen Fuß bin ich besser wie der mit hundert. – Es schaut aber besser aus (K-S, 79)* – сын хозяина небольшой гостиницы, потерявший в несчастном случае ногу, желая вернуться к активной жизни и считая себя способным обслуживать гостей, пытается самопохвалой – безрезультатно – обратить на себя внимание отца и вернуть его расположение. Отец соглашается в принципе с положительной оценкой, но находит аргументы, минимизирующие самопохвалу – по его мнению, присутствие калеки может испортить гостям настроение и аппетит.

Поскольку похвала содержит элемент произвола – говорящий по своему усмотрению решает, хвалить адресата или нет, – то адресату приходится иногда, не дождавшись желаемого «поглаживания», «напомнить» о себе и требующем одобрения положении дел, иначе говоря, «напроситься» на похвалу: *Ach, Willy, findest du die Weihnachtdekorationen an den Fenstern nicht auch wunderschön? (C-W, 27)*. Такой стимул для речевого акта похвалы представляет собой вариацию самопохвалы, отреагировать на которую можно только одобрением, иной ответ противоречит конвенциям общения: – *He, das ist gar kein schlechter Slogan, finden Sie nicht? – Bei mir hat es funktioniert. Ich bin am Verhungern (M-H, 153)* – косвенная похвала (*Ja, das ist ein guter Slogan, er hat bei mir funktioniert*) в разговоре специалистов по созданию рекламы появляется как реакция на высказывание говорящего, включающее положительную оценку придуманного им рекламного девиза для пищевого продукта и требование подтвердить эту оценку.

2.5. Языковое воплощение похвалы

Весь сложный смысловой состав речевого акта похвалы порождается взаимодействием языковых операторов в рамках прямых или косвенных высказываний.

П р я м а я п о х в а л а .

Иллокутивная и пропозициональная представленность похвалы.

Иллокутивная структура прямого высказывания похвалы совпадает с иллокутивной структурой комплимента и имеет примерно следующий вид: *Hiermit anerkenne ich auf Grund des Vergleiches mit den vorhandenen Normen das positive Resultat der Handlungen/Tätigkeit von X und drücke mit meinem Sprechverhalten die Bewertung dieser Resultate aus.* Эта иллокутивная матрица коррелирует с перформативной формулой (*Hiermit lobe ich dich/Sie und sage...*), которая лежит в основе любого высказывания похвалы.

В отличие от комплимента, похвала «не стесняется» быть выраженной прямо, эксплицитно. Напротив, поскольку семантическим центром похвалы является положительная оценка деятельности, выполнения какой-либо работы, умений и качеств, проявляемых в поступках (значение глагола *loben* – *jmdm. ein Lob erteilen, jmdn. vor anderen anerkennen* – дать хороший, лестный отзыв о ком-либо или чем-либо), то адресат ждет этой оценки. Ее отсутствие, неэксплицитность приравнивается к порицанию. Более того, похвала одного является одновременно «непохвалой» других, которые часто являются третьими лицами, «публикой», присутствующей при выражении похвалы, отсутствие похвалы в их адрес еще обиднее, если они имели непосредственное отношение к достижению адресатом его результатов или если их достижения не хуже достижений адресата⁴¹. Значит, эксплицитное выражение похвалы является «ликоподдерживающим, ликопоощряющим» речевым действием.

⁴¹ Верно и другое: не ругать – уже значит похвалить, ведь похвала как прототип символической gratifikation знает только одно нестрогое условие: говорящий не только решает, достойно ли достижение похвалы, он оставляет за собой право отказать от выражения похвалы, даже если он ее принципиально подтверждает. На похвалу можно надеяться, ее можно, возможно, ожидать, но ее нельзя требовать.

Указанная выше перформативная формула может включать не только глагол *loben*, но и его дериваты – прилагательные *löblich*, *lobenswert* (- *Ich bin unterwegs zum Tempel in Hamacho, um Opfer für die in der Schlacht gefallenen Ahnen zu bringen. – Wie löblich <...> (M-S, 65); Es ist in der Tat lobenswert, dass Sie aus freien Stücken ein solches Opfer bringen <...>, um unserer Sache zu nützen (M-S, 271)), существительное *Lob* в сочетании с глаголами *aussprechen*, *erteilen*, *singen*, *spenden*, *zollen*, *gebühren*: *Das Lob gebührt Ihnen, Emily (M-S, 341)*. В высказываниях подобно приведенным слово *Lob*, референтом которого выступает адресат, находится в позиции грамматического субъекта и несет основную смысловую нагрузку, а глагол как вербализатор вводит его в предикацию. Выбор такого способа выражения – сочетания номинализации с глаголом – обусловлен специфическими параметрами прагматической ситуации: такая форма похвалы встречается, как правило, в официальном общении, при похвале «сверху вниз» и неблизких статусных отношениях, она является показателем высокого стиля и торжественности ситуации.*

Выражение иллокутивного компонента высказываний похвалы модифицируется включением в предикатную позицию модального глагола *müssen*: *Ich muss Sie loben*, превращая его (иллокутивный компонент) в квази-перформатив. Выражение похвалы является в данной ситуации обязательным, однако обязательность обусловлена не действием социальных конвенций, как, например, при высказываниях благодарности. Скрытый перформатив *Ich muss dich/Sie loben* выступает по отношению к исходной, немодифицированной форме *ich lobe* как более интенсивный способ представления иллокутивной силы, связанный с вынужденностью говорящего выразить похвалу: адресат настолько хорошо выполнил свои обязательства, что говорящий, даже имея принципиальную возможность выбора – хвалить или не хвалить, не может себе позволить воспользоваться ей: *Ich muss schon sagen, die Überraschung ist euch prächtig gelungen (B-H, 64)*.

При всей «откровенности» похвалы высказывания с эксплицитно-перформативной иллокутивной частью встречаются не так часто, как высказывания, состоящие только из пропозиции. При этом в похвале, как и в других рассмотренных речевых актах, действует простое референциальное правило: если адресат знает, чего касается оценка

говорящего, то достаточно употребления проформы для указания на референцию: *Das hast du gut gemacht; Das war weise von dir* (M-S, 494).

Во всех других случаях необходимо обеспечивающее референцию расширение: *Du bist ein kluger Junge. Es ist ein schwerer Name und du hast ihn behalten* (T-O, 16).

Пропозиция высказываний похвалы опирается на перечисленные выше объекты похвалы и включает положительную оценку действий/деятельности адресата, его умений и поступков: *Sie machen das ausgezeichnet* (H-M, 90). Такая оценка выражается посредством двучленных предикатов – глагола, называющего выполненное/выполняемое действие, и обязательно сочетающегося с ним оценочного компонента, выраженного наречием: *Das klingt wunderbar. Du spielst mit so viel Gefühl* (C-W, 25) или сравнительной формулой: *Ihr seid alle wie die Champions gefahren* (M-H, 222). Наиболее популярным в этой группе является глагол *machen*, являющийся обобщенным названием действия/деятельности вообще. Употребление этого глагола в речевых актах похвалы превратилось в своего рода клише, формулу одобрения: – *Wie hast du das geschafft? – Ein bisschen Drohung, ein bisschen Erpressung... – Gut gemacht* (J-K, 165).

Похвалой оценивается умение адресата наблюдать (*Ausgezeichnet beobachtet, Bruder Mathew* (M-S, 37)), умение общаться, вовремя сказать нужные слова (*Wohl gesprochen, gute Bauernfrau* (M-S, 127)), умение продумывать свои действия (*Wohl gedacht, Mann!* (H-S, 371)). Обращает на себя внимание факт, что в приведенных высказываниях речь идет о ретроспективном взгляде на действие/деятельность, об уже выполненном действии, поэтому оно называется в форме причастия прошедшего времени. В таких высказываниях видно, кроме того, проявление закона языковой экономии: факт, что говорящий обращается непосредственно к адресату, делает избыточной специальную референциальную отнесенность, обычно выражаемую грамматическим субъектом в форме личного местоимения: *Gut gemacht, Matzuoki* (M-S, 304) = *Das hast du gut gemacht, Matzuoki*. В результате такие синтаксические структуры тоже становятся моделированными, заполняемыми различными лексемами в зависимости от ситуации. Однако интересно заметить, что отсутствие референциальной отнесенности всегда компенсируется включением в

высказывание обращения как социального «поглаживания», прикосновения словом. Обращением говорящий приближает себя к адресату, уменьшает ситуационно-статусный разрыв между собой и партнером.

Случай еще более свернутой пропозиции представляет собой структура, состоящая только из оценочного наречия, название самого действия, как и название субъекта и объекта оценки имплицированы: *Ausgezeichnet, Dame Heiko (M-S, 366); Ganz hervorragend, mein lieber Bert (M-H, 290); Brav so, mein Kleiner (K-A, 257); Überzeugend, Mike, sehr überzeugend (B-S, 237)*. Подобные свернутые структуры очень «чувствительны» к элиминации обращения и к включению дополнительных элементов, которые обязательно вносят в высказывание новые смысловые оттенки: например, слово *wie* при отсутствии обращения превращает похвалу в ироничное замечание *Wie erfolgreich! (J-K, 78) ← Sehr erfolgreich, Mark!*

Напомним еще раз, что оценка говорящего в похвале субъективна. Все употребляемые в похвале оценочные наречия – общеоценочные (*ausgezeichnet, hervorragend, gut*) или частнооценочные, оценивающие конкретные, частные аспекты действий и поступков (*erfolgreich, brav, überzeugend*), – выражают не безличную оценку, не общее мнение, разделяемое говорящим (хотя оно, безусловно, играет роль нормы, с которой сравнивается оцениваемый результат). Они выражают скорее собственное, субъективное мнение говорящего, которое совпадает с общим. То есть при выражении похвалы важно правильно расставить приоритеты: для адресата играет роль не положительная оценка в принципе, а положительная оценка, исходящая именно от говорящего, как *Ich lobe dich, weil ich finde, dass du die Sache gut gemacht hast und das entspricht meinen Erwartungen und den Erwartungen der anderen (übertrifft sie)*. Краткий вариант такой субъективной эмоциональной похвалы представляет собой восклицание *bravo*, являющееся эквивалентом аплодисментам: – *Ich weiß mich zu wehren, Herr Doktor. Ich habe ein Jahr lang auf einer Männerstation praktiziert. Da lernt man alle Kniffe. – Bravo! (K-A, 45)*.

Прилагательные и существительные. Употребление оценочных существительных и прилагательных – в функции определения или предикатива – не отличается сколько-нибудь от идентичных им средств выражения комплимента, поэтому мы не будем подробно на них останавливаться, ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Прилагательные находятся на периферии средств выражения оценки в речевых актах похвалы, наиболее частотными из них являются частнооценочные *klug*, *fleißig*, *tüchtig*, *brav*, положительно квалифицирующие прилежание, способности и умения адресата: *Ich bin mit Walter und Elke verabredet, wir wollen die dritte Szene noch einmal durchgehen. Irgendwie habe ich da immer einen Hänger.* – *Fleißiges Mädchen* (J-K, 141; *Braves Mädchen, Ginnamon. Ganz braves Mädchen* (M-S, 350); *Tüchtig, tüchtig, junger Mann!* <...> ET-S, 39); *Du bist ein kluger Junge, du wirst alles nachholen* (K-A, 156). Разумеется, названными прилагательными не исчерпываются возможности выражения частной оценки в похвале, палитра встречающихся нюансов оценки достаточно разнообразна; она расцветивает, выделяя вниманием, разные аспекты физической и ментальной деятельности адресата – от суждений до морально-нравственных качеств и способностей: *glorreich* (*Glorreiche Idee, Evertier!* (ET-S, 20)), *goldig* (<...> *das ist eine goldige Antwort* (K-VA, 96)), *gesund* (*Eine gesunde Einstellung* (M-S, 196)), *treu* (*Ihr seid treue Gefolgsleute eines selbstlosen Freundes* (M-S, 453)), *wirklich* (*Jetzt wirst du eine wirkliche Musikerin* (C-W, 159)), *richtig* (*Du hast mal wieder den richtiger Riecher gehabt, mein Alter* (B-H, 60)).

Высокая степень похвалы выражается прилагательным *stolz*: *Mac-Rivera, Sie haben eine gute Arbeit geleistet. Das FBI kann stolz auf Sie sein* (FL-S, 176). Его употреблением говорящий не только оценивает достижения адресата по шкале «хорошо»-«плохо», но и подчеркивает бенефактивность этих достижений для самого говорящего или лиц, которых он представляет, перенося таким образом центр значимости с адресата на себя (*Ich bin stolz auf dich*) или на другое авторитетное лицо, от имени которого произносится похвала и которое, как в приведенном высказывании, имеет отношение к успехам адресата. Перенос центра значимости в высказываниях с прилагательным *stolz* может быть удобным средством самопохвалы: *Ich glaube, mein Mann kann immer noch stolz auf*

mich sein (J-B, 54) – положительная самооценка усилий говорящего по уходу за собственной внешностью. Такая стратегия (косвенной самопохвалы) уводит самого говорящего (=адресата) в тень и выводит на передний план лицо, в целях которого прилагаются усилия, подчеркивается бенефактивность действий говорящего для этого лица.

Общеоценочные прилагательные (*gut, wunderbar, großartig*) встречаются реже: *Du warst eine wundervolle Maria. Als du sangst, sind mir richtig die Tränen gekommen* (C-W, 175). Они положительно квалифицируют образ мыслей:; *Eine ausgezeichnete Strategie* (M-S, 305); результат действий адресата (например, приготовленное блюдо): *Ein vorzügliches Frühstück* (H-S, 304).

Обобщение наблюдений над особенностями выражения похвалы оценочными прилагательными и оценочными наречиями при глаголах, называющих выполненное действие, приводит нас к логическому выводу о причинах в различии частоты употребления частнооценочных и общеоценочных средств: средства выражения частной оценки дифференцируют нюансы похвалы, конкретизируют ее повод, что увеличивает ценность похвалы, сигнализирует особое внимание говорящего – ведь он не «отделяется» универсальным «*gut*» или клишированным «*gut gemacht*», которые несколько нивелируют индивидуальность адресата, уникальность его достижений; он дает себе труд выделить и эксплицитно подчеркнуть экстраординарность адресата.

В самопохвале прилагательное констатирует довольство говорящего по поводу результата выполнения адресатом похвалы (=говорящим) действия, его соответствия ожиданиям: *Ich bin mit mir selbst zufrieden* (K-M, 25). При этом прилагательное может употребиться в сравнительной степени для выделения и положительной оценки собственных умений: *Es ist mir egal, wie fähig und tüchtig die Mitglieder Ihrer Spezialeinheit sind – ich bin besser* (B-S, 209).

Существительные представлены скорее маргинально, во всех зафиксированных нами речевых фрагментах функционируют существительные во вторичной – метафорической – номинации: *Supermaus, Goldjunge, Schatz, Engel: Du warst ein Schatz* (C-W, 115); *Bist doch ein Goldjunge* (K-VA, 68); *Sie sind ein Engel* (M-H, 147). Невысокая частотность употребления таких существительных может, на наш взгляд,

объясняться высокой степенью их эмоциональности, имплицитной очень теплым субъективным отношением к адресату. Похвала же как акт публичного одобрения имеет личностную границу, нарушение которой вызывает недоумение, если не порицание. Такая эмоциональная похвала уместна только в общении близких людей, тогда существительное положительной оценки может легко переходить в разряд комплиментарных вокативов, сочетаясь с эксплицитной похвалой, выраженной другими средствами: *Mein Zuckermäuschen – das ist eine goldige Antwort* (K-VA, 96).

Синтаксис похвалы. На синтаксическом уровне дискурса похвалы все описанные выше средства выражения положительной оценки сводятся в три основные модели:

I, N₁ + V_{performativ} + N_{pron3/4} !

Mein Lob gebührt Ihnen, Emily! (M-S, 453)

II. N_{1(pron)} + V_{fin (perfekt)} + X + (N₄), где X – оценочный элемент:

Jetzt wirst du eine wirkliche Musikerin (C-W, 159)

Mac-Rivera, Sie haben eine gute Arbeit geleistet (F-L, 176).

Wie immer hast du deine Sache gut gemacht (M-S, 259)

При элиминировании тех или иных частей приведенная модель имеет варианты:

X_{adv} + P. II!

Gut gemacht, Nabuyoschi (M-S, 89)

X_{adv}!

Überzeugend, Mike, sehr überzeugend (B-S, 237)

III. N₁ + V_{kop} + X!

Mein Zuckermäuschen – das ist eine goldige Antwort! (K-VA, 96)

Dann ist deine sprachliche Leistung beeindruckend (M-S, 187)

Du bist ja auch meine Supermaus! (H-M, 212)

Das war sehr klug (J-K, 125)

Вариант данной модели:

X_{adj}!

Einfach großartig! (M-S, 457)

Высказывания, строящиеся по последней модели, часто осложняются повтором, увеличивающим оценочную плотность

высказывания: *Tüchtig, tüchtig, junger Mann!* (ET-S, 39); *Prächtig, mein Lieber, prächtig!* (M-H, 238)

Обращает на себя внимание факт непродуктивности модели $X_{subst}!$ при выражении похвалы, что объясняется, вероятно, тем, что высказывания как *Engel! Schatz!*, выражающие высокую степень эмоциональности, приемлемы скорее в комплиментарном дискурсе или в дискурсе благодарности, но не в похвале, поскольку такая «неприкрытая» восторженность противоречит педагогичности похвалы: похвала на момент ее произнесения создает асимметричность отношений (в направлении «сверху вниз»), даже при общении равностатусных партнеров.

Для выражения особенно эмоциональной похвалы, в которой эмоции преобладают над рациональной оценкой, используются идиоматичные структуры *Hut ab! Alle Achtung! Meine Hochachtung!; Hut ab, Frau Winkler, Hut ab! Sie können sich auf mich verlassen!* (H-M, 252); *Alle Achtung, Singer* (B-S, 92). Эти формулы являются удобным, подходящим к любой ситуации средством выражения одобрения действий, поступков адресата; сильным, оказывающим большое воздействие на адресата, несмотря на свою клишированность. В них нет снисходительности, покровительственности, как во многих «педагогизированных» ситуациях; они содержат элемент «обезоруженности» – искреннего, неподдельного восхищения неожиданным для говорящего результатом действий адресата.

Таким же клишированным является моделированное образование *Das nenne ich...!*, заполняемое различными лексемами – оценочными и нейтральными, например: *Das nenne ich pünktlich* (B-H, 16). Высказывания, построенные по данной модели, как бы устанавливают новую норму, новый образец, на который следует равняться всем, который «затеняет» все прежние достижения.

И н т е н с и ф и к а т о р ы п о х в а л ы . Являясь показателем эмоционального психологического состояния (довольства, радости по поводу успешного состояния указанного в пропозиции положения дел), похвала может измеряться количественно, выражаться с большей или меньшей степенью интенсивности. Интенсивность выражается, в первую очередь, в семантике самих оценочных компонентов высказывания: прилагательные *glorreich, phantastisch, ausgezeichnet, vorzüglich* и т.п.

выражают значительно более интенсивную положительную оценку по сравнению с нейтральным *gut*. Интенсивность похвалы увеличивается, кроме того, показателями высокой степени интенсивности *sehr, ganz*: *Das war sehr klug (J-K, 125)*; *Ganz hervorragend, mein lieber Bert (M-H, 290)*, при этом усилительное наречие *ganz* с значением *voll, völlig, vollkommen* [Wahrig] является, в свою очередь, более интенсивным чем частица *sehr (in hohem Grade, stark, heftig* [Wahrig]). Лексические показатели высокой степени интенсивности эмоционального состояния говорящего часто поддерживаются синтаксическими как повтор, например: *Ausgezeichnet, ganz ausgezeichnet (M-S, 295)*. Такое «нагромождение» средств выражения высокой степени интенсивности похвалы (в приведенном примере – семантика оценочного наречия, усилитель *ganz*, повтор) противоречит всем правилам языковой экономии, но именно такая избыточность и позволяет выразить не-нейтральное отношение говорящего к обсуждаемому положению дел и к самому адресату.

Отношение говорящего, его желание показать свою лояльность к адресату на момент произнесения высказывания выражается также подчеркиванием социальной близости между партнерами, этой цели служит притяжательное местоимение *mein*: *Brav so, mein Lieber (K-A, 257)*; *Du bist ja auch meine Supermaus (H-M, 212)*.

Действенным лексическим средством повышения интенсивности выражения похвалы является словосочетание *wie immer*, обозначающее постоянство признака во времени, как бы неизменное соответствие действий адресата норме, стандарту: *Vielen Dank, Mukai. Wie immer hast du deine Sache gut gemacht (M-S, 259)*. Вынося указанный интенсификатор в начало высказывания, говорящий фокусирует на нем внимание, стимулирует таким образом желание адресата быть одобренным и в дальнейшем; такая похвала является хорошим примером мудрой стратегии высокостатусного собеседника поддерживать своеобразный психологический «голод», зависимость адресата от похвалы. Парис Р. сравнивает такую похвалу харизматического руководителя с воронкой, из которой трудно выбраться, она становится порой причиной развития подчиненным неожиданной энергии [Paris 1998: 172].

Поскольку избыточная похвала приводит порой к ее инфляции, обесцениванию, лишению ее правдоподобности, то для убеждения

адресата в объективной значимости достигнутых им успехов, для профилактики тривиализации похвалы говорящий использует модальное слово *wirklich* со значением «действительно», подчеркивая соответствие положения дел норме: *Ihr Mädels habt das wirklich toll gemacht, das Krippenspiel wird eine Wucht* (C-W, 116). Такую же функцию выполняет модальная частица *doch*, убеждающая адресата в искренности речевого действия: *Bist doch ein Goldjunge!* (K-VA, 68).

Дополнительную эмоциональную нагрузку получает высказывание с инверсией – вынесением сказуемого в эмоционально детерминированную препозицию к подлежащему: *Oh, ist Ihr Kaffee gut!* (B-KW, 132). Такая синтаксическая эмфаза в сочетании со специальными интонационными средствами придает выражаемой оценке особую выразительность и эмоциональность, повышает эмоционально-оценочную «плотность» высказывания.

К о с в е н н а я п о х в а л а. Несмотря на несомненное преимущество эксплицитной прямой похвалы, обусловленное ее сутью – недвусмысленно выразить одобрение деятельности адресата, – встречаются, хотя несравненно реже, косвенные стратегии похвалы. Они не отличаются внешне от соответствующих стратегий комплиментарного общения (хотя имеют иную природу), поэтому мы ограничимся лишь иллюстрацией их функционирования в рассматриваемом дискурсе.

Примером стратегии изменения референциальной соотнесенности объекта похвалы может служить следующее высказывание, в котором старший брат хвалит сестру за смекалку, не направляя похвалу непосредственно адресату, а обращаясь как будто к присутствующей публике, декларируя его (ее) положительные качества: – *Ich verstehe, niemand soll erfahren, wer der gutaussiehende Verwalter ist. Habe ich recht? – Ich habe eine kluge Schwester* (B-H, 7). Такая отстраненность, создавая внешнюю объективность, является более интенсивным средством положительной оценки и похвалы.

Конкретная референциальная отнесенность субъекта оценки также может заменяться на обобщенно-неопределенную, часто в высказываниях самопохвалы: *Ja, ja. Ein Mann hat eben die Führungsnatur. Das ist gottgegeben. Sie werden schon sehen, Frau Winkler, Ihre Firma wäre in den guten Händen* (H-M, 128) – высказывание говорящего, дискриминирующее,

кстати сказать, адресата–женщину, включает положительную оценку экстраординарных, по его мнению, умений руководить, данных мужчине природой, богом. Поскольку он явно относится к категории мужчин, то он априори приписывает эти умения и себе – смысл, который легко эксплицируется при трансформации второй части речевого акта: *Sie werden schon sehen, Frau Winkler, Ihre Firma wäre in den guten Händen, wenn Sie sie mir verkaufen würden – ich bin doch auch ein Mann und ich habe auch die Führungsnatur, sie ist mir auch gottgegeben.*

Пример такой же замены конкретной референции субъекта оценки на обобщенную представляет собой следующий пример: *Siehst du, Fritz, die tapferen Krieger werden vorrangig behandelt (N-W, 189).* Данное высказывание можно было бы рассматривать как высказывание собственно положительной оценки третьих лиц, если бы говорящий, самопохваляясь, не относил к числу «храбрых воинов» себя и адресата.

Референтная отнесенность в косвенной похвале может переноситься с адресата высказывания – исполнителя определенного действия на само действие, констатацию его удачного завершения: *Ein gelungener Abend, mein Junge! Sabine ist glücklich, und auch Veronika akzeptiert dich (K-A, 138)* – похвала адресована низкостатусному молодому человеку, не упавшему лицом в грязь во время приема в доме высокопоставленных богатых особ. Вариантом такой замены референтной отнесенности является просто название положительных последствий, которые, по предположению говорящего, могут быть вызваны одобряемым действием адресата: *Die heilige Mutter Gottes wird sehr froh sein, dass du sie spielst (C-W, 739)* – похвала ребенку за исполнение роли девы Марии в рождественском спектакле, положительная оценка эксплицируется при разворачивании высказывания: *Die heilige Mutter Gottes wird sehr froh sein, dass du sie spielst, weil du sie sehr gut spielst.*

Косвенной стратегией похвалы является похвала посредством порицания, «как бы» отрицательной оценки действий, поведения адресата: *Du bist als Arzt doch sowieso abartig veranlagt, Günter. Du willst deine Patienten heilen, statt sie dir gewinnbringend krank zu erhalten (J-K, 49)* – порицая действия, приносящие социальную пользу, но не доход адресату, говорящий одобряет действия адресата. Таким образом, поведение адресата, отличающееся от поведения большинства представителей

оцениваемой категории, получает противоположную квалификацию. Сообщить человеку о том, что его поступки и качества контрастируют с отрицательными поступками и качествами других людей, значит вынести оценку хорошо, указать партнеру по коммуникации на общность его действий с нормой, которая всегда ограничена по сравнению с бесконечным многообразием явлений, маркированных знаком «минус».

Похвалой адресату могут являться высказывания порицания третьего лица, не обязательно присутствующего при разговоре, поскольку при этом недостатки отсутствующего противопоставляются достоинствам присутствующего: *Von seinem Personal sollte er lernen. Sein Kammerdiener hat ein besseres Benehmen als er* (K-VA, 64) – похвала манерам адресата, выигрывающим при сравнении их с поведением обсуждаемого лица.

Косвенная похвала может быть направлена на действия, противопоставляемые другим возможным (оцениваемым скорее отрицательно) действиям: *Wenn das mehr von uns so sehen würden, wäre die Geschichte Japans weniger grausam verlaufen, als bisher* (M-S, 156).

Другая косвенная стратегия похвалы – название действия без его явного оценивания. Как правило, при этом называются действия, которые положительно оцениваются социальными конвенциями, потому и не требуют специального выражения оценки: *Du hast die Nation gerettet!* (M-S, 177) – подвиг во имя Отечества всегда оценивается положительно и поэтому простая декларация его совершения уже является похвалой.

В качестве похвалы функционируют дескриптивные высказывания, если есть стандарты, критерии суждения об описываемом положении дел, и если можно исходить из того, что партнер разделяет эти стандарты. Если говорящий использует дескриптивное высказывание *Ganz schön stark heute [Kaffee]. Er könnte ja Tote aufwecken* (J-K, 40) для выражения оценки (в нашем случае похвалы), то он предполагает, что адресат, владея соответствующим стандартом, нормой (*Guter Kaffee soll stark sein*) воспримет его высказывание как дескрипцию, соотнесет ее со стандартом и сделает оценочный вывод (*Der Kaffee ist heute gut, weil er ganz schön stark ist, wie ein guter Kaffee eigentlich auch sein soll. Ich lobe dich und danke dir für den Kaffee*). Еще подобный пример: *Du hast die Gesellschaft ganz schön durcheinander gebracht* (K-A, 138) – дескриптивное высказывание, констатирующее факт недоуменного замешательства присутствующих на

богатом приеме гостей, является похвалой адресату – приглашенному на этот прием бедному горняку, не стесняющемуся своего происхождения (скорее гордящемуся им), свободно, «не прогибаясь», высказывающему свое мнение. В пресуппозиции этого высказывания находится общность взглядов обоих партнеров – тот самый стандарт, на основе которого адресат делает инференциальный вывод о положительной оценочности приведенного высказывания.

Выражение положительного отношения к адресату также является показателем похвалы, ведь положительное отношение к адресату возникает часто в связи или благодаря его умениям, способностям, качествам: *Ich freue mich um so mehr, dass du von allein auf den Gedanken gekommen bist* (В-Н, 60). Употребляясь в сочетании с дескриптивным высказыванием, содержащим косвенную похвалу, выражение положительного отношения увеличивает интенсивность этой похвалы, являясь своего рода эмоциональным средством увеличения «плотности» содержания: *Sie können ja sogar lachen! Freut mich ungemein!* (ET-S, 28).

Все приведенные примеры косвенной похвалы относятся к разряду косвенных речевых актов неконвенционального характера. По-видимому, имплицитность в сфере похвалы вызвана не столько желанием автора квалификации представить свое мнение в скрытой форме, сколько возможностью реализовать две и более интенции, различные нюансы эмотивного смысла одновременно с помощью минимальных языковых затрат.

Наблюдения над формированием смысла речевых актов похвалы показывают, что похвала, несмотря на ее близость комплименту, представляет совершенно иную композицию элементарных смыслов в единстве. Парой доминант в ней выступают интенциональный и эмотивный смыслы, причем последний четко актуализирует только две из своих составляющих – выражение оценки и отношения говорящего к партнеру. Пропозициональный смысл – несмотря на свою эксплицированность – является лишь фоном для совершения речевого действия для похвалы, а выражение эмоций является редким и скорее шаблонным, что обусловлено социальными конвенциями общения. Эти два элементарных смысла находятся в периферийной части смыслового целого,

3. ИНВЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Речь является продуктом социальной жизни человека и определяется социальными правилами или социальными конвенциями, следование которым приводит к запланированному адресантом для реализации своих невербальных целей результата. Отказ от соблюдения социальных правил свидетельствует о том, что адресант использует ситуацию коммуникативного контакта в особых прагматических целях, определяемых иллокутивным содержанием сообщения. Такой прагматической целью могут быть инвективы (англ. *invective* – обличительная речь, брань) – феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, воспринимающегося в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для адресата.

3.1. Общая характеристика инвективы.

В речи инвективную иллокутивную нагрузку несет иллокутивный концепт «оскорбление» – «совокупность вербализованных этнокультурных представлений, которые в речи при адресной направленности приводят к оценочному дисбалансу между максимальной социальной репрезентацией языковой личности (тем, как индивид хотел бы, чтобы о нем думали другие, идентифицируя свою социальную перспективу с «идеальным социальным Я») и максимальной социальной самоидентификацией языковой личности (тем, как индивид воспринимает себя сам, идентифицируя свой социальный статус с определенным «коллективным Я»)» [Кусов 2003: 8].

Отличия инвективы от смежных речевых актов. Инвективный речевой акт следует отличать от брани как акта спонтанного выражения отрицательных эмоций, когда говорящий пытается снять испытываемый им стресс употреблением непристойных слов, достигая эмоционального катарсиса (*Scheiße! Mist!*), или от ругани (ругательного порицания) – выражения своего негодования или недовольства, всегда направленного на определенный объект (*Halt den Maul! Halt bloß den Maul und misch dich da nicht ein!* (L-T, 118)). Инвектива реализует намерение говорящего эмоционально дискредитировать адресата, именно

намеренность речевого действия оскорбления отличает инвективу от всех других агрессивных речевых актов.

Инвективные речевые акты следует отличать и от собственно оценочных суждений. Отрицательное оценочное суждение носит преимущественно рациональный характер. Оно имеет грамматическую форму высказывания, значение которого определяется семемой, включающей кроме понятийного ядра еще и понятийно-оценочные элементы, оно всегда имеет форму утверждения. То есть оценочное высказывание претендует на то, чтобы быть истинным, и реализует интенцию убедить адресата в этой истинности. Инвектива же является скорее эмоционально, а не рационально мотивированной дискредитирующей оценкой и выражает определенный тип действия, интенцией которого является достижение желаемого ментального состояния адресата [Motsch, Viehweger 1981: 7].

Ситуативные условия совершения инвективного речевого акта. Ситуативные условия совершения инвективного речевого действия можно описать следующим образом: Инвективе предшествует (грубое) нарушение адресатом правил поведения или норм частного или общественного сосуществования людей (намеренных, например, грубом толчке, невежливом поведении на дороге, неприемлемом нарушении тишины; или случайных: повреждении чего-то ценного, непонимании явного, лежащего на поверхности положения вещей, неспособности выполнить простую работу). Это нарушение говорящий рассматривает как ущемление его интересов или прав и испытывает по его поводу разочарование или возмущение, оно приводит его в аффективное состояние, т.е. он испытывает эмоции сильной интенсивности.

Если выполняется одно из названных условий и говорящий находится в состоянии аффекта в результате нарушения адресатом норм ожидания, то у говорящего может появиться намерение действовать, изменить речевую ситуацию посредством высказываний, в которых он отводит адресату более подходящую, по его мнению, роль, т.е. используя инвективы, содержанием которых является оскорбительная оценка предполагаемого или реального поведения адресата и попытка снижения его авторитета.

Важным ситуативным условием совершения инвективного речевого акта является личное присутствие адресата оскорбления при его вербализации, причем он может быть не адресатом речевого акта, а третьим присутствующим при разговоре лицом. Формально такое высказывание является оценочным речевым актом (*Georg war immer ein Idiot. Ein nutzloser Schwächling (R-L, 197); Verdammt! Noch zwei so Luftverpester! Werde bald allein mit diesem Kropfzeug in meinem Laden sein! (T-G, 13)*), однако именно его стратегический характер, учитывающий присутствие обсуждаемых лиц, и намеренный выбор инвективных лексем (*Idiot, Schwächling, Luftverpester, Kropfzeug*) индицируют инвективную интенцию. На наш взгляд, шокирующая роль инвективы, обращенной к третьему лицу, ничуть не меньше, чем в случае прямого оскорбления.

Исследователь социального аспекта речевого взаимодействия К. Адамчик рассматривает оскорбление третьего лица, присутствующего при разговоре как провокацию, на которую партнер может отреагировать следующим образом: *Was sagst du da? / Sagst du das zu mir? / Sag das nochmal! / Scheißkerl!* [Adamzik 1984: 293]. Последнее из приведенных как возможных высказываний показывает наличие прямого перлокутивного эффекта, оно переводит интеракцию в категорию инвективной дуэли. Адресат в этом случае находится в невыгодном положении, поскольку он первым совершает речевое действие прямого оскорбления. Высказывания же типа *Was sagst du da? / Sagst du das zu mir? / Sag das nochmal!* являются требованием к первичному говорящему произнести прямое оскорбление, целью которого является, возможно, интуитивное желание адресата самому не стать инициатором конфликта.

Оскорбление отсутствующего объекта в присутствии слушающего представляет собой отрицательный оценочный речевой акт, говорящий имеет намерение убедить адресата высказывания в своей точке зрения: *Dieser Mann ist ein absoluter Ekelpaker (G-T, 362)*. Перлокутивный эффект (чувство оскорбленности у адресата) не наступает и реакция оскорбленного объекта не следует, если только объект оценки не является близким человеком для слушающего (адресата или присутствующего третьего лица). В таком случае слушающий может потребовать обоснования оценки и в случае ее необоснованности или недостаточной обоснованности адресат высказывания может превратиться в адресата

оскорбления, как в следующем примере, где говорящий, обращаясь к сыну, неуважительно отзывается о дочери присутствующего при разговоре директора своего предприятия, чем наносит ему невольное оскорбление и вынужденно извиняется: – *Belogen hast du mich! Deinen Vater und deine Mutter belogen! Wegen eines Weibstücks... – Halt! Sie sprechen von meiner Tochter, Herr Holtmann, vergessen Sie das nicht! – Verzeihung, Herr Direktor!* (K-A, 104)).

Ф у н к ц и и н в е к т и в ы . Если говорящим одержана моральная победа над адресатом и тот испытывает чувства унижения, оскорбления, обиды, эмоции гнева, то восприятие этого перлокутивного эффекта оказывает обратное воздействие на инвектанта: в нем растет чувство самолюбия, удовлетворения, он освобождается от напряжения или внутреннего возбуждения. Другими словами, инвективный речевой акт реализует две функции: с одной стороны, эмотивно-катартическую – говорящий выражает свои отрицательные эмоции, «выпускает пар», с другой стороны, прагматическую – он хочет оказать определенное перлокутивное воздействие на адресата – унижить, оскорбить, обидеть, эмоционально подавить его. Попытка реализовать названную прагматическую цель искажает исходную форму коммуникации: инвективный речевой акт предполагает форму коммуникативной конфронтации вместо формы коммуникативного сотрудничества.

3.2. Поводы для инвективы.

Для реализации иллокутивной цели инвективного речевого акта – оскорбления адресата – говорящий должен задеть его чувство собственного достоинства, найти его слабое место и именно его сделать мишенью оскорбления (исследователь немецкой бранной лексики Ф. Кинер образно называет оскорбления оружием [Kiener 1983]). Универсальные инвективы нацелены на личность адресата в целом, они представляют собой общую отрицательную характеристику адресата: *Du Miststück, verlogene Schlange, Hexenweib!* (L-T, 219). Однако предметом оскорбления могут быть отдельные особенности, типичные для адресата или «определенные ему судьбой» (Зорниг), признаки, которые инвектант, сравнивая адресата с собой (считая себя «нормальным» инвариантом), рассматривает как изъяны (умственные, физические) или как отклонение

от его собственной «нормальности». Такими поводами могут быть, например:

- внешность адресата, его физиологические особенности: *Du fleischlos Gerippe wie abgenagte Hundeknochen, du!* (L-T, 157) – поводом для оскорбления является худоба адресата – старого больного человека, который по сравнению с говорящей – пышной молодой женщиной – выглядит действительно не лучшим образом;

В следующем высказывании мишенью инвективы говорящим избран якобы исходящий от адресата неприятный запах: *Wir können nicht feststellen, woher der faulige Geruch kommt: von den ungewaschenen Pferden, von deiner viehischen Berggefährtin oder von deiner eigenen verfaulten Person* (M-S, 276);

- возраст адресата: <...> *Du eingetrockneter alter Ziegenbockmist!* (L-T, 156) – те же коммуниканты, что и в приведенном выше примере; говорящая опять имеет повод, сравнивая адресата с собой, указать на его немолодые годы, сделавшие его непривлекательным;

- черты характера адресата: – *Mir ist schwach. – Jammerlappen!* (R-L, 349) – инвектива говорящего – «истинного арийца», сильного духом и телом – нацелена на слабохарактерность (по его мнению) адресата;

- умственные способности: *Idiot! Wer hat denn gesagt, dass die Fahrt beendet ist?* (H-M, 157) – говорящий сомневается в «нормальности» адресата, поскольку последний действует не по плану говорящего (таксист, который собрался уехать после того, как говорящий вышел из машины и расплатился);

- физические недостатки: *Zu nichts bist du mehr nütze. du bist ein Krüppel, ein ...* (G-G, 32);

- гендерные особенности, как правило, женщин: – *Ich verstehe dich nicht, Felix. Du bist ungerecht zu ihm. Es ist doch schön, dass wir es wissen <...> – Weiberverstand! Heute weißt du es, morgen wissen es die Nachbarn und am nächsten Tag spricht das ganze Ghetto von nichts anderem* (B-J, 58) – поводом для инвективы является распространенный стереотип женщины – глупая, непонятливая, не умеющая логически мыслить;

- особенности поведения: – *Weißt du überhaupt, mit wem du redest, Bubi? – Tja, weiß ich, mit einem beschissenen Kartenbetrüger* (M-S, 105) – поводом для инвективы является шулерство ее адресата в карточной игре;

- умения: *Du Ingenieur! Warum Auto nicht reparieren? Scheißingenieur!* (L-T, 10) – говорящий оскорбляет адресата в связи с его неумением отремонтировать старый автомобиль, считая, что «нормальный» инженер должен этим умением обладать;

- профессия: *Verdammt! Noch zwei so Luftverpester! Werde bald allein mit diesem Kropfzeug in meinem Laden sein!* (T-G, 13)ⁱ – говорящий – владелец небольшого ресторана – «нападает», используя инвективу, на двух полицейских, считая, что они «портят воздух» – отпугивают своим присутствием основных посетителей, не желающих, как правило, встречаться с представителями закона;

- происхождение или национальность: ... *verdammtes Halbblut! du willst doch nur ...* (P-N, 34)); *Viel Spaß mit meiner Frau wünsche ich dir, du kleiner Gaudafresser, viel Spaß!* (D-M, 199) – инвективы по национально-расовому признаку выражают презрение, пренебрежение, оценку «чужих» («ненормальных») как неполноценных и являются важнейшим вербальным оружием для их дискриминации. Дискредитирующие представителей этнических меньшинств признаки – раса (физические признаки – цвет кожи, разрез глаз: *Hat dir denn keiner gesagt, du dreckige Rothaut, dass es in der ganzen Gegend um Rock Springs keinen besseren Schützen als den alten Brod Slater gibt?* (P-N, 12)), национальность/народность (*Du verdammter Chicano!* (G-G, 38) – инвективное обозначение *Chicano* использовали техасцы по отношению к мексиканцам), культура (например, привычки в еде: *Hau ab, du Makkaronifresser!* (K-A, 313), или особенности туалета: *Verdrück dich, du Schmalzkopf!* (K-A, 313)) и др. (см. также [Markefka 1999: 108-109]).

Размышляя о поводах и причинах оскорбления, исследователи задаются вопросом, какая инвектива наиболее эффективна (болезненна) – основанная на реальных фактах или бессмысленная, ничем не обоснованная. Жельвис В.И. называет в качестве главного критерия при определении воздействующей силы инвективы социальную среду – по его мнению, оскорбительная констатация реального факта в группах, например, деклассированных элементов производит, как правило, меньшее впечатление, поскольку адресат мог слышать ее неоднократно и морально готов к ней (такое же мнение представляет В.И. Карасик в [Карасик 2002: 234-235]).

С точки зрения специалиста по социальному взаимодействию К. Адамчика, наиболее болезненными являются инвективы, которые пейоративно квалифицируют ценностно-нейтральные качества адресата (профессиональная, национальная принадлежность) или указывают на реальные отрицательно оцениваемые обществом факты, имеющие отношение к адресату [Adamzik 1984: 298]. Автор подчеркивает, что инвектива бьет тем сильнее, чем негативнее оцениваются эти факты и чем меньше возможностей имеет адресат отказаться от причастности к ним, то есть чем менее добровольна эта причастность (физические недостатки. умственная несостоятельность, материальная необеспеченность).

На наш взгляд, очень существенную роль при восприятии инвективы играют также личные отношения между коммуникантами. Даже самая бессмысленная, не имеющая никаких реальных оснований инвектива может стать смертельным оружием, если ею в конфликтной ситуации намеренно воспользовался близкий человек, включать защитные механизмы по отношению к которому адресат не считал нужным; оскорбление наносится самим желанием оскорбить, «декларацией вражды».

3.3. Функционирование и варьирование инвективных речевых актов.

С а м о и н в е к т и в а . Адресатом инвективы может быть сам говорящий, в этом случае мы говорим о самооскорблении (такой речевой акт можно назвать, используя удачную метафору З. Вендлера, иллокутивным или интенциональным самоубийством). Рассматривая агрессию с психологической точки зрения, Х. Грабер [Graber 1991: 67] считает, что в случаях направленности агрессии на объект вместо него всегда можно поставить собственное Я, и наоборот, субъект может быть заменен объектом: *Du (ich) alter Idiot!* Таков, по мнению автора, генезис агрессии, которая при разделении субъекта и объекта делится на компоненты, направленные на окружающих (сализм) и на себя самого (мазохизм).

Признавая произнесением самоуничижительного высказывания свою ошибку или вину, говорящий (он же адресат) испытывает искреннюю потребность дискредитировать себя (перед лицом других). Но если у

адресата инвективного высказывания ментальное состояние подавленности наступает в результате его произнесения, то в случае совершения речевого действия самооскорбления мотивом является именно аффективное состояние «самоинвектанта». Причиной совершения акта вербального самобичевания является, вероятно, убеждение, что таким способом возможно устранение негативного положения вещей, ставшего поводом для самоинвективы. Или говорящий=адресат, действительно нанеся определенный вред слушающему или нарушил правила общепринятого поведения, хочет превентивно удовлетворить желание «потерпевшего» дискредитировать своего, как правило, невольного обидчика (значительно легче произнести обидные слова в свой адрес, чем услышать их от других). *Ach, wir Arschlöcher, wir* (W-K, 57); *O ich Esel! Ich alter Esel!* (G-D, 380).

Ф и к т и в н а я и н в е к т и в а . При коммуникации в кругу друзей проявляются другие аспекты и функции инвективного речевого акта. Неофициальная коммуникация, близкие дружеские отношения коммуникантов, которые рожают нетрадиционные креативные формы высказываний, являются условием и причинойokkaзиональных трансформаций инвективной лексики в нейтральную или мелиоративную. С. Бурген считает инвективу как «дружеское подтрунивание» признаком всех человеческих сообществ: «все люди склоняются к выражению родственных или интимных отношений посредством нарушения вербального табу» [Burgen 1998: 30] и указывает на то, что в ряде культур шуточные оскорбления ритуализованы, т.е. подчиняются определенному образцу. Следующие примеры показывают использование инвективных форм в кругу друзей, их адресаты не воспринимают их как оскорбления, поскольку понимают, что они произносятся не с инвективной интенцией, а представляют собой дружеское подшучивание: <...> – *Jetzt gehe ich in die Kirchn, bevor es dunkel is und Nachtmahlzeit. Soll ich für dich betn? – Danke gleichfalls. – Freche Luder* (K-M, 18).

Функционирование инвективного речевого акта как выражение признания в дружеском кругу составляет основу для выделения «фиктивной инвективы» – одной из форм инвективного речевого акта. Условиями для успешного совершения фиктивного инвективного речевого акта (отсутствие перлокутивного эффекта оскорбления у адресата)

являются – кроме близких отношений между коммуникантами – их общие фоновые знания о системах ценностей, чертах характера и реакциях партнера. При таких условиях адресат распознает интенцию говорящего и соответственно интерпретирует высказывание: – *Nur wer kein Geld hat, hat keine Schulden. – Depp! – Genau. Kannst du mir was leihen? (K-M, 13);*

- *Bäh, deine Smokinghose ist total zerknittert! – Aas! <Wer dich in meiner Begleitung sieht, wird genau wissen, warum sie so zerwühlt aussieht> (K-A, 249).*

Еще больший сдвиг инвективного речевого акта в положительном направлении наблюдается в случаях, когда фиктивная инвектива используется в целях похвалы (лаудативное использование инвективы): – *<...> Nennen Sie mich einen alten Idioten, das liegt Ihnen doch auf der Zunge. – Idiot! – Danke. Aber wir sind oben. Und ich habe Ihnen bewiesen, welche Energie noch in mir steckt (K-A, 232).*

Интересен случай, когда инвективная лексика используется в качестве ласкательных слов в общении близких, влюбленных в интимных ситуациях: – *<...> Ich heiÙe Diane. Du aber, mit deinen Lippen, nenne mich Hure, ausdrücklich. – Du süÙe Hure! SüÙe Diane! – Nein, sag 'du Hure'! Lass mich meine Erniedrigung so recht im Worte kosten (M-BK, 443);*

- *<...> Hätt ich einen Strich bei meiner Schwester, wenn ich nicht der Bruder sein tät. – Du Sau (K-MM, 13);*

- *Und mit wem gehst du hin? – Allein. Selbst is der Mann. – Du bist ein Schlingel (K-MM, 15).*

Инвективы, функционирующие в качестве ласкательных слов, интересны как с психологической, так и с лингвистической точки зрения. Их близость объясняется, вероятно, тем, что и те и другие служат аффектам: говорящий находится и в той и в другой ситуации в состоянии большого возбуждения. Из этого следует вывод, что прагматический аспект в таких высказываниях доминирует над понятийным. Жельвис В.И. называет фиктивные инвективы сложнознаковыми словами, считая, что в них сохраняется отрицательное бранное значение, на которое накладывается дополнительный положительный смысл [Жельвис 2001: 100], они мирно сосуществуют, пусть в разных пропорциях: *Du bist gemein wie ein Schuft, aber ich mag dich auch als Schuft.* Возможно, явление фиктивной инвективы целесообразно отнести к особым случаям

энантосемии – развития в слове антонимических значений, присутствующих в словоупотреблении одновременно, которые в нашем случае, используя термины А.А. Леонтьева, можно назвать сознаваемым объективным значением (отрицательное) и значением для субъекта – личностным смыслом (положительное). Очевидно, многозначность слова обеспечивается высокой степенью его эмоциональной нагруженности, которая помогает конденсировать несколько индивидуальных оценок и отношений.

Инвектива как «театральное громыхание». Следует указать еще на один вид инвективного речевого акта – когда говорящий оскорбляет адресата не в состоянии аффекта (гнева или плохого настроения), а для того, чтобы показать посредством употребления инвектив свою силу, доминирующее положение. Ф. Кинер [Kiener 1983: 134] называет такой вид инвектив «театральным громыханием». Интенция говорящего нацелена скорее на риторическое воздействие, чем на освобождение от отрицательных эмоций или оскорбление адресата. Говорящий находится, как правило, выше в социальной иерархии, чем адресат: *Ja, du Herumtreiber, du starker Trügener und Lungerer! Grad recht kommst du mir vors Haus, du Lump und stattlicher Hemdenmatz, Faulenzer du, bummelnder Wegetreter, und willst von redlichen Leuten zehren, die ihr Brot verdienen mit Gottesmühe zu knapper Not! <...>* (М-Е, 182). Адресат играет роль публики, к которой направлен монолог актера (говорящего). Он понимает театральность таких инвектив и получает даже удовольствие от этих экспрессивных высказываний. Так оскорбления стилизуются, по Кинеру, в искусство и «получают оттенок шутки и игры, особенно для третьих лиц» [Kiener 1983: 135]. Этот аспект инвективы в немецком языке показывает также этимология немецкого глагола *schimpfen*. Он происходит от древневерхненемецкого глагола *scimphen* и средневерхненемецкого глагола *schimphen*, которые означают *scherzen, spielen, verspotten* [Duden 1989: 1319]: *Am Ende bist du? Kein Mensch ist am Ende, bevor Gott ihn nicht richtet. Du elender Herumsäufer, du Saufsack, du Schnapsfaß, du Bierkeller, Neigenschlucker, du Spritflasche! Deine Seele schwimmt in Schnaps. Oder Schnaps wird dir zu den Ohren herauslaufen. Als Feuerzeug und Fackel wird dich Gott am Jüngsten Tag benutzen* (S-B, 138).

Гендерный аспект инвективы. Красноречивы и достаточно разнообразны мужские и женские инвективные предпочтения, вопрос о которых достоин отдельного, более подробного рассмотрения. Рамки нашего обзорного анализа позволяют нам только констатировать, что инвективы, обращенные мужчине, встречаются почти в 7 раз чаще, чем инвективы, обращенные женщине. Женщины и мужчины предпочитают, как правило, разные оскорбления в отношении своего или другого пола. По нашему языковому материалу, при оскорблении женщины представителями мужского и женского пола предпочитается слово *Luder*, при оскорблении мужчины мужчиной первые три места по количеству использований занимают *Idiot, Schwein, Narr*), мужчины женщиной – *Idiot, Hund, Feigling*. Не претендуя на всеохватность и детальность, представим гендерную модель оскорблений, по данным которой, оскорбления в адрес женщин затрагивают следующие особенности этого пола:

- сексуальная распущенность (*Hure, Luder*);
- несоответствие внешности любовным притязаниям (*lebender Lift, Vollreiflese, Nymphomanin*);
- коварство (*Miststück, Satansweib*).

Оскорбления в адрес мужчин подразумевают:

- недостаточную мужественность, слабохарактерность (*Scheißer, Wurm, Feigling, Schwächling, Jammerlappen, Fettsack, Arschkriecher, Schlappschwanz*);
- умственную несостоятельность (*Idiot, Narr, Blödmann, Rindvieh, Esel, Spinner, Dummkopf, Depp, Trottel, Holzkopf*);
- неискренность и подлость (*Dreckskerl, Mistkerl, Saukerl, Drecksack, Schuft, Schwein, Sau, Hund, Aas, Lügner, Lump, Teufel*).

Как видим, основное место в оскорблениях одного пола другим занимает негативная оценка поведения или характера, что опровергает точку зрения Жельвиса В.И., который называет основным поводом гендерных инвектив «сексуальность в самых различных ее проявлениях» [Жельвис 2001: 69]. Из этого следует вывод, что нельзя строить полоразличительную модель оскорблений только на понятиях сексуальности, привлекательности и остроте восприятия, поскольку эти понятия не определяют всего многообразия отношений между мужчиной и

женщиной и ситуаций, становящихся поводом для совершения инвективного речевого действия.

3.4. Полиинтенциональность инвективы

Намерения говорящего в инвективном дискурсе, как правило, им не декларируются, о таких «самоубийственных» мотивах речевых поступков не принято сообщать. Кроме того, анализ фрагментов дискурса, содержащих инвективные высказывания, позволяет говорить об их семантической и прагматической многослойности. В ряде случаев инвективная семантика не является ведущей или даже сопутствующей, а в ряде – она сочетается с другими смысловыми элементами высказывания, будучи для них производящей или же, напротив, вытекающей из них. Такими смысловыми элементами высказывания могут быть:

– требование выполнить какое-либо действие, угодное говорящему: *Geh weg, du Itaker!* (K-A, 313); *Komm runter, du Lump!* (K-A, 223); *Halt du, Narr!* (M-S, 428); *Feigling, geh!* (K-A, 146); *Lass sie runter, du Rabauke!* <...> (C-W, 62);

– объяснение причин необходимости выполнения/невыполнения какого-либо действия: *Weil man einen Baron Aarfeld nicht in dieser Weise abserviert, du Luder!* <...> (K-S, 57);

- вербальное выражение отказа выполнить какое-либо действие: *Du brauchst nicht zu bitten, du Schwein!* <...> (R-L, 248); – *Zieh dich an und verschwinde!* – *So nicht, du Mumie!* (K-A, 252)

- эмоциональный упрек, обвинение в совершении/несовершении какого-либо действия: *Aus dem Land, das ihr zu einer Kaserne und einem Konzentrationslager gemacht habt, ihr Schweine!* <...> (R-L, 162);

- угроза: *Das ist das Letzte! Das sollst du mir büßen, du Laus!* (K-A, 238); *Ich werde Sie vernichten, Sie kleine freche Kröte!* (K-A, 85); *Und nun zu dir, du rotes Luder! Dir verhaue ich den nackten Arsch!* (K-A, 59);

- вызов: *Komm her, wenn du Mut hast! Komm her, du Schwein, du verfluchtes!* (K-A, 217);

– констатация совершения какого-либо действия, небенефактивного для адресата: *Wenn du das nächste Mal ein hübsches Mädchen siehst, dann denk an mich. Unter dem Gürtel tut sich bei dir nichts mehr, du Fettsack!* (B-S, 152).

Как видим, инвективное высказывание является, как правило, сложным интенциональным комплексом: оскорбление реализует названные коммуникативные намерения, понижая при этом самооценку адресата, влияет на эмоциональное состояние и взаимоотношения коммуникантов. В конкретном речевом акте любая из названных интенций может быть ведущей, «уводя в тень» остальные, или же может сочетаться с ними, строя семантически и прагматически неоднозначный фрагмент дискурса говорящего.

3.5. Инвективный речевой акт в составе диалогического единства.

Реакция на инвективный речевой акт. Ожидаемым перлокутивным эффектом инвективного речевого акта, как уже было указано, является чувство оскорбленности адресата и соответствующая вербальная или невербальная реакция (если говорящий имеет намерение оскорбить адресата, то он надеется, что тот будет оскорблен). То есть перлокутивный эффект является конститутивным элементом для инвективного речевого акта. Исследователь бранной лексики южнославянских языков И. Эрмен говорит в этой связи об «ассоциированных перлокуциях», которые «конвенциональным образом связаны с определенными иллокуциями, то есть входят в словарную экспликацию значения иллокутивного глагола (*beschimpfen, beleidigen*)» [Ermen 1996: 77].

Вербальной реакцией оскорбленного адресата на инвективный речевой акт в конфликтной ситуации часто является ответная инвектива: – *Du Ratte, Biber. – Du umgekippter Eimer Scheiße (S-Tr, 79)*. Причину ее появления образно описывает в своей монографии Жельвис В.И., пользуясь при этом терминологией военных стратегов: в случае успешности инвективы – достижения моральной победы над адресатом – «конфликт разрешается для говорящего, но никоим образом – для атакованного». Конфликт со стороны адресата даже усиливается, в результате чего борьба «просто меняет знаки и вспыхивает снова, порой усиливаясь», в роли атакующего выступает теперь бывший адресат [Жельвис 2001: 76]. Шаховский В.И., анализируя типологию взаимоотношений эмотивных стимула и реакции, указывал на

регулярность отрицательной связи, суть которой заключается в следующем: «если в эмотивном высказывании-стимуле имеется хоть один эмотив с оценочным знаком минус, то в высказывании-реакции с большой долей предсказуемости также встретится минимум один эмотив со знаком минус, что объясняется психологическими мотивами» [Шаховский 1987: 147].

Если оскорбление является настолько неожиданным для адресата, что он не может достойно парировать взаимной остроумной инвективой, то он прибегает к помощи фразы типа «сам такой» – зеркально отраженного речевого акта говорящего: – *Ihr seid ein Pack! – Ihr nicht, was?* (К-А, 252). Такую «пульсирующую» ситуацию взаимного оскорбления В. Циллиг образно сравнивает с качелями и называет ее «процессом раскачивания» [Zillig 1982: 318]: одно слово цепляется за второе, говорящий и адресат так глубоко втягиваются в конфликт, что различие между первичным говорящим и первичным адресатом исчезает: – *Eine große Fresse hat er ja, Leute! Das wissen wir alle. Aber fragt ihn mal nach dem kleinen Einmaleins! Da glotzt er blöde, der Hilfsschüler. – Besser ein Hilfsschüler als Arschkriecher!* (К-А, 135).

Рассматривая «фактор адресата», Н.Д. Арутюнова говорит в этой связи об «игровом принципе речи» [Арутюнова 1981: 361]: такая постоянная смена ролей коммуникантов (переход адресата к вербальной агрессии и ответный агрессивный ход партнера) рождает, по ее мнению, «инвертированного адресата». Однако различие между первичным говорящим и первичным адресатом, а также между стимулирующими и реагирующими высказываниями, по ее мнению, не стирается, как не исчезает и соответствующая речевая тактика: наступление и защита. По нашему мнению, такое различие определяется только в начале конфликта, примеры показывают, что в процессе развития конфликта это различие стирается: – *Du Vagabund, du Hurenbock! – Verkrampfter Pauker! – Du verantwortungsloser Lump! – Du hysterischer Spießker, du elender Scheißtrommler!* (В-А, 206).

На разных людей (с различными социальными, возрастными, половыми, национальными, профессиональными характеристиками) в разных ситуациях, подчеркивает Жельвис В.И., инвективное высказывание «может произвести самый разный эффект, вплоть до противоположного»

[Жельвис 2001: 77]: грубое выражение может быть воспринято как глубоко оскорбительное или как ничего не значащее, что объясняется разницей в расположении порога восприятия неприятных элементов высказывания. Перлокутивный эффект может вопреки желанию говорящего не наступить, если порог восприятия инвективы адресата повышен и оскорбление не задевает адресата, хотя семантика высказывания и интенция говорящего интерпретируются им правильно: – *Wissen Sie, was Sie sind? <...> Sie sind ein heimtückischer Halunke, das sind Sie. – Das wusste ich allerdings noch nicht, Eine interessante Einzelheit, die Sie mir da mitteilen; verdient durchaus, näher geprüft zu werden (L-D, 45).* Адресат реагирует на инвективу говорящего как на информативное ассертивное высказывание, его реплика наполнена тонкой иронией (возможно, он искусно скрывает свои истинные чувства); говорящий, потерпевший фиаско в своем намерении оскорбить партнера, приходит в бешенство и переходит от вербальной агрессии к физической (*Sie brauchen diese Einzelheit nicht zu prüfen, sagte Alaric, und er schüttelte den Mann, dass der Speichel, der sich am Mund des Obersten zeigte, abflog*).

Отсутствие видимого перлокутивного эффекта (что не обязательно означает его отсутствие вообще) может объясняться тем, что адресат не придает (не может, не имеет возможности придавать) большого значения своему социальному «портрету», попытку негативного искажения которого посредством инвективного высказывания предпринимает говорящий (*Lebst du immer noch, du verdammtes Schwein? Totfahren sollte man dich, über den Bauch! ... (K-N, 215)* – оскорбление еврея в нацистской Германии, эмоциональная реакция адресата могла бы стоить ему жизни); или тем, что адресат согласен с субъективной оценкой своего социального статуса говорящим (- *Sie sind eine Art von Feigling und Duckmäuser, Mensch, und wenn Ihr Vetter Sie einen Zivilisten nennt, so ist das noch sehr euphemistisch ausgedrückt. – Kann alles sein, Herr Hofrat. natürlich, die Schwächen meines Charakters stehen doch außer Frage <...> (M-Z, 731)*).

Нам встретился любопытный пример совершенно неадекватной реакции на инвективу: – *Geh, du Dreckskerl! – Madonna! (K-A, 34)* – адресат оскорбления – молодой влюбленный итальянец – потерял голову, забыл обо всем на свете, буквально «оглох», увидев красивую женщину, поразившую его воображение.

Примеры такой реакции единичны. Чаще всего отсутствие ожидаемой реакции объясняется тем, что адресат не замечает вульгарности и грубости инвективы, поскольку ненормативность и непристойность не противоречат нормам морали социальной среды его общения. В таком случае адресат, отбирающий при восприятии и интерпретации стимульной реплики самую существенную информацию, реагирует только на содержание фразы, сопровождающей оскорбление. Самой инвективе не придается особого значения, во всяком случае, достаточного для эмоциональной реакции на него: – *Du verdammter Idiot! Du kannst doch hier nicht allein sprengen! – Was kann ich nicht? Soll ich vielleicht warten, bis es dir raßt? (L-F, 30)*. Значит, реакция адресата зависит, прежде всего, не от объективной существенности или несущественности особенности, послужившей поводом для инвективы, а от «субъективного ощущения значимости или незначительности события» [Жельвис 2001: 78].

Еще один интересным вариантом реакции на инвективный речевой акт является требование адресата повторить его, создается впечатление, что адресат, считая, вероятно, что ослышался, дает инвектанту возможность исправить малефактивное положение дел: – *Ich denke nicht daran, mich vor einem Lümmel wie Ihnen zu rechtfertigen. – Sagen Sie das noch einmal! – Sie sind ein gewalttätiger, dreckiger Lümmel! (L-Z, 95)*.

Как правило, за повторением оскорбления (адресат рассматривает его как дополнительный вызов) следует невербальная агрессивная реакция – в ход идут кулаки: продолжением вышеприведенного диалога является потасовка (*Der Lastwagenfahrer stürzt sich auf den Arzt; es entsteht ein Handgemenge, man versucht, sie zu trennen. Der Lastwagenfahrer schlägt mehrmals zu*).

Ф. Кинер [Kiener 1982: 84] указывает еще на следующую особенность конфликтной ситуации: часто уже в начале конфликта партнер грубо обрывает говорящего и надеется таким образом прекратить взаимные оскорбления: – *Und du hast das mit dir machen lassen? Du Schlappschwanz! – Halt`s Maul! (K-S, 76)*. Такие требования часто приводят к результату, противоположному желаемому – они воспринимаются адресатом как вызов. Несмотря на то, что говорящий явно может предугадать такую реакцию, он, тем не менее, прибегает к запрету говорения, как доказывает языковой материал: – *Du kannst dein ganzes*

kleines, miserables Leben lang nur stolz darauf sein, dass dich ein Edelmann angefasst hat. Hast du dir denn überhaupt die Zähne geputzt, ehe du es wagtest, mich zu küssen? – Verlassen Sie sofort mein Zimmer. Augenblicklich, sonst schreie ich (K-S, 58).

Встречаются случаи «странной» реакции на инвективный речевой акт в виде благодарности за него. Причиной такой «странности» может быть презрительное равнодушие адресата, для которого полученное оскорбление не подпадает под критерий существенности: он признает наличие отрицательных особенностей своего характера или неблаговидность совершенных им поступков, но не стыдится их и не сожалеет о них, а испытывает удовлетворение, видя, какое впечатление на собеседника они производят: – *Du... du Schwein! – Danke. Solche Schmeicheleien höre ich öfter. (K-S, 58).*

Благодарность может также появиться в ответ на шутливую, фиктивную инвективу, как в примере, когда адресат, ставший вследствие несчастного случая инвалидом, совершает практически невозможное – взбирается на высокий холм; понимая, что его поведение достойно порицания, он «напрашивается» на инвективу как на вербальное наказание за упрямство (собственно такой вид инвективы можно рассматривать как самооскорбление) и шутливо благодарит за его исполнение свою спутницу: – *<...> Nennen Sie mich einen alten Idioten, das liegt Ihnen doch auf der Zunge. – Idiot! – Danke. Aber wir sind oben. Und ich habe Ihnen bewiesen, welche Energie noch in mir steckt (K-A, 232).*

Инвектива как реакция. Инвектива может входить в состав не только прогрессивной, иницирующей реплики, но и быть частью реагирующего репликового шага, в таком случае оскорбление является неожиданной реакцией, отличной от конвенциональной, обычно ожидаемой. В качестве стимулов, вызывающих реакцию в виде инвективы, могут быть, например, следующие ситуации:

- явное непонимание адресатом актуальной ситуации, обстоятельств, что заставляет говорящего усомниться в умственной состоятельности адресата: – *<...> Die kommen doch freiwillig! – Weil sie Hunger haben, du Holzkopp (K-A, 121* – речь идет о приезде в немецкий шахтерский городок первых гастарбайтеров из Италии, очень неприветливо встреченных местными жителями. Говорящий, считающий,

что каждый рассуждающий человек понимает – не из праздного любопытства приехали в чужую страну, оставив дом и семьи, итальянцы, выражает свое мнение об уровне умственного развития адресата в форме инвективы *du Holzkopp*.

- отказ адресата выполнить действие в интересах говорящего или, наоборот, декларация совершения действия, неугодного говорящему. – *Er wurde verlegt in das Lager. Er liegt dort in seinem Bett in der Baracke Nr. 3. <...> Ich hätte das längst veranlassen müssen. – Ich werde Sie vernichten, Sie kleine freche Kröte (K-A, 85)* – инвектива адресована врачу-женщине, положившей конец непристойным встречам в амбулаторном участке большого шахтерского предприятия жены его директора и горячего нравом шахтера-итальянца. Такие встречи были возможны в течение некоторого времени, поскольку высокопоставленная дама имела повод шантажировать адресата. Когда у последнего совесть возобладала над страхом, разъяренная, не привыкшая к поражениям женщина оскорбляет в бессильной злобе виновницу, нарушившую ее планы, и угрожает уничтожить ее, раскрыв ее тайну.

- навязчивость адресата инвективы: – *Madonna! – Du Affe! (K-A, 34)* – молодой итальянец, без памяти влюбленный в красивую женщину, преследует объект своего обожания повсюду, не давая ей прохода, чем (совершенно естественно) заслуживает вербальное «наказание» в виде инвективного высказывания, на которое он, впрочем, не обращает внимания.

- шантаж говорящего адресатом, угрожающего (прямо или намеком)

нанести вред говорящему в случае невыполнения им требований шантажиста. В следующем примере младший брат, проследивший свидание старшей сестры, которое она хотела бы оставить в тайне, намекает на свою информированность (где и с кем она была), требуя платы за свое молчание: – *Draußen bläst der Wind. – Stimmt nicht. Alle Zweige an den Bäumen stehen still. Der Wind war Kurt. – Ich klebe dir gleich ein paar! Was willst du Kröte hier? – Ich habe auf dich gewartet. Ich brauche Geld (K-A, 71).*

- высказывание адресата, которое, по мнению говорящего, неадекватно ситуации. В таких ситуациях проявляется, как правило,

социальное (гендерное) неравенство: – *Wenn du ihm was tust, ist's aus mit uns! Lass ihn gehn, Willi! – Halt die Fresse, du Luder!* <...> (K-A, 58) – инвектива вместе с требованием замолчать адресована подруге говорящего – официантке, вступившейся за гостя, который, по мнению инвектанта, излишне любезно разговаривал с ней и которому поэтому угрожает опасность быть покалеченным «героем», оскорбленным поведением девушки. Еще пример: – *Ich habe keine Angst! – Schweig, du Narr!* (129) – высказывание храбрящегося адресата нелепо, как считает говорящий, в обстоятельствах, требующих молчаливого согласия и подчинения: сицилийская мафия делает провинившемуся адресату последнее предупреждение, после нарушения которого неуклонно следует смерть.

3.6. Языковое воплощение инвективных речевых актов

В зависимости от открытости намерений осуществить коммуникативное давление инвективный речевой акт реализуется в виде прямого оскорбления, когда характеристика лица выражается в резко негативной форме при помощи инвективной лексики, или косвенного оскорбления, когда негативная характеристика лица происходит завуалировано, «что делает акт речевой агрессии не менее, а иногда еще более действенным, так как в большинстве случаев воспринимается не на «лексически осмысленном», а на «синтаксически связывающем» уровне» [Кусов 2003: 20];

Прямые инвективные речевые акты. Реализация прямых инвективных высказываний имеет особенность, сближающую их с речевыми актами комплимента: агрессивное намерение не может быть выражено посредством эксплицитных перформативов (*beleidigen, beschimpfen, erniedrigen*) как *Ich beleidige dich/Sie, indem ich sage...*, которые обозначают иллокутивный акт в его перлокутивном аспекте, в аспекте уже осуществленного, совершившегося воздействия на слушателя, чего говорящий не может гарантировать заранее. Высказывания подобно приведенному явились бы «иллокутивным самоубийством», поскольку такие (инвективные) мотивы своих действий не принято декларировать. Условием успешной реализации инвективного коммуникативного намерения должна быть его скрытость для адресата. Таким образом,

инвективные высказывания состоят только из пропозиции, их иллокутивная часть представлена имплицитно.

Пропозициональному содержанию инвективных высказываний, говорящий приписывает отрицательное оценочное значение – оно выражает его отрицательное отношение к объекту инвективы. Особенности пропозиции определяют выбор языковых средств для ее выражения в конфликтных ситуациях.

Важнейшую роль играют средства фонетического уровня: адресант говорит подчеркнуто громко или тихо, особенно выделяя ударением или протяжным произнесением отдельные слова в высказывании (... *ihr ... blöööööde ... Trotttllln ... auch du Platschberger ... mit deiner Scheißhurenlügentheaterkunst ... auch du ... aber ich ... Ihr Scheißer ... Ihr Arschlöcher ...* (B-SM, 120). Установлена закономерность: чем сильнее выражаемая эмоция, тем меньше слов употребляет говорящий и тем большая роль отводится просодии и кинесике [Шаховский 1987: 153].

Инвективная лексика. Средствами лексического уровня, способствующими освобождению от отрицательных эмоций и выражающими отрицательную оценку адресата, являются бранные слова и вульгаризмы. Это, как правило, оценочные существительные, материализующие эмоции говорящего – эмоции гнева, отвращения и презрения, которые «можно объединить в одну «триаду враждебности» и даже увидеть в этой триаде дополнительные элементы страдания и страха» [Izard 1980: 290]. Инвективная лексика является тем единым языковым средством, берущим на себя сложную функцию выражения всего спектра субъективно недифференцируемых эмоциональных нюансов. Например, словом *Krüppel* (*Wenn ich gehe, vergrabe ich mich nicht mit einem Krüppel, sondern suche das Leben* (K-A, 241)) говорящий – красивая молодая женщина, запутавшаяся в своих отношениях с мужчинами – выражает гамму эмоций (отвращение, презрение, негодование) по отношению к адресату – влюбленному в нее немолодому мужчине, ставшему по ее вине калекой, всеми возможными способами добивающемуся ее внимания. Такая способность одного словесного средства выражать множество эмоциональных нюансов находится в связи со способностью сложных эмоциональных переживаний концентрироваться на целостном образе человека, вызвавшем это переживание [Вилюнас, 1984: 67].

Существительные. Анализ языкового материала показал, что в языковой системе существует целый пласт потенциальных инвективных (пейоративных) лексем (с узуальной отрицательной оценочностью), которые используются в процессе общения главным образом с намерением оскорбить адресата: «Инвективную лексику и фразеологию составляют слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речи, обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме» [Леонтьев 1997: 7]. Инвективная лексика не закреплена за определенной функционально-стилистической сферой и не ограничена в употреблении рамками социальных или профессиональных групп: инвективные, порой очень грубые, лексемы могут появиться в речи представителей не только низших социальных слоев, но и людей с высоким социальным статусом, которые, как и «нормальные» люди, подвержена приступам гнева и желанием унижить собеседника.

Наряду с конвенциональными инвективными лексемами существуют совершенно абсурдные инвективные обозначения – слова с нетипизируемым лексическим значением. В ритуальном оскорблении («театральное громохание») важна оригинальность, поэтому говорящий прибегает к использованию самых необычных бессмысленных слов, примерами которых могут служить не только ставшие уже наполовину конвенциональными *Gurke, Birne, Flasche* (их в качестве примеров приводит в своей небольшой статье К. Зорниг [Sornig 1975: 154]), но и слова, которые действительно не имеют значения: *Dumpfgummi, Stronkel* (примеры К. Адамчика [Adamzik 1984: 302]).

Некоторые лингвисты [Behagel 1929: 1; Kiener 1983: 143] представляют мнение, что наиболее употребительные бранные слова односложны. О. Бехагель приводит в качестве иллюстрации инвективы *Lump, Sau, Aas, Schelm, Depp, Balg, Hur*. Наше исследование показывает, что наряду с указанными и подобными инвективами (*Arsch, Narr, Schuft, Tor*: <...> *Dann merk dir, dass meine Schwester zurückmuss! Das weißt du doch auch, du verdammter Schuft!* <...> (R-L, 212)) существует множество не менее употребительных не односложных оскорбительных слов: *Idiot,*

Trottel, Luder, Halunke, Lümmel, Schnösel, Schurke, Kröte и др.: <...> *Weil man einen Baron Aarfeld nicht in dieser Weise abserviert, du Luder. Was glaubst du denn eigentlich, du Kröte!* (K-S, 57); – *Es geht Ihnen offensichtlich nicht gut. – Ich bin besoffen, Sie dämlicher Idiot!* (G-T, 67).

Еще много лет назад исследователь образного аспекта бранной лексики немецкого языка К.О. Эрдманн писал о словах, сохранивших только эмоциональный аспект, в котором полностью растворилось понятийное содержание. Большинство людей, употребляющих такие инвективы, не имеют понятия об их истинном значении. Автор говорит, например, о том, что он относительно поздно узнал, что слово *Luder* означает то же, что и *Aas*, и что слово *Hundsfott* имеет очень непристойное этимологическое значение. Из этого следует вывод: возможно, сильное, почти мистическое действие некоторых бранных слов состоит именно в том, что никто, по сути, не знает, что они, собственно, означают [Erdmann 1935: 114]. Такого же мнения придерживается М. Фауст, называя бранными слова с отрицательным эмоциональным значением, которые используются преимущественно для выражения оскорбления. Подчеркивается, что именно частая употребительность отдельных слов в ситуациях оскорбления превращает их в бранные слова, этот конвенционализированный коммуникативный опыт коннотируется в случаях их употребления: они не выражают мнения, представления и чувства, а сигнализируют их наличие [Faust 1965: 61]. Исследователями подтверждается мысль, что особенно интенсивное оскорбительное воздействие на адресата оказывают именно те инвективы, которые имеют бедные сигнификативные аспекты значения и особенно емкие коннотативные аспекты (*Dreckstück, Luder, Schweinehund*)⁴².

Непроизводные в морфологическом отношении инвективные лексемы (значение которых часто немотивированно и для его определения требуется этимологический анализ) – не единственное средство для выражения вербальной агрессии. Очень продуктивны производные и сложные инвективные лексические образования⁴³, созданные на базе регулярных словообразовательных моделей:

⁴² Об этом пишет например, Х.Б. Шуман в своей статье [Schumann 1990: 275].

⁴³ Подробный перечень моделей сложных и производных слов приводится в работе О Хаврилин [Havrilin 2003: 40-45]

а) инвективы, образованные при помощи префиксов (*miss-*, *un-*) и нейтральной лексемы: *Missbild: <...> du bist ein Missbild und Kielkropf, ein kauziger Zwergenpojazz, dem sein Kammeramt weit mehr Spaßes halber als im Ernste zuteil wurde <...> (M-J, 1194);*

б) инвективы, состоящие из основы с негативно-оценочным значением и суффиксов *-er*, *-ler*, *-in*, *-ling*, *-ian*, *-in*, трансформирующих инвективную основу в единицу другого морфологического класса: *Schwächling, Feigling, Faulenzer* и др.: *Markiere keine Ohnmacht, Feigling! (R-L, 349); So spricht nur ein Schwächling wie Ihr (M-S, 274); Ihr armseligen Spinner! <...> (K-A, 233); Vergiss nicht, was du mir zu verdanken hast, du kleiner Emporkömmling! (J-K, 134)*

в) сложнопроизводные инвективы: *Herumsäufer, Luftverpester, Klugscheißer, Arschkriecher* и др.: *Verdammt! Noch zwei so Luftverpester! (T-G, 13); Leichenfledderer! (T-G, 16); <...> du bist ein vollkommener Klugscheißer. <...> (L-H, 115)*

г) лексемы, состоящие из инвективного полупрефикса (*Scheiß-*, *Arsch-*, *Mist-*, *Dreck-*, *Rotz-*, *Sau-*, *Hund-*, *Teufels-*) и нейтральной лексемы: *Saukerl, Mistkerl, Mistvieh, Miststück, Scheißkerl, Scheißingenieur, Scheißmann, Arschloch* и др.: *Du Scheißkerl! (J-K, 53); <...> Jetzt mache ich dich fertig, du Rotzjunge! (K-A, 238); Hilfe! Ihr Feiglinge! Ihr Saubande! (K-A, 59);*

д) инвективы, состоящие из нейтрального полупрефикса и инвективной лексемы: *Vollidiot: O ihr Vollidioten! (K-A, 233)*

е) инвективы, образованные посредством определительного словосложения, в них определяющий компонент конкретизирует значение инвективной лексемы: *Hurensohn, Höllenhund, Hundescheiße, Spritflasche, Schnapsfaß, Holzkopf, Hasenschwanz, Jammerlappen, Geizkragen* и др.: *Setzen Sie sich, Obersturmführer und Hitlerknecht <...> (R-L, 199); Schlappschwänze alle! Die ganze Polizei ist voller Schlappschwänze! (K-A, 221); Kalkkopf? Du bist ein Holzkopf (S-B, 268);*

ж) окказиональные авторские инвективные сложные и сложнопроизводные лексемы (в стремлении произвести сильное впечатление на оппонента, инвектант проявляет свой, как правило, большой творческий потенциал): *Schönheitschirurgengoldgrube, Vollreiflese, Oralsexverrückter, Leibkutscherseele, Neigenschlucker, Zittergrasbündel* и др.:

Versteckst du dich, Hasenschwanz! <...> Du Anfänger, du Zittergrasbündel in Hosen! (S-B, 300); Komm, Valja. Lass diesen Oralsexverrückten <...> (L-T, 157), <...> Du Flachbrustluder, ja nur neidisch, weil keine Titten (L-T, 213). Или примеры, зафиксированные в устном общении: *Warmduscher* (настолько слаб и изнежен, что принимает теплый душ), *Bergrunterbremser* (настолько неловок в езде на велосипеде, что тормозит при спуске с горы) и др. (интересные примеры таких инвектив приводит в своей работе Позолотин Ф.Д., [Позолотин 2005: 25]).

Вербальное оскорбление адресату наносится часто отрицательными коннотативными компонентами значения лексемы. Речь идет в первую очередь о компонентах значения, ставших фактом коллективного языкового сознания и как таковые зафиксированных в парадигматическом значении слов. Примерами такого рода инвектив могут служить слова-фаунонимы: *Esel, Hund, Affe, Schwein, Wurm, Ratte, Kamel* и др. Они являются своего рода зоосемантическими метафорами, эллиптированными сравнениями, в которых подчеркивается особенное качество (*tertium comparationis*) – в инвективах всегда отрицательно оцениваемое адресатом, объединяющее два сравниваемых лица: при употреблении инвективы *Esel tertium comparationis* является глупость, свойственная как называемому животному, так и человеку: *Toddy! Du Esel! (T-G, 40) = Du bist so dumm und trotzig wie ein Esel!* При инвективном употреблении слова *Kuh* оскорбление направлено на глупость адресата и на его большой объем (*dumm und dick wie eine Kuh*): *Du kannst mich, du dumme Kuh! <...> (B-S, 169).* Инвектива *Schwein (Sau)* касается нечистоплотности (в переносном смысле тоже) этого животного, качества, легко переносимого на человека (*schmutzig wie ein Schwein*): *Ist dir heiß geworden, du dickes Schwein? (K-A, 297).* *Tertium comparationis* при инвективном употреблении слова *Hund* является злой характер, слов *Kamel, Pute* – глупость, слова *Wurm* – пресмыкаемость, ничтожность, слов *Schlange, Ratte* – коварство и хитрость, *Affe* – кривляние.

В качестве инвектив употребляются гиперонимы *Vieh, Tier*, а также слово *Bestie/Biest (lat. bestia > wildes Tier)*, обозначающее грубого, вульгарного, жестокого человека: *Und du Rindvieh gehst und hängst dich an die Tochter des Chefs! <...> (K-A, 104); Na gut... wenn du hierbleiben willst, dann bleibe hier. Verdammtes Biest... (L-H, 78).*

Метафорический перенос лежит также в основе инвективного употребления слов, обозначающих

- растения (*Giftpilz: Balg! Giftpilz du! <...> (M-J, 59)*);
- фекалии и выделения организма (говорящие проявляют всегда большую креативность при «изобретении» таких инвектив (*Dreck, Mist, Scheiße, Rotz* и др.: *Stinkender Blähwind! (M-J, 509)*; *Du umgekippter Eimer Scheiße! (S-Tr, 79)*; *Hau ab, du verfressenes kleines Miststück! (G-T, 215)*; *Was soll das? <...> Du dreckig alter Mistkerl, du Hundescheiße, du Totengeripp! (L-T, 219)*);
- мифологические образы (*Teufel, Hexe, Satan: Du Miststück, verlogene Schlange, Hexenweib! (L-T, 219)*; *Du Kind des Teufels, du Feind aller Rechtschaffenheit! (M-S, 137)*);
- имена, как правило, наиболее распространенные и их варианты (*Großhans: Balg! <...> Großhans! stinkender Blähwind! (M-J, 59)*);
- внебрачных детей (*Bastard, Balg: Raus mit der Sprache, du Bastard! Wo habt ihr es versteckt? (P-N, 4)*),
- физические и умственные недостатки, болезни (*Krüppel, Kielkropf, Idiot: Du bist ein Krüppel, ein... (G-G, 32)*; *Hör auf, du bärtiger Idiot, halte dein Maul, sonst werde ich dich an deinen Haaren aufhängen. Dann kannst du zappeln wie ein angepflockter Frosch (L-H, 198)*; *<...> du bist ein Missbild und Kielkropf, ein kauziger Zwergenpojazz <...> (M-J, 1194)*),
- лиц, занимающихся антиобщественной, социально-вредной деятельностью (*Penner, Herumtreiber, Herumsäufer, Spielteufel: Penner, blöder Penner (L-S, 301)*; *Du elender Herumsäufer <...>! Deine Seele schwimmt in Schnaps (S-B, 138)*).

Распространенным средством образования инвектив является метонимический перенос: *Du arschloch. Meinetwegen kannst du so weitermachen (J-B, 146)* – инвектива называет часть тела, обозначая человека в целом (*pars pro toto*); *Verdammt der Dickschädel! (P-N, 16)*; *Geizkragen! (K-A, 252)*; *Ihr Großmäuler! (K-A, 128)* – в качестве инвектив использованы бахуврихи – поссесивно-метонимические сложные существительные. Часто метонимические инвективы имплицитно в своем значении сравнение объекта с половыми органами (*Schlappschwanz, Schrumpelschwanz, Weichei*): *Du Schlappschwanz! (K-S, 76)*; *Du nichtsnutz Schrumpelhirn und Schrumpelschwanz! Esel! (L-T, 156)*.

В качестве инвективных используются слова, в самом значении которых при констатирующем характере семантики содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения адресата – *Verräter, Erpresser: Und nun geh, du Erpresser! (K-A, 72); Verräter! Verräter! (M-S, 177)*.

Иногда инвективная характеристика лица дается на основании его отнесения к классу, обозначенному существительным с синтаксически обусловленным оценочным значением – существительным, не имеющим в своем значении семы оценки, но выполняющим субъективную оценочную функцию в определенном контексте. «Субъективность значения лексико-фразеологических единиц инвективной речи обуславливается тем, что предмет речи оценивается эмоционально-отрицательно не потому, что он бесполезен, неморален, антиэстетичен, а исключительно потому, что субъект речи в данный момент с их помощью выражает свое отрицательное эмоциональное состояние или, очень часто, соответствующее отношение к собеседнику» [Бельчиков 2002: 68]. В примере – *Zieh dich an und verschwinde! – So nicht, du Mumie! (K-A, 257)* предметом оскорбления является возраст и худоба адресата, что дает повод для его сравнения с мумией. В системном значении слова *Mumie* отрицательно-оценочная сема отсутствует, и только учет всех параметров коммуникативно-прагматического контекста (недовольство говорящего исходом дела, отражающееся на его эмоциональном отношении к адресату) позволяет наиболее точно идентифицировать как саму инвективу, так и степень ее оскорбительной нагрузки в речевом акте.

Прилагательные. Правильной интерпретации инвективной интенции системно-нейтральных существительных способствует также их определение атрибутом с отрицательно-оценочным значением: *Der da ist schuld! Der verfluchte Kosmopolit! Er hat dich verdorben! (R-L, 200); Verfluchter Elsässer! (R-L, 248); <...> Der Mann ist doch kein Bettler, Sie hirnverbranntes Stück! (T-G, 20); Jurgen, du billiger kleiner Friseurtyp! (H-S, 227)*. В последнем примере сема негативной оценки в прилагательном *billig* не является доминирующей, а сопутствует основной семе.

В случаях употребления нейтрального атрибутивного прилагательного при инвективном существительном происходит конкретизация или градация (прилагательные *alt, groß*) оценочного

значения последнего: *Und nun zu dir, du rotes Luder. Dir verhaue ich den nackten Arsch* (K-A, 59) – оскорбление адресовано рыжеволосой девушке; *Du alter Idiot!* <...> (L-T, 133) – прилагательное конкретизирует возраст адресата инвективы; <...> *Außerdem aber sind Sie ein großer Feigling, und auch das brauche ich Ihnen wohl nicht ausführlich zu beweisen* (M-T, 257) – говорящий подчеркивает степень оскорбительной характеристики адресата.

Прилагательные отрицательной оценки (*verdammt, verflucht, dreckig, gemein, hinterhältig, blöd, beschissen, verfressen, frech, biestig, mies, dämlich, dumm, nutzlos, verlogen, erbärmlich, jammervoll* и др.) сопровождают не только существительные с системно-нейтральным значением, но и оценочные инвективные существительные. В таких случаях они усиливают силу воздействия оскорбления, увеличивая его инвективную «этажность»: – *Ich wusste überhaupt nicht, was er meinte. – Und ob du das wusstest, du verlogenes Miststück.* (G-T, 495); *Du hinterhältiges Miststück! Saukerl!* (H-M, 301); *Du bist eine ganz gemeine kleine Kröte!* (K-A, 72). Это наблюдение подтверждается мнением Х.Б. Шуман, которая приводит ряд наиболее употребительных в инвективных высказываниях прилагательных (*alt, elend, verdammt, blöd, albern, faul, frech, gemein, unverschämt*) и, опираясь на данные словарей, утверждает, что пять последних из приведенных прилагательных дают отрицательно оцениваемую социальную характеристику адресата (в нашем языковом материале: *ein ganz gemeiner Schlawiner, kleine freche Kröte, freche Luder*), а четыре первых являются средством интенсификации или конкретизации отрицательной характеристики (*biestiger alter Hund, verdammte Hunde, verdammter Schuft, blöde Ziege*) [Schumann 1990: 270].

Использование нескольких прилагательных для усиления оскорбления является типичной характеристикой высокой степени возбуждения (эмоциональный катарсис): *Du Schurke! Du dreister Bengel! Du verdammter Affe! Blitzblaue Augen, nicht wahr? Und was sonst noch? Der Teufel kratze sie dir aus, du unwissender, unwissender, unwissender Geck!* (M-F, 194).

Выше мы говорили о преобладании в инвективных лексемах коннотативного значения и их сигнальном характере, который ставит их в один ряд со стереотипными формулами или односложными

фразеологизмами. Однако эта «сигнальность» не перекрывает пока остаток денотативного значения рассматриваемых лексем, которое определяет все еще особенности их семантической сочетаемости. Например, прилагательное *gemein* (*in moralisch besonders auffechtbarer Weise übelwollend gegenüber den Mitmenschen*) свободно может сочетаться с существительным *Schurke* (*gemeiner, niederträchtiger Mensch, Verräter*), они образуют коллокации. Сочетание *Du gemeiner Schurke!* представляет собой типичную коллокацию, спонтанно возникающую в конфликтных ситуациях членов одного языкового сообщества. Сочетание же *Du gemeiner Hund!* является так называемой банальной коллокацией и для его образования и употребления в конфликтной ситуации требуется определенная мыслительная операция. А значение существительного *Idiot* (*Dummkopf, begriffsstutziger Mensch*) не позволяет ему сочетаться с прилагательным *gemein* (**du gemeiner Idiot!*).

Зоосемантические метафоры также имеют строго устоявшиеся в этнокультуре определения, которые не могут по желанию говорящего быть заменены любыми другими. Типичными коллокациями являются: *dumme Kuh, blöde Ziege, dumme Gans, dickes Schwein, verlogene Schlange*, в которых прилагательные усиливают негативную характеристику, выражаемую существительным, тавтологически повторяя ее; по определению вряд ли возможны сочетания **blöde/dumme Schlange* (*blöd – dumm, einfältig, geistig beschränkt; Schlange – falsche, hinterhältige Frau*) **hinterlistige Gans* (*hinterlistig – tückisch, falsch, unaufrichtig, hinterhältig; Gans – einfältiges weibliches Wesen*), **dicke Ziege* (*dick – eine große Masse aufweisend, umfangreich; Ziege – dumme oder unangenehme weibliche Person, in der Regel klein und mager*).

Оценочные прилагательные могут употребляться в качестве предикатива инвективных высказываний (*<...> Nicht einmal als Braten taugst du zu etwas, so mager und blöd bist du* (L-ZS, 292)) или в качестве определения непредикативных частей высказываний: *<...> Mir ist dein hündischer, bettelnder Blick zuwider!* *<...>* (K-A, 39) – говорящая пытается оскорбительным определением поведения и внешности отвадить надоевшего ей любовника, бесконечно преследующего ее.

Важным выводом из вышеприведенного анализа функционирования инвективных лексем является следующий: инвективные существительные

отражают оценочно-ценностные представления о человеке как носителе определенных качеств, в то время как оценочные прилагательные характеризуют человека не собственно как цельный объект, а указывают на непостоянный признак [Вежбицкая 1990: 134], то есть не несут в себе постоянных категориально-оценочных значений.

Инвективный речевой акт может также иметь форму сравнения: *Du jetzt schon aussehen wie Leiche – bald du wirst sein. Du Kadaver von Hund, wandelnder Skelett!* (L-T, 260); *Ihr seid Juden, ihr seid weniger als ein Dreck <...>* (B-J, 9). В высказываниях *Schau sie doch an. Dein Ross erinnert mehr an eine Menschenfrau als sie* (M-S, 274) и *Zugegeben, gleich groß sind sie ja und ihre Nasen gleich lang. Trotzdem besitzt dein Ross eine ungleich schönere Farbe als deine geisterbleiche Begleitung* (M-S, 274) адресатом инвективы является не адресат высказывания, а третья, присутствующее при разговоре лицо, и интенцией высказывания следует считать не декларацию особенностей его непривычной для глаза говорящего внешности в сравнении с жеребцом адресата, то есть утверждение, а намеренное оскорбление указанием на ее особенности.

Для «коллективных» оскорблений действуют те же правила, что и для инвективных высказываний, адресованных отдельным лицам. Они выражаются при помощи собирательных существительных (*Gesinde, Pack, Saubande: Ihr seid ein Pack!* (K-A, 252)) или существительных названных групп во множественном числе (*Großmäuler, Räuber, Mörder, Verräter*): *Was habt ihr aus Deutschland gemacht, ihr Räuber und Mörder und Folterknechte!* (R-L, 162); *Habt ihr denn keine Frauen im Dorf? Müsst ihr hier herumstehen, ihr jammervollen Hunde?* (R-L, 248).

Местоимения в инвективных речевых актах. Употребление местоимений в инвективных речевых актах объективно зависит от социальных ролей говорящего и адресата. Оскорбление как «невежливый» речевой акт направляется преимущественно партнеру, которого отделяет от говорящего небольшая социальная (вертикальная) дистанция, так что обычной формой обращения является местоимение 2 лица. Если партнерами в инвективном общении являются интерактанты, обращающиеся друг к другу на «Вы», то налицо случай особенно эмоционально «заряженной» конфликтной ситуации, которая ломает даже рамки очень строгого соблюдения норм вежливого общения при такой

дистанции между говорящим и слушающим. Однако, в этих случаях говорящий связан в выборе инвективной лексемы – неслучайно в «вежливых» инвективных высказываниях (высказываниях с местоимением *Sie* как *Sie sind ein Esel!* (M-T, 368); *Sie sind ein blasierter Balg* <...> (M-Z, 868)) речь идет о сравнительно «мягких» оскорблениях, которые явно содержат дескриптивный компонент, то есть указывают, какие качества партнера говорящий квалифицирует как отрицательные. «Жесткие» инвективы кажутся действительно странными в сочетании с местоимением *Sie*: **Sie Luder!* **Sie Miststück!* **Sie Scheißkerl!* Х.Б. Шуманн объясняет это тем, что употребление местоимения *Sie* выражает признание социальной дистанции между говорящим и адресатом, а лексемы *Luder*, *Miststück*, *Scheißkerl* и т.п. обозначают качества объекта, о которых говорящему (по определению социальной дистанции) не может быть известно [Schumann 1990: 269].

Если конфликт между интерактантами при большой социальной дистанции достигает ступени, когда интенсивное эмоциональное состояние говорящего заставляет его забыть о правилах интеракции, как бы потерять социальную «ориентацию» и пустить в ход особенно грубые инвективные лексемы, то одновременно происходит, как правило, прономинальный переход – использование местоимения *du* вместо местоимения *Sie*. Примером такой социально «дезориентации» может служить ситуация, когда девушка «из низов», оскорбленная грубостью молодого барона, но соблюдающая в начале разговора внешние приличия, вдруг переходит в ответной инвективе на «ты», выражая всю силу своего чувства крайне высокую степень негативной оценки поведения адресата и интенсифицируя таким образом ее воздействие:

- *Was glaubst du denn eigentlich, wer du bist, du Kröte? Du kannst dein kleines, miserables Leben lang nur stolz darauf sein, dass dich ein Edelmann angefasst hat. Hattest du dir denn überhaupt die Zähne geputzt, ehe du es wagtest, mich zu küssen?*

- *Verlassen Sie sofort mein Zimmer! Augenblicklich, sonst schreie ich.*

- *Schrei doch. Weißt du, was ich denen dann erzähle? Dass du mich ins Zimmer gelockt hast und gemein wurdest, weil mir die Bezahlung, die du gefordert hast, zu hoch war. <...>*

- *Du... du Schwein!* (K-S, 58).

Кроме того, уже использование местоимения *du* в ситуациях, когда социальные роли партнеров требуют обращения на *Sie*, может рассматриваться как оскорбление, даже если инвектива не была реализована лексическими средствами. В качестве примера приведем фрагмент разговора героев романа Ремарка Э.М. «Ночь в Лиссабоне» – главного героя Шварца и Георга, брата его жены, убежденного нациста. Обычно их общение проходило в подчеркнуто вежливой форме, которая дополнительно маркировала непримиримость и дистанцию между ними (*Ich möchte mit meiner Schwester allein reden, können Sie das nicht verstehen? – Haben Sie mich mit ihr allein reden lassen, als Sie mich verhaften ließen?* (R-L, 198). Но когда терпение Георга и вместе с ним его желание представлять воспитанного члена нового общества лопнуло, он опускается до грубых оскорблений и угроз. Не считая нужным, по крайней мере, сохранять внешне вежливые формы, он обращается к своему оппоненту на ты: *Du Lump! Du ruinierst meine Schwester! Aber warte nur! Wir werden dich bald erwischen!* <...> (R-L, 211),

Встречаются и обратные случаи, когда говорящий оскорбляет адресата, не только употребляя инвективную лексему, но и дополнительно дистанцируясь от него обращением на *Sie*. В статье Х.Б. Шуман, например, приводится мнение, что при намерении унижить подростка большую силу будет высказывание *Sie Flegel!* вместо *Du Flegel!* [Schumann 1990: 269].

Общим правилом остается, впрочем, обращение к незнакомому и вышестоящему лицу на «Вы», даже в инвективных высказываниях.

С и н т а к с и с и н в е к т и в н ы х р е ч е в ы х а к т о в .
Синтаксические конструкции, употребляемые говорящим, отличаются наличием семантически нерелевантных повторений и пауз: ... *du Schwein ... du elendiges Schwein ... du elendiges Schwein ...* (B-G, 60). В многократном повторении одного и того же проявляется возбуждение говорящего: находясь в состоянии аффекта, он не находит сразу нужные слова, это ведет к появлению повторяющихся логически и синтаксически незаконченных фраз,

Наиболее распространенный тип предложения для реализации прямой инвективы – простые предложения с составным именным сказуемым в настоящем времени изъявительного наклонения. Высказывание в другой временной форме является не оскорблением, а

речевым актом негативной оценки действия, поступка партнера: *Du warst ein Dummkopf!* → *Es war dumm von dir, dass du es gemacht hast.* В основе инвектив лежат следующие синтаксические модели:

1. Du bist (Sie sind) ein/eine (...) X!

Und das glaubst du. Du bist ein Trottel (K-S, 76); Du bist ein Luder! Ein richtiges Luder! Man sollte Angst haben so etwas zu heiraten! (K-A, 248).

2. Ein/eine (...) X bist du (sind Sie)!

Ein Satansweib bist du! (K-S, 78).

В конфликтных ситуациях используются часто редуцированные (эллиптические) синтаксические структуры:

Du (Sie, ihr) (...) X!

Weißt du doch ganz genau, dass ich das nicht habe, du biestiger alter Hund! (G-T, 274); Ihr werdet mich nicht kleinkriegen. Ihr schielenden kleinen Zyklopen! (G-T, 147); Leg das Pik-ass raus, du mieser Scheißer, sonst schlag ich dir deinen verdammten Schädel ein (M-S, 105).

(...) X!

Undisziplinierter Dummkopf! (M-S, 72); Ungezogene Kreatur! (M-S, 51); Blöde Ziege! (J-K, 55); Ungehobelter Klotz! (H-M, 111).

Du (Sie, ihr) X!

Verdrück dich, du Schmalzkopf! (K-A, 313); Hau ab, du Makkaronifresser! (K-A, 313); Du hast ein Kind? Du Schuft (пекл.).

X!

Hure! (M-S, 157); Halts Maul, Blödmann! (M-S, 110), Idiot! (M-S, 53); Narren! (M-S, 428); Hau ab, Rotzzwerg! (M-S, 18).

На наш взгляд, из моделей приведенного списка только модели *Du (Sie, ihr) (...) X!* и *Du (Sie, ihr) X!* могут рассматриваться как почти исключительно инвективные, независящие от лексического наполнения. Употребленное в них даже системно-нейтральное существительное в условиях конфликтного контекста следует интерпретировать как *Du hast (alle) die negativen Eigenschaften, die X überhaupt haben kann.* Для сравнения неинвективные предложения, построенные по модели *Du bist (Sie sind) ein/eine (...) X!*: *Du bist eine (richtige) Schönheit!; Sie sind ein strenger Kritiker.*

На выбор синтаксической структуры инвективного речевого акта влияет тип местоимения. По нашим наблюдениям, лексемы при сочетании

с местоимением *Sie* употребляются преимущественно с определением: *Sie dreckiger Jude!* (B-S, 253); *Sie hirnverbranntes Stück!* (T-G, 20). Полное инвективное высказывание с местоимением *Sie* четче, более осознанно выражают оскорбительный характер по сравнению с эллиптическим, в котором на первый план выдвигается эмоциональная разрядка посредством употребления инвективной лексемы, ср.: *Sie sind kein Mann, Sie sind eine Memme!* (S-L, 16) и *Sie Memme!* Высказывания последнего типа Опельт И. [Opelt 1965: 14] называет предикацией, стянутой в обращение. Это определение логически приводит нас к заключению, подтверждаемому языковым материалом, что полные инвективные высказывания самодостаточны и не требуют (хотя и не исключают) выражения дополнительных иллокуций (обвинения, угрозы и т.д.): *Du bist ein ganz gemeiner Schlawiner!* (K-S, 58); *Du bist ein Narr oder verrückt. Oder beides* (M-S, 274); *Ihr seid lediglich der degenerierte Rest einer aussterbenden Linie* (M-S, 274). А эллиптические высказывания-обращения в большинстве случаев полиилокутивны, семантически многослойны.

Особенностью инвективных синтаксических конструкций является постпозиция личного местоимения по отношению к инвективной лексеме (*Balg! Giftpilz du! Großhans! stinkender Blähwind! <...>* (M-J, 509)) или постпозиция атрибута по отношению к определяемой им инвективной лексеме (*Komm her, wenn du Mut hast! Komm her, du Schwein, du verfluchtes!* (K-A, 297); *Blödmann, doofer!* (P-M, 89)). Характерным является также позиционирование местоимения в начале и в конце инвективного высказывания (*Du/Sie X du/Sie!*), Шуман Х.В. [Schumann 1990: 272] называет это явление прономинальным повторением: *Du Sau du!* (K-S, 86); *Sauf deine Pisse selber, alte Ratte, hau ab hier, du Verbrecher du!* (S-N, 55). Такое позиционирование местоимения является дополнительной вербальной «оплеухой» адресату, инвективной рамкой вокатива, который, в общем, идентичен комплиментарному вокативу и располагается на той же эмоционально-оценочной шкале, но в противоположной ему плоскости.

И н т е н с и ф и к а ц и я и н в е к т и в ы . Опираясь на введенное Шаховским В.И. понятие эмоциональной «плотности», утверждаем, что эмотивные элементы редко представлены в высказываниях в одиночестве. Они конвергируются, взаимодействуют, создавая густую сеть операторов эмотивного смысла. Отрицательно-оценочные – инвективные – элементы

притягивают элементы, дублирующие содержание, интенсифицируя оскорбление, адекватно выражая сиюминутную эмоцию.

Сравнивая вышеприведенные примеры, можно говорить о высокой степени их эмотивной плотности, поскольку практически во всех наблюдается по-разному варьирующаяся комбинация средств выражения инвективной оценки – «приписанная» инвективе синтаксическая конструкция наполняется определенной инвективной лексикой, эта «смесь» «приправлена» специальным порядком слов и особой интонацией.

Средством интенсификации, увеличения вероятности восприятия инвективы адресатом (даже при отсутствии установки на это) может стать увеличение образности инвективы: говорящему кажется, что «такое увеличение «дойдет» до любого получателя, проникнет за любой эмоциональный барьер» [Жельвис 2001: 79]; ср. высказывание, обвиняющее адресата в излишнем употреблении алкоголя, в котором говорящий использует синонимический ряд контекстных образных метафор для увеличения интенсивности воздействия инвективы: *Du elender Herumsäufer, du Saufsack, du Schnapsfaß, du Bierkeller, Neigenschlucker, du Spritflasche! Deine Seele schwimmt in Schnaps. der Schnaps wird dir zu den Ohren herauslaufen. als Feuerzeug und Fackel wird dich Gott am Jüngsten Tag benutzen*)S-B, 138).

Описанные прямые инвективные речевые акты относятся к простейшим случаям выражения в языке, когда говорящий, произнося их, имеет в виду буквально то, что он говорит. Таких высказываний в языке абсолютное большинство. Этот факт можно, вероятно, объяснить тем, что завуалированная (неклишированная) форма оскорбления требует построения инференциальной цепочки от формы высказывания к его функции, то есть способности к разумным рассуждениям [Серль 1986: 197], которые не всегда возможны в конфликтной ситуации. Находясь в состоянии аффекта, инвектант выбирает (как правило, бессознательно) из своего ментального арсенала такие языковые средства для достижения инвективной иллокутивной цели, по поводу которых он может быть уверен, что они попадут точно в цель и по возможности больнее «ударят» адресата. Таким средством является инвективная лексика, особенности функционирования которой были описаны выше.

Косвенные инвективные речевые акты. Все косвенные инвективные речевые акты появляются преимущественно в ситуации, когда говорящий сознательно выбирает форму своего высказывания, учитывая все его нюансы и возможности воздействия на адресата. Существует две возможности выражения косвенной инвективной оценки: путем преобразования различных элементов прямого отрицательно-оценочного высказывания или опосредованно, с помощью другого, формально неоценочного.

Косвенные инвективы с преобразованием отдельных элементов высказывания. Примером первого типа косвенных инвектив может служить следующее высказывание, в котором преобразован объект инвективной оценки, названный как обобщенный: *Es gibt solche Fürsten und solche. Die Zeiten ändern sich. Der Starke steigt auf. Degenerierte Überreste der Geschichte werden hinweggeräumt (M-S, 133)*- Хотя конкретный объект инвективы – адресат – не назван, он сам и все присутствующие без труда его определяют. Косвенный способ нанесения оскорбления используется в данном случае для сохранения внешних приличий в ситуации общения знатных особ, кроме того, в публичных условиях при таком виде инвективы к ее адресату привлекается дополнительное внимание, его качества, поведение становятся предметом обсуждения и оценивания окружающих. Еще один пример обобщенного названия объекта инвективной оценки: *Ich kann Frauen nicht leiden. Rück weiter weg (H-S, 227)* – говорящий испытывает отвращение к адресату по причине гендерного неприятия и оскорбляет его нежеланием находиться вблизи него; он пытается выразить свое мнение завуалировано, обобщив объект своей ненависти, но это ему плохо удается, поскольку он не останавливается на общей фразе *Ich kann Frauen nicht leiden*, а требует от адресата, чтобы тот (собственно, она) отошла от него на некоторое расстояние.

Объект инвективы может сопоставляться или противопоставляться другим объектам, которым уже дана оценочная (положительная) квалификация: *Als kleines Mädchen warst du niedlich. Die Zeit ist vorbei (H-S, 227)* – адресат путем несложных инференций из сопоставления двух фактов, оценка одного из которых уже дана говорящим, легко приходит к заключению об инвективном намерении последнего. Такой способ

косвенной инвективы позволяет лаконично указать адресату на место, отведенное ему говорящим, формально не нарушая при этом правил общения.

Косвенные инвективы, выраженные формально неоценочным актом.

Второй тип косвенных инвектив отличается многообразием форм, которые трудно типизировать. Но в таких высказываниях всегда есть элемент, отталкиваясь от которого, адресат путем некоторых логических операций приходит к выводу, адекватному интенции говорящего. Степень правильности прочтения интенции зависит от семантического расстояния между словом-подсказкой в формально-неинвективном высказывании и собственно инвективным оценочным смыслом. Количество семантических шагов, которые предстоит сделать адресату-интерпретатору, и определяет степень косвенности выражаемой инвективной информации (ср. [Трипольская 1999: 60]). Примером такого типа косвенной инвективы может быть формально декларативное представление кого-либо в лучшем свете, как в следующем высказывании, которым говорящий указывает на возможность нахождения любовных утех супруга адресата в объятиях более молодой женщины, оскорбительно подчеркивая таким образом возраст адресата: *Nur meinen Warnungen, meiner Sorge und meinem guten Ruf ist es doch zu verdanken, dass Michael nicht längst die Fliege gemacht und sein Glück in den Armen einer anderen gesucht und gefunden hat. Einer ... Jüngeren (J-K, 134)*. Маркером интенции говорящего является сравнительная степень прилагательного *jung*, которая актуализирует следующий смысл: *Du bist zu alt, um deinen Mann zufriedenzustellen*. Косвенная форма инвективного высказывания является особенной едкой, задевающей адресата, тем более что отсутствие прямого оскорбления мешает последнему выстроить защиту.

Следующий речевой фрагмент показывает намеренную инвективную стратегию косвенного указания на гендерные особенности адресата – женщины, которые, по мнению говорящего, не позволят ей удержаться в бизнесе ее покойного супруга: – *Nun, Ihr Mann ist tot, Sie sind eine Frau, das lockt die Haie an. – Ich weiß selbst, dass ich eine Frau bin, danke. <...> Es gibt aber auch weibliche Tiere unter Haien, Herr Wiedenroth, <...> Und sie haben auch Zähne (H-M, 76)*. Адресат косвенной инвективы правильно

интерпретирует и искусно парирует ее, намекая в ответе на свои намерения и уверенность в своих силах и возможностях.

Еще одной косвенной инвективной речевой стратегией является указание на низкое социальное происхождение либо человека, любимого знатным адресатом, либо самого адресата. В первом случае говорящий намекает таким образом на факт и причины снижения социального статуса адресата: *Eure Gefühle? Denen sollte Eure geringste Sorge gelten. Ein Großfürst, der sein Bett mit einer Eta teilt, dem Abkömmling von stinkenden Aasfressern und Häutegerbern (M-S, 439)*. Во втором случае оскорбление наносится напоминанием адресату места, определенного ему законами классового общества: *Du kannst dein ganzes kleines, miserables Leben lang nur stolz darauf sein, dass dich ein Edelmann angefasst hat. Hast du dir denn überhaupt Zähne geputzt, ehe du es wagtest, mich zu küssen? (K-S, 58)*. Индикаторами иллокуции в приведенных фрагментах наряду с коммуникативным контекстом являются негативно-оценочные слова – причастие *stinkend*, прилагательное *miserabel* и существительное *Aasfresser*.

Косвенные инвективные высказывания могут быть нацелены на пороки или физические недостатки адресата: *Wenn ich gehe, vergrabe ich mich nicht mit einem Krüppel, sondern suche das Leben (K-A, 241)* – говорящая отказывается покинуть обманутого ею мужа и уехать с человеком, влюбленным в нее и ставшим по ее вине инвалидом. Формально высказывание представляет собой объяснение причины отказа – желания вести полноценную жизнь, однако в ситуации обращения к инвалиду оно становится оскорбительным указанием на его физическую несостоятельность, которое правильно интерпретируется адресатом, что видно по его внешней реакции: *Dr. Pilnitz drückte sich auf seinen Krücken hoch. Leicht vornüber gebeugt schwankte er und starrte Veronika aus plötzlich erloschenen und gerade deshalb so gefährlichen Augen an. „Sag das noch einmal...“ Seine Stimme war fast unhörbar.*

К. Зорниг приводит пример инвективного высказывания в форме косвенного сравнения: *Was frisst du denn da? [Sornig 1972: 151]*, интенциональный рисунок которого не является очевидным. В переносном значении глагола *fressen*, имеющем стилистическую помету *derb*, зафиксированы семы *unfein und gierig essen, viel essen [Wahrig]*, которые

относят этот глагол в сферу отрицательных оценочных коннотаций. Это позволяет нам интерпретировать приведенное высказывание как намеренное выражение отрицательной эмоциональной оценки адресата посредством сравнения его с животным, то есть как инвективу.

Наконец, примеры наиболее оскорбительных высказываний, реализующих косвенную инвективную стратегию, произнесенных в одной и той же ситуации: встретив на дороге знатного воина с небольшим сопровождением, группа разбойников, уверенных в своем превосходстве, старается заставить его потерять самообладание, что сделало бы его более уязвимым. С этой целью они поперебой, пытаясь перещеголять друг друга в изощренности вульгарных представлений, сообщают о якобы связанных с адресатом слухах: *Wir haben gehört, dass du jede Nacht vor Entzücken kreischst, wenn barbarische Scheusale mit ihren stinkenden viehischen Schwänzen dein blutendes Arschloch weiten. Und dass du untermals wie ein Kleinkind gluckst, während du üble Säfte aus denselben kranken Gliedern saugst* (M-S, 276). Грубая лексика, свойственная речи представителей этой социальной подгруппы, маркирует интенцию говорящих. Для ее интерпретации адресату требуется всего несколько логических операций: имея фоновые знания о социальной неприемлемости обсуждаемых действий, он с помощью своей коммуникативной компетенции понимает, что намеренное сообщение об их совершении имеет стратегическую цель унижить, подавить его. Тот факт, что запланированный говорящим перлокутивный эффект – переход адресата в ментальное состояние оскорбленности – не наступает и реакция последнего идентична реакции на формальное сообщение о факте (*Leider hat man Sie falsch informiert* <...>), доказывает косвенный характер приведенного высказывания.

Существует распространенный тип конвенциональных косвенных оскорблений – предложение совершить оскорбительное действие, реализуемое в форме полных формально-побудительных предложений как *Leck mich am Arsch* (B-J, 25), или в их эллиптированном варианте: *Du kannst mich* <...> (B-S, 169) → *Du kannst mich am Arsch lecken*. Такие высказывания также являются сильным инструментом воздействия, которое не исчерпывается только побуждением, а является косвенным коммуникативным влиянием на эмоциональное состояние адресата, его поведение и ценностные ориентиры.

Неинтенциональные инвективные речевые акты. Представляется важным коротко остановиться на неинтенциональной инвективе, оскорбительном смысле высказывания, возникающем помимо воли говорящего, уже в процессе восприятия высказывания адресатом. Такой перлокутивный эффект – понимание высказывания не в функции, предписанной говорящим – обусловлен в первую очередь прагматическим контекстом, фоновыми знаниями и психическими особенностями личности адресата. Говорящий, заметив свою оплошность, как правило, признает ее и просит о прощении. Примером незапланированной говорящим инвективы может быть, например, ничего не значащее, по его мнению, указание на особенность внешности адресата: *Die Warze, auch wenn sie sehr klein ist, ist vollkommen unübersehbar* (К-ММ, 23), которое, однако, неприятно задевает последнего (продолжение диалога: – *Danke.* – *So war es nicht gemeint*); или, как в следующем примере, презрительные рассуждения об этнических особенностях народности, представителем которой случайно оказывается адресат: *Wir würden Godthab anlaufen, und überall würden wie die Ameisen kleine krummbeinige Grönländer in Uniform herumwimmeln. Entschuldigung. (Ihm fällt ein, dass er gerade mit einer der kleinen, krummbeinigen Ameisen spricht)* (H-S, 371).

Следует указать на определенную детскость инвективного общения, на его «наивность и ребячество одновременно» [Жельвис 2001: 52]: вместо сознательного мирного решения конфликтного вопроса, так сказать, путем переговоров, коммуниканты по-детски наивно реагируют на нежелательное развитие событий прямым инвективным поношением оппонентов.

Таким образом, инвективы представляют собой особый класс экспрессивных речевых актов, иллокутивная цель которого рассматривается как попытка оказания коммуникативного давления на адресата оскорбления, осуществления его вербальной социальной «казни» [Кусов 2004: 11]. Широкая распространенность этих речевых актов и их основательная языковая «обеспеченность» позволяет утверждать, что инвективность отражает и воплощает естественную инвективную функцию языка как речевую реализацию его общей экспрессивной функции. Исполнение этой функции для носителя языка так же естественно, как и выполнение коммуникативной и прочих функций.

Подводя итог рассмотрению особенностей конституирования смысла инвективных высказываний, можно констатировать, что их иллокутивная цель – попытка осуществления вербальной социальной «казни» адресата оскорбления – определяет порядок расположения компонентов в единой системе смыслов инвектив. Наиболее востребованными из них является пара интенционального и эмотивного смыслов, первый из которых обусловлен коммуникативным намерением говорящего, а второй – особенно его эмоциональная составляющая – является результатом его эмоционального катарсиса, разрядки возникшей в конфликтной ситуации эмоциональной напряженности. Такое «выпускание пара» происходит чаще всего посредством инвективной оценочной номинации партнера, значит, не менее важными являются два других эмотивных элемента – оценочный и реляционный смыслы, которые иногда ситуативно бывают несколько «затенены» эмоциональным. Пропозициональный смысл инвективных речевых актов находится на дальней периферии системы, поскольку инвектанта совершенно не заботит истинность содержания высказывания, во главе угла конфликтного общения стоит вербальная агрессия в любом пропозициональном воплощении.

4. РЕЧЕВОЙ АКТ ПОРИЦАНИЯ

Значение речевого акта порицания связано с оценочным понятием *schlecht*, которое выделяется среди других категорий чрезвычайной разноплановостью своих связей и функций: оно имеет отношение к действительным свойствам объектов, их соответствию (или скорее несоответствию) норме, восприятию объектов, вызываемым ими ощущениям, к активному психологическому началу человека, его желаниям, стремлениям, воле, долгу и др. Оценочные суждения в форме порицания выполняют функцию ориентиров, помогающих решить проблему выбора, актуальную для каждого из членов общества, им отводится роль регуляторов, посредством которых оказывается влияние на адресата, а через него и на ход практической жизни.

1. Порицание как речевой акт. Общая характеристика

Определение. Порицание понимается как отрицательная оценка действий/деятельности партнера, нанесших вред говорящему или третьему лицу в той или иной форме, высказываемая в частном порядке или при наличии публики, что не увеличивает действенность порицания, но усиливает степень отрицательного воздействия на адресата. Порицание – это особый комплексный эмотивно-оценочный речевой акт, способный с помощью выражения негативной оценки каузировать состояние эмоционального дискомфорта у собеседника. Планируемый перлокутивный эффект высказываний порицания заключается в изменении поведения адресата в лучшую сторону.

Мы представляем мнение, что порицание является специфическим речевым актом с заложенным в нем изначально, независимо от контекста сложным интенциональным содержанием («сплавом» интенций упрека, обвинения и порицания в узком смысле), которое интегрирует выражение неодобрительной оценки и воздействие на эмоциональное состояние адресата. Аргументом в пользу нашей точки зрения является невозможность в ситуации речевого неодобрения отграничить упрек от обвинения и порицание от критики, они по определению предполагают наличие друг друга, например, высказывание *Gemein bist du! Alles hast du zerstört!* (А-М, 8) явно является обвинением с выражением субъективной

оценки и упреком в несоответствии поведения партнера ожиданиям говорящего, а также содержит порицание за несоответствие поведения адресата норме межличностных отношений и обстоятельствам. Интенциональную формулу данного высказывания можно представить в следующем виде: *Ich finde, dein Benehmen und deine Handlungen entsprechen nicht der allgemein anerkannten Norm und den situativen Umständen, du solltest dich anders verhalten, ich werfe dir dein Verhalten vor und beschuldige dich des Zerstörens unserer Beziehungen.*

Подтверждением нашей точки зрения служит синонимичный ряд глаголов морального воздействия: *tadeln, anfahren, angreifen, anherrschen, attackieren, ausschimpfen, aussetzen haben, beanstanden, bemängeln, beschimpfen, einen Tadel/Verweis erteilen, einwenden, ermahnen, kritisieren, maßregeln, missbilligen, monieren, rügen, schimpfen, warnen, vorhalten, Vorhaltungen machen, vorwerfen, Vorwürfe machen, zurechtweisen, zur Ordnung rufen; (schweiz.): schelten, verweisen; (bildungsspr.): eine Lektion erteilen.* Эти глаголы объединены общим значением «открыто выносить отрицательную оценку кому-либо или чему-либо» и различаются только некоторыми нюансами значения, как сравнение плюсов и минусов оцениваемого объекта (*kritisieren*), выражение значительного (*tadeln*), менее значительного (*rügen*), очень эмоционального (*schimpfen*) или очень интенсивного, энергичного (*anfahren, angreifen, anherrschen, attackieren*) неодобрения, подчеркивание ответственности объекта оценки (*vorhalten*) и компетенции осуждающего (*zurechtweisen, zur Ordnung rufen, verweisen, missbilligen*), нетерпимость по отношению к порицаемому (*vorwerfen, Vorwürfe machen*). Общее значение порицания может уточняться добрым отношением говорящего и мягкостью выражения или строгостью, официальным характером, иногда назидательностью или придирчивостью, даже посягательством на достоинство адресата. Для порицания релевантны такие характеристики, как раздражение говорящего, его обоснованный гнев, насмешка и глумление, злобность. Порицание может отличаться степенью вины адресата, степенью резкости порицания, гнева. Но во всех случаях речь идет о вариациях на тему порицания – неодобрительного высказывания о поведении или действиях адресата. В нашем анализе мы отвлекаемся от существенных характеристик отдельных модификаций

порицания и сосредоточиваемся только на общих категориальных признаках этого типа оценочного суждения.

Ф. Хундснуршер в небольшой статье о конфликтных речевых актах рассматривает три точки зрения на порицание⁴⁴. Согласно первой из них, «порицание является особым видом побуждения, а именно побуждением извиниться или оправдаться» [Hundsnurscher 1993: 143]. Согласно этой точке зрения порицание является директивным речевым актом: целью порицания может являться, следовательно, «признание адресатом своей вины» [Frilling/König 1990: 26]. Вторая точка зрения рассматривает порицание как утверждение, как негативную оценку и приписывание ответственности за наступившее положение дел или за определенное действие [Hundsnurscher 1993: 144] и, следовательно, как ассертивный речевой акт. И, наконец, с третьей точки зрения порицание имеет экспрессивную природу: оно служит выражению досады по поводу определенного положения дел или действия в адрес несущего за них ответственность адресата [Hundsnurscher 1993: 146]. На наш взгляд, именно третья точка зрения является наиболее обоснованной. Но в этой связи возникает вопрос: разве порицание не имеет ничего общего с побуждением и ассертивом? Ответ на этот вопрос заключается в нашем утверждении о комплексности, «гибридности» порицания: с одной стороны, вербализируя пропозицию, порицающий совершает ассертивное речевое действие, но одновременно он стремится предотвратить повторение порицаемого действия, побуждая, следовательно, адресата к его прекращению, к исправлению отрицательно оцениваемого положения дел. Достижение этой цели не всегда возможно при использовании «голового» директива; наиболее эффективным является способ эмоциональной дестабилизации в форме экспрессивного порицания, в котором, как в мозаичном калейдоскопе, сочетаются в причудливом узоре ассерция, констатирующая отрицательное положение дел, собственно порицательные интенции упрека, обвинения в его наступлении и побуждение к изменению этого положения дел. Переплетаясь и варьируясь в разных ситуациях, эти нюансы смысла представляют восприятию

⁴⁴ Ф. Хундснуршер говорит в своей статье об упреке, но поскольку мы рассматриваем упрек как элемент порицания, то, на наш взгляд, возможна замена в данном контексте узкого понятия «упрек» широким понятием «порицание».

адресата то одну, то другую «грань», имплицитно (не исключая совсем!) все остальные. Очень простой, но показательный пример сказанному: малолетняя дочь порицает маму за форму выражения своего мнения: – *Einen Teufel werde ich tun! – Mutti, das sagt man nicht!* (Н-М, 216). Высказывание порицания в приведенном речевом фрагменте можно развернуть следующим образом: *Mutti, das sagt man nicht* (ассерция), *<das entspricht nicht der anerkannten Norm. Die Tatsache, dass du das sagst, bewerte ich negativ* (отрицательная оценка) *und werfe dir deine Sprechweise vor* (порицание-упрек). *Sag das nicht mehr (nie wieder)* (побуждение)>.

Ф у н к ц и и . Будучи самостоятельным видом речевой деятельности, порицание обладает не только определенной аксиологической структурой, но и специфическими иллокутивными характеристиками. В лингвистической литературе упоминаются главным образом три функции как имеющие непосредственное отношение к порицанию.

Прежде всего, говорящий информирует партнера по коммуникации о своей позиции относительно некоторого действия или поведения последнего, то есть оценивает его. Адресат получает своего рода социальное отражение собственной личности, представление о том, каким видят его окружающие. Порицание как бы «гальванизирует» адресата. Переложив высказывание Ч. Стивенсона о «хорошести» на порицание, получаем вывод о некоем антимангнетизме свойства «быть плохим». Утверждая, что адресат является плохим, поступает плохо, говорящий пытается сформировать у него более сильную тенденцию действовать отличным от оцениваемого образом. И эта тенденция значительно сильнее, чем в случае, если бы оценка не состоялась [Stevenson 1963: 130]. Значит, в утверждениях осуждающего характера заключена большая воздействующая (исправительная) сила. С их помощью говорящий оказывает влияние на адресата, модифицирует систему его ценностей и установок, а значит, добивается конкретных изменений и в поведении собеседника. Об этой функции писал, например, Р.М. Хэар: «Отличительной чертой всех ключевых слов этики является предназначенность для того, чтобы руководить выбором и действием. ... Если человек принимает этическое суждение, он должен также принять и выведенный из него императив» [Hare 1972: 171]. На динамический характер этических норм и ценностей, к которым апеллирует и которыми

оперирует говорящий в порицании, их направленность на общую ориентацию человека в мире и его преобразование указывал К. Лоренс, утверждая, что человек – это «перманентно незавершенное существо, перманентно же недоадаптированное и недоструктурированное, но постоянно открытое миру, постоянно становящееся» [Лоренс 2000: 26].

Высказывания, содержащие оценку партнера, служат к тому же средством выражения эмоций (отрицательных в порицании) адресата, которые возникают большей частью в силу того, что объект порицания является функционально значимым для говорящего и часто затрагивает его личные интересы. Порицание выполняет, таким образом, еще одну функцию – освобождение говорящего от эмоциональной перегрузки.

Доминирующей функцией следует считать регулирующую (исправительную): «главное назначение ценностных суждений не сообщать о фактах, а оказывать влияние» [Стивенсон 1985: 126]. Именно регулирующая функция определяет специфику порицания и позволяет отграничить его от смежных видов речевых действий, например, от инвективы.

Информация речевых актов порицания, содержащая, как правило, оценку, присутствует в них лишь в той мере, в какой это необходимо для оказания влияния на адресата. То есть отрицательная квалификация служит лишь побудительным моментом, импульсом к соответствующим размышлениям и выводам адресата. Только в этом случае порицание будет успешным.

В отношении экспрессивной функции необходимо подчеркнуть, что всплеск отрицательных эмоций говорящего сопровождает далеко не каждый акт порицания. Аффективный компонент является здесь факультативным и требует специальных средств выражения. Причем экспрессивная цель по-разному взаимодействует с регулирующей. Это взаимодействие можно обозначить как диссонанс: излишняя экспрессивность, акцент на личном отношении к объекту оценки часто мешают осуществлению исправительной функции, достижению желаемого перлокутивного эффекта. Потеря самоконтроля усугубляет напряженность ситуации и легко приводит к переориентации речевых интенций. Накопление агрессивных импульсов способствует тому, что единственной осознанной целью становится желание больше задеть собеседника,

нанести ему определенный моральный вред. На этом этапе «реалистические» конфликты перерастают в «нереалистические» (термины Л. Козера [Coser 1968]), порицание трансформируется в оскорбление – тип речевой деятельности, ведущий не к восстановлению, а к нарушению равновесия в межличностных отношениях коммуникантов.

Чем несдержаннее говорящий в выражении негативных чувств и настроений, тем меньше у него шансов воздействовать на слушающего, добиться определенного перлокутивного эффекта и наоборот. Порицание предстает как континуум, на протяжении которого экспрессивная и регулирующая функции сочетаются в разном соотношении.

Отличие порицания от оскорбления. Как и в инвективе, степень категоричности и интенсивность выражения отрицательной оценки партнера в порицании могут быть достаточно высокими. Но до тех пор, пока говорящий ориентирован на исправление партнера по коммуникации, его слова воспринимаются более как речевые действия порицания. Оскорбитель ругает ни за что, он преследует иную цель – задеть, обидеть, унижить адресата, больнее уязвить его. Нанесение обиды – это выражение агрессии, поведение, направленное на отчуждение, отдаление и одновременно на унижение, подавление адресата.

Совершенно очевидно, что инвективам несвойственна регулирующая функция, поэтому они не признают ограничений на иерархический статус говорящего и слушающего – инвективы меняют дистанцию между партнерами, вторгаются в личную зону адресата⁴⁵. Минимальная ориентация на адресата имеет следствием игнорирование установленных норм поведения, пренебрежение этикетной стороной речи, широкое использование бранных слов, выбор которых определяется не различиями дескриптивного характера, а степенью заключенной в них «ранящей» силы.

Отличие инвективы от порицания сказывается и на форме этих речевых актов. Если порицание имеет в первую очередь форму констатаций факта, то оскорбления предпочитают форму оценочных номинаций, в которых персонифицируется осуждаемое качество.

⁴⁵О таком функционировании оскорбительных речевых актов говорится в работе Федоровой Л.Л. «Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии» [Федорова 2003: 21-40].

2. Функционирование и варьирование порицания

Условия успешности речевого акта порицания. Условиями совершения порицания в нашем рассмотрении являются следующие:

1. Говорящий сообщает адресату пропозицию, которая касается определенного объекта, одновременно говорящий предсказывает, что оцениваемый объект не соответствует требованиям, предъявляемым к нему нормой или его собственным представлениям о норме.

2. Говорящий и адресат знают требования, предъявляемые нормой к объекту.

3. Говорящий занимает более высокое социальное положение по сравнению с адресатом или находится в условиях ситуационной статусной асимметрии, то есть берет на себя право и компетенцию оценивания.

Поскольку порицание, как и похвала, выполняет в первую очередь воздействующую функцию, то дополнительным условием успешности этого речевого акта является следующее:

4. Говорящий высказыванием порицания стремится побудить адресата к тому, чтобы он в будущем действовал иначе, то есть так, как этого требует норма.

Кроме того, правило искренности требует, чтобы говорящий испытывал по отношению к адресату отрицательные эмоции (например, гнев) в связи с наступлением выраженного в пропозиции положения дел. Следовательно, можно считать, что речевой акт порицания является выражением отрицательных эмоций: говорящий имеет намерение дать понять адресату, что он сердится из-за причиненного адресатом ущерба (наступления по его вине отрицательно оцениваемого положения дел).

В а р ь и р о в а н и е п о р и ц а н и я . Поскольку модификации порицания почти неограниченно многообразны (вариациями являются не только названные обвинения и упрек, но и осуждение, рациональное неодобрение, а также различные сочетания форм и интенций), то для некоторого упорядочивания этого речевого действия мы в качестве классификационного критерия вновь избираем статус и утверждаем, что структура и характер порицания во многом зависят от того, в каком направлении статусных отношений оно используется. Возражая мнению некоторых лингвистов, например В.И. Карасика, который полагает, что порицание возможно лишь в случае неравенства статусов (когда

вышестоящее лицо выносит отрицательную оценку действиям нижестоящего) [Карасик 2002], мы считаем, что порицание может выражаться при статусных отношениях сверху вниз, снизу вверх или в общении равностатусных партнеров.

Порицание «сверху вниз». Статусные отношения «сверху вниз», обладая определенным модусом распределения уважения и презрения, собственной значимости говорящего и неполноценности адресата, являются основополагающими для порицания. Целью такого порицания всегда является четкая аффективная поляризация, деления Я и ты/Вы.

Компетенцию одного из партнеров порицать определяет традиционная ролевая асимметрия, например:

- в ситуации «родитель>ребенок»: *Ist das ein Anstand? Herumrennen. Zufällig hereinschauen. Geld ausleihen und wieder verschwindn. Das hätt ich einmal bei meinen Eltern machn solln!* (K-M, 16) – порицание направляется матерью сыну;

- в ситуации «старший по возрасту>младший по возрасту», при этом может нивелироваться социальная дифференциация, как в следующем речевом фрагменте, где молодой барон порицается простым лесником, значительно превосходящем его по возрасту, то есть устанавливается нестандартная иерархия участников общения: *Sie tun nicht gut daran, nur an sich zu denken, Herr Baron, Menschen sind keine Ware, über die man beliebig verfügen kann <...>* (B-St, 36).

- в ситуации «руководитель>подчиненный»: *Was ist Ihnen da nur eingefallen, Isabel? Mrs. Wilding ist hier. Meine Frau versucht sie zu beruhigen. Was glauben Sie, was uns diese Geschichte für Schwierigkeiten bereiten wird* (V-DN, 28).

Порицание сильных странным образом темперировано. Они скорее коварно сдержанны, чем открыто агрессивны. Высокостатусный говорящий довольствуется намеками, которые не нуждаются в пояснении, поскольку они абсолютно достаточны и показательны, как дистинктивные сигналы собственной избранности. А избранным не нужна травля, они избегают открытых и прямых обвинений, этим они неприкасаемо возвышают себя над толпой. Пример тому – следующее высказывание, внешне безобидное, произнесенное с соблюдением всех правил вежливости. Но оно является ядовитым порицанием-обвинением в

ситуации, когда абсолютно уверенный в своей правоте и торжестве справедливости рабочий выступает за права таких же, как он, на собрании «акул бизнеса»; прервав пламенную речь бунтаря, председатель собрания просто задает вопрос *Darf ich fragen, Herr Holtmann, welche Ausbildung Sie genossen haben?* (К-А, 160), который для адресата, не имеющего, разумеется, за спиной ни гимназии, ни университета, равнозначен инвективе, практически уничтожившей его. Примечательно, что после ухода поверженного «революционера» победитель, как ни в чем ни бывало, продолжает собрание: *Meine Herren, nach diesem Intermezzo, das es nicht wert ist, im Gedächtnis behalten zu werden, gehen wir zu dem Punkt 1 der Tagesordnung über. <...>* (К-А, 161), еще раз демонстрируя свою независимость от взглядов и мнений низкостатусных партнеров, выражая эмотивно-оценочное отношение пренебрежения, вызываемое опять же осознанием говорящим своего превосходства над адресатом по социально-статусному аспекту, то есть говорящий считает, что адресат не имеет для него значимости, недостоин его внимания и интереса.

Причина этой относительной отчужденности налицо: она состоит в превосходстве властных ресурсов, которое позволяет избранным почти не использовать средства диффамации и сдерживать собственные аффекты. Тому, у кого за спиной положение, имущество и закон, не нужно особенно напрягаться, чтобы утвердиться в своей власти, он ограничивается пассивным цементированием своего статус-кво.

Но случается и так, что и представители избранного социума становятся более радикальными в порицании. Это происходит, если они чувствуют угрозу своему положению и если им отказано в уважении, тогда порицание становится агрессивным: *Mit einem solchen Menschen rede ich nicht mehr! Ich werde mich nicht mehr an einen Tisch mit ihm setzen. Ich lehne es ab, überhaupt noch zu verhandeln, solange dieser Herr da ein Wort mitzureden hat!* (К-А, 210) – негодующее порицание того же высокопоставленного лица, которого на переговорах о распределении крупных финансовых средств тот же представитель рабочего комитета предприятия обвинил в серьезных денежных махинациях. Эмотивно-оценочное отношение, выражаемое таким порицанием, является

устойчивым, интенсивным и определяется как социальное презрение⁴⁶. В качестве эмоционального компонента презрения выступает палитра активных эмоциональных состояний от раздражения до ярости. В этом случае порицание может прямо переходить в инвективу.

Разумеется, порицание в случаях субординированных отношений не всегда воспринимается нижестоящим серьезно, поскольку в некоторых ситуациях оно является, скорее, ритуальным, которое просто должно иметь место. Мы назовем такое безобидное порицание, вновь воспользовавшись термином Ф. Кинера «театральным громыханием», оно сродни ситуации с котом и поваром («А Васька слушает, да ест»): вышестоящий бушует, нижестоящий продолжает выполнять осуждаемое действие, не моргнув и глазом. Например, бессильное порицание госпожой очень преклонного возраста своего молодого веселого слуги за постоянное подтрунивание над ней и отсутствие, на ее взгляд, должного респекта с его стороны: *Sie wagen es, mich auf den Arm zu nehmen? Sie sind wohl Kommunist geworden? Ich schicke Sie nach Moskau!* <...> (K-VA, 179). Такое восприятие порицания делает возможным еще и эксплуатация говорящим так называемой «бытовой гиперболы» [Клюев 1998: 27] (*Ich schicke Sie nach Moskau!*) для экспликации формы наказания, которая, естественно, не принимается адресатом всерьез, поскольку говорящий не обладает абсолютной властью для реализации этого наказания. В этом и подобном случаях мы наблюдаем действие закономерности, которую по аналогии с физикой исследователь речевой агрессии Л.Л. Федорова назвала «законом рычага» [Федорова 2004: 229]: незначительное по заряду эмоциональности высказывание, небольшое замечание приобретает большую силу воздействия, если исходит от лица высокого статуса. Иначе говоря, для представителя избранных достаточно произвести незначительное порицающее действие и оно по закону рычага будет иметь на подчиненного огромный эффект. И наоборот, чтобы добиться эффекта при небольшой величине социальной дистанции между партнерами (как в приведенном примере), требуется значительно больше усилий, гораздо больший эмоциональный заряд.

⁴⁶ Здесь и далее при определении эмоционально-оценочного отношения партнеров друг к другу мы опираемся на типологию, представленную в работе Графовой Т.А. [Графова 1991]

Иногда достойный критики адресат и его действия рассматривается (по принципу *pars-pro-toto*) как представитель целой группы и является собой в постоянно обновляемой мозаике порицания компактный отрицательно оцениваемый образ «ты/Вы», от которого четко отделяется благородный образ «Я/мы» (по принципу «чем хуже плохое, тем лучше хорошее»): *Die Vorbedingung eines guten Arbeitsklimas, das Fundament eines geregelten Produktionsprozesses sind Ruhe und Arbeitskameradschaft. <...> Ich lasse mir diesen Arbeitsrhythmus nicht stören, ich lasse mir meine Leute nicht aufwiegeln, weder von kommunistischen Agitatoren, noch von Männern, die eine Soutane tragen und im Namen Gottes zu handeln vorgehen <...> (K-A, 82).*

Порицание «снизу вверх». Порицание при статусных отношениях «снизу вверх» строится по другим законам. Низкостатусный партнер выступает в этом случае в роли лающей собаки, которая не кусает. Не кусает именно потому, что лает. То есть порицание снизу вверх – это эрзац «кусания», который, однако, требует определенной доли решимости и мужества⁴⁷. Примером такого порицания может служить следующий фрагмент: – *Ich protestiere gegen die Verwendung der Spendegelder für den Zehenausbau. Das Spendegeld hat voll den Waisen zuzufließen. – Protestieren Sie nur! <...> (K-A, 229).* При выражении приведенного порицания говорящий выступает в роли крыловской Моськи, а адресат, зная, что дальше бессильного «тявканья» дело не пойдет, отмахивается от говорящего и от ситуации в целом как от назойливой мухи.

Порицание «снизу вверх» очень индивидуализировано, в нем ослаблен элемент *pars-pro-toto*: объектом порицания являются отдельные лица, которые не рассматриваются как представители какой-либо группы. Порицают конкретного представителя «избранных», а не одного из них. Индивидуальная направленность такого порицания выражается, в первую очередь, посредством обращения: *Ich habe mir sagen lassen, Herr Dr. Vittingsfeld, dass Sie bei Lugano eine Seevilla für 750000,- Mark gekauft haben. Mit Geld aus Aufsichtsratsgebühren und Aktiendividenden. Es wäre sinnvoller, diese Bezüge zu kürzen und die gewonnenen Beträge für die Sicherheit der Bergleute einzusetzen (K-A, 220).* Перспектива изменений, связанная с таким

⁴⁷ Речь в данном случае не идет о социальной борьбе, в которой порицание является попыткой «укусить», оно становится агрессивнее, злее, нетерпимее. Примером такого порицания может служить идеологический дискурс социальных движений, в котором «избранные» провоцируются, унижаются, изобличаются.

видом оппозиции, чаще всего очень ограничена, она не распространяется дальше смены персонала. В структурных изменениях и применении власти, как правило, не заинтересованы серьезно.

Эмотивно-оценочное отношение в порицаниях «снизу вверх» можно определить как этическое презрение, в котором социальный статус говорящего и адресата не является релевантным, так как говорящий оценивает адресата как личность с моральных, а не социальных позиций. Презрительное отношение может выражаться младшими по возрасту или положению старшим, слугой хозяину. Если же рассматривать соответствующие взаимоотношения на уровне социальных ролей (без учета личностного фактора), то «в норме» дети должны относиться к родителям с почтением, слуги – служить своему господину, а не выносить суждения о его поступках, по крайней мере, не открыто и демонстративно.

Этическое презрение появляется, если для этого есть веские основания: презирают за измену, предательство, подлость, но не за мелочный обман или ложь по незначительному поводу, то есть когда речь идет о поступках, противоречащих основным, общечеловеческим морально-нравственным принципам личной и общественной жизни говорящего. Следующая многословная тирада возмущенного подлостью людей высшего света молодого человека является ярким образцом этического презрения в порицании «сверху вниз»: *Mich interessiert überhaupt nichts mehr von euch. Ich verzichte darauf, Schwiegersohn eines Millionärs zu werden. Ich wusste es immer, ich gehöre in den Pütt. Dort habe ich Kumpel, die keine Intrigen kennen, die ehrlich und offen sind, die sich in die Fresse hauen, wenn's nötig ist, und hinterher ein Bier zusammen trinken. Aber dort habe ich keinen um mich, der mit der Maske des Biedermannes dem anderen den Dolch in den Rücken rennt, dessen Leben nur Lüge und Betrug ist, Speichellecken und Rufmord. <...> Mich kotzt das alles an. Jawohl, es kotzt mich an. Ich gehe (K-A. 259-260).* Гневная речь простого шахтера, волею судьбы ставшего женихом дочери владельца шахты, родилась как спонтанное обвинение всех присутствующих в ситуативной подлости и предательстве, но постепенно переходит в обвинение социального класса в целом в пресыщенности, в забвении всех моральных устоев в погоне за умножением своего и без того необозримого состояния. Но, несмотря на все негодование говорящего, его порицание не производит большого

впечатления на адресатов (может, оставляет лишь неприятный осадок), поскольку их высокое социальное положение ограждает их от любых посягательств на их статус, Их отношение к взбунтовавшемуся пролетарию можно определить как презрительно-пренебрежительное, они понимают, что порицающий слишком маленький человек, чтобы представлять реальную угрозу их могуществу.

Заслуживающими презрительного отношения считаются также трусость, малодушие, ложь, лицемерие и другие личностные проявления, которые могут рассматриваться как измена самому себе.

Порицание «снизу вверх» не ограничивается ситуациями общения представителей различных социальных слоев. К этой группе относятся также и порицания детьми родителей (*Du hast dich unmöglich benommen, Vater! Er hat dir gar nicht getan!* (K-A, 16)), младшими по возрасту старших (*Bist ganz schön frech, Bienchen!* (K-A, 71) – замечание младшего брата, направленное старшей сестре). Эмоционально-оценочное отношение при порицании в ситуациях общения близких родственников следует определить, вероятно, как рациональное неодобрение, недовольство или осуждение: говорящий, зная нормы подходящего поведения людей и ориентируясь на эти нормы, считает, что адресат не соответствует им. Такое порицание редко характеризуется сильным «накалом страстей», оно касается чаще всего бытовых стандартов (беспорядок), социальных явлений (пьянство), поступков, деятельности или событий, виновником которых явился адресат. При традиционном распределении семейных ролей родитель – адресат порицания – реагирует на иллокутивную часть высказывания, возмущаясь просто фактом того, что младший в принципе осмелился сделать ему замечание, осудить (даже справедливо!): – *Lass das, Vater! Man kann nicht alles auf die Kleinen abwälzen. – Wie redest du mit mir? Was soll das?* (K-A, 30-31).

Порицание при равных отношениях партнеров. При совершении речевого действия порицания речь не идет об обязательной институциональной статусной асимметрии. Как и при похвале, компетенция порицать может быть одномоментной, ситуативно обусловленной, то есть порицать может один из равноправных партнеров, который в ситуации «здесь и сейчас» считает себя вправе (как правило, оправданно) высказать неодобрение по поводу действий или поведения

адресата: *O Gott, Skipper. Es ist ja anstrengend, nett zu dir zu sein (G-T, 346); Reden Sie nicht solchen Unfug. Man soll das Schicksal nicht heraufbeschwören (B-W, 19)*. Говорящий на момент произнесения порицания берет на себя психологическую роль Родителя (он присваивает себе право на оценку, авторитетность) и роль Взрослого (правильность оценки, трезвый анализ ситуации) [Берн 1988].

При порицании равноправного партнера возможно выражение всех видов эмотивно-оценочного отношения:

а) презрения (в случае нарушения адресатом морально-этических норм, например, при предательстве: *Du sollst der erste gewesen sein, der die weiße Fahne rausgehängt hat, du Verbrecher! (N-H, 523)*),

б) пренебрежения (при отсутствии интереса говорящего к адресату или отсутствии ценности адресата для говорящего: *Ich finde dich lächerlich, Bernd. Aus dem Stadium der Schülerliebe solltest du heraus sein (K-A, 61)*),

в) доброжелательного порицания (при положительном отношении говорящего к адресату и снисходительном отношении к его недостаткам: *Sie benehmen sich wie ein böser, unbezogener Junge, Bernhardt (K-A, 123)*),

г) осуждения (если адресат, по мнению говорящего, сознательно и целенаправленно нарушает определенные нормы поведения и межличностных отношений: *Du bist ein Mensch, der nicht leben dürfte, Luigi. Das ist meine ganz private Meinung. Überall gibt es solche Menschen, wie dich. Sie schaden uns allen, denn die anderen denken, wir sind alle so. <...> (K-A, 129)*).

Основополагающим фактором при выражении эмотивного отношения является прагматическая ситуация, определенная констелляция ее компонентов и испытываемая говорящим гамма эмоциональных состояний (гнев, ненависть, злость, неудовольствие и т.п.).

Иногда ситуация порицания развивается по сценарию, описанному нами в разделе об инвективных речевых актах: когда адресат, уверенный в несправедливости порицания или считающий говорящего в равной степени ответственным за наступление малефактивного положения дел – повода для порицания – отвечает взаимным порицанием; – *Ich hab gedacht, du hilfst mir, stehst mir bei... Aber du bist ja so unbeschreiblich falsch, dass – Du hast kein Recht, so mit mir zu sprechen! (N-H, 268)*. Такое «раскачивание», сопровождаемое усилением эмоций негодования, чревато возникновением

конфликта, проявляющемся в более сильном порицании или даже оскорблении.

Самопорицание. Самопорицание или второй тип оценочного рефлексива, находящегося в отрицательном поле оценочной шкалы. По мнению психологов, «действия людей по отношению к самим себе в значительной мере того же порядка, как и действия по отношению к другим людям или действия других людей по отношению к ним. Человек может ругать, хвалить, оправдывать или прощать самого себя так же, как и другого человека... Часто люди ругают себя за собственные поступки даже прежде, чем о них узнают другие» [Шибутани 1969: 81]. Но в отличие от положительной самооценки, которую согласно социальным конвенциям следует минимизировать любыми доступными способами, отрицательная самооценка, особенно преувеличение ее степени, является наиболее эффективным средством показать скромность и требовательность к себе (парадокс: такое порицание сродни самопохвале): *Ich habe nie gesagt, dass ich vollkommen bin, Smilla (H-S, 282) = Ich bin sehr bescheiden, weil ich nie gesagt habe, dass ich vollkommen bin, denn ich weiß, was vollkommen sein heißt.*

Но самопорицание может быть использовано и в других целях. Его ценность в межличностных отношениях существенно зависит от коммуникативной функции этого речевого акта в диалоге и ожидаемого перлокутивного эффекта. Опосредованной целью самопорицания может быть, например, косвенный запрос совета: если говорящий порицает какое-то присущее ему качество, свое поведение или выполненное им действие, результаты которого, по его мнению, еще можно исправить, то логично предположить, что он ждет от партнера совета, рекомендации по изменению этого отрицательно оцениваемого положения дел; такая рекомендация является совершенно естественной реакцией партнера: *Ich war zu hart zu ihr. Von allein wird sie nie den Weg zu mir zurückfinden, fürchte ich. Ich hätte mehr Rücksicht auf sie nehmen müssen. Ich verstehe heute nicht, dass ich damals so völlig versagte. Ich hätte mir doch unbedingt sagen müssen, Manfred, dass die Frau, die ich liebe, nicht ganz so herzlos und egoistisch handeln konnte, wie ich angenommen hatte – Die Entscheidung darüber kannst du verschieben, bis du sie wiedergefunden hast. Du musst sie einfach finden, hörst du? (U-V, 36).* Если партнер не реагирует сразу, то совет может

запрашиваться эксплицитно: *Ich war töricht und tat mir selbst leid, anstatt an Simone zu denken <..> Was kann ich denn nur tun? Rate mir doch, Manfred (U-V, 40).*

Как показывают приведенные речевые фрагменты, отрицательная оценка в таком самопорицании выражается дескриптивно – называются объективные качества, вызывающие недовольство говорящего.

Целью самопорицания может быть также профилактика отрицательной оценки партнера, которую ее адресат – говорящий – рассматривает как более или менее агрессивный акт и которая может отрицательно повлиять на отношения между ними. Разумеется, отрицательная самооценка и самокритика являются значительно более предпочтительными, чем порицание партнером. Заранее признавая свои ошибки, говорящий поддерживает свое положительное лицо и освобождает партнера от необходимости высказывать свою отрицательную оценку: *Hier trifft nur einen Schuld, und zwar mich. Ich habe mich so sehr daran gewöhnt, gute und treue Männer um mich zu haben, dass ich die Fähigkeit eingebüsst habe, mich selbst zu schützen (M-S, 360).* Такой вид самопорицания освобождает отношения от груза оценивания и является поэтому наиболее эффективным способом их сохранения и поддержания.

Самопорицание может реализовывать и интенцию извинения: и в этом случае, как и в предыдущем, говорящий маркирует свое поведение или действие отрицательной самоквалификацией и одновременно эксплицитно или имплицитно извиняется, освобождая тем самым партнера от необходимости порицать его за нанесение вреда.: *Ich fürchte, ich habe mich wie ein Idiot benommen (R-P, 111).* Самобичевание функционирует здесь как своего рода наказание за нарушение, адресату не остается ничего другого, как вынужденно акцептировать имплицитное извинение.

Реже встречается самопорицание, побуждающее к положительной оценке партнера. Такая странная, на первый взгляд, реакция служит, по сути дела, оправданием самопорицающего говорящего, партнер, желая сохранить положительное лицо говорящего, играет роль утешителя, лояльного судьи: – *Alles ist einzig und allein meine Schuld. Meine Nachlässigkeit hätte Euch beinahe das Leben gekostet. – Du bist doch nicht einmal dabei gewesen. Wie kannst du dich da der Nachlässigkeit bezichtigen? (M-S, 360).* Преувеличенная отрицательная самооценка, которая

действительно имеет основания, побуждает адресата высказывания к возражениям, так что внимание фокусируется именно на последней, положительной оценке говорящего. Интенсивное утешение, оправдание говорящего принимают иногда даже форму похвалы: *Ich bin Euer Oberster Leibwächter. Ich habe zugelassen, dass Ihr Euch ohne mich in Gefahr begeben. Und das war unverzeihlich. – Du hast damals deinen Standpunkt sehr deutlich vertreten. Trotz deiner und Shigerus Proteste habe ich dir befohlen zurückzubleiben. Du hattest keine andere Wahl (M-S, 360).* Это самопорицание отличается своей абсолютной необоснованностью, поэтому ему легко возразить. Но более или менее явно выраженное побуждение партнера к положительной оценке выводит на передний план отрицательные последствия самопохвалы.

Эмотивно-оценочное отношение, выражаемое в самопорицании, можно определить как неодобрение, которое релевантно в любом акте коммуникации, безотносительно к ситуации общения, мотивам и интенциям говорящего. Как правило, неодобрение в самопорицании не является очень эмоциональным, оно скорее сдержанно огорченное⁴⁸: *Ich habe etwas getan, was sich nie mehr rückgängig machen lässt. Ich war törricht und feige, Carsten (U-V, 17).*

При отсутствии публики самопорицание, предметом которого являются морально-нравственные качества говорящего, может служить средством его собственного ободрения, побуждения к продолжению начатой деятельности: *Ich mach mich selbst noch närrisch! Ich verlier doch sonst net so leicht die Nerven! (B-SZ, 18)* – говорящая порицает себя за то, что позволила себя запугать, поддалась на уловки обидчиков, имеющих целью заставить девушку уехать. Самопорицанием она поддерживает в себе намерение остаться, не отказываться от достижения поставленной цели.

Статусные отношения и варьирование интенциональной структуры. Наблюдения показывают, что в зависимости от статусных отношений партнеров трансформируется интенциональная структура порицания: разные варианты порицания как

⁴⁸ Более сильная степень порицания и эмоциональности приводит к более интенсивной отрицательной самооценке – самоинвективе, сопровождаемой выражением эмотивно-оценочного отношения самоуничужения.

бы накладываются друг на друга, давая в сумме порицание, которое по своей интенсивности сильнее каждого из них в отдельности, поскольку в игру вступают сразу несколько оснований эмотивной оценки. Однако, как правило, один из видов порицания доминирует, а остальные дополняют и усиливают его.

Когда субъект оценки занимает привилегированное положение в возрастной иерархии, доминирует интенция назидательного порицания, ругания: *Du kleiner dummer Bub, du! Komm einmal zu mir. Wie kannst du nur so unvorsichtig sein? Beinah hätten wir dich jetzt überfahren!* (Т-О, 7) – высказывание порицания произносится в ситуации «взрослый>ребенок», малыш справедливо порицается за игру на проезжей части дороги, которая едва не стоила ему жизни.

Когда порицает социально «избранный», то он не снисходит до ругания или упрека, он презрительно или пренебрежительно обвиняет адресата в чем-либо, несоответствующем его представлениям о норме, указывает ему на его место *Sie sind von einer herausfordernden Frechheit* (К-А, 33). Интересно в этой связи вспомнить замечание Бессоновой И.В. [Бессонова 2003: 9] о происхождении слова *verweisen*, которое в древненемецком языке имело значение *strafen*, то есть предполагало наличие порицательных полномочий говорящего. Наказание словом означало и существительное *scelta*, современное *Schelte*, также предполагающее осознание говорящим своего превосходства по отношению к адресату.

При порицании одного из равных партнеров на передний план выходит интенция упрека. Говорящий, как правило, входит в личную сферу собеседника – объекта оценки. Тесная связь говорящего и слушающего друг с другом позволяет одному из них взять на себя компетенцию оценивания: *Hast mir weh getan. Es schmerzt höllisch. Warum hast du das getan? Und warum schaust du mich so störrisch an?* (В-В, 16) – порицается измученная ревностью невеста общительного и всеми любимого молодого человека, пришедшего к ней с ласками и получившего вместо ожидаемого ответного поцелуя сильный укус мститель ему за все на свете девушки.

Обвинение предполагает ситуацию, в которой объект оценки признается виновным в чем-либо, вернее, говорящий приписывает ему

вину, имея преимущество быть невинным, которое и дает ему компетенцию обвинять. Так как акты морального воздействия, к которым относится обвинение, имеют ситуативную природу и не требуют специальных формальностей для установления нового качества партнеров (здесь права говорящего выносить обвинительные суждения), то это один из немногих подвидов порицания, которые допускают любые статусные отношения с точки зрения социальной или возрастной характеристики партнеров. То есть равноправный партнер может обвинить собеседника в нарушении норм или в нанесении вреда. Но он вряд ли возьмет на себя роль назидателя, моралиста, поскольку такая роль, нарушая максимум скромности, равнозначна самопохвале и может привести либо к коммуникативной неудаче (адресат отказывается от контакта), либо к взаимному порицанию в присваивании неприсущей говорящему роли.

Социально «слабый» партнер может осмелиться на порицание-упрек в ситуации аффективного протеста против несправедливости, когда говорящий забывает о правилах общения и социальных различиях. Примером такой ситуации может служить следующее многословное высказывание возмущенного деревенского полицейского, которого инспектор, расследующий дело об убийстве, несправедливо обвинил в нерадивости: – *Ah, Constable. Nett, dass Sie zufällig vorbeikommen. – Ich bin nicht zufällig vorbeigekommen, Sir. Ich komme gerade zurück. Ich halte mich nämlich auf Ihre Anweisung hin seit achtundvierzig Stunden in der Nähe dieses Hauses und seiner unmittelbaren Umgebung auf. Ich habe kaum geschlafen und nur so nebenbei was gegessen. <...> Ich habe versucht, meine Pflichten nach bestem Wissen und Gewissen zu erfüllen, und alles, was ich dafür bekommen habe, waren spöttische Bemerkungen und böartige Kommentare. Das ist ..., das ist nicht richtig (G-T, 413).* Упрекая руководство в невнимательности к персоналу, полицейский хорошо понимает, насколько он выходит за рамки роли, определенной ему статусом, и единственным доводом, оправдывающим превышение им своих полномочий, является его усталость и действительно честное отношение к своим обязанностям.

И самым крайним случаем выражения порицания «слабой» стороной речевого взаимодействия является обвинение, которое является скорее редким исключением, нежели правилом при такой расстановке сил в общении.

Поводы для порицания. Порицание, как и любое высказывание, имеет референтную характеристику: в основе высказывания порицания лежит какая-то ситуация (поступок), которую отрицательно оценивает говорящий.

Все поступки можно разделить на две группы: те, которые являются однозначно оцениваемыми, поскольку соотносятся с нормами, принятыми в обществе, и те, которые могут получать ту или иную оценку в зависимости от субъективного к ним отношения, поскольку прямо с нормами они не соотносятся. Поводами для порицания могут быть самые разнообразные жизненные положения дел, нарушения правил и норм, несоблюдения этикета и т.д., важно лишь, что адресат несет ответственность за их наступление или ненаступление. Если ситуация, действие, положение дел не зависят от воли и деятельности адресата, то их нельзя вменить ему в вину [Воркачев 1990: 90; Вольф 1985: 141]. Например, нельзя порицать собеседника за данную ему природой неблагоприятную внешность, но порицание за особенности внешности, зависящие от воли и желания адресата вполне логично: *Nicht gewaschen, nicht gekämmt, kommst du immer so zum Frühstück?* [Бессонова 2003: 11]. Важно, однако, заметить, что речевой акт порицания не обязательно предполагает включенность события в личную сферу говорящего. Основанием для порицания может быть норма, установленная обществом, кроме того, поведение или деятельность адресата могут оцениваться с точки зрения его роли, связанной с социально-статусными или иного рода отношениями равенства/неравенства и прежде всего с той общественно-значимой ролью, которую берет на себя говорящий. Каузаторами порицания могут быть, таким образом, следующие:

- нанесение обиды: *Und du, mein kleines, unschuldiges Lämmchen, hast uns beide unsagbar gequält, nicht wahr? Statt mir zu sagen, was dir begegnet war, fandest du beleidigende Worte für mich und machtest mich glauben, dass ich dir nichts bedeutete (B-St, 64);*

- нелюбезный отзыв адресата о третьем лице, обладающем, по мнению говорящего, положительными качествами: *Jetzt habe ich endgültig genug. Damit du`s gleich weißt. Ich dulde net, dass man so über den Matthias redet. <...> Wie kannst dich nur dafür hergeben, gegen Matthias zu zeugen? (B-*

W, 38); *Ja, mei, der Vergleich ist aber net sehr schmeichelhaft für meine Schwester. Ich mag net, wenn du so redest <...> (B-W, 38);*

- недоверие, неверие в честность говорящего: *Anne, kleine, liebe Anne, konntest du wirklich von mir glauben, dass ich ein so hässliches Spiel mit dir treib? Hattest du so wenig Vertrauen zu mir? (B-St, 64);*

- нечестное, непорядочное отношение адресата к говорящему: *<...> Wie habe ich auch nur eine Minute glauben können, Sie wären besser als alle anderen? Sie sind es nicht, Herr Graf, im Gegenteil. Ich weiß jetzt, dass Sie mir gegenüber nur den Freund und Gönner gespielt haben – um – um – (B-St, 58);*

- несдержанность в поведении: *Da hättest aber doch du der Vernünftigere bleiben sollen (B-W, 32);*

- несоответствие поведения обстоятельствам: *Sei nicht so unverschämt. <...> Wenn du nur ein wenig mehr Wert auf dein Äußeres legen würdest, müsste ich nicht – (V-DN, 7);*

- несоответствие поведения/намерения/действий общепринятой норме: *Ja, mei, wirst doch net um diese Tageszeit so scharfe Sachen trinken wollen. Ich denk`, ihr müsst noch weiter (B-W, 31); Sie haben auch vor nichts und niemandem Respekt (V-DN, 29);*

- излишнее самовосхваление, самолюбование адресата: *Was würden Männer nur reden, wenn das Wörtchen „ich“ abgeschafft würde? <...> Du wärst absolut sprachlos (G-T, 345);*

- невыполнение/недобросовестное выполнение своих обязанностей: *Seid mir ja die richtigen Schlawiner, euch net um eure Schutzbefohlenen zu kümmern (B-W, 31); Da haben Sie bestimmt überall Ihre Fingerpatschen hinterlassen, was, Constable? <...> Ersparen Sie mir die elenden Einzelheiten (G-T, 269);*

- нанесение действиями адресата личного вреда говорящему: *Da haben Sie mir ja was Schönes eingebracht mit Ihrem Rat, den Sie der Dame gegeben haben! (B-W, 27).*

3. Прицание в составе диалогического единства

Реакция на прицание. Прицание определяется как реактивный речевой акт, так как он является реакцией на совершаемое/совершенное адресатом действие или на результат действия. Как и в похвале, в прицании проявляется ситуативное влияние системы

ценностей: адресат имел возможность действовать иначе, наличие такого выбора является условием совершения речевого действия порицания⁴⁹.

С другой стороны, уже ситуация оценочного суждения включает перлокутивную характеристику оценки, то есть ответный шаг адресата, который был подвергнут порицанию. Но адресат должен знать, за что его порицают, иначе проявляется непонимание, происходит иллокутивный сбой и адресат вынужден запрашивать дополнительную информацию для прояснения ситуации: – *Nicht – nicht so, Herr Graf. Sie – dürfen nicht so mit mir sprechen – es ist Sünde. – Was redest du da, Anne? <...> (B-St, 63).*

Являясь реакцией на невербальный стимул, порицание представляет собой, как правило, объективную оценку поведения, действий адресата и поэтому естественной реакцией адресата должно быть простое признание вины или ответственности за наступление отрицательно оцениваемого положения дел: – *Wo bist du? Warum bist du fort, ohne eine Nachricht zu hinterlassen? Ich darf dich daran erinnern, dass du immer noch mit mir verheiratet bist, Simone. – Ich weiß, Carsten (U-V, 39).* Такое признание правомерности порицания равнозначно извинению⁵⁰, которое в таких случаях обязательно подразумевается: *Ich weiß, Carsten = Ich weiß, Carsten, dass ich mich falsch verhalten habe, und bitte mich zu entschuldigen.*

Ответная реплика всегда выражает согласие адресата с содержанием порицания, извинение, стремление разрядить напряжение шуткой, если порицание носит характер дружеского укора, сделано в мягкой форме: – *Wenn du wieder ganz auf den Beinen bist, wollen wir uns nämlich über den Fall genauer unterhalten. Übers Knie werde ich dich legen und dir klar machen, was es heißt, den guten, lieben William so aufzuregen. Tut eine anständige Braut so etwas? – Nein William (K-VA, 184)*- Иная форма реакции в такой ситуации

⁴⁹ Наша точка зрения подтверждается мнением Л. Хертцберга [1975], который понимает порицание как действие, которое только тогда имеет право состояться, если один из действующих лиц несет ответственность за свои действия, то есть говорящий только тогда может совершить речевое действие порицания, если адресат в момент действия знал, что приемлемо, а что нет. Противоположное мнение представляет В. Циллиг, считая, что говорящий может порицать действие само по себе, например, он может не одобрять употребление адресатом определенных слов, даже если он не знает их значения: *Bettina, das ist ein ganz hässliches Wort, hörst du. Das sagt man nicht [Zillig1982: 190ff].*

⁵⁰О случаях эксплицитной просьбы о прощении за нанесение ущерба мы писали в разделе о речевых актах извинения (- *Worüber lachst du? Doch nicht über meine Vorschläge Vergiss nicht, im Grunde sprach ich von meinem Tod. – Verzeih, Tante (K-M, 167)*), поэтому здесь мы не будем еще раз останавливаться на этом виде реакции на порицание.

противоречила бы речевым конвенциям и представляла бы собой открытый конфликт.

Раскаяние за необдуманность своих действий, приведшей к плачевному результату и нанесшей ущерб говорящему или третьему лицу, тоже является имплицитным признанием вины и просьбой о прощении, как, например, в следующем речевом фрагменте, где адресат порицается за подстрекательство к опасным действиям по отношению к офицерам СС: – *Halten Sie den Mund! Sie haben Ihrem Freund einen schlechten Dienst erwiesen! Wenn das Theater wenigstens einen Sinn gehabt hätte! Aber wegen der Russen mit der SS anzubinden, das ist doch sinnlos! Was haben Sie sich bloß dabei gedacht?* – *Mir ist das alles erst hinterher eingefallen* (N-H, 263). Адресат признает вину и объясняет свое поведение спонтанной реакцией на несправедливость, понимая, что состояние его внутреннего мира никак не является оправданием его, солдата немецкой армии, действий.

Признавая справедливость порицания, адресат может указывать на эксклюзивность ситуации, в которой происходит отрицательно оцениваемое действие, что объясняет причины решимости адресата его совершить, но, разумеется, не снимает с него вину: – *Aber Sepp! So kann man nicht reden!* – *Ich rede nur zu dir so* (N-H, 133) – адресат порицания подчеркивает свое доверие к говорящему как к близкому другу, в присутствии которого он позволяет себе быть самим собой и высказывать преодолевающие его сомнения, не одобряемые окружающими мысли.

При близких отношениях между партнерами признание вины адресатом может выражаться в предложении наказания за свое недостойное поведение (как правило, в шутку): – *Die Finger ablecken und wieder ins Essen stecken, das hast du von uns nicht gelernt.* – *Muss ich mich jetzt in die Ecke stellen?* (G-T, 375)

Признание себя ответственным за осуждаемые действия, раскаяние может вообще не эксплицироваться и выражаться молчанием: *Es ist mir, als hätte man mir einen Schleier vom Gesicht gerissen. Ich sehe dich zum erstenmal so, wie du wirklich bist; Simone. Du hast keinen Funken Mutterliebe für das arme Geschöpf in dir. Es ist dir ganz egal, was aus dem Kind wird <...>. Simone schwieg. Das ist das Ende unserer Liebe, dachte sie* (U-V, 19). О таких случаях Н.Д. Арутюнова говорила, что «молчание не обязательно имплицитно подразумевает отсутствие речевой деятельности», «молчание – это знак

стоящего за ним содержания», которое «слито с молчанием как означаемое с нулевым означающим» [Арутюнова 1994: 106, 115]. Молчание в контексте конфликта соответствует позиции смирения, признания справедливости порицания, отсутствию протеста против упрёка, обвинения. Оно рассматривается как симптом внутреннего кризиса: адресат в приведенном речевом фрагменте испытывает чувство одиночества, страх потерять любимого человека и осознает при этом всю тяжесть совершенного – порицаемая героиня оставила когда-то своего новорожденного ребенка и много лет гнала от себя мысли о нем, наслаждаясь своей свободой.

Несмотря на естественность и ожидаемость реакции на порицание в виде признания своей вины, она встречается довольно редко. Значительно чаще адресат порицания использует возможность противоположной реакции – протест против порицания, непризнание своей вины, оспаривание оценки произошедшего, одним словом, стремление «спасти лицо», и это может быть сделано как в рациональной, так и в аффективной форме: – *Gitti? Fort! Verschwunden! Und du bist schuld daran! – Erlaube mal, wieso? Schließlich ist deine Schwester alt genug, um zu wissen, was sie tut (K-M, 135).*

Почему протест против порицания встречается чаще? Вопрос непростой, ответ на него следует, вероятно, искать в психологии личности, которой, как мы уже указывали выше, свойственна завышенная положительная оценка собственного «Я». Любая отрицательная оценка положения дел, касающегося адресата, является наступлением на его чувство собственного достоинства. Не каждому под силу спокойно и смиренно принять эту оценку. Скорее к ней относятся как к вмешательству, хоронящему уверенность адресата порицания в себе, парализующему его жизненный взлет. Сильные личности, не знающие или не признающие за собой вины, меняют тактику и пытаются повергнуть самого порицающего. Так рождается конфликт, который часто от взаимных обид и упрёков переходит к взаимным оскорблениям, откровенной агрессии. Примерами реакции-«бумеранга» могут служить следующие речевые фрагменты, представленные взаимным обвинением (- *Ich glaube, Simone, dass du ungerecht bist. Du suchst jetzt alle Schuld bei mir. – Du hast gesagt, ich sei keine richtige Frau (U-V, 52)*), взаимным упрёком (-

Wo bist du? Warum bist du Hals über Kopf fortgelaufen nach unserem Streit? Ich dachte, du wärest eine reife Frau, doch du benimmst dich wie ein unmündiges Kind. – Mehr hast du mir nichts zu sagen? Kein gutes Wort, Carsten, kein Zeichen der Freude, dass ich mich bei dir gemeldet habe? (U-V, 39)). В определенных эмоционально «заряженных» ситуациях взаимный упрек легко может перейти в оскорбление: – *Vielleicht kannst du uns mal erklären, weshalb du dich hier aufführst wie ein Verrückter? – Das... das fragst du noch? Du bist ein verlogenes gemeines Miststück! <...> (R-P, 107).*

Реакция-протест может быть направлена не только против иллокуции инициативного высказывания – намерения дать отрицательную оценку действиям адресата, но и против пропозиционального содержания, то есть против самих квалификативных суждений говорящего.

Реакция на иллокуцию. Реагируя на иллокутивную часть – на неодобрение, осуждение поведения или действий адресата, – последний выражает негодования по поводу самого факта порицания: – *Kaum kann der Zische wieder den Mund aufmachen, da quatscht er dämlich. So was! – Ich lass mir diese Beleidigung nicht mehr gefallen! (N-H, 260)* – упрек в демагогических рассуждениях о долге немецкого солдата и его преданности фюреру воспринимается адресатом как оскорбление его лучших чувств и побуждений и вызывает бурный протест и угрозу наказать обидчиков.

Распространенной формой протеста против интенции порицания является отказ обсуждать положение дел с кем бы то ни было, считая порицание вмешательством в личную жизнь и дела адресата: – *<...> Wie kannst du nur einen solchen Haderlumpen ins Haus holen? – Das ist allein meine Sach! (S-T, 51).*

Наконец, реакцией на иллокуцию может быть выражение неуместности либо самого порицания (- *Benehmt euch! – Quatsch doch nicht, Mensch, hier so'n Zimt machen wegen der Slowakischen! (N-H, 377)*), либо неуместности притязаний говорящего на компетенцию оценки и порицания, своего рода «одергивание»: – *Eine Pizza ist doch keine Kasette! Das weiß doch jedes Kind! – Sei nicht so naseweis, mein Fräulein! (N-M, 220)*

Реакция на пропозицию. В реакции против содержания пропозициональной части инициативного порицания адресат протестует против событийного факта или его толкования, тем самым утверждая свою

невинность: - *Bist nur wegen eines Busserls heraufgekommen? Das hättest du auch gestern Abend haben können. Da hab ich vergeblich auf dich gewartet. Hast wohl wieder in der „Alpenrose“ gehockt und mit anderen geschmust? – Jetzt tust du mir aber bitter Unrecht, Anneli. Hab`ich`s dir net oft genug bewiesen, wie gern ich dich hab`? <...> (B-W, 4).* В следующем примере адресат протестует против проспективного порицания его действий (он – солдат немецкой армии – намеревается перейти на сторону противника, понимая несправедливость и бессмысленность войны), он выражает несогласие с интерпретацией ситуации: – *Ein Lump, der seinen Kriegsherrn im Stich lässt! – Kriegsherr, ... Das ist nicht mein Kriegsherr! Das ist nicht mein Krieg! (N-H, 475).*

Протест против содержания порицания говорящий может выражать, утверждая свою непричастность к вменяемому ему в вину поведению: – *Du Hornochse! Wie konntest du so unvorsichtig sein! <...> – Aber ich habe das Mädchen gefesselt und geknebelt (B-H, 20)* – адресат убежден в том, что он выполнил все требования говорящего и не несет ответственности за внезапное исчезновение плененного свидетеля неблагоприятной деятельности его и говорящего.

Адресат может использовать следующие аргументы отказа принять на себя ответственность за порицаемые действия:

а) название объективных обстоятельств, указывающих на несостоятельность обвинения: – *<...< Wie konntet ihr das zulassen? <...> – Sie wollte ja nicht hören. Ich habe mich geweigert, sie loszubinden. Sie hat es selbst getan. Wie hätte ich es verhindern sollen? Ich kann doch einer Lady nicht in den Arm fallen (K-VA, 167).*

б) предложение собственной интерпретации событий: – *Du gemeiner Kerl! Du wolltest dir das Zeug holen! – Aber nein, Armin! Ich wollte doch nur nachsehen (B-H, 39).*

Особым типом реакции на пропозицию порицания является оправдание как попытка минимизировать свою вину. При оправдании адресат соглашается с порицанием, то есть признает, что совершил нечто предосудительное, но при этом он не осуждает себя и предполагает, что имеет право на защиту. Защищаясь, он называет причины, по которым, по его мнению, его действия могут или должны считаться допустимыми: – *Du entpuppst dich ja in einer netten Weise. – Ich hab nicht zu drohen angefangen*

(N-H, 268) – говорящий признает вину, но приводит доводы в свою защиту, сводя тем самым степень виновности до минимума.

В качестве аргументов, обосновывающих правомерность действий адресата порицания, предъявляются следующие:

а) выражение сомнения в том, что произошло нарушение нормы; – *Sei nicht so frivol. Isabel. – Ich nenne die Dinge beim Namen <...>* (V-DN, 12);

б) указание на закономерность и общепонятность поступка: – *Was geht es Sie an, was ich mit meiner Stieftochter bespreche? – Sie vergessen, dass ich für Annes Gesundheit einstehen muss* (B-St, 43);

в) указание на рациональность, целесообразность, закономерность поступка: – *Das war ganz unkameradschaftlich, dass ihr uns nicht mitgenommen habt. – Wer sich von der Hauptmacht absondert, hat immer mit bösen Folgen zu rechnen* (N-H, 115);

г) указание на вынужденность, необходимость действия: – *Wenn ich es (Auto) einmal haben will, werd ich nur angemockert. – Ja, weil du damit nämlich nur Vergnügungsfahrten unternimmst. Fahrten, die zu nix nütze sind und nur viel Geld verschlingen <...>* (S-T, 57);

д) указание на ненамеренность, неконтролируемость действия: – *Smilla. War das auch klug? – Das war spontan* (H-S, 160);

е) указание на неудачные попытки изменить порицаемое положение дел к лучшему: – *Aber nur unter der Bedingung, dass du deine dreckigen Schuhe vom Tisch nimmst. Wenn du sie dir wenigstens anständig geputzt hättest. – Hab ich ja, aber sie sind ein hoffnungsloser Fall. In die bekomme ich keinen Glanz mehr rein. Ich hab alles versucht, wirklich* (K-VA, 185);

ж) указание на отсутствие предосудительных намерений: – *Du bist als Brautbewerber bei ihr gewesen? Spinnst du? – Wieso? Meine Lieb zu dir ist echt und groß* (A-M, 19);

з) снижение значения происшедшего: – *Heilige Dreifaltigkeit, du riechst ja nach Alkohol, und das bereits in aller Herrgottsfrühe! – Ein Schnapsl, spendiert vom Krillmeyer* (S-T, 14);

и) указание на распространенность подобного рода действий: – *Das ist ja zum Verzweifeln! Kaum sind wir den Ziesche los, und schon liegt einer im selben Bett und pöbelt uns genauso an! Werden denn diese Stänker niemals alle? – Nein! Nein! Sie werden nicht alle! Was du beschimpfst, das sind die besten Deutschen ... jawohl!* (N-H, 307);

– *Sie lesen nicht. Haben Sie zum Beispiel Goethes Faust gelesen? – Fragen Sie doch einmal den Kommandeur, ob er Goethes Faust gelesen hat?* (K-A, 134) – объяснение – сравнение, содержащее ссылку на авторитет.

Оправдываясь, адресат порицания может переносить ответственность на другого: – *Ich bitt euch gar schön, seid friedlich! An einem solchen Tag darf nicht gestritten werden. – Er fängt doch immer an* (S-T, 22).

4. Полиинтенциональность речевого акта порицания

Порицание – полиинтенциональный речевой акт. Модели, приведенные ниже, и строящиеся на их основе высказывания порицания представляют собой лишь малую толику в множестве и многообразии форм речевых актов порицания. Эти модели можно образно сравнить с блоками, из которых строится цельная порицательная конструкция. Порицание как речевой акт не может ограничиться этими краткими лаконичными оценочными формулами, которые в некоторых ситуациях без дополнительной аргументации воспринимаются как желание обидеть, задеть, то есть как инвектива, а в других случаях приводят к коммуникативной неудаче, оставаясь непонятыми адресатом. Поскольку целью порицания является регулирование действий, поведения адресата, отношений коммуникантов, то говорящий должен следить за тем, чтобы не допустить наступления незапланированного перлокутивного эффекта, и направлять коммуникацию в нужное русло. Для этого он старается пояснить, аргументировать свою оценку, указать на возможные отрицательные последствия действий или поведения адресата. Такая полиинтенциональность и является причиной полиструктурности, «гибридности» речевых актов порицания, сочетающих прямые и косвенные формы, имплицитные и эксплицитные оценки. Отдельные компоненты порицания – своего рода сообщающиеся сосуды, по которым распределяется, «растекается» единое порицательное содержание. Убрать один из компонентов, изменится смысл сказанного, порицание даже может перестать быть таковым. При учете такой комплексности порицания представляется более целесообразным говорить о речевых стратегиях порицания, при которых разным узором сочетаются

– констатация отрицательного положения дел,

- эксплицитная или имплицитная отрицательная оценка положения дел или действий/поведения адресата,
- указание на причины наступления отрицательного положения дел,
- указание на необходимость изменения отрицательного положения дел,
- побуждение изменить отрицательное положение дел,
- рекомендация, совет по этому поводу,
- предположение о возможных следствиях действий/поведения адресата,
- назидание, напоминание о норме,
- констатация положительного положения дел до начала действий адресата.

Возможности разнообразных комбинаций этих порицательных элементов исключительно велики, по нашим наблюдениям, абсолютно идентичные сочетания могут появиться только случайно, значит, верно утверждение, что «сколько высказываний, столько «узоров».

Приведем некоторые из них:

- Отрицательная оценка положения дел, за которой следует протест против этого положения дел и побуждение к его изменению, а также предположение о возможных последствиях «политики невмешательства»: *Geschwätz! Jedenfalls dulde ich net, dass sich einer meinem Willen widersetzt, und du schon gar nicht. Du hast zu tun, was ich sage. Wo kämen wir hin, wenn jeder eigene Wege gehen will! (B-Sz, 42).*

- Отрицательная оценка положения дел, затем предположение о возможных причинах его наступления, имплицитное побуждение к его изменению: *Dreck, überall Dreck! Die Kerle scheißen wohl in die Ecken, ja, was ist denn das für ein Sauladen, ein Schweinekoben, ein stinkiger Affenstall, verdammt! (N-H, 361).*

- Побуждение к изменению адресатом положения дел/действий, указание на уже вложенные усилия для создания положительного положения дел: *Schau, Madl, mach es uns doch nicht gar so schwer. Wofür haben wir denn geschafft und geschunden und dich aufgezogen? Doch nicht dafür, dass du dich jetzt einem solchen Menschen in die Hände gibst (S-T, 52).*

- Побуждение прекратить выполнение отрицательно оцениваемого (возможно, имплицитно) действия, указание на отсутствие видимых

причин его выполнения: *Jetzt hören Sie aber auf! Was ist so witzig dabei, wenn zwei miteinander im Bett sind?* (H-M, 92).

- Отрицательная оценка положения дел/поведения или образа жизни адресата, указание на необходимость изменения этого положения дел и побуждение изменить его: *Dieser Schrottherd! Hier gehört alles auf den Müll! Das ist doch kein Haushalt, sondern eine Katastrophe. Dein ganzes Leben ist eine. Es wird Zeit, dass du endlich zur Besinnung kommst! Wir gehen jetzt essen und dann bereden wir, wie es weitergeht* (R-P, 92).

- Протест против действий адресата, указание на норму, отрицательная оценка действий адресата: *Ich stelle mich dagegen! Sie werden mich mit einmauern müssen! Sie können keine Lebenden opfern! Das ist Mord!* (K-A, 184).

- Эксплицитное порицание, приведение аргументов в пользу отрицательной оценки положения дел, отрицательная оценка поведения/действий адресата, указание на правильную линию поведения: *Da könnt ich mir schon eher einen Vorwurf machen. Am Morgen hat er mir gesagt, dass er schlecht geträumt und es für ein böses Omen gehalten hat. Ich hab ihn für einen abergläubischen Deppen gehalten und ihm gesagt, dass ich für solch einen Unsinn nix geb! Besser wär gewesen, wenn ich auf ihn gehört hätte* (B-W, 31).

- Отрицательная оценка действий/поведения адресата, указание на норму и на возможные последствия этих действий: *Das hättet ihr nicht tun dürfen. Ihr habt übertrieben. Das wird für euch eine teure Sache werden, wenn die Polizei kommt* (K-A, 168).

Продолжать перечисление в ограниченных рамках данной работы не представляется целесообразным, уже приведенные примеры показывают и доказывают «многоликость» порицания, многослойность его содержания, позволяющая нам в подражание П.Х. Ноуэлл-Смиту назвать их «Янус-высказываниями» [Ноуэлл-Смит 1985: 157].

5. Языковое воплощение порицания

Многообразие порицания обуславливает необходимость постоянного отбора языковых средств говорящим в соответствии с избранной стилистической тональностью, ориентирование на ситуацию общения, характер адресата, официальность-неофициальность обстановки.

Формализованное описание языкового воплощения речевого акта порицания производится по следующей общей модели (матрице), которую можно считать инвариантной: говорящий испытывает к адресату (и выражает в поведении, в том числе и речевом) отрицательное эмотивно-оценочное отношение, вызванное тем, что говорящий, обладающий (считающий, что обладает) компетенцией оценивания относительно нормы, полагает, что адресат не соответствует этой норме по тому или иному аспекту или признаку.

Эта модель демонстрирует обязательность выражения в речевых актах порицания отрицательной оценки событий, с рассмотрения которых мы начнем описание языкового воплощения порицания.

Прямое порицание.

Перформативная представленность порицания. Порицание следует признать имплицитно-перформативным актом: среди большого количества и разнообразия встретившихся нам высказываний порицания нет ни одного с перформативными глаголами *tadeln*, *beschuldigen*, *vorwerfen*, *kritisieren*, которые наиболее полно выражали бы интенциональный смысл порицания. Поэтому, предположив теоретическую возможность эксплицитно-перформативного выражения различных оттенков порицания (*Ich tadle/beschuldige/rüge dich/werfe dir vor, dass ...*), мы с уверенностью констатируем их исключительно редкую употребляемость. Объяснение этому заключается просто в факте, что с помощью перформативных глаголов саморазрушительные намерения говорящего вряд ли могут быть достигнуты. Будучи «прагматически здоровым» членом языкового коллектива, говорящий сознает «самоубийственность» перформативного порицания и боится от его инициации употреблением замаскированных, скрытых форм его выражения.

При этом так же, как и при похвале, действует правило: если адресат знает, чего касается оценка говорящего, то достаточно употребление проформы для референтной отнесенности: *Was höre ich? Was sagen Sie da?* (N-H, 309) – порицание за недостойные высказывания. В иных случаях требуется специальное расширение-пояснение, чтобы адресат знал, чего касается порицание: *Aber dass du hinsetzt und brühwarm alles deinem Alten schreibst, das ist ... erbärmlich ist das! Wenn du dich beleidigt fühlst und für'n Groschen Mut hast, dann machst du das mit mir ab und lässt deinen Vater aus*

dem Spiel (N-H, 278) – упрек в малодушии и моральной несостоятельности партнера, который для решения возникшего конфликта обращается за помощью к отцу.

Референциальная ситуация получает выражение в пропозициональной части высказывания, а ее оценка – в иллокутивной. Или та, или другая части могут быть невыраженными, подразумеваться. Так, не всегда в высказывании эксплицирован сам поступок: *Du bist ein dummer, unverschämter Junge* (N-H, 269). И наоборот, высказывание может состоять только из пропозициональной части, а все оценочные элементы переводятся в пресуппозицию. Такая структура характерна для высказываний-порицаний. Например: *Sie haben heute ausgesprochen gute Laune!* (H-M, 145)

Не противоречием сказанному, а скорее подтверждением ему можно считать редкие случаи употребления перформативных номинализаций в высказываниях осторожного порицания-обвинения, как, например: *Vielleicht suchen Sie die Schuld dafür auch einmal bei sich, Herr Neuner. Die Wechseljahre sind ein schwieriges Alter, die Sorge um Ihren Sohn zerrt an ihren Nerven* (V-DN, 54). Обвинение говорящего не клеймит адресата, а рекомендует ему задуматься о положении дел и поискать возможную причину отрицательного состояния дел в себе.

Высказывания такого типа могут иметь и более настойчивый характер, становясь даже агрессивными: *Such die Schuld erst einmal bei dir, bei den Einflüsterungen deines sauberen Herrn Vaters, bei deiner persönlichen Laschheit, der undeutschen Toleranz...!* (N-H, 268). В пропозициональной части приведенного высказывания говорящий своей отрицательной оценкой морально-этических качеств адресата буквально пригвозждает его к ситуативному позорному столбу (немцу с чистой кровью нельзя показывать слабость характера), при этом в иллокутивной части он не обвиняет адресата прямо, а опять же только рекомендует, направляет его в поисках виноватого к самому себе.

Оба приведенных высказывания с номинализацией *Schuld* являются рикошетным ответом на обвинение адресата, об этом свидетельствует сочетание номинализации с глаголом *suchen*. Ситуация строится, таким образом, как взаимный поиск причины отрицательного положения дел и взаимное порицание-обвинение, причем ответное обвинение является, на

наш взгляд, более сильным, поскольку оно не ожидается адресатом, уверенным в своей правоте и, следовательно, в своей неприкосновенности.

Номинализация *Schuld* встретила нам в одном из высказываний самопорицания: *Alles ist einzig und allein meine Schuld. Meine Nachlässigkeit hätte Euch beinahe das Leben gekostet (M-S, 360)*. Ответом на такое самопорицание, как и следовало ожидать, является взаимное самопорицание, появляющееся после нескольких попыток убедить говорящего в его невиновности: *Hide, erhebe dich und lass diesen Unsinn. Hier trifft nur einen Schuld, und zwar mich. Ich habe mich so sehr daran gewöhnt, gute und treue Männer um mich zu haben, dass ich die Fähigkeit eingebüßt habe, mich selbst zu schützen (M-S, 360)*. Очевидна хорошо известная нам и описанная выше на примере других речевых актов ситуация взаимного «расшаркивания», обусловленная правилами речевого общения.

Модальные и отрицательные модификации перформативных высказываний – квазиперформативные высказывания с модальными глаголами – встречаются чаще, при этом грамматические показатели модальности имеют не собственные, а прагматические значения. Высказывания с глаголом *müssen* подчеркивают вежливость или официальность в общении, в них на передний план выдвигается нежелание говорящего порицать, вынужденность совершения этого речевого действия, поэтому их появление в речи довольно странно («не хочешь, не порицай!»). Во избежание такой странности ситуации говорящий иногда «маскирует» перформативный глагол, заменяя его глаголом говорения, имплицитно, что совершенно очевидно, глагол порицания: *Ich muss dir schon sagen, du bist genauso ein Dickkopf wie dein Bruder (B-H, 38) = Du benimmst dich wie ein Dickkopf, deshalb muss ich dich tadeln und dir sagen, dass du eben ein Dickkopf bist.*

Напротив, употребление глагола *möchte* в сочетании с перформативом в отрицательной форме является конвенционализированной коммуникативной стратегией порицания, учитывающий фактор дистанции⁵¹. Такое высказывание порицания

⁵¹ Дистанция между партнерами релевантна не только для случаев субординированных отношений между коммуникантами. По сути, любой коммуникативный акт предусматривает определенную дистанцию между участниками: дистанция эта оказывается то более, то менее значительной, но ее не может не быть совсем [Клюев, 1998: 113].

представляет собой некое «введение» в ликоущемляющий акт, предупреждение говорящего о том, что следующее речевое действие – «акт насилия» – может быть ему неприятно, что говорящий, вступая на чужую территорию, ни в коем случае не пробует навести там порядок: *Ich möchte Ihnen natürlich keinen Vorwurf machen, Chief Inspektor. Ich weiß ja, wie beschäftigt Sie sind. Trotzdem war ich enttäuscht, dass ich auf meine Information hin nichts von Ihnen gehört habe* (G-T, 452).

Вышесказанное о перформативной представленности порицания позволяет сделать вывод, что перформативные высказывания, хоть и выражают наиболее полно коммуникативный смысл, не могут считаться типичными формами порицания, поэтому высказывания с эксплицитно выраженным «я» со значением порицания в разговорной речи представлены спорадически.

Порицания, состоящие из пропозициональной части. Ядро модально-оценочных высказываний порицания, представленных только пропозициональной частью, составляют обще- и частнооценочные слова и предикаты: *Sie sind ungezogen! Es gehört sich, dass man mit der Dame des Hauses tanzt!* (N-H, 188); *Das ist – auf gut deutsch gesagt – eine Sauerei!* (K-A, 219).

Прилагательные для выражения оценки. Общеоценочное значение порицания реализуется в первую очередь прилагательным *schlecht* и его синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*nicht so prima, sauschlecht, hundsmiserabel*): *Und die Sache mit Ihrer Bianca finde ich auch nicht so prima, wenn wir schon dabei sind* (H-M, 171). Эти прилагательные выражают холистическую оценку, аксиологический итог. Отрицательная оценка, сконцентрированная в них, всегда принимается не как простая информация, а как руководство к действию: она нацелена либо на пресечение некоторых действий адресата, либо на преобразование результата его действий, не удовлетворяющего говорящего: *Schlecht, sauschlecht, hundsmiserabel! Unfähig, träge, minderwertig! <...>* (N-H, 431) – порицание солдата во время учебных занятий за несоответствие скорости его действий нормативам. Совершенно очевидно, что общеотрицательная оценка в порицании прескриптивна: оценочные слова выполняют дидактическую функцию, они коммуникативно «заострены», оценочная квалификация является стимулом для изменения положения дел к

лучшему. Еще один пример с таким же контекстом: *Gomulka, natürlich Ihr Kleiderpäckchen, saumäßig, raus, Sie Untier, wegen Sie fällt der ganze Trupp auf!* (N-H, 360). В приведенном речевом фрагменте порицание солдата за небрежность сочетается с порицательным вокативом (*Sie Untier*), повышающим общий эмоциональный заряд высказывания, и с обвинением в наказании всего взвода.

Общеотрицательные прилагательные выполняют в предложении чаще всего функцию предикатива, конденсируя в одном слове весь спектр нюансов общей оценки – субъективное неудовольствие говорящего, объективное несоответствие действий адресата принятой норме, выражение адресованной эмоции недовольства, стремление вызвать определенное психологическое состояние адресата и желание устранить констатируемый дефект: *Und Sie, Holt, Sie ziehen ein anderes Gesicht, aber sofort! Sie sind überhaupt ein ganz wankelmütiger Mensch! ... Schlecht, Holt! Nehmen Sie ein Beispiel an Wolzow...* (N-H, 252).

Частноотрицательная оценка более многообразна, поскольку зло многолико, значит, отклонений от нормы может быть сколько угодно, и только общей характеристики положения дел или действий адресата как «плохих» явно недостаточно для выражения многообразия интенциональных нюансов говорящего.

Частнооценочные прилагательные – основное средство выражения частноотрицательной оценки – включают в состав своего значения какой-либо дополнительный компонент, относящийся к структуре оценки. Группа таких прилагательных обширна и разнообразна. В нее входят значения, дающие оценку одному из аспектов положения дел или поведения/действий адресата с определенной точки зрения. Даже беглый обзор высказываний порицания дает нам полный спектр выражаемых в них частнооценочных значений⁵²:

– гедонистическая оценка (всегда в переносном – метафорическом – значении (*kalt, roh, weich, morsch*): *Ich werde aus dir nicht schlau, Mann. Du bist die gute Fee im Affenkäfig. Aber du bist verdammt noch mal auch kalt. Mann, du hast was vom Klabaftermann* (H-S, 377); *Das war das erste und das*

⁵² При выделении частнооценочных значений мы опираемся на приведенную выше классификацию Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999: 198-200].

letzte Mal, das ich mich von dir in so was hineinziehen lasse! Du mit deinen verrückten Ideen! Viel zu weich bist du! (N-H, 262).

– Психологическая оценка:

а) интеллектуальная оценка (*unklug, dämlich, töricht, einfältig, engstirnig, dumm/saudumm/strohdumm, verrückt, nicht gescheit, stur*,): *Aber du bist ein dämliches Frauenzimmer! <...>* (B-H, 34); *Geh, mich so zu erschrecken! Du bist ja nimmer gescheit! Überhaupt mag ich nicht, dass du mir bis auf den Hof nachsteigst* (A-M, 34)

б) эмоциональная оценка (*lustlos, mürrisch, herzlos, gefühllos, empörend, unerhört*): *Du bist verdammt herzlos, Smilla. Deshalb hast du auch nie einen Mann halten können* (H-S, 47); *Kirsten, das ist unerhört. Wenn das dein Vater wüsste* (V-DN, 7).

Прилагательные этих двух групп выражают оценку, связанную с ощущениями, чувственным (психическим) опытом. Характеризуя адресата, они одновременно выражают субъективное мировосприятие говорящего, которое и является аксиологической точкой отсчета при оценке поведения или действий адресата.

– этическая оценка (*feige, hochnäsiger, unmoralisch, frech, frivol, taktlos, treulos, leichtfertig, lächerlich, patzig, hinterhältig, eigenwillig, kindisch, übergeschnappt, spießig, wankelmütig, tückisch, unhöflich, ungezogen, eingebildet, undeutsch*): *Du bist frivol, Franz* (K-A, 84); *So was ist gemein und hinterhältig. Aber ihr habt wohl kein Gefühl dafür, wie einem dann zumute ist* (B-SZ, 48).

Порицание, выражаемое прилагательными этической оценки, отталкивается от нравственных норм, устоев, образцов, предъявляемых к адресату как к одному из членов общества. Именно несоблюдение нравственного кодекса вызывает недовольство говорящего и рождает порицание. Следует отметить необязательную общепринятость этических норм, относительно которых оценивается поступок или поведение адресата. Например, нравственный стандарт *deutsch* в гитлеровской Германии далек от общегуманистических устоев, поэтому мягкость характера, умение сочувствовать и сопереживать определялись «настоящими» немцами как *undeutsche Sittenlosigkeit* (N-H, 278) и порицались. Об относительности нравственных стандартов и их зависимости от исторического времени свидетельствует и следующий

речевой фрагмент: *Sie reden Quatsch! Ich hasse diese deutsche Überheblichkeit! Sie hat uns schon zwei Kriege eingebracht* (K-A, 7); в нем представитель нового, послевоенного поколения порицает немецкое высокомерие по отношению к представителям других, «неарийских» народов. Оценочные предикаты такого типа следует отнести к категории функционально-характеристических, их оценочный характер тесно связан с конкретным периодом общественного развития, а их оценочное значение имеет целью отразить не семантический, а прагматический аспект ситуации.

- утилитарная оценка (*nutzlos, gemeingefährlich, schädlich*): *Holzköpfe seid ihr! Gemeingefährliche Idioten! Natürlich kann man in solchem Fall einer Lady in den Arm fallen! Man muss es sogar. Sie will sich das Leben nehmen!* (K-VA, 167);

– нормативная оценка (*nicht richtig, falsch, krank, ungewaschen, ungebührlich, nachlässig*): <...> *Ich habe versucht, meine Pflichten nach bestem Wissen und Gewissen zu erfüllen, und alles, was ich dafür bekommen habe, waren spöttische Bemerkungen und böartige Kommentare. Das ist ... das ist nicht richtig* (G-T, 413); *Es war nachlässig von Ihnen, Hoher Abt, den anderen Ausländer nicht mitzubringen.* <...> (M-S, 214).

Прилагательные последних групп выражают рационалистические оценки – они «связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека» [Арутюнова 1999: 200]. В высказываниях, выражающих такую оценку, порицается несоответствие определенному (меркантильному) стандарту, неспособность быть полезным, нанесение ущерба, вреда.

В роли характеризующих могут выступать нейтральные в эмоционально-стилистическом отношении прилагательные, которые приобретают оценочность в определенных коммуникативных условиях: *Hoffentlich bist du anders, wenn wir verheiratet sind. Du bist ja kälter als ein Eisblock* (S-T, 10). Прагматический контекст порицания придает отрицательную оценочность даже традиционно положительным качествам немецкого характера – точности, пунктуальности, которые, конечно, неуместны при ухаживании за женщиной, на что и указывает говорящий в следующем высказывании: *Ja, sicher, du kommst mir vor wie einer, der eine*

Uhr verschluckt hat. Du lieber Himmel, exakt bis in die Knochen! Mach dich doch nicht lächerlich! (K-S, 11).

Изысканной стратегией «укола» адресата является отрицательная характеристика действиям и поведению адресата посредством положительно-оценочного прилагательного в сравнительной степени – говорящий указывает, что ожидал от партнера большего, считал его лучше: *Eigentlich hätte ich Sie für vernünftiger gehalten* (N-H, 94). Такая своего рода гипербола увеличивает силу эмоционального воздействия – в каждом из нас заложено стремление соответствовать требованиям, экспликация несоответствия равносильна порицанию

Знак положительной оценки на отрицательный меняет также употребление ориентированных на норму интенсификаторов *allzu, zu*: отклонение от нормы порицается: <...> *Idealismus ist gut, aber allzu edel brauchst du auch nicht zu sein* (V-DN, 35).

Функционирование частнооценочных прилагательных в речевых актах порицания не отличается принципиально от функционирования соответствующих прилагательных в других речевых актах эмоционального воздействия: они выступают в предложении как в функции предикатива (*Du bist lachhaft. Keinen Deut besser als alle anderen in diesem elenden neugierigen Kaff* <...> (G-T, 245)), так и в функции определения (*Ein ganz dummes Ding bist du, das überhaupt nicht weiß, was es tut. Aber ich werde dir die Flausen aus dem Kopf treiben, verlaß dich drauf!* (S-T, 47)). И в том и в другом случае прилагательные дают характеристику адресату (в связи с недостаточно качественным выполнением/невыполнением определенного действия, неодобряемым говорящим поведением) или результату его действия/поступка, неудовлетворяющему говорящего, как в приведенных примерах, либо порицание выносится за действие или его невыполнение/недостаточно качественное выполнение: *Das ist ja unerhört!* (K-A, 219) – эмоциональное порицание за нечестные махинации.

В порицании популярна сравнительная оценка, основанная на сопоставлении адресата или его поступка с другими, отрицательность которых очевидна или общепринята: <...> *Du bist genauso hochnäsiger, wie deine Mutter* (K-A, 72) – порицание не ограничивается указанием на высокомерие адресата, оно усиливается сравнительной референцией на недостаток близкого ему человека. Интенции говорящего в данном случае

– порицая, задеть, обидеть адресата, поэтому высказывания такого рода можно считать порицанием-инвективой.

Сравнительная оценка употребительна при порицании поведения, в этом случае ее выражение сочетается с глаголами поведения (речь о них пойдет ниже): *Es gibt nichts mehr zu erklären. Du hast dich aufgeführt wie der allerletzte Mensch* (R-P, 112).

Существительные для выражения оценки. Отрицательная оценка выражается также оценочными существительными. Они очень широко употребляются в порицательной функции, по частотности они даже преобладают среди частей речи, служащих для выражения отрицательной эмоциональной оценки. Это объясняется тем, что существительные, выполняя назывную функцию, могут выразить не только простые свойства, качества и состояния, но и выразить гораздо более сложные понятия. А. М. Пешковский отмечал: «Существительное предметно и поэтому конкретнее, индивидуальнее, живее, чем прилагательное, силач кажется как будто сильнее, толстяк – толще, богач – богаче, крикун – крикливее, чем сильный, толстый, богатый, крикливый». Прибавление слова «человек» снижает степень интенсивности признака [Пешковский 1930: 153]. А.Н. Гвоздев замечает, что существительное обладает большей образностью [Гвоздев 1965: 263]. Если прилагательное обозначает только качество, то в существительном выступает обозначение лица, характеризуемого известным качеством, причем это качество осложнено. Ср.: «он бедный – он бедняк», «он веселый – он весельчак». Бедняк – лицо, характеризуемое бедностью и связанными с нею признаками (худоба, потертая одежда и т. п.). Весельчак вызывает представление о смеющемся, пышущем здоровьем, жизнерадостном человеке, знающем массу шуток, прибауток и т. п.

Оценочный потенциал существительных, используемых для выражения отрицательного отношения к адресату или его действиям, неравнозначен. В высказываниях порицания используются, в первую очередь, собственно оценочные существительные *Sauerei, Schweinerei, Gemeinheit, Mist, Unverschämtheit, Ungeheuerlichkeit, Wahnsinn, Schande*, цель такой оценки – сформировать отношение, мнение, оказать на адресата воздействие: *Schweinerei, verdammt! Die Kerle rauchen! Soll der ganze Wald in die Luft fliegen?* (N-H, 495) – назначение ценностного суждения, мотив

которого включен в аргументативную часть высказывания (*Das Rauchen der Kerle kann die Explosion verursachen*), – не сообщение о факте курения адресатов (что было бы совершенно избыточным при его очевидности), а оказание влияния – побуждение прекратить опасное для всех присутствующих действие.

Все высказывание порицания может быть сведено к одному оценочному предикату, выраженному общеоценочным существительным, гальванизирующим порицание: *Sauerei! Mistloch!* (N-H, 360) – порицание за беспорядок в солдатской казарме. Оценка не поясняется говорящим, поскольку аксиологическая квалификация однозначно конкретизируется в применении к данной ситуации. Оценочное по форме высказывание лишается своей информативности и его функции ограничиваются иллюкутивными целями – выражением порицания и стремлением произвести воздействие на адресатов.

Частнооценочные существительные, употребляемые в высказываниях порицания, являются показателем многогранности и противоречивости человека, квалификацию действий которого нельзя ограничивать только холистической оценкой *schlecht*. Но общая оценка является в то же время обязательным компонентом семантической структуры любого существительного, называемого порицаемые аспекты жизнедеятельности адресата: *Das ist Verrat! Die Truppe ist noch gut für 24 Stunden Häuserkampf* (N-H, 552) = *Das ist Verrat und das ist schlecht*. Частнооценочные существительные называют признаки внешности, душевные качества, способности и т.п., они представляют собой либо слова, в которых сема отрицательности присоединяется к различным вещественным семам, (ср.: *Jammerlappen, Rotzjunge, Unglücksmensch, Frechling, Flittchen, Feigling, Lump, Lümmel, Dickschädel, Sturschädel, Wilder, Vaterlandsverräter, Nutte, Luder, Speichellecker* и т.д.), либо или существительные, со словарно закрепленным вторичным оценочным значением, выявляющимся в соответствующем лексическом окружении (*Schwein, Sau (Topsau), Rindvieh, Bock, Biest, Teufel, Gespenst* и др.). Примеров высказываний с такими существительными великое множество, они варьируются в зависимости от степени эмоциональности, социальных ролей, интеллектуального уровня говорящего, но во всех случаях, выполняя различные синтаксические роли, они квалификативно

характеризуют адресата, например: *Blödmann. Ich leide (IK-M, 55)*⁵³ – оценочное существительное в функции предикатива; *Ich muss schon sagen, dass ich das Theater mit euch Rotzjungen langsam satt habe (N-H, 264)* – оценочное существительное в роли предложного дополнения, называющего адресата как причину своих неприятностей; *Du kennst mich doch. Und mein Sohn hat meinen Dickschädel geerbt (B-H, 7)* – оценочное существительное в роли прямого дополнения, называющего недостаток характера самопорицающего говорящего, унаследованный его сыном.

Но чаще всего названные категории существительных в оценочных номинациях адресата просто сопровождают порицание, являясь его эмоциональным «фоном», например: *Wo ist William? Sie Lümmel, Sie sind einfach verschwunden! Und Ihre Bebsy weint den ganzen Tag! (K-VA, 178)*. Такие номинации мы по аналогии с комплиментарными или инвективными вокативами называем порицательными или ругательными вокативами, Их можно считать коммуникативными омонимами последних, поскольку в их основе лежат одинаковые синтаксические модели и лексическое наполнение моделей может быть идентично, ср.: инвективное высказывание *Du verlogenes Aas! (N-H, 194)* и порицание *Du unverschämter Kerl wirst dich sofort bei mir entschuldigen! (N-H, 269)*. Но их сходство внешними признаками и ограничивается, поскольку на интенциональном уровне граница между ними маркирована резко: в порицании вокативы играют вспомогательную роль, они только сопровождают основное содержание высказывания, собственно ругание, являются его эмоциональным катализатором, сигналом психологического состояния говорящего, своего рода эмоциональной лакмусовой бумажкой. В инвективах же вокативы представляют собой пропозицию, основное содержание высказывания, их коммуникативное назначение – «ударить» словом, задеть, обидеть.

В порицательных вокативах персонифицируется осуждаемое действие или поведение, качественная характеристика при этом либо называется прямо (*Frechling, Schlampe, Feigling, Speichellecker, Flittchen, Verbrecher, Vaterlandsverräter: Sie – Sie Frechling. Jetzt weiß ich, was hinter*

⁵³ Произнесенное без соответствующей экспрессивной интонации, отрицательнооценочное выражение, почти не воспринимается как порицательное, оно, скорее, подобно «отмахиванию» от назойливости партнера. Это еще раз подтверждает мысль, выразительно сформулированную К. Бюлером: «В ругани, также как и в музыке, почти все зависит от «тона»» [Бюлер 1993: 37].

Ihrer angeblichen Leutseligkeit steht. Sie wollen Geld machen mit anderer Leute Kinder (B-St, 27)) либо замещается образами-заместителями в переносном значении, которые усиливают экспрессию (*Gans, Teufel, Gespenst, Sau*): *Fünzig Kniebeugen, das Gewehr in Vorhalt, ich bring Ihnen bei, wie man mit einer Waffe umgeht, Sie hohläugiges Gespenst! (N-H, 361).*

В высказываниях, где оценка передается при помощи существительных в переносном значении, оценочный эффект достигается в результате нарушения семантического согласования: происходит перенос общего признака с объекта первичного наименования на объект вторичного наименования, например, адресат порицания <...> *Und du Rindvieh gehst hin und hängst dich an die Tochter des Chefs. Kreuzdonnerwetter, ich sollte dir wirklich eine kleben! (K-A, 104)* оценивается говорящим как недалекий человек, не думающий о будущем и о последствиях своих поступков. Ему приписываются характеристики соответствующего животного, который в немецкой языковой культуре представляется большим и сильным, но не обладающим выдающимся умом. Актуализация оценочного признака в словах этой группы приводит к изменению их синтаксической функции: референтные (идентифицирующие) имена переходят в предикативные (характеризующие). Ярким доказательством сказанному является употребление разных квалифицирующих прилагательных в роли атрибутов при таких существительных: при употреблении существительного *Rindvieh* в первичной функции его могли бы определять прилагательные *stark, teuer, gut, rassig*. В порицаниях данное существительное сочетается с прилагательным *himmelhoch*, которое эмоционально характеризует степень глупости адресата: *Himmelhohes Rindvieh, du darfst doch nicht sagen, es soll weh tun, du musst sagen, es tut weh! <...> (N-H, 411).*

В качестве порицательного вокатива возможно и использование существительных с синтаксически обусловленными оценочными значениями. Они не имеют в семантической структуре семы оценки, однако в определенном контексте, находясь в предикативной позиции, выполняют оценочную функцию. Механизм возникновения оценки в таких случаях обусловлен тем, что существительные с семантикой, далекой от ярко выраженной качественности, могут осмысливаться как совершенно

определенные качественные единицы, то есть как прагматические единицы. Например, порицание солдата на учениях за неосторожность: *Vetter, werden S wohl liegenbleiben! Sie san tot! Tot san Sie! Sie depperte Leich, Sie depperte!* (N-H, 140). Коммуникативной функцией приведенного высказывание никак не является унижение партнера, поскольку порицающий офицер искренне расположен к юным солдатам, переживает за их ошибки, которые могут в иных обстоятельствах стоить им жизни – номинация *Leiche* эмоционально указывает солдату на то, что в боевых условиях его уже не было бы в живых. Значит, мы с уверенностью можем определить это высказывание как отрицательную квалификацию действий ее адресата, эмоционально «приправленную» порицательным вокативом *Sie depperte Leich, Sie depperte!*

Обращает на себя внимание функционирование в качестве порицательного вокатива широкозначного существительного *Ding*. Слова такого рода А.А. Уфимцева определяет как промежуточные полудейктические знаки, объединяющие в своем значении назывные и указательные семы [Уфимцева 1974: 188-192] – они, несмотря на свою семантическую опустошенность и контекстуальную обусловленность (как местоимения), сохраняют свое – частично десемантизированное – номинативное значение. Степень индивидуализации признаков при обозначении их существительным *Ding* минимальна, поэтому оно способно замещать любую единицу класса существительных с более конкретной семантикой.

Исследователь соответствующих слов английского языка Х. Шмид дал им метафорическое название «слов-раковин» (*shell nouns*) [Schmid 2000: 30]. Он рассматривает их как своего рода пустые контейнеры, в которые в благоприятных для раскрытия «створок раковины» условиях, то есть в определенном контексте, как жемчужина вкладывается прагматическое содержание высказывания – в порицании это информация о пренебрежительном эмотивно-оценочном отношении говорящего к адресату (называние партнера неясным, расплывчатым «нечто» возможно только при полном отсутствии уважения и любви к нему). Сочетание нейтрального по характеру существительного *Ding* с оценочными атрибутами отрицательной коннотации усиливают степень пренебрежения,

эмоционально заряжают его: *Nur Ärger hat man mit dir, du ungeratenes Ding* (B-St, 7).

В категории частнооценочных существительных следует отметить группу, выражающую отрицательное эмотивно-оценочное отношение говорящего к адресату или к его поведению посредством синтаксической деривации имени с помощью эмоционально окрашенного суффикса *-erei* (*-elei*). Такая деривация сопровождается переосмыслением значения имени за счет приращения оценочного смысла: *Diät – Diäterei, Kind – Kinderei, Dusei – Duselei*, хотя, строго говоря, рассматриваемый суффикс не является оценочным. Дериваты такого рода полярно меняют свою исходную нейтральную семантику и приобретают отрицательно-оценочное значение неуместного, бесполезного и/или неумеренного действия, которое и порицается говорящим: *An dieser ganzen Diäterei kommen mir allmählich Zweifel* (G-T, 291) – порицание за неумеренное применение различного рода диет; *Wenn du wieder so eine verrückte Idee hast, dann such dir einen anderen! Von deiner Humanitätsduselei hab ich genug <...>* (N-H, 271) – порицание за излишнюю, по мнению говорящего, гуманность по отношению к военнопленным.

Основой производных слов с суффиксом *-erei* может быть и оценочная номинация адресата (например, *Drückeberger*). В этом случае значение деривата не меняется полярно, он становится собирательным именем, обозначающим поведение адресата, и выражает отрицательно оцениваемое качество адресата более интенсивно, поскольку приобретает еще и дополнительное значение видо-временного (аспектного) плана (повторяемость проявления отрицательно оцениваемого свойства адресата), а также выражает эмотивно-оценочное отношение говорящего (презрительное пренебрежение): *Mensch, Wolzow, diese Drückebergerei...* (N-H, 69).

Оценочные глаголы в порицании. Оценочные глаголы в порицании представляют собой эмотивно-оценочные номинации поведения: *Du bist erst siebzehn und treibst es schon derartig mit Weibern* (N-H, 194). Они обозначают «некое действие, смысл которого не сводится к непосредственному содержанию этого действия, а выражает определенную установку по отношению к участнику коммуникации, определенной социальной группе и окружающему миру» [Сандомирская 1999: 116].

Мерками отрицательной оценки поведения являются общечеловеческие установления, осуждаемыми являются, например, нарушение нравственных правил как супружеская измена, причинение морального и физического вреда, безделье, лень, пустое времяпрепровождение и др. Поэтому отрицательно-оценочными глаголами поведения являются, соответственно, следующие: *ehebrechen*, *peinigen*, *das Leben vergallen*, *belügen*, *Leid antun*, *meckern*, *quatschen*, *herumtreiben*, *schwänzen* и др.: *Weil du mich belogen hast! Du hast mich dauernd angeschwindelt!* <::.> (R-P, 112) – глаголы *belügen* и *anschwindeln* используются как поведенческие в значении выражения упрека, недовольства поведением адресата, причем это значение усиливается за счет квантификатора *dauernd*, показывающего регулярную, продолжительную деятельность.

Поведенческий смысл может приписываться и самым разнообразным действиям, практически любому глаголу прагматический контекст может придать статус поведенческого. Так в следующем примере самопорицания неоценочные глаголы переосмысливаются как поведенческие: *Von mir gibt's nicht viel Gutes zu sagen. Ich trinke zuviel, rauche zuviel, ich arbeite zuviel. Ich vernachlässige meine Familie...* (H-S, 251). На необходимость категоризации глаголов-сказуемых приведенного высказывания (*rauchen*, *trinken*, *arbeiten*) в терминах поведения указывает его вводная часть, в которой говорящий обобщает особенности своего образа жизни, давая ему отрицательную оценку (*nichts Gutes*), он заранее направляет восприятие адресата, фокусирует его внимание на минусах – типичная стратегия самопорицания. Кроме того, свидетельством наличия интенции самопорицания является употребление квантификатора *zuviel* (превышение нормы порицается!), а также глагола *vernachlässigen* в параллельной конструкции (в заключительной части высказывания), структура значения которого включает отрицательную оценку как один из ядерных, интенциональных компонентов (пренебрежение семьей расценивается социумом как отрицательный стереотип поведения). Таким образом, нерелевантные в иных случаях действия при взаимодействии указанных «переключателей», без сомнения, могут рассматриваться как поведенческие.

Интересно проследить, как трансформируется значение нейтральных действительностных (*hüpfen*, *treiben*, *kraxeln*, *toben*) глаголов и глаголов

состояния (*sitzen, stehen*) при сочетании их с приставочным компонентом *herum-* в значении *ständig, längere Zeit (und sinnlos) etwas tun* [Wahrig]. Действия, обозначаемые такими производными глаголами, воспринимаются как поведение и «мутируют», принимая отрицательно-оценочный компонент значения, в действия, достойные порицания и порицаемые. В следующем высказывании сказанное подтверждается использованием в качестве синонима глагола *herumsitzen* идиомы *dem Herrgott den Tag stehlen* с парадигматическим значением отрицательной оценки: *Marsch in die Küche! Das soll dir so passen, hier herumsitzen und dem Herrgott den Tag zu stehlen. Es gibt Arbeit in Fülle und wenn ich schon zwei hungrige Mäuler stopfen soll, so sollst auch dafür arbeiten* (B-St, 19). Приведенное высказывание, как и многие другие рассматриваемого типа, является средоточием нескольких средств выражения отрицательного отношения к адресату (неуважения, нелюбви), отрицательных эмоций (недовольства, раздражения) и отрицательной оценки его действий и поведения. Эти нюансы смысла проявляются в грубом обозначении адресата – падчерицы и ее ребенка – как *hungrige Mäuler*, в номинации намеренного ограничения взаимодействия и взаимообщения только удовлетворением физиологической потребности адресата в еде (*hungrige Mäuler stopfen*). Средством выражения отрицательного мнения об адресате является и часть *Das soll dir so passen*, которая имплицитно рациональную оценку адресата (*Du bist faul und verdorben und es soll dir deshalb passen, hier herumsitzen und nichts zu tun*).

Таким образом, можно утверждать, что в своем подавляющем большинстве глаголы поведения являются эмотивно маркированными словами с богатым набором коннотативных значений. Употребляясь в высказываниях порицания, они не описывают поведение, а интерпретируют, эмоционально оценивают его. Выражаемое ими эмотивно-оценочное отношение к адресату можно категоризировать как презрение (*Und doch hüpfst ihr herum wie verlauste Kastenlose. <...> (M-S, 159)*), пренебрежение (*Ach! Dr. Pilnitz, der Sittenwächter! Aber seinen Chef mit dessen Frau betrogen, das kann er! <...> (K-A, 39)*), недовольство (*Sind wir zum Quatschen gekommen? Immer dasselbe! Kaum schwingt einer Reden, steht ihr 'rum wie die Pfeifenköpfe! <...> (K-A, 55)*), осуждение (*Solche*

Gespräche... und solche Gedanken... das untergräbt die Moral, Sepp! (N-H, 133)).

Степень эмотивной оценочности в порицаниях увеличивается при сочетании поведенческого глагола с аффективными сравнительными обозначениями, относящими адресата к представителям соответствующего класса со всеми его стереотипными качествами: к классу дикарей (*wie die Wilden*), лиц с нарушением психики (*wie ein Verrückter, wie ein Idiot*), неразумных детей (*wie ein unmündiges Kind, wie ein Kleinkind, wie ein unreifer Junge*), невоспитанных детей (*wie ein unerzogener Junge*), представителей определенных «грубых» профессий (*wie die Metzger*). Примерами таких классификационно-оценочных высказываний порицания могут служить следующие: *Manchmal reden Sie wie ein unreifer Junge, Bernhard (K-A, 125); Sie benehmen sich wie ein böser, unerzogener Junge, Bernhard (K-A, 123)*. В обоих случаях порицание вызывается горячностью, вспыльчивостью адресата, его категоричностью в выражении мнения, что, как считает говорящий, простительно только неопытным молодым людям со свойственным им юношеским максимализмом.

В роли поведенческих глаголов выступают иногда идиомы, образно отражающие поведение адресата и выражающие отрицательное эмотивно-оценочное отношение говорящего к нему⁵⁴: *auf der faulen Haut liegen (faulenzeln), dem Herrgott die Zeit stehlen (faulenzeln, nichts tun), ein Herz aus Stein haben (hartherzig sein, kein Mitleid haben), es ist nicht sauber in dem Oberstübl (geisteskrank sein)* и др. Идиомы отображают нормативную картину мира народа, его особое мировидение, поэтому логично их появление в высказываниях порицания в качестве регуляторов поведения: *Passens bloß auf, dass die Marie net auch einmal so wird! In die alten Fetzn den gestrigen Tag suchn, dem Herrgott in der Kirchn die Zeit wegstehlen und saudumm daherredn! Bloß nix arbeitn <...> (K-M, 32)*. Идиома в приведенном высказывании фиксируют отклонение от нормы (пустое времяпрепровождение, бездельничанье рассматривается как социально вредное действие), это подвергается говорящим рациональной и эмоциональной квалификации («красть», отнимать время – это плохо) и порицается.

⁵⁴ Интересное исследование идиом, обозначающих поведение, на материале русского языка представлено в работе О. В. Латиной «Идиомы и экспрессивная функция языка [Латина 1999].

Следует упомянуть и группу поведенческих глаголов, употребляемых только в сочетании с оценочным наречием – *sich benehmen*, *sich anstellen*, *sich aufführen* и т.п. При элиминировании наречия высказывание теряет смысл: *Du hast dich unmöglich benommen, Vater! Er hat dir nichts getan! (K-A, 16) → ~~Du hast dich benommen, Vater!~~* Следовательно, в этих случаях наречие заполняет семантическую валентность глагола поведения на оценку и является семантически и синтаксически облигаторным. В нем аккумулируется не только отрицательная оценка, но и эмоциональный заряд порицания: вышеприведенное высказывание меняет свое положение на эмоциональной шкале при замене эмоционального *unmöglich* на нейтральное *schlecht (Du hast dich schlecht benommen, Vater!)*.

Отрицательные наречия модифицируют не только порицания с глаголами поведения. Они являются показателем неодобрения при сочетании с глаголами, обозначающими разные виды деятельности, например, говорения: *Aber da verstehe ich nicht, wie du so gleichgültig darüber reden kannst! Mein Gott... Es geht doch um Deutschland! <...> (N-H, 253)* В таких конструкциях определители имеют, как правило, частнооценочные значения. Их семантика исключительно разнообразна и модифицирует различные аспекты действий и пропозициональной структуры, в которую входит глагол [Вольф 1985: 134]. В следующем высказывании, например, осуждается бездумье, легкость, с какой адресат совершил аморальное действие – отказ от собственного новорожденного ребенка. Оценочное наречие специфицирует в нем глагол физического действия – подписания отказных документов – и квалифицирует последнее как необдуманый поступок: *Wie bedenkenlos hast du die Verzichtserklärung auf das Kind unterschrieben. Wie eine Ware, die man handelt, hast du das Kind betrachtet. Simone, Simone, ich kann dich nicht verstehen und deine Tat nicht begreifen. Ich kann es nicht... (U-V, 19)*. Нераспространение глагола искажает смысл подобных высказываний. При опущении наречия в фокусе внимания оказывается глагол, то есть действие; при наличии наречия в фокусе оказывается вся группа и меняется ее коммуникативная роль, ср.: (1) *Kaum kann der Ziesche wieder den Mund aufmachen, da quatscht er dämlich! So was! (N-H, 210)* и (2) *Kaum kann der Ziesche wieder den Mund aufmachen, da quatscht er! So was!* В (1) порицается содержание

находящегося в пресуппозиции действия адресата, признак, выраженный наречием, является коммуникативным центром высказывания; в (2) порицается само действие адресата – разговор, ему предлагается лучше помолчать.

Оценочные наречия часто ориентированы на норму и показывают несоответствие действия стереотипному [Вольф 1985: 134]: *Das Kind... du sprichst von deinem eigenen Blut und Fleisch so unpersönlich, als wäre es ein fremdes Geschöpf (U-V, 18)* В подобных случаях наречие может имплицироваться, «нагружая» функцией квалифирования действия интенсификатор *so*: *Aber Sepp! So kann man nicht reden! (N-H, 133).*

Говоря о функционирующих в порицании глаголах, нельзя не коснуться и так называемых аксиологических предикатов – класса предикатов, «которые входят в структуру оценки, объединяя ее субъект и объект» [Вольф 1985: 97]. К ним относятся в первую очередь глаголы *finden, glauben, scheinen* и т.п., которые вводят в высказывания порицания эксплицитно выраженную субъективность мнения говорящего: *Und ich finde es einfach beschissen, entschuldige meine Offenheit, wie du ihn behandelt hast (IK-M, 132); Ich glaube, Simone, dass du ungerecht bist. Du suchst alle Schuld bei mir (U-V, 52),* Собственно говоря, на наш взгляд⁵⁵, аксиологический предикат имплицитно присутствует в любом оценочном высказывании, в том числе и высказывании порицания, ср. (1) <...> *Einen ahnungslosen Menschen in Angst und Schrecken zu versetzen ist das Gemeinste und Hinterlistigste, was es gibt! (B-St, 58)* и (2) *Ich finde/gaube, einen ahnungslosen Menschen in Angst und Schrecken zu versetzen ist das Gemeinste und Hinterlistigste, was es gibt!* Отличием второго варианта выражения оценочного мнения является эксплицитная представленность в нем допущения о существовании других мнений и возможности возражений. Но реакция в виде возражения высказанному в порицании мнению может появиться в ответ на оба его варианта, что доказывает имплицитное присутствие предиката мнения и в высказывании (1).

Для аксиологических предикатов характерно наличие предикативного определения (*Ich finde dich lächerlich, Bernd (K-A, 61),*

⁵⁵ Мы опираемся на точку зрения Д. Болинджера, который считает, что в таких случаях показывается осознание говорящим того факта, что содержание его высказывания иногда зависит от его взгляда на вещи [Bolinger 1973: 415].

пропозициональной фразы с союзом *dass* (*Ich finde, dass dein Verhalten ungebührlich ist*) или инфинитивной группы (<...> *ich würde es ziemlich unhöflich finden, mich in meinem Alter zur Großmutter zu machen* (К-А, 212)). В высказываниях с придаточным предложением и инфинитивным оборотом глаголы мнения выполняют еще и «вводную» роль, традиционно приписываемую модальным словам. Они служат для того, чтобы подчеркнуть, что оценка представлена как индивидуальное мнение, а не «положение вещей», которое подразумевается, когда субъект оценки не назван. Иллокутивная цель включения такого глагола – смягчение категоричности высказывания путем введения в него субъективности. Е.М. Вольф рассматривает глаголы в таком употреблении как своего рода перформативы, сообщающие, что соответствующая оценка принадлежит говорящему [Вольф 1985: 101].

Для передачи мнения при оценке используются также именные выражения, например: *In meinen Augen sind Sie ein ganz abscheulicher Mensch* <...> (В-Н, 48) = *Ich finde (ich meine), dass Sie ein ganz abscheulicher Mensch sind*. И в этом случае именное выражение в резком порицании имеет прагматическую цель указать на возможность альтернативного мнения, а значит, и некоторое снижение степени категоричности порицания.

Употребление глагола *scheinen* отличается синтаксическими позициями его актантов: в фокусе оценки, то есть в роли подлежащего выступает ее объект, а не субъект, как при глаголе *finden*: *Sie scheinen schlechte Laune zu haben, mein Freund. Es ist nicht interessant, mit einem Mann zu plaudern, der scheinbar die Schweigsamkeit zu seinem Freunde hat* (Т-О, 57). Кроме того, высказывания с глаголом *scheinen* реализуют отличный от высказываний с глаголом *finden* модальный смысл – в них указывается на то, что мнение говорящего относится к «возможному миру», который не обязательно совпадает с фактическим: *Du scheinst keine rechte Freude am Tanzen zu haben. Musst du denn gar so lustlos sein?* (S-T, 40). О том, что иллокутивная цель приведенных высказываний не ограничивается просто констатацией предполагаемого говорящим положения вещей, свидетельствует эксплицитное или имплицитное выражение в них отрицательной оценки этого положения вещей: *Es ist nicht interessant, mit einem Mann zu plaudern = Ich finde, es ist nicht interessant, ...; Musst du denn*

gar so lustlos sein? = Du bist heute lustlos und das finde ich schlecht. Musst du immer so lustlos sein? Можно предположить, что глагол *scheinen* тоже служит средством снижения категоричности оценки, он подчеркивает субъективность мнения говорящего: *Es scheint mir, dass du keine Lust zum Tanzen hast. Ich kann mich aber auch irren.* Еще более показательный пример: *Mit mir ist alles in Ordnung. Du aber scheinst unversöhnlich zu sein* (U-V, 39). При замене в подобном высказывании глагола *scheinen* на нейтральный глагол *sein* высказывание становится безапелляционным, категоричным, не допускающим возражений: *Mit mir ist alles in Ordnung. Du aber bist unversöhnlich.*

К категории аксиологических следует отнести и предикаты, называющие внутреннее состояние говорящего, то есть глаголы чувств, например: *Es enttäuscht mich sehr, Euch in einem derart unreinen Zustand zu sehen* (M-S, 144). Такие высказывания порицания тоже выражают некатегоричную субъективную оценку (*Ich finde Euren Zustand enttäuschend*), которая в приведенном примере аргументируется названием рациональных причин отрицательного восприятия положения дел – отклонение от общепринятой нормы (норма – чистый опрятный внешний вид, *derart unrein* вербализует значительное отклонение от этой нормы). Высказывание произносится в ситуации, когда говорящий, приехав навестить адресата, у которого наблюдается некоторое нарушение психики, находит его в состоянии, описываемом автором как *Er war von Kopf bis Fuß mit seinem eigenen Kot besudelt*. В таком контексте высказывание порицания, приведенное выше, является более чем осторожным, некатегоричным, оно указывает на субъективность мнения и оставляет адресату возможность выражения альтернативного мнения (которым могло бы быть, например: *Mein Zustand mag Euch enttäuscht haben, Ihre Enttäuschung geht mich aber nicht an. Ich fühle mich gut in meinem Zustand*).

Незнаменательные слова в порицании. Специальными смыслопорождающими операторами порицания являются различные незнаменательные части речи как междометия, модальные слова и частицы, которые при определенных контекстуальных условиях выступают в функции аксиологических операторов. Отсутствие собственного лексического значения не мешает таким словам играть роль

показателей оценки. Об этой категории слов писал В.Д. Девкин: «ослабленность знаменательности слов не снижает содержательности высказывания. Напротив, все синсемантические средства насыщаются смыслом, рождающимся в процессе коммуникации, и он нужным образом раскрывается слушающим» [Девкин 1985: 9].

Наиболее показательным в порицании классом незнаменательных слов являются междометия – слова, выражающие аффекты: *Pfui Teufel! Das Vaterland kämpft, blutet, leidet. Fünf junge Menschen desertieren! Treiben sich rum! Pfui Teufel!* (N-H, 98). Междометие *pfui*⁵⁶, эмоционально усиленное названием источника всего отрицательного (*Teufel*), играет в приведенном высказывании важную прагматическую роль – выражает не только отношение к объекту оценки – адресату, но и степень «накала страстей», то есть большую интенсивность эмоционального восприятия говорящим положения вещей, его переживаний и соответственной реакции.

Междометия являются иногда единственным языковым показателем эмоционально-оценочного отношения говорящего, при элиминировании междометия порицания превращаются в эмоциональную констатацию нелицеприятного факта (не обязательно порицаемого), ср.: *Pfui! Sie schwänzen wieder!* (N-H, 230) → *Sie schwänzen wieder!* В следующем речевом фрагменте междометие является практически единственным показателем не только эмотивно-оценочного отношения говорящего к адресату, но и его интенции – упрека в неуважении и несправедливости: *Was habe ich dir getan? Ich gehe schon von selbst, du brauchst mich nicht hinauszuwerfen. Pfui!* (M-B, 322).

Поскольку междометия относятся к категории аффективных слов, то их употребление предполагает презумпцию существования оцениваемого объекта, совершения оцениваемого действия. Это значит, что эмотивно-оценочные междометия могут употребляться лишь при определенной референции, говорящий, как правило, приводит аргументы в пользу своей точки зрения: *Pfui! Du machst mir wenig Freude, das ist wahr. Was soll aus dir werden, wenn du die Güte haben willst, mir das zu sagen? Du wirst im*

⁵⁶ *Pfui* – самое распространенное в порицании междометие – является показателем неудовольствия, даже отвращения. Оно категоризуется как звукоподражательное слово [Duden 1989: 525] и представляет собой вербальный «плевок» как показатель презрения.

Leben niemals an die Oberfläche gelangen (M-Bj, 111). В приведенном высказывании говорящий реферирует к известным из пресуппозиции успехам адресата в школе, он отрицательно оценивает их (*Du machst mir wenig Freude*), а выражаемое междометием эмоциональное отношение накладывается на высказывание в целом как аффективная модальная рамка. В результате такого взаимодействия рождается эмоциональное высказывание порицания, включающее аффект (*Pfui!*), констатацию отрицательно оцениваемого положения дел (*Du machst mir wenig Freude, das ist wahr.*) и прогноз малоприятного будущего адресата (*Du wirst im Leben niemals an die Oberfläche gelangen*). В следующем примере говорящая пространно поясняет адресату причины своего отрицательного отношения к его поведению, поскольку без такого определения референции высказывание теряет основу, становится безотносительным, выражает только безосновательное презрение: *Aber nein! Pfui, Herr Castrop! Das ist nicht schön von Ihnen, dass Sie mich so in Verlegenheit bringen mit Ihren Anspielungen. Alle merken es ja, dass wie es auf sie abgesehen haben, und dass Sie mir Dinge sagen, über die ich rot werden muss* (M-Z, 195).

Анализ референтных свойств междометий позволяет отвести последним роль модифицирующих интенсификаторов в высказываниях вообще и в высказываниях порицания в частности: они сами по себе не обозначают качества адресата, они выражают лишь высокую степень эмотивности оценки, модифицируя ее при этом, вводя в высказывание элемент эмотивно-оценочного отношения.

Кроме междометия *pfui* в порицаниях употребляются междометные выражения *Verdammt!* (*Verdammt noch mal*), *Himmel noch mal!* *Donnerwetter!* (*Himmeldonnerwetter!*) и т.п., которые определяются в единую категорию бранных слов (*Fluchwörter*⁵⁷). Их отличие от *pfui* заключается в том, что они выражают только аффективную оценку, не выражая эмотивно-оценочного отношения: *Aufpassen! Himmel noch mal! Immer das Gleiche! Die Burschen greifen zu wie die Metzger! Mein Bein! Ist denn keiner hier, der etwas von Krankentransport versteht! Ein Saustall!* (K-A, 65). При элиминировании междометного *Himmel noch mal!* высказывание

⁵⁷ Интересный анализ междометных выражений названного типа приводится в монографии Ф. Кинера «Das Wort als Waffe» [Kiener 1983: 223 ff.].

порицания не лишается смысла совсем, но он теряет его важную часть – его эмоциональный компонент, в нем снижается степень эмоциональности. В.И. Жельвис называет такие междометия-эмоционализаторы «детонирующими запятыми» [Жельвис 2001: 90]: заполняя паузы, они эмоционально «расцветчивают» сообщение, которое в противном случае может оказаться нудным, пресным, пусть даже верным по существу, ср.: *Verdammt, jetzt beginnt Ihr Gerede auch mir auf die Nerven zu fallen (L-Z, 24)* → *Jetzt beginnt Ihr Gerede auch mir auf die Nerven zu fallen.*

Модальные частицы «приправляют» порицание так, как они это делают при функционировании в других речевых актах, придают ему тонкие нюансы смысла. *Ja* и *doch* показывают очевидность отрицательности порицаемого действия или поведения: *Mach keinen Zimt wegen dem Läusebiss... Was hast du gehabt? Einen Wundshock willst du gehabt haben bei dem Kratzer? Du bist ja bescheuert! (N-H, 395); Das ist doch lächerlich! (G-T, 372).*

Интенсификация и деинтенсификация порицания.

Многие из уже описанных выше языковых средств выражения порицания можно с полным правом отнести к интенсификаторам выражения основных элементарных смыслов – наречия, а также модальные частицы, междометия и междометные выражения. Их особенностью является тот факт, что они часто связаны не с реальным нарастанием степени признака, а с установкой говорящего, т.е. они отражают не столько объективный, сколько субъективный компонент порицания как аксиологического суждения.

Следует в этой связи обратить особое внимание на наречия, выполняющие функцию сентенциональных модификаторов, то есть интенсифицирующих содержание всего высказывания в целом: *Und du, <...> hast uns beide unsagbar gequält, nicht wahr? Statt mir zu sagen, was dir begegnet war, findest du beleidigende Worte für mich und machtest mich glauben, dass ich dir nichts bedeutete (B-St, 64).* Подобные наречия могут быть устранены без нарушения истинности высказывания, ср.: *Und du hast uns beide gequält, nicht wahr?* Очевидно выполнение наречием *unsagbar* функции повышения воздействующей силы порицания, оно ориентировано на эмотивность, на восприятие порицания адресатом.

Такие наречия, дающие модальную характеристику порицаемого признака (поведения, действия), употребляются обычно при прилагательном: *Du bist reichlich aufsässig, Anne. Ich würde dir raten, ein wenig lebenswürdiger zu mir zu sein, zumals du von mir abhängig bist* (B-St, 43) – модальный оператор *reichlich* показывает высокую степень представленности признака/качества *aufsässig*. Так же функционируют интенсификаторы *ganz schön* (*Bist ganz schön frech, Bienchen* (K-A, 71)), *wirklich* (*Du hast das damals wirklich raffiniert eingefädelt. Wilmas Sehnsucht nach einem Kind hast du schlau in deine Pläne einbezogen. Und du warst das Kind ein für allemal los* (U-V, 13)), *sehr* (<...> *Sie sind ein sehr junger Mann und sehr dumm, so viel zu riskieren* (B-S, 166)), *gar* (*Noch gar nicht richtig auf der Welt und wagt es, meinen Mann zu kritisieren* (H-M, 197)). Аналогом таких словосочетаний с усилителями являются прилагательные, включающие интенсифицирующий элемент в свою словообразовательную структуру и имплицитующие в таком случае метафорическое сравнение, например: *So eine Schande... Mit sechzehn Jahren stockbetrunken!* <...> (N-H, 103) – интенсификатором служит компонент *stock-*, при экспликации сравнения мы получаем *betrunken bis zum Zustand eines Klotzes* (ahd., mhd. *stoc* имело значение *Baumstumpf* [Duden 1989: 713]). Еще один пример: *Du bist rotzfrech* (N-H, 57) = *Du bist sehr frech*.

Значительно повышает степень воздействия порицания такая форма выражения оценки, когда на чашу виртуальных весов ставится все возможное и противопоставляется оцениваемому качеству/признаку как *alles andere als gut* или *alles andere als anständig*. С другой стороны, при таком порицании значительно снижается категоричность оценки (отсутствие вербализованного отрицания или отрицательно-оценочного слова психологически переносится значительно легче), снимает ее «припечатывающий» эффект, ср. *alles andere als gut* и *nicht gut, schlecht*. Например: *So unsympathisch sie dir auch ist, Simone, hat sie nicht recht? Die Rolle, die du als Mutter gespielt hast, war alles andere als rühmlich.* <...> (U-V, 22). В этом высказывании сильное порицание говорящего, возмущенного безнравственными действиями партнера, сравнимо с сильнодействующим лекарством иного рода: для того, чтобы достичь желаемого исправительного эффекта, он, применяя его, рассчитывает дозу и возможность непредвиденных реакций. В результате адресат не оскорблен

(ведь не было явных намерений обидеть или унижить его), он принимает критику, осознает всю степень тяжести содеянного и раскаивается.

Значительно интенсифицирует порицание наличие квантификаторов, указывающих на аспект действия – на его регулярность, повторяемость или на его непрерывность в течение долгого времени (*immer, wieder, jahrelang* и т.п.), например: *Wie sollte ich Sie nicht kennen, Baldener-Bäuerin? Sie haben jahrelang mein Leben vergällt, meinen Vater gepeinigt und gequält, wie sollte ich ein Gesicht wie das Ihre jemals vergessen?* (B-St, 42). В приведенном высказывании хорошо видно, насколько тесно переплетается в реальной ситуации рациональная оценка поведения (в соответствии со стереотипами – действия *peinigen* и *quälen* оцениваются отрицательно в любой культуре) с оценкой эмоциональной, проистекающей из личного отношения говорящего к объекту оценки (в нашем случае непримиримая ненависть).

Интересно обратить внимание на особый вид интенсификаторов – наречие с отрицанием *nicht einmal*, которое оценивает действие/поведение адресата по отношению к норме, показывает, что не соблюдается даже общепринятый минимум предъявляемых к нему требований: *Nicht einmal Schuhe putzen kannst du! <...>* (K-VA, 166) – порицается неумение сделать самое, по мнению говорящего, малое – почистить обувь. Порицания с *nicht einmal* касаются и более серьезных тем, но в любом случае они показывают на несоответствие действий адресата общепринятой норме, например, при несоблюдении адресатом этической нормы – дети должны уважать родителей и помогать им – рождается следующее высказывание порицания: *Du hast keinen Respekt vorm Tod, geschweige vor mir. Nicht einmal die Kinder sind einem mehr ein Trost, wenn es so weit ist* (K-M, 11). Высказывания с *nicht einmal* являются двоякодействующими: с одной стороны, они усиливают перлокутивный эффект порицания, утверждая, что адресат не в силах (не умеет, не желает) сделать даже самое малое, необходимое для удовлетворения говорящего; с другой стороны, они снимают категоричность порицания, делают его более «обтекаемым», поскольку эксплицируют самый низкий уровень требований: *Hier zeigt sich wieder einmal deutlich, was euch die Verwandtschaft wert ist. Nicht einmal eine Gans habt ihr für uns übrig, und wir fahren bei dieser Affenhitze in dieses Kaff* (S-T, 7) – адресат интерпретирует данное порицание следующим образом:

конечно, для дорогих гостей можно было бы (в соответствии с тем, как это принято в приличных домах) приготовить и поросенка, и бычка на вертеле. Но ведь на столе нет даже гуся! Очевидно, что обратной стороной или даже фоном такого порицания является самопохвала, как это часто бывает в порицании – подчеркивая отрицательность адресата, беря на себя компетенцию оценивать, говорящий подчеркивает свою положительность.

В ситуациях, когда говорящий, порицая, осознает возможность возникновения конфликта, он стремится избежать использования категоричных, безапелляционных форм выражения оценки⁵⁸. Т.Г. Винокур называет использование в речи средств снижения категоричности «эффектом уклончивых слов» [Винокур 1980: 71-73].

О некоторых средствах менее безусловного оценивания, указания на субъективность мнения, возможности других мнений мы уже говорили, например, в разделе о глаголах: глаголы *finden*, *glauben*, *scheinen* указывают, что оценка относится к индивидуальной сфере говорящего, которая может не совпадать с миром адресата.

Другим способом снижения категоричности оценки является использование различного рода деинтенсификаторов, снижение количества признака. К средствам, ослабляющим перлокутивный эффект высказывания, относятся, прежде всего, так называемые аппроксиматоры – слова, выражающие приблизительность, показывающие не количество признака, а истинность высказывания: «говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками» [Виноградов 1986: 577]. К немецким аппроксиматорам относятся такие слова и словосочетания как *etwas*, *ein bisschen*, модальное

⁵⁸ Основанием для необходимости смягчать выражение оценки являются подробно описанные в теории коммуникации принципы кооперативного общения [Grice 1975; Leech 1983]. Соблюдение диалогического, интерактивного принципа коммуникации предполагает, что мы не механически передаем информацию друг другу, в своей совместной деятельности мы создаем последствия (перспективы) взаимной коммуникации. Американский специалист по теории коммуникации П. Хани пишет о возможном эффекте нашего обращения к адресату, что его отношение к нам и, что более важно, его поведение по отношению к нам, определяется в значительной степени нашим отношением к нему. Вынося оценочное мнение сниженной категоричности, говорящий дает возможность адресату оспорить это мнение, указывает, что это мнение не является абсолютно и единственно верным, и с другой стороны, он легче реализует свою иллокутивную цель – воздействовать на адресата, добиться изменения его поведения или исправления результатов его действий. И наоборот, категоричное, не допускающее вариантов порицание ведет к обидам, взаимонепониманию и, следовательно, к конфликтам.

слово *wohl*, например: *Jobst, ich fürchte, du warst ein bisschen zu voreilig <...> (B-H, 53); Vater ist da bisweilen etwas... ähm – na ja, engstirnig (S-T, 16). Такие высказывания, несомненно, более осторожны, более вежливы (ср. высказывания без деинтенсификатора *Jobst, du warst zu voreilig, Vater ist da bisweilen engstirnig*), но в то же время они сильнее, поскольку их труднее опровергнуть.*

Категоричность оценки в порицании снижается и при употреблении модального оператора предположения – частицы *wohl*, которая, однако, может придать высказыванию и оттенок иронической насмешки, показать осознание говорящим своего превосходства над партнером, а значит, усилить воздействующую силу порицания: *Sie haben wohl schwache Nerven!* (N-H, 412).

Наконец, специфическим способом смягчения порицания являются квантификаторы *manchmal, manche*, проецирующие отрицательную оценку не на адресата вообще, а на проявление время от времени отрицательно оцениваемого в его действиях/поведении: *Sie sind manchmal unausstehlich, Graf (B-St, 53)* – в приведенном высказывании порицается непостоянный признак адресата – его ироничность, иногда неприятная собеседникам.

Следует отметить, что как повышение, так и понижение интенсивности порицания часто происходит комплексно, путем использования нескольких средств. Значит, мы можем констатировать высокую степень эмотивной плотности порицания, что еще раз доказывает недостаточность эмотивности одного элемента для адекватного выражения эмоций в данный момент.

Это (истинное, поскольку много раз доказанное) мнение не исключает, однако, появления высказываний, не включающих в свой состав никаких парадигматических эмотивных средств и интенсификаторов, представляющих собой, тем не менее, сильное ситуативное порицание. Например, в речевом фрагменте – *Andreas! – Ich – ich hab nimmer an mich halten können <...> (S-T, 28)* основными показателями иллокутивной силы порицания является прагматическая ситуация (порицается влюбленный молодой человек за нарушение рамок принятого поведения) и интонация, которая, как известно, является одним из самых сильных средств выражения интенции. Развернув имплицитно выраженные иллокутивную часть и пропозицию, получаем полное

высказывание порицания: *Ich werfe dir dein Benehmen vor und tadele dich dafür, dass du mich geküsst hast, du hast es aber nicht tun dürfen*, в ответ на которое следует адекватная реакция адресата – извинение за неподобающее поведение и объяснение его причин: (*Ich entschuldige mich*), *Ich – ich hab nimmer an mich halten können*.

В следующем примере для выражения порицания достаточно одного короткого слова *ja*, которое в данной ситуации сильнее любого, даже самого эмоционального высказывания: – *Ich kann mir alles kaufen... Pelze, Schmuck, Sportwagen, Häuser und – Männer! Ist es unmoralisch, von diesen Möglichkeiten Gebrauch zu machen? – Ja* (К-А, 68). Произнося лаконичное *ja*, порицающий не пытается ни привести аргументы в пользу своей точки зрения – она, на его взгляд, отражает истинное положение вещей в реальном мире и не требует дополнительной аргументации; ни каким-то образом эмоционализировать свое высказывание – он тем самым выражает свое отрицательное эмотивно-оценочное отношение – этическое презрение – не только к самому адресату, его нравственным качествам, но и к его образу жизни и поведению. Такое порицание «бьет» адресата наотмашь, поскольку он – собственно, она – молодая жена очень богатого промышленника, избалованная и не знающая границ морального и аморального, – однажды пытается объяснить свое мировидение, считая его естественным и ожидая понимания от партнера.

При сопоставлении двух последних речевых фрагментов с ранее приведенными мы убеждаемся еще раз в действии принципа «борьбы противоположностей» – явление языковой избыточности в одном высказывании «соседствует» с явлением языковой экономии в другом. И нельзя определенно сказать, какое из этих явлений делает выражение интенции более действенным, поскольку при выборе формы высказывания включаются самые разнообразные когнитивные механизмы, учитываются самые разнообразные социальные параметры. И именно поэтому каждое новое высказывание уникально – оно произносится в неповторимых прагматических условиях (нельзя дважды войти в одну и ту же реку!), имеет уникальный набор смысловых компонентов.

Синтаксис порицания. Огромное структурное многообразие высказываний порицания делает практически невозможным определение круга всех синтаксических моделей, лежащих в их основе: порицание является чаще всего многословным речевым актом с полипредикативной синтаксической основой, части которой строятся по разным моделям, переплетающимся между собой, переливающимся друг в друга. Такая неоднородность значительно осложняет задачу выделения чистых порицательных синтаксических структур. Но в целях обобщенного синтаксического описания феномена порицания мы позволим себе абстрагироваться от конкретных особенностей и уникальных вариантов реализации и комбинирования элементов и со множеством оговорок все-таки представим перечень схем наиболее иллокутивно «прозрачных» высказываний. В нашем перечне пять моделей:

I, ($N_{1(\text{pron})} + V_{\text{kop}}$) + X_{adj} + N_{1X} , где X – оценочный элемент

Eingebildeter Bursche! (B-H, 9)

Ia. ($N_{1(\text{pron})} + V_{\text{kop}}$) + Attr + N_{1X}

Eine unglaubliche Arroganz! <...> (M-S, 301)

Ib. ($N_{1(\text{pron})} + V_{\text{kop}}$) + X_{adj} + N_{1X}

Ein sturer Bock! (K-S, 31)

Ic. Du/Sie + X_{adj} + N_{1X} (вокатив)

<...> *Rüdiger, du blöder Trottel!* (N-H, 110)

II. $N_{1(\text{pron})} + V_{\text{kop}} + X_{\text{adj}} / N_{1X}!$

Du warst in der letzten Zeit so patzig und ungezogen (N-H, 244)

Ich bin eine Schlampe (IK-M, 98)

Вариант этой модели: (NG +) $X_{\text{adj}} / N_{1X}!$

So ein Unglücksmensch! (B-H, 35)

III. Das ist + N_{1X}

<...> *Und es ist eine Ungeheuerlichkeit, nun die Frauen der Toten der Verschwendung zu bezichtigen* <...> (K-A, 219)

Vater! Das ist eine Gemeinheit! (K-A, 132)

Вариант: $N_{1X} + (NG)!$

Affäre! Schon wieder so ein dummes Wort aus dem Sprachschatz vergangener Zeiten! (K-S, 70)

Todeskammerl, so ein Schmarrn! (K-M, 17)

IV. Das ist + X_{adj} .

Das ist enttäuschend! (M-S, 491)

V. N₁(pron) + V_{fin} + (X) + (NG),

Fast jeden Tag kommen Sie zu spät zur Schule (N-H, 8)

Du belügst deinen Pfarrer! (K-A, 171)

Va. N₁(pron) + V_{Xfin} + X + (NG(x)),

Ihr treibt Zersetzung! Feindpropaganda! (N-H, 320)

Высказывания первых четырех моделей включают эллиптические варианты, выражающие концентрированную эмотивную оценку. В них может отсутствовать указание на предмет порицания, глагольная часть или артикль: *Schweinerei, verdammte! (N-H, 495); Sauerei! Mistloch! (N-H, 360); Schlecht, sauschlecht, hundsmiserabel! (N-H, 431); Wahnsinniger! Schwachsinniger! Irrsinniger! (N-H, 431).*

Вариантами порицаний, строящихся по первым трем моделям, являются восклицательные фразеологизированные высказывания (безглагольных эллиптических и полных) с типизирующими словами *welch, solch, dieser, wie, so, was für ein*, которые в сочетании с эмоционально-экспрессивной интонацией поддерживают иллокутивную силу высказываний: *Oh, welch ein Tor bin ich doch gewesen! <...> (T-O, 62).* Подобные высказывания выражают спонтанную аффективную, очень интенсивную оценку качественного признака оцениваемого лица, которая, как правило, не поддерживается дополнительной аргументацией, поскольку аффект не допускает многословия – предполагается, что отрицательность оцениваемого налицо: *Was für nutzlose Feiglinge! (M-S, 135)* – порицание касается присутствующих при разговоре третьих лиц; *Was bin ich nur für eine blöde Pute! (IK-M, 140)* – самопорицание за совершенно конкретное действие.

Высказывания с указательным местоимением *solch* или наречием *so* как самостоятельные единицы могут функционировать в любом контексте, при этом они обладают огромным семантическим потенциалом: адресат «додумывает» фразу, заполняя оставленную лакуну доступным его воображению содержанием в зависимости от ситуации и от отношений между партнерами, от интонационных особенностей высказывания: *Mit einem solchen Menschen rede ich nicht mehr! Ich werde mich nicht mehr an einen Tisch mit ihm setzen <...> (K-A, 210).* Словосочетание *mit einem solchen Menschen* может быть распространено оценочными прилагательными

schlecht, frech, böse, ungerecht и т.п., но даже в случае употребления всех прилагательных сразу степень интенсивности оценки снижается по причине «разжижения» прилагательным ее высокой концентрации.

Такая стратегия порицания очень продуктивна и благодаря своей гибкости (возможность «вкладывания» в подразумеваемую часть высказывания самых разнообразных оттенков эмоционально-оценочного отношения от легкого пренебрежения и иронии до сильного презрения) очень действенна. Лакунированные высказывания относят порицаемую личность к социальному классу (<...> *Als ob so einer wie du die feinen Hände schmutzig machen wird! Schäm dich!* (A-M, 35), сравнивают ее с другими: <...> *Dass ausgerechnet wir solche Kinder ham! Andere ham ganz andere Kinder* <...> (K-M, 39). Отказ от идентифицирующей номинации, «обезличивание» партнера является демонстративным понижением его значимости и показателем намеренного игнорирования говорящим адресата, максимальной дистанцированности от него. Порицание с таким обозначением адресата очень интенсивно и в определенных ситуациях может быть воспринято как инвектива, поскольку в нем явно слышится презрение: *So also steht es mit dir. Und ich verschwende die Zeit mit solch einem...* (B-H, 36).

Семантико-функциональными синонимами таких высказываний являются порицания, просто называющие отрицательно оцениваемое лицо: *Mannsbilder!* (S-T, 5); *Und das ist mein Sohn* (K-M, 15); *Diese Kids heutzutage* (G-T, 104). Они подобны соответствующим комплиментарным единицам – в них адресат тоже должен вывести аксиологический элемент на основе стереотипных представлений о возможных признаковых характеристиках оцениваемого объекта: *Männer sind nicht treu, eigensinnig, haben schwache Nerven..., Kinder sind undankbar, die junge Generation ist rücksichtslos und frech* и т.д. Отсутствие оценочного прилагательного концентрирует оценку и делает порицание, с одной стороны, более емким, а с другой стороны, более осторожным, менее категоричным, поскольку признак не эксплицируется, он лишь подразумевается.

Особую эмоциональность порицанию придает инверсия: говорящий в состоянии эмоционального подъема или напряжения часто начинает свою речь с самого главного: <...> *Viel zu weich bist du!* (N-H, 262). Эта особенность эмоциональной речи описана давно, по этому поводу

высказывался, например, В.Г. Адмони: На первом месте может стоять член предложения, который следует особенно выделить. Чем необычнее эта позиция для данного члена предложения, тем действеннее его сдвиг на эту позицию [Admoni 1986: 309]. В порицании *Meine Güte, bin ich bescheuert!* (IK-M, 140) говорящий вынесением бытийного глагола на первое место – нетипичный для немецкого языка порядок слов – подчеркивает не просто отрицательное качество осуждаемого лица, а само наличие этого качества, обладание им. Инверсия часто сочетается с разного рода повторами, которые поддерживают аффект, усиливают его: <...> *Belogen hast mich! Deinen Vater und deine Mutter belogen! Wegen eines Weibsstücks* – (K-A, 104). Приведенный пример еще раз свидетельствует об эмотивной плотности высказываний порицания, включающих сразу несколько языковых средств выражения аффекта.

Наконец, следует вспомнить о существовании некоторого перечня клишированных синтаксических структур, за которыми парадигматически закреплено порицательное значение. К таковым относятся, например, псевдопридаточные предложения с глаголом *lachen*: *Fremdgeber aller Länder, vereinigt euch, was? Dass ich nicht lache!* (H-M, 155), они являются фразеологизированным синонимом лексической единицы *lachhaft*: *Fremdgeber aller Länder, vereinigt euch, was? Das ist lachhaft!*

Моделированное образование *Du/Sie und dein/Ihr + Substantiv* и его вариант *Du/Sie mit dein.../Ihr... + Substantiv* тоже являются порицательными клише, в них, независимо от контекста и лексического наполнения, заложено отрицательное оценочное значение: (1) *Mei, du und dein Geld! Das hast du im ersten Ehejahr schon zum Fenster hinausgeworfen.* <...> (S-T, 58; (2) *Wenn das hier alles den Bach runter geht, bin ich dort herzlich willkommen. Du aber, Jakob, mit deinem unverbesserlichen Sturschädel* (S-T, 62). Используя эти конструкции в речи, говорящий оценивает и характеризует адресата одновременно: (1) *Du prahlst mit deinem Geld, aber es gab ganz wenig von deinem Geld, und ich finde es frech, dass du immer davon sprichst;* (2) *Du, Jakob, bist stur, diese Eigenschaft ist unverbesserlich und das schätze ich negativ ein.*

Косвенное порицание. В лингвистических работах явление косвенности изучается главным образом на примере высказываний, связанных с конфликтной ситуацией общения, а ее причинами признается

стремление создать благоприятную коммуникативную обстановку, избежать использования наименее этикетных языковых форм, сохранить собственный статус и авторитет слушающего (см.: Franck 1975: 228-229; Sökeland 1980: 159; Арутюнова 1981: 362; Ратмайр 2003: 21). Ведь воздействие вербальных форм порицания с отрицательной оценкой порождает дискомфортные для адресата ситуации, сопряженные со страхами, стрессами, переживаниями, ожиданием опасности, ощущением своей уязвимости. Такой личный дискомфорт как результат отрицательного вербального воздействия имеет последствия не только для процесса передачи и восприятия информации, но и для согласованной коммуникации в целом. Положение о том, что речевые единицы используются во вторичной функции прежде всего в целях маскировки неприятных для собеседника, резких, безапелляционных замечаний, способных вызвать разногласия между интерактантами, подтверждает анализ фактического материала.

В порицании очень велик процент конвенциональных косвенных речевых актов – опривыченных, даже некоторым образом ритуализованных высказываний, при восприятии которых снимается необходимость инференциального вывода смысла, потому что функция порицания закрепляется за ними конвенционально, как во всяком ритуале. Все конвенционализированные речевые акты легко делятся на три большие группы: порицания в форме констативов, порицания в виде вопросов и порицания в виде побуждений.

Констативы как порицания. Порицание в форме констатива направлено на то, чтобы адресат исправился в момент говорения, в них, как и в любом порицании, заложена некоторая доля императивности: *Sie setzen meine Mandatin unter Druck, Chief Inspektor <...> (G-T, 496) = Sie setzen meine Mandatin unter Druck, Chief Inspektor, das schätze ich negativ ein und bitte Sie, Ihre Fragen anders zu formulieren, sonst bin ich gezwungen, ihr den Rat zu geben, sich weniger kooperativ zu verhalten.* Первичная иллокутивная цель констативов – довести до сведения адресата некоторую информацию. Но эта цель не может считаться самостоятельной, поскольку речь идет не просто об известном, а об очевидном слушающему положении дел: *Du tust mir weh (N-H, 37).*

Об уходе основной иллокуции на второй план можно говорить также в случае констативов, напоминающих адресату его собственные автобиографические данные (возраст, пол, родственные связи, социальное положение и т.п.): <...> *Über fünf Jahre ist der Junge jetzt alt, und erst jetzt besinnen Sie sich auf Ihre Mutterpflichten. Nach über fünf Jahren...* (U-V, 22). Такие высказывания представляют собой один из наиболее распространенных косвенных способов выражения отрицательной оценки собеседника. Говорящий знает, что содержание его высказывания не является новостью для партнера по коммуникации, но он, тем не менее, нарушает максимум релевантности и сообщает партнеру хорошо известный ему факт. Оправданной подобная информационная избыточность может быть лишь в случае, если семантика высказывания не исчерпывается только его денотативным содержанием, а включает дополнительные неконвенциональные созначения, в нашем случае порицание. Задача адресата – уловить действительную интенцию говорящего и обнаружить истинный смысл, скрытый за безобидной, на первый взгляд, констатацией факта. Совершенно очевидно, что основной вес в таких высказываниях приходится на долю прагматического значения констативов, объективное содержание является всегда лишь отправной точкой, поводом для передачи глубокого субъективного смысла, который и составляет истинный мотив говорения.

В порицании-констативе могут быть представлены несколько стратегий.

Порицания с изменением референциальной соотнесенности. Одной из наиболее популярных стратегий порицания является преобразование различных элементов прямого оценочного высказывания, в частности преобразованием референциальной соотнесенности объекта или субъекта порицания. Примером реализации такой стратегии может служить высказывания с заменой конкретной референции субъекта и объекта оценки одновременно на неопределенную: *Alles wird einem missgönnt in diesem Haus!* (K-M, 17). В приведенном высказывании, формально представляющим собой констатацию неблагожелательной семейной атмосферы, оценка выражается глаголом *missgönnen*, обозначающим социально порицаемый образ действий, поведения. Но в нем не называется ни конкретный адресат, ни субъект

оценки (ср. *Du missgönnt mir alles*) – порицаемое поведение приписывается неопределенному субъекту, за которым явно «просвечивает» адресат. Вывод о выражаемом порицании мы делаем, проведя некоторые инференции: *Alles wird einem <mir> missgönnt in diesem Haus! Das schätze ich negativ ein und werfe es <meinem Partner> dir vor, weil du mein Missgönner bist.* Удобным языковым средством выражения неопределенности адресата (поскольку он без труда определяется в контексте и ситуации) являются двучленные пассивные конструкции: *Die Kirche wird in unserem Haus nicht verunglimpft!* (S-T, 8) – простая, на первый взгляд, констатация несовершения некоторого действия является в определенной прагматической ситуации категоричным требованием прекратить порицаемое действие: → *Die Kirche wird in unserem Haus nicht verunglimpft! Sie verunglimpfen aber die Kirche, was ich negativ einschätze; ich bitte Sie daher nachdrücklich, mit der Verunglimpfung der Kirche aufzuhören.* Именно неназывание адресата способствует усилению категоричности порицания, поскольку такое структурно строгое, нераспространенное высказывание всегда привязано к коммуникативной ситуации и адресуется совершенно конкретному партнеру, совершившему предосудительные действия, в нашем случае неуважительно высказавшемуся о церкви и ее служителях. Введение распространителей, назидательных рассуждений «по поводу» «разжижает» концентрированность порицания, отвлекает внимание адресата от его истинной интенции.

Распространенным способом порицания без указания на объект порицания является использование предложений с неопределенно-личным местоимением *man*: *Deswegen braucht man nicht zu schreien!* (S-T, 46). Тождественность объекта оценки в приведенном высказывании его адресату проверяется законом взаимозаменяемости тождественных величин, который называется законом Лейбница: тождественны те величины, которые могут заменять друг друга без изменения истинностного значения предложения [цит. по: Арутюнова 2005 (1976): 200]: *Deswegen braucht man nicht zu schreien! = Deswegen brauchst du nicht zu schreien!* О правильной интерпретации высказывания как порицания свидетельствует агрессивная реакция его адресата, настаивающего на

своем праве выполнять отрицательно оцениваемое действие: – *In meinem Haus schreie ich, solange es mir passt!* (S-T, 46).

Популярной стратегией упрека-выражения обиды является перечисление в присутствии адресата порицания всего, что неопределенный субъект сделал для виртуального объекта речи (которым, собственно, является адресат порицания): *So ist es, Herr Direktor. Da hat man einen Sohn, man erzieht ihn, man glaubt, er wird ein guter, fleißiger Mensch. Man tut alles für ihn, man ist nicht mehr sein Vater, sondern sein Freund. Man glaubt, dass es nichts auf der Welt gibt, was sich Vater und Sohn nicht sagen könnten – und dann erfährt man, dass er er lügt, dass er systematisch lügt, dass er ein falsches Spiel treibt, dass er –* (K-A, 104). Такие высказывания – своего рода «причитания» – имеют целью воздействовать на совесть адресата, вызвать у него чувство раскаяния. Говорящий обращается к моральным правилам, по которым должен жить каждый нравственный человек: не лгать, быть честным, возвращать добро. Во второй части приведенного высказывания, которое начиналось просто как сообщение о том, как бывает в жизни, о неопределенной семье и об отношениях в ней, появляется выражение оценки (*lügen, ein falsches Spiel treiben*), усиленное повтором и квантификатором *systematisch*. Это свидетельствует о нарастании степени эмоциональности порицания. И когда порицаемое лицо попыталось вставить слово (*Vater –*), сдерживаемые эмоции прорываются наружу и уже в прямом порицании обрушиваются на собственно адресата порицания: *Sei still! Wären wir jetzt zu Hause, nähme ich den Wäscheknüppel... ganz gleich, was daraus werden würde! Belogen hast du mich! Deinen Vater und deine Mutter belogen! Wegen eines Weibstücks –* (K-A, 104). Партнер по разговору в таких ситуациях уходит на второй план, он не играет, по сути дела, никакой роли, он является фоном, на котором происходит общение говорящего и третьего, порицаемого лица, называемого в данном случае неопределенно *der Sohn eines Vaters*.

Большую группу косвенных порицаний составляют высказывания с расширением объекта оценки – заменой его конкретной референции на обобщенную, например: *Natürlich, ihr Weiberleut wollt immer gern Ehen stiften, was dabei herauskommt, ist euch letzthin gleich* (B-St, 50). Отрицательная оценка выражена в приведенном порицании имплицитно –

только декларируется неблаговидность одного из любимых – по мнению говорящего – занятий женщин, порицаемых обществом – сводничество. Оценка направлена адресату, но касается не его (ее) конкретно, а всех женщин как категории (*ihr Weiberleut*). Наречие *immer* интенсифицирует высказывание, указывает на постоянность, повторяемость действия.

Высказывания с обобщенным объектом порицания очень разнообразны. Часто адресат причисляется к категории лиц, от природы наделенных, по мнению говорящего, отрицательными качествами, например: <...> *Haben Sie sich mal in meine Lage versetzt? Wenn Sie das als Mann überhaupt können... Männer sind doch alle gleich, roh und gefühlslos... (J-K, 162)*. Типично «межгендерное» порицание-упрек, относящее адресата к представителям противоположного пола и наделяющее его всеми возможными отрицательными качествами. Совершив несколько семантических интерпретирующих шагов, мы эксплицируем истинный смысл высказывания: *Sie können sich in meine Lage nicht versetzen, weil Sie ein Mann und deshalb ebenso roh und gefühlslos wie alle Männer sind*. Речевое общение представляет нам множество примеров таких межгендерных порицаний (ср. высказывание *Natürlich, ihr Weiberleut wollt immer gern Ehen stiften, was dabei herauskommt, ist euch letzthin gleich*). Вот еще один образец «мужского» порицания, представляющего женщин легкомысленными созданиями, не имеющими понятия о честности и верности, основное занятие которых – дурачить мужчин: *Lieber ein stummer Einsiedler, als Narr für euch Weiberleut! (A-M, 29)*. Высказывания такого рода (с компаративами общей оценки) Н.Д. Арутюнова называет предложениями операционального предпочтения [Арутюнова 1999: 224], которое устраняет альтернативу (*Narr für die Weiberleut*) и программирует действия. Компаратив *lieber* относится к ситуации, создаваемой волей и действиями говорящего, и сопоставляет логически несовместимые положения дел (*stummer Einsiedler* и *Narr für die Weiberleut*).

При обобщении объекта оценки встречается стратегия называния неблаговидных действий, порицаемых обществом, к исполнителям которых имплицитно причисляется и адресат: *Einem Madl den roten Hahn aufs Dach setzen, das tun nur feige Lumpen. Zu denen will ich nicht gehören (B-SZ, 51)*. Говорящий эксплицитно отграничивает себя от адресата, о котором точно знает, что именно он нанес вред объекту речи, и которого

он относит к категории «трусливых негодяев», давая ему тем самым эксплицитную оценку.

Обобщение объекта оценки может иметь самые разные пределы – от отдельной группы до целого мира, в последнем случае значительно возрастает степень эмоциональности и интенсивности порицания, недовольство говорящего раздвигает границы коммуникативной ситуации, конкретный адресат растворяется в категории «все»: *Jetzt langt's mir aber! Langsam scheint mir, dass sich alle Welt in meine Angelegenheiten einmischen will. Jeder versucht, mich von was abzubringen...* (B-SZ, 20).

Косвенное порицание достигается путем смещения объекта оценки – оценивается не адресат высказывания, а третье лицо, присутствующее при этом: *Deine Tochter hat nur ihren Putz im Kopf, liebe Schwiegermama!* (S-T, 7). На имплицитную отрицательную оценку в приведенном высказывании указывает только наречие *nur*, подчеркивающее скудость ума оцениваемого лица, занятого только самосозерцанием и самолюбованием. Употребление слова *Putz* в переносном значении для обозначения средств макияжа также показывает отрицательное отношение говорящего к образу жизни адресата порицания. Перлокутивный эффект такого порицания не менее силен, чем в случае прямого порицания, которое применяют осторожно, в строго рассчитанных дозах, поскольку иначе оно чревато опасностью перейти в оскорбление. Еще примеры такого рода: порицание адресата порицания (но не адресата высказывания) за то, что он не считает нужным делиться с близкими важными новостями: *Barbara, das sage ich dir, heirate nie einen Püttmann! Die machen das Maul nur an der Theke auf* (K-A, 116). Приведенное порицание произносится в ситуации, когда супруг автора порицания – опытный шахтер, отец семейства, возвращается домой после проведения опасной операции спасения провалившегося в заброшенную шахту ребенка и, не сказав за весь вечер ни слова о происшедшем, только перед самым слов мимоходом сообщает жене о том, что могло стоить ему жизни. Говорящая формально направляет свое высказывание дочери, но говорит намеренно громко, чтобы ее слышал муж. Таким образом, это высказывание, без сомнения, является экспрессивным порицанием-упреком, значительно более действенным, чем прямое агрессивное порицание, которое, возможно, привело бы к конфликту.

Порицание может выражаться посредством положительной оценки лица, не присутствующего при разговоре, при этом достоинства отсутствующего противопоставляются недостаткам адресата, выигрывающим при сравнении их с поведением обсуждаемого лица: *Und höflich war er auch! Davon könnte mancher sich eine Scheibe abschneiden* (K-VA, 16). Еще пример, в котором порицание основывается на сравнении адресата и его отрицательно оцениваемого качества – излишней, на взгляд говорящего, говорливости – с голубями, которые, если и обладают какими-либо недостатками, то, по крайней мере, не говорят глупостей: *Prost Mahlzeit! Ich geh in'n Schlag. Die Tauben quatschen wenigstens nicht* (K-A, 16).

Нельзя не упомянуть и такую стратегию порицания с соблюдением всех правил этикета, как оценка лиц, ответственных за воспитание адресата, привитие ему тех или иных качеств, обучение его тем или иным навыкам. В следующем высказывании адресат порицается за неумение вести себя, при этом формально оцениваются его родители, не справившиеся, по мнению говорящего, с поставленной перед ними воспитательной задачей: *Junge, deine Eltern sind nicht gerade Meister in Sachen Kindererziehung* (M-S, 190). Такая стратегия является средством деинтенсификации порицания, снятие вины с адресата, переложение ее на третьих лиц.

Важной и очень действенной стратегией порицания является «вторжение» в коммуникативное пространство адресата, то есть лишение адресата «права на речь», настаивание говорящим на собственном сценарии коммуникации, сознательное игнорирование интересов партнера. Коммуникативный дисбаланс устанавливается, например, при оценке говорящим коммуникативной компетентности партнера, негативная характеристика его высказывания: *Ich verbitte mir freche Antworten!* (K-A, 89). Она направлена на захват коммуникативной инициативы, на девальвацию его высказываний по причине его коммуникативной некомпетентности. По аналогии с известным термином «коммуникативное самоубийство» Т.А. Воронцова [Воронцова 2006] вводит понятие «коммуникативное киллерство» – уничтожение высказываний партнера, которое, однако, не всегда удается, адресат, уверенный в своей правоте, может возразить, в таком случае порицание не достигает своей цели и

ситуация перерастает в конфликт, ср. продолжение речевого фрагмента: – *Ich verbitte mir freche Antworten! – Und ich verbitte mir, dass hinter meinem Rücken – Sie verbittet mir etwas! Meine Tochter verbittet sich etwas von mir! Du bist noch nicht zu alt, als dass ich dir nicht ein paar hinter die Ohren geben würde!* (К-А, 89).

Порицание с имплицитной оценкой. Другой тип порицаний-констативов – порицания, в которых оценка не выражена эксплицитно, для ее выведения требуется применение некоторых мыслительных усилий. Такое порицание реализуется при помощи интенсификаторов, частиц, а также восклицательных выражений, которые показывают, что говорящий оценивает поведение, действия адресата отрицательно: *Du tust mir weh, William* (К-А, 161) – порицание-констатация небенефактивного для говорящего действия адресата указывает на имплицирование отрицательной оценки этого действия и порицание за его исполнение: *Du tust mir weh, William. Ich schätze es negativ ein und werfe es dir tadelnd vor.* Еще пример: *Du hast bis jetzt fünf Tage gearbeitet* (К-А, 112) – констатация небольшого срока работы в определенной прагматической ситуации превращается в упрек – говорящий порицает адресата за безделье, за нарушение правил и договоренностей. Это порицание лишено каких бы то ни было средств интенсификации и эскалации экспрессивной насыщенности, несмотря на то, что адресат действительно «заслуживает» оценки в экспрессивно утрированной форме: говорящему важно не допустить «эмоционального перехлеста» в ущерб целям общения в данной ситуации. Но авторитет говорящего, вес его положения оказывают необходимое влияние, сила воздействия его порицания заключается именно в краткости и строгости констатации, концентрирующей отрицательную оценку как удар молнии. В таких «строгих» порицаниях проявляется особенность общения, о которой писал В.Д. Девкин: отсутствие чрезмерной эмоциональности является одной из особенностей хоноративного общения, характеризуемого стремлением к объективному отражению личности адресата и ее коррекции в соответствии с требованиями общества [Девкин 1985: 13].

Конвенциональными в этой группе порицаний-констативов являются высказывания, выражающие предположение или утверждение о психическом заболевании говорящего: *Da hast du dich auf etwas Schönes*

eingelassen. Eine Liebschaft mit einem Knecht! Du musst nicht recht bei Trost sein, Madl! (S-T, 44). Подобные высказывания легко инферируются, мыслей действия говорящего открыты: поступать настолько нелогично, на его взгляд, может только психически больной человек, отсюда предположение о нездоровье адресата (*Luigi, du bist wohl verrückt! <...> (K-A, 204)*) или констатация этого (*Du spinnst ja! <...> (B-H, 12)*).

Порицанием являются высказывания-предположения о выполнении адресатом действий, являющихся недопустимыми или нерациональными в данной ситуации: *Sie pennen wohl! (N-H, 291)* – порицание солдату, не сумевшему сразу отреагировать на вопрос старшего по званию; *Da haben Sie bestimmt Ihre Fingerpatschen hinterlassen, was Constable (G-T, 269)* порицание незадачливого деревенского полицейского, допустившего уже несколько промахов при расследовании убийства, предположение об очередной ошибке является если не естественным, то, по крайней мере, логичным.

Произнося порицания с имплицитной оценкой, говорящий ориентируется на фоновые знания и языковую компетенцию, он рассчитывает на способность адресата восстановить эксплицитно не выраженную информацию. Такие порицания полностью зависят от контекста. Фактором, оказывающим влияние на их прагматическую сущность, оказывается признак релевантности содержания высказывания для данной ситуации общения. Высказывание *Aber ich habe keine Vorräte droben, und dies hier ist ein Laden. Ich kann mir keinen Grund vorstellen, dass du es verweigerst, bei dir das Nötigste einzukaufen (B-ST, 29)* порицает за невежливость в общении, оно опирается на ситуацию, где хозяйка сельского магазина отказывается по только ей известным причинам обслуживать покупателя – автора порицания.

Интересны высказывания, в которых говорящий, казалось бы, никаким образом не касается адресата порицания, говорит только о себе, но представление себя в положительном свете, положительная саморепрезентация бросает тень осуждения на адресата и является порицанием его действий и поступков, как, например, в следующем речевом фрагменте: – *Magst du eine Halbe? – Der Himmel bewahre mich, ich müsste Sünden fürchten! Ich trinke nie Alkohol! (S-T, 16)*. Порицающий в представленном высказывании отказывается от предложения выпить с

партнером пива, называя употребление алкоголя большим грехом. При интерпретации его слов адресат учитывает максимум релевантности (говорить только то, что имеет отношение к данной ситуации) и распространяет греховность предложенного действия и на себя: *Ich trinke nie Alkohol, weil es eine Sünde ist; jeder, der Alkohol trinkt, ist Sünder. Du trinkst Alkohol, folglich sündest du auch, das missbillige ich und werfe es dir tadelnd vor.*

При анализе нам встретилась еще одна интересная стратегия выражения имплицитной оценки и порицания – угроза третьему лицу, высказанная адресату: *Persy! Ich enterbe meinen Neffen, wenn er Sie nicht entlässt!* (K-VA, 180). Адресатом порицания является дворецкий молодого дворянина и его друг, который, зная свое особое положение и обладая веселым нравом и острым языком, не упускает возможности подшутить над суетливой, очень эмоциональной, но, в общем, абсолютно безобидной тетушкой своего хозяина. После очередной шутки она в сердцах угрожает лишить племянника наследства, если он не избавится, наконец, от своего слуги. От истинного смысла высказывания интерпретатора отделяет всего один семантический шаг: *Sie sind frech und nicht respektvoll! Mein Neffe soll Sie entlassen! Ich enterbe meinen Neffen, wenn er Sie nicht entlässt!*

Семантическая инверсия в порицании. Высказывания с инвертированным знаком оценки являются продуктивным типом высказываний порицания: *Du bist mir ein schöner Germane, kannst nicht mal saufen!* (N-H, 252). Несмотря на наличие положительно-оценочного прилагательного *schön* высказывание однозначно квалифицируется адресатом как осуждение, упрек. На переход положительной оценки в отрицательную указывает наличие личного местоимения в *dativus ethicus* (*Du bist mir ein schöner Germane*), показывающего эмоциональную задействованность говорящего в содержании высказывания, а также интенсификатор-квалификатор *nicht mal*, выражающий степень «падения» адресата в глазах автора порицания (*Das wenigste, das ein Germane muss tun können, ist Saufen. Du kannst nicht mal das. Diese Tatsache wertere ich als deinen großen Nachteil ein und werfe sie dir tadelnd vor*). Семантическая инверсия в порицании – это обмен психологическими «уколами», которые являются скорее этикетными формами косвенного выражения агрессии, это ироничное, а значит, более язвительное порицание. Высказывания

такого типа всегда интонационно маркированы. На это обращал внимание М.М. Бахтин: «Такие речевые явления, как приказания, требования, заповеди, запрещения, обещания (обетования, угрозы, хвалы, порицания, брань, проклятия, благословения и т.п., составляют очень важную часть внеконтекстной действительности. Все они связаны с резко выраженной интонацией, способной переходить (переноситься) на любые слова и выражения, не имеющие прямого значения приказания, угрозы и т.п.» [Бахтин 1979: 366]. Ирония является в такого рода порицаниях своеобразной попыткой примирить две противоположные интенции – стремление исправить недостаток, с одной стороны, и стремление уязвить, с другой. Высказывание *Sehr schön, dass man dann den alten Vater auch noch gnädigst unterrichtet!* (К-А, 154) дает выход отрицательным эмоциям субъективной оценки, раздражению, недовольству, досаде, но оно облекает эти эгоистические проявления в форму согласия и одобрения, которая должна свидетельствовать о солидарности с партнером по коммуникации. Налицо амбивалентный характер иронических высказываний порицания. Еще один пример, подтверждающий сказанное: *Mahlzeit! Du machst mir den Braten äußerst schmackhaft!* (S-T, 7). В нем говорящий внешне ориентируется на адресата, соблюдая, по сути, самые главные максимы вежливости: максима одобрения (минимально выражается неодобрение по отношению к адресату, чьи интересы затронуты речевым актом), максима согласия (несогласие между говорящим и адресатом сведено к минимуму), максима симпатии (минимально выражается антипатия между говорящим и адресатом). При сравнении пропозиционального содержания приведенного высказывания с его невербализированной иллокутивной функцией становится очевидно, что, говоря словами В.В. Дементьева, между суждением или единицей становления мысли, и интенционалом, или коммуникативной функциональной единицей, существует неестественное, искусственное, но конвенционализированное соответствие [Дементьев 1997: 51].

Порицания в форме вопросов. Порицания-вопросы естественны в диалогическом дискурсе, поскольку здесь в полной мере присутствует то, что предполагается сутью вопросов как речевых актов: живая, реальная коммуникативная ситуация и реальные, меняющиеся ролями ее участники, говорящий и адресат, взаимодействующие друг с другом.

Основное свойство вопроса, как писал А. Гадамер, есть «знание незнания» [Гадамер 1988: 428], вопросы задаются с тем, чтобы узнать неизвестное. Если же вопросы лишены «спрашиваемого», то они теряют смысл, свое первоначальное предназначение и наполняются новым содержанием. Вопросы-порицания – это всегда «гибридные» высказывания, в рамках которых одновременно функционируют разнородные коммуникативные смыслы, рождающие в свою очередь, новые, не заложенные в них смыслы. Такие высказывания сохраняют вопросительную интенцию, которая, однако, уходит на задний план и на которую накладывается порицательная интенция – указание на недостаток адресата и побуждение исправить этот недостаток. Вопросительная форма так часто используется при порицании, поскольку, как известно, вопрос всегда больше нагружен эмоционально, чем констатация. На это в свое время обратил внимание И.Р. Гальперин, считавший, что риторический вопрос является продуктом переноса грамматического значения. Он утверждал, что «стилистический эффект может достигнут только при одновременном функционировании обоих значений – прямого и переносного. <...> Вопросительное и утвердительное значения реализуются одновременно и создают эмоциональный заряд <...>» [Galperin 1977: 245]. Значит, естественно, что порицание, будучи облечено в вопросительную форму, становится более эмоционально окрашенным, более эмфатичным, и поэтому оно полнее раскрывает отношение говорящего к предмету мысли. «...искусственное превращение утверждения в вопрос, вопрос риторический, — пишет по этому поводу П.С. Попов, — имеет целью присоединять эмоциональный момент к категорическому суждению, холодному по своей природе» [Попов 1950: 20]. И дальше «...риторический вопрос равносителен категорическому суждению плюс восклицание» [Попов 1950: 22].

Задавая риторический («ложный» по Ш. Балли [Балли 1961: 315]) вопрос, говорящий заведомо имплицитно подразумевает ответ, который составляет скрытый смысл исходной реплики. Порицание-вопрос предполагает, что (потенциальный) ответ адресата с необходимостью совпадет с пресуппозицией говорящего, единственно истинный ответ сужает «горизонт вопроса» (Гадамер А.), уводит вопросительность на задний план. Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что порицание-вопрос будет

успешным только в том случае, если предпосылка отрицается пресуппозицией высказывания, то есть если обоим партнерам заранее известно положение дел, отрицающее исходное предположение вопроса. В ином случае, при восприятии адресатом в первую очередь собственно вопросительной интенции он не выходит за пределы области выбора допустимых ответов и реагирует, нарушая исходное предположение порицания, ответом на вопрос. Поясним сказанное примером. Ответом на риторический вопрос-порицание *Wissen Sie nicht, dass Sie sich strafbar machen, wenn Sie einen solchen Hund frei herumlaufen lassen (B-H, 9)* является извинение адресата за неприятности, доставленные говорящему, при этом обоим известна пресуппозиция высказывания – небенефактивность ситуации для говорящего, знание адресатом правил общественного поведения и признание им собственной вины за нарушение этих правил. При восприятии ситуации как стандартно-вопросительной адресат реагирует одним из альтернативных ответов (*Nein, ich weiß das nicht* или *Doch, ich weiß das, aber/und...*), вопросительная интенция играет в таком случае доминирующую роль.

Несобственно-вопросительные высказывания давно вызывают интерес исследователей⁵⁹, они много раз были подвергнуты различным классификациям. Мы в данном контексте лишь констатируем их особенность: адресат ставится в такое положение, когда он сам невольно подтверждает правоту спрашивающего и диалог из запроса информации превращается в диалог-убеждение.

Конвенциональные вопросы-порицания. Семантика вопросов-порицаний исключительно многообразна, однако результаты анализа показывают, что они в абсолютном большинстве являются узуальными, конвенциональными образованиями, строящимся по привычным, узнаваемым моделям. Это своего рода синтаксические метафоры, они обладают необходимым набором дистинктивных

⁵⁹ Несобственно вопросы рассматривались Ш. Балли («ложный» вопрос, по его мнению, лишь символизирует чувства и полностью оторван от подлинно вопросительных предложений), К.А. Долининым («ложные» вопросы, считает К.А. Долинин, делятся на две категории – те, которые призваны оказать какое-то воздействие на адресата в рамках эмоциональной коммуникации, и те, которые выполняют только экспрессивную функцию, выступают только как средство эмоционального самовыражения); У. Леннертом, который рассматривал функционирование несобственно-вопросов в различных вариантах социальных контекстов, А.А. Масленниковой, изучавшей скрытые смыслы, реализуемые несобственно-вопросами, и другими.

признаков⁶⁰, позволяющих нам идентифицировать их с этим языковым феноменом. Вопросы-порицания носят характер грамматической устойчивости, воспроизводимости, свойственный связанным единицам, что объясняется, на наш взгляд, обстоятельствами прагматического плана. Как заметил Г.Г. Почепцов, обсуждая вопросы прагматического синтаксиса, «прагматические особенности возникают и существуют как результирующие множества употреблений, хотя постоянные ассоциации употребления определенных единиц и их прагматических эффектов могут приводить к возникновению и фиксированных прагматических характеристик языковых единиц» [Почепцов 1985: 17]. По мнению В.Н. Телия, «экспрессивность языковых произведений – текстов и любых их отрывков – ... это результат такого прагматического употребления языка, основная цель которого – выражение эмоционально воздействующего (положительно или отрицательно окрашенного) отношения субъекта речи к обозначаемому и «заражение» этим отношением адресата» [Телия 1991: 35].

Рассмотрим некоторые стратегии косвенных вопросов-порицаний. Самыми частотными среди них являются:

а) вопрос об образе выполняемого действия, порицаемого положения вещей: *Ja, wie redest du denn? Ist doch lauter ungereimtes Zeug <..> (B-W, 16)*. Говорящий задает вопрос и, не дожидаясь реакции адресата, сам отвечает на него. Собственно, такой тип вопроса в ситуации диалога избыточен – говорящий задает его после очередной реплики адресата, которую он слышал, следовательно, он сам может определить образ действия – как говорит адресат. Очевидна иная интенция его высказывания – выражение недовольства содержанием реплики адресата, побуждение говорить яснее, без намеков и подтекста.

Вопрос *Wie sehen Sie denn aus, Mensch! (N-H, 257)* также не является запросом информации о внешнем виде адресата, поскольку он задается в ситуации непосредственного общения партнеров и говорящий собственными глазами видит адресата и все особенности его внешнего вида. Приведенное высказывание является порицанием адресата за его

⁶⁰ А.А. Масленникова [Масленникова 1988: 134-135] приводит аналогии между признаками лексической и синтаксической метафор, которые представляются достаточными, чтобы считать косвенные вопросы, выражающие порицание, синтаксическими метафорами.

несоответствующий ситуации внешний вид, об этом свидетельствует, кроме всего, маркирование интенции восклицательным знаком вместо вопросительного.

К названным примыкают избыточные вопросы о том, как адресат смог выполнить порицаемое действие: *Ihr Idioten! Wie könntet ihr das zulassen! Wenn das Lord Ashborne erfährt, wird er euch alle zur Verantwortung ziehen!* (K-VA, 167). Совершенно очевидно, что говорящего меньше всего волнует образ действий адресатов, совершивших проступок. Кроме того, глагол *zulassen* не предполагает возможности такого пояснения (*Zuerst haben wir ... gemacht, dann...*), поскольку относится к категории глаголов, не обладающих валентностью на образ действий.

Как правило, речевой фрагмент с вопросом-порицанием содержит операторы, указывающие адресату на порицательный характер вопроса. В приведенном выше высказывании роль такого маркера играет порицательный вокатив *Ihr Idioten*, выступающий как отправная точка порицания, и угроза наказания за проступок *Wenn das Lord Ashborne erfährt, wird er euch alle zur Verantwortung ziehen!* В следующем примере роль такого оператора выполняет констатация ненадлежащего ухода за дорогим музыкальным инструментом, имплицитно отрицающая оценку такого обращения с ним: *Wie kann man ein so wunderbares Stück so verkommen lassen! Der Flügel ist gut zehn Jahre nicht mehr gestimmt worden!* (H-M, 17). Семантика глагола с отрицательной оценочностью *verkommen* также не допускает обстоятельств образа действия, а в сочетании с выраженной положительно-оценочной характеристикой объекта действия он однозначно указывает на порицательную интенцию. Цепочка инференциальных шагов к истинному смыслу высказывания может выглядеть следующим образом: *Wie kann man ein so wunderbares Stück so verkommen lassen! Das kann und darf man nicht. Sie haben es aber verkommen lassen – der Flügel ist gut zehn Jahre nicht mehr gestimmt worden! Das schätze ich negativ ein und werfe es Ihnen tadelnd vor.*

Вопросы-порицания рассматриваемого типа имплицитно относятся к порицаемому действию к норме: их пресуппозицию составляет некоторое нормативное (морально-этическое, социальное и др.) суждение. Адресат своими действиями, поведением нарушает нормативное предписание. Риторический вопрос в таком случае касается реального

положения дел, имеет цель указать на недопустимость порицаемого поведения, действия и вернуть адресата к нормативным предписаниям, например: *Bist du es, der den Hof niederbrennen wollte? Wie kann ein Mensch nur so etwas tun?* (B-SZ, 39). В приведенном высказывании нарушение нормы (поджог дома одинокой женщины, вызванный желанием выжить ее из общины) получает обоснование в виде риторических вопросов, второй из которых содержит имплицитную отсылку к норме (*Ein Mensch tut so was nicht! So was tun nur Unmenschen!*).

Конвенциональными стали риторические *wie*-вопросы-порицания, содержащие формальный запрос о том, как адресат осмелился нарушить предписанные нормы и вопреки им выполнить порицаемое действие. Такой вопрос формулируется при помощи глагола *wagen* в сочетании с модальным глаголом *können*: *Wie kannst du es wagen, ohne zu klopfen hier reinzukommen!* (G-T, 243). Пропозициональная часть называет, как правило, осуждаемое действие (*ohne zu klopfen reinkommen*), осуждение сопровождается эмоциями возмущения. Сила выражаемых эмоций увеличивается использованием модального глагола *können* – говорящего возмущает не просто прецедент «осмеливания», он задается вопросом о степени «падения» морали адресата, если он способен осмелиться переступить норму и выполнить порицаемое действие. Высказывания с глагольной парой *wagen können* стали своего рода порицательным клише, используемым в ситуациях нарушения норм и правил, свидетельством чему еще один из многих подобных примеров: *Wie können Sie es wagen, das Fräulein so anzuschreien?* (T-O, 22).

В *wie*-вопросах-порицаниях встречаются стратегии прямого указания на виновника небенефактивного положения дел – адресата (*Wie kannst du uns die Schand nur antun?* (S-T, 45)) и стратегии смещения референциальной отнесенности, то есть замена конкретной референции объекта оценки на неопределенную или обобщенную, как в уже упоминавшемся примере *Wie kann man ein so wunderbares Stück so verkommen lassen*. В целях усиления действенности эти стратегии совмещаются в одном порицании, создавая эффект «экспрессивной редупликации» [Масленникова 1988: 168]: *Ihr Schufte! Wie könnt ihr das nur tun? Wie können Menschen so gemein sein!* (B-SZ, 37).

б) вопросы о том, действительно ли адресат считает порицаемое положение дел положительным, соответствующим норме: *Wahnsinniger! Irrsinniger! Schwachsinniger! Nennt Er das ein Nachtgebet für einen preußischen Korporal?* (N-H, 431). Маркерами, указывающими на порицательную интенцию приведенного примера, являются синонимичные вокативы *Wahnsinniger! Irrsinniger! Schwachsinniger!* Такие порицания близки вышеописанным тем, что указывают на несоответствие результата выполненного действия ожиданиям говорящего, ситуативной норме. Они строятся по клишированной, модели *Nennst du/nennen Sie das ...*, наполняясь конкретной семантикой в прагматической ситуации: *Vetter, du bist Ladeschütze, nennst du das einen munitionierten Panzer? Ich habe keinen einzigen Gurt am MG!* (N-H, 497) – о том, что говорящий не ждет ответа на свой вопрос, свидетельствует его собственный на него ответ – отсутствие боеприпасов в танке означает плохую подготовку заряжающего к бою.

В эту же группу мы включили высказывания типа *Wolzow, quatschen Sie nicht! Sie wollen Offizierssohn sein? Der Schandfleck der Batterie sind Sie!* (N-H, 143), также выражающим порицание за несоответствие норме, требованиям, предъявляемым к определенной ситуации: солдату, тем более сыну офицера немецкой армии не пристало нарушать дисциплину. Глагол *wollen* используется в приведенном примере как средство выражения отношения говорящего к формально запрашиваемому факту – он указывает на невысокую степень его убежденности в том, что адресат, проявляющий такое поведение, может быть сыном офицера.

Говорящий, считающий, что адресат в отношениях/в общении с ним перешел границу дозволенного, задает избыточные вопросы, имплицитные оценки действий/поведения адресата. Такие порицания-вопросы представляют собой формальный запрос информации о том,

в) что адресат о себе воображает: *Idiot! Schnösel! Depp! Was bildest du dir ein!* (H-M, 109) или

г) о том, что адресат себе позволяет: *Was erlauben Sie sich!* (N-H, 535); *Nehmen Sie sich zusammen! Was erlauben Sie sich!* (N-H, 306).

Ни в том, ни в другом случае говорящий не ждет ответа от адресата (ответ явился бы нарушением ожиданий говорящего и считался бы дерзостью, которая вызвала бы у него еще большее возмущение), отрицательность действий адресата для него очевидна и не требует

доказательств или каких бы то ни было пояснений. Поэтому порицания, строящиеся по таким моделям, кратки и лаконичны, лишь иногда говорящий указывает в пропозиции порицания вызвавшее его недовольство действие адресата: *Holt, was erlauben Sie sich zu grinsen?* (N-H, 365); *Was bilden Sie sich eigentlich ein, so mit mir umzuspringen?*

д) В ситуациях статусного или ситуативного неравноправия говорящий, выражая недовольство положением вещей, пытается выяснить, от кого получено разрешение выполнять порицаемое действие: *Wer gibt Ihnen das Recht, sich in meine Angelegenheiten zu mischen?* (B-St, 34). Такого типа вопросы У. Ленерт называет стратегическими: он предполагает «положения неявного превосходства говорящего над слушающим» и имеет целью «заставить адресата занять оборонительную позицию» [Ленерт 1988: 261]. Стратегический вопрос-порицание, логичный в ином контексте, то есть предполагающий ответ на вопрос о том, кто позволил выполнить обсуждаемое действие, не имеет никакого смысла, если диалог происходит в такси и вопрос-порицание адресован таксисту: *Idiot! Wer hat denn gesagt, dass die Fahrt beendet ist?* (H-M, 157), поскольку информацию о том, что поездка закончена, таксист мог получить только от самого говорящего. Значит, очевидно, что вопросительная интенция нейтрализуется и на первом плане оказывается интенция порицания адресата-таксиста, который уезжает, не дождавшись вышедшего на минуту пассажира. Маркером порицания является вокатив *Idiot!*, не допускающий иной интерпретации вопроса. В следующем примере, аналогичном предыдущему, к маркерам относятся еще оценочное наречие *dämlich* и глагол с отрицательно-оценочной семантикой *herumschwafeln*: *Hörn Sie auf, Sie dreifacher Idiot! Wer hat Ihnen erlaubt, hier dämlich herumzuschwafeln?* (N-H, 398). Вопрос-порицание, адресованный солдату, нелогичен и избыточен, поскольку разрешение высказывать свою точку зрения на тактику ведения боя солдат может получить только от командира, то есть от самого порицающего. На поверхности высказывания отрицательная оценка поведения солдата и порицание его: *Wer hat Ihnen erlaubt, hier dämlich herumzuschwafeln? Niemand hat es Ihnen erlaubt, ich tadle Sie dafür, dass Sie doch dämlich herumschweifeln, und befehle Ihnen, damit aufzuhören.*

е) очень частотны косвенные вопросы о значении порицаемого положения вещей: *Norbert, was soll denn das heißen? Willst du meine Eltern*

enttäuschen? (B-H, 38). Высказывания этого типа чаще всего лишены инфинитива глагола *bedeuten* или *heißen*, он представлен имплицитно: *Aber was soll das? Es ist für alle genug da. Warum soll der Bursch in die Wirtschaft gehen?* (S-T, 20) → *Aber was soll das bedeuten? ...*

На вопросы такого типа формально возможен ответ как на собственно вопрос даже в ситуации порицания: *Was soll das Theater? Spielt ihr an eurer Grenze Katz und Maus? – Ja, das machen wir <...>* (A-M, 36). Но такая реакция встречается редко, порицание и здесь является преобладающей интенцией и не предполагает возражения: *Ja, zum Donnerwetter, was sollen diese Faxen? Du weißt doch genau, dass heut alles abgemacht worden ist. Am 10. September ist die Hochzeit und damit aus und fertig* (S-T, 24). Попытка возразить резко пресекается, рождая новое порицание в продолжении речевого фрагмента: – *Aber... – Halt den Schnabel, ich dulde keine Widerrede! Solche Spielchen gibt's bei mir nicht, das weißt du ganz genau <...>* (S-T, 24)

ж) К числу прочно закрепившихся в речи узуальных форм относятся вопросы об умственной и психической состоятельности адресата типа *Bist du eigentlich närrisch geworden? Was denkst du dir überhaupt?* (B-SZ, 49). Поскольку интеллектуальные способности и состояние психики индивида относятся к числу тех качеств, о которых окружающие должны судить на основании их внешних проявлений, то обращение к самому адресату за аксиологическими выводами о нем, по крайней мере, нелогично. Значит, это вопросы-порицания, которые легко трансформируются в оценочные высказывания (*Du bist närrisch geworden*). Частнооценочные прилагательные (*närrisch, verrückt, wahnsinnig, schwachsinnig, übergeschnappt, törricht, krank*) или синонимичные им идиомы (*von allen guten Geistern verlassen sein: Bist du von allen guten Geistern verlassen? Ich kann es einfach nicht glauben: meine Tochter und der Knecht von Stierbauern* (S-T, 46)) характеризуют действия адресата как необдуманные, опрометчивые, безрассудные, то есть имеют в таком контексте значение «плохой с рационалистической, а не с медицинской точки зрения». Несмотря на идентичность модальных значений, выражаемых в вопросе и в соответствующей констатации (*Bist du verrückt?* и *Du bist verrückt!*), сравниваемые формы отнюдь не тождественны: вопрос представляет собой более экспрессивное порицательное суждение и обладает, следовательно,

более сильным воздействием на собеседника. Со своей стороны, констатация является очень категоричным, безапелляционным порицанием, которое при определенном психическом состоянии адресата может быть воспринято как инвектива. О риторическом характере вопросительных высказываний такого типа и лишении их проблемного характера свидетельствует помещение в их пропозициональную часть обоснования отрицательной оценки и порицания: *Spinnst du, du flirtest ja mit dem Kerl. Walter würde ausflippen. Auf der Stelle (H-M, 79).*

Следует заметить, что в вопросах-порицаниях такого типа меняется и характер выражения категории аффирмативности: оппозиция «констатация наличия/констатация отсутствия» сохраняется, как в утвердительных суждениях, но формально эти значения получают противоположные значения: *War es nicht ziemlich töricht, so viele Hoffnungen auf einen einzigen geographischen Zufall zu setzen? (G-T, 467) → Es war ziemlich töricht, ...* В приведенном высказывании ничто не отрицается, напротив, подчеркивается факт нерациональной логики расследования преступления, приведшей детективов в тупик. Выбранная говорящим форма выражения порицания снимает категоричность оценки, он как будто задается вопросом (деинтенсифицированным аппроксиматором *ziemlich*), заранее зная ответ. Задача адресата заключается только в вербализации этого заранее заданного ситуацией ответа.

3) Конвенциональными стали «странные» вопросы-порицания, спрашивающие о виде, качестве лиц или положения вещей, об их характеристике: *Was ist denn das für eine Schweinerei? Das lass ich mir nicht bieten! <...> (H-M, 269).* Формально на приведенный вопрос должен был бы последовать ответ **Das ist eine große/kleine, gute/schlechte, rote/weiße... Schweinerei.* Разумеется, говорящий ждет не такого ответа, он не ждет, собственно, никакого ответа, поскольку сам оценивает обсуждаемое положение вещей употреблением оценочного существительного *Schweinerei.* Имплицированная мыслительная цепочка легко выводится: *Was ist das für <Dingenlage?/Was für Dinge tun Sie? Ich sehe, Sie tun keine guten Dinge, ich würde sie als Schweinerei bezeichnen. Das ist also> eine Schweinerei! <Ich werfe Ihnen diese Dingenlage tadelnd vor!>*

Вопросы-порицания этой категории не обязательно включают оценочные лексемы, однако они запрограммированы самой ситуацией, пресуппозицией суждения: *Was für ein Ton? Empfängt man so einen Freund? (K-S, 56) → Das ist kein gebührender Ton für den Empfang eines Freundes. Ich werfe Ihnen Ihren Ton vor und tadele Sie dafür.*

и) Как клише-порицания функционируют вопросы о местонахождении порицаемого положения вещей: *Mit'm Aquarium schmeißen, wo gibt's denn so was? (N-H, 201)*. Такие вопросы превратились в устойчивые порицательные формулы, не трансформируемые, не допускающие в свой состав дополнительных элементов. Структура полного высказывания порицания тоже определена: перед вопросом-порицанием называется отрицательно оцениваемое положение вещей, затем задается вопрос *wo gibt's denn so was?* Этот вопрос можно считать парадоксальным, ведь в конкретной языковой ситуации, исключающей альтернативный ответ, снимается противоречие между исходным предположением вопроса и ответом на вопрос: офицер, порицающий солдат за потасовку высказыванием *Die Neuen verprügeln die Alten, wo gibt's denn so was? (N-H, 158)*, отказывает вопросу в риторичности (*Nirgendwo!*), так как совершенно четко знает, по крайней мере, одно место, где происходит подобное нарушение порядка – его подразделение.

Таким же парадоксальными являются порицания адресата за опоздание в форме вопросов о его местонахождении в момент речи: *Jesses, wo bleibst du denn nur? Bald werden die Gäste dasein, und es ist weder der Salat gewaschen noch der Tisch gedeckt (S-T, 4)*. Абсурдность такого вопроса очевидна – адресат находится в поле зрения говорящего, следовательно, интенция приведенного высказывания совсем не запрос информации, а выражение неодобрения.

к) Самые разнообразные оттенки значения имеют порицания в форме вопросов о причинах выполнения порицаемого действия, например: *Warum verzerrst du alles, Simone? Warum können wir nicht in Ruhe darüber diskutieren? <...> (U-V, 52)*. Отрицательная оценка действия, совершенного адресатом порицания, детерминирует запрос о причинах этого действия. Говорящий не ожидает ответа на свой запрос, он побуждает адресата изменить свой образ действий, сменить линию поведения, настроиться на сотрудничество в общении.

Такие порицания являются имплицативными гибридными высказываниями: они сохраняют буквальное значение и в определенной ситуации могут выступать в качестве собственно вопроса. На высказывание *Was stehen Sie herum?* В обычной ситуации, вне контекста последует объяснение причин такого поведения адресата, то есть реализуется вопросительная интенция. В составе порицания *Servieren Sie, Freidank, was stehen Sie herum (R-O, 158)* значение вопросительной части кардинально меняется. Говорящий вовсе не желает знать, почему адресат стоит без движения, а выражает требование скорее накрывать на стол. Впрочем, и в этой ситуации тоже может последовать ответ, но он будет являться оправданием адресата, то есть подтверждением порицательного характера инициативной реплики: *Servieren Sie, Freidank, was stehen Sie herum? – Ich stehe da, weil...* Скорее всего, мы имеем здесь дело с одним из видов семантической транспозиции – употреблением избыточного в содержательном отношении вопроса, что служит для выражения эмоционально-оценочного отношения недовольства, осуждения медлительности адресата.

Вопросы-порицания с *warum/was/wieso* побуждают адресата к определенному поведению, вернее, к изменению поведения: *Was starrst du mich so an? Sehe ich bereits so zum Fürchten aus, dass du mich so ansiehst? (B-St, 12)* – порицание за нарушение норм поведения в обществе (не принято пристально разглядывать партнера) и требование придерживаться норм поведения. Еще один пример такого рода: *Du! Mei, hast du mich aber erschreckt! Was stehst du denn da und sagst kein Wort? (B-SZ, 18)*. Порицается также упрямство и нерациональность действий адресата (*Anne, warum sind Sie so starrköpfig? Lassen Sie den Kleinen doch. Er wird noch müde sein <...> (B-St, 55)*) или несоответствие поведения адресата реальной ситуации: *Mein Gott, seine Frau! Wieso lachen Sie so blöd? Damit ist unser Plan futsch! <...> (H-M, 193)* – событие, способное расстроить тонко рассчитанный план говорящего, должно, по его мнению, вызвать иную реакцию адресата, чем смех.

Самопорицание в форме *warum*-вопроса, является ретроспективным порицанием – говорящий отрицательно оценивает результат своих действий или поведения и зная, что ушедшего не вернуть, сокрушается по его поводу: *Oh, Welch ein Tor bin ich doch gewesen! Warum wollte ich einem*

Glück nachjagen, welches niemals standhaft sein konnte? Warum hatte ich nicht den Edelstein behalten? Warum bin ich der billigen Imitation nachgejagt? <...> (T-O, 62). В таких вопросах-порицаниях не может быть реализована побудительная интенция, поскольку побуждение не может быть обращено к прошлому, оно всегда проспективно. Значит, это высказывание выражает отрицательную оценку, сопровождая ее дополнительными смысловыми оттенками эмоционального и модального характера, которые опираются на вопросительное значение. Этот факт доказывает еще раз, что в ретроспективных высказываниях порицания вопросительное значение со всеми потенциально в нем заложенными созначениями переходит на коннотативный уровень, но оно не исчезает совсем.

л) Традиционные риторические вопросы-порицания с самым разнообразным содержанием, предполагающие только один вариант ответа, который заложен в пресуппозиции высказывания: *Ist so viel Ungezwungenheit klug? (M-S, 272) → So viel Ungezwungenheit ist nicht klug.* Такие вопросы задаются адресату с целью получить у него подтверждение собственной – отрицательной – оценки положения вещей.

К этой категории следует причислить порицания-вопросы с глаголами мыслительной деятельности *meinen, glauben, denken*, Формально такие вопросы запрашивают информацию об образе мыслей адресата: *Ich werde dir zeigen, zu wem du gehörst. Denkste, ich will ein Flittchen zur Frau? (K-A, 60)*, но ответ на этот вопрос известен заранее и не зависит от контекста – ни один «нормальный» мужчина не хочет иметь женой легкомысленную особу: *Denkste, ich will ein Flittchen zur Frau? Wenn du so denkst, dann irrst du dich, ich will kein Flittchen zur Frau. Du aber benimmst dich wie ein billiges Flittchen, was ich negativ beurteile und dich dafür tadele.* Узок «горизонт вопроса», касающегося общечеловеческих ценностей, морали, нравственных устоев, ответ на такой вопрос может быть только один, и он тоже предопределен заранее. Следовательно, вопрос реализует свою основную интенцию – порицание: *Das sechste Gebot lautet: du sollst nicht ehebrechen! Und ein Ehebrecher sitzt vorne in der Bank und betet! Glaubst du, Gott lässt sich so betrügen, wie ein Mensch? (K-A, 143) → Du kannst den Gott mit deiner Scheinheiligkeit nicht betrügen. Du sollst lieber seinen Geboten folgen und nicht ehebrechen.* Это своего рода прохибитив, косвенный синоним аксиологического протокольного предложения

[Карасик 2002] *Man soll nicht versuchen, den Gott zu betrügen*, целью которого является коррекция поведения адресата, формирование у него системы ценностей.

м) Вопрос о желании или намерении совершить порицаемое действие: *Idiot, willst du uns umbringen?* (H-M, 96). Вопрос-порицание этой категории всегда касается предосудительных действий, порицаемых обществом, как лишение кого-либо жизни (*j-n umbringen*), свободы действий (*einen Hampelmann aus j-m machen*), оскорбление собеседника (*j-n beleidigen*), вымогательство (*Geld von j-m haben wollen*), симуляция болезни (*mit einem Kratzer krank feiern*) и др. Поэтому совершенно логична интерпретация высказываний типа *Sag mal, mein liebes Kind, willst du einen Hampelmann aus mir machen?* (B-H, 16) как порицаний – говорящий предполагает отрицательный ответ на заданный им вопрос и оценивает поведение адресата, создавшее у него впечатление, что адресат намеревается выполнить предосудительные действия: *Sag mal, mein liebes Kind, willst du einen Hampelmann aus mir machen? Hoffentlich nicht. Aber du verhältst dich so, als ob du eine solche Absicht hättest. Deshalb beurteile ich dein Verhalten negativ, werfe es dir vor und tadle dich dafür.*

н) вопросы-предположения о порицаемом положении дел: *Hast wohl Angst? Bist wohl kein rechtes Mannsbild, dass du von einem Madl die Hosen voll hast?* (B-SZ, 51). Это вопросы-утверждения, задавая которые, говорящий основывается на знании каких-то предварительных данных и приходит к определенным выводам. Такое порицание часто сопровождается и усиливается выражением насмешки, иронии, сарказма: *Tut mir leid, aber es ist nicht meine Art, mit der verheirateten Bäuerin ins Ehebett zu steigen. Und das hast du wohl gewollt, oder?* (S-T, 49). О наличии в семантике вопросов этой группы порицательного суждения свидетельствует модальная частица *wohl*, которая не употребляется в собственно вопросах, ее назначение – выражение предположения о содержании высказывания.

о) Наконец, группа порицаний-вопросов о необходимости или невозможности выполнения определенного действия: *Musst du soviel trinken?* (S-T, 40). Такие действия, как излишнее употребление алкоголя, ссоры и издевательства друг над другом, не относятся к числу физических потребностей человека. Их также нельзя назвать необходимыми в силу

долга, моральной обязанности или внутреннего убеждения. Вопрос о мотивированности постоянного или чрезмерного проявления отрицательных качеств имплицитно выражает желание говорящего устранить их: *Du musst nicht so viel trinken, aber du tust es, was ich negativ einschätze und dich dafür tadle.* Очевидно выражение высказываниями этой группы побудительной интенции, желания изменить порицаемое положение вещей, образ действий или поведение адресата.

Вопросы-порицания с модальным предикатом возможности, выраженным глаголом *können*, употребляются всегда с отрицанием, он «перелицовывает» модальность ситуации: говорящий пресуппозитивно предполагает, что желаемое действие может быть совершено адресатом и порицает последнего за невыполнение этого действия: *Können Sie denn nicht lesen? Die gilt für 22.30 Uhr, also für nach der Vorstellung. Nicht für jetzt (J-K, 120).* Вербальный контекст часто указывает на наличие условий, необходимых для совершения действия: *Mein Kopf, Ludwig. Kannst du deine Familienstreitigkeiten nicht woanders austragen? Das Haus ist groß genug (K-A, 89).* Такие порицания значительно менее категоричны по сравнению с прямым императивом, более универсальны и экономичны, ср. эксплицитное высказывание: *Mein Kopf tut weh, Ludwig. Kannst du deine Familienstreitigkeiten nicht woanders austragen? Du kannst sie bestimmt woanders austragen, das Haus ist groß genug. Du tust es aber nicht, das schätze ich negativ ein, tadle dich dafür und bitte, es doch woanders zu tun.*

п) Дьячкова [Дьячкова 2001: 7] выделяет также вопросы бессмысленные, выясняющие наличие у адресата или местонахождение каких-либо частей тела: *Wo hast du den Kopf, Madl? So wie du das machst, hängt man doch keine Wäsche auf. Du tust geradeso, als würdest du es zum erstenmal machen (S-T, 33).* Разумеется, говорящий видит, что голова адресата на месте; в приведенном высказывании мы имеем дело со своего рода метонимией: функции, выполняемые определенной частью тела, переносятся на эту самую часть тела, то есть говорящий порицает адресата за невнимательность, за то, что его голова занята не относящимися к ситуации мыслями: *Wo sind deine Gedanken = woran denkst du?*

Неконвенциональные вопросы-порицания. Небольшую группу представляют собой вопросы-порицания неконвенционального характера, Их коммуникативный смысл вытекает из общей ситуации и в

изолированном виде они неузнаваемы как порицания. Отрицательная оценка в них выводится на основании общих фоновых знаний участников общения, их личных взаимоотношений, конкретной ситуации общения. Примерами таких порицаний могут служить следующие: *Wollen Sie nicht selber fahren?* (Н-М, 154); *Vor dem Essen?* (S-T, 16). Первое высказывание адресовано нетерпеливому пассажиру такси, который то и дело требует от водителя увеличения скорости движения. Второе высказывание порицания является реакцией на сообщение адресата о своем намерении выпить пива, что, на взгляд говорящего, в этот час недопустимо.

Порицания-императивы. Порицания в форме императивных высказываний тоже привычны, узнаваемы и логичны – говорящий, осуждая адресата за некое неадекватное ситуации или несоответствующее норме действие/поведение, требует (просит, рекомендует – в зависимости от социальной роли) прекратить выполнять это действие, изменить поведение, например: *Spiel du nicht den barmherzigen Samariter! Fang du lieber deinen Schandbuben, den Zünder, den gewissenlosen!* (А-М, 47) – порицание адресата, сын которого причастен к преступлению, за неискренние, по мнению говорящего, слова сочувствия. Порицание в приведенном примере сопровождается советом относительно наиболее целесообразных в данной ситуации действиях адресата, «напоминает ему то, что будет для него лучше всего» [Вежбицка 1985: 269]. Если причина побуждения прекратить выполнение действия неясна из контекста, говорящий во избежание непонимания мотивирует свое мнение, обосновывает его: *Lügen Sie nicht, Mädchen. Unter Kollegen tut man das nicht* (К-А, 86) – порицание молодого врача за неискренность и ненужное лукавство при посещении тяжело больного коллеги, который прекрасно понимает, в каком положении находится, и ждет от посетителя совсем других слов. Это порицание-императив – негативную истинностную оценку реплики адресата (*Sie lügen*), своеобразное информационное «обнуление» – можно тоже обозначить как одну из форм «коммуникативного киллерства», девальвацию высказывания адресата.

Императивы-порицания представляют исследователю множество примеров «коммуникативного киллерства» – агрессивного порицания в виде нарушения речевого паритета. Захват вербальной инициативы как прием доминирования в общении используются партнерами часто,

примером таких «покушений» на речевой ход адресата является требование прекратить говорить, например: *Halten Sie den Mund! Sie haben Ihrem Freund einen schlechten Dienst erwiesen! Wenn das Theater wenigstens einen Sinn gehabt hätte!* <...> (N-H, 263) – порицание солдата офицером за слабохарактерность, ставшую причиной неприятностей третьего лица. Говорящий прерывает оправдания собеседника, считая их несущественными.

Порицание в виде ущемления коммуникативного права адресата высказывается и в более грубой форме, при этом говорящий пользуется, как правило, своим статусным приоритетом, предусмотренным речевой ситуацией или условиями дискурса: *Halt den Schnabel, ich dulde keine Widerrede!* (S-T, 24) – порицание отца, адресованное мятежной дочери, отказывающейся выходить замуж за нелюбимого человека. Или порицание зажиточным крестьянином своего батрака, осмелившегося давать советы: *Halt den Maul! Werd mir von einem Knecht Vorschriften machen lassen, ja, das wär ja wohl noch schöner!* (S-T, 26). В обоих случаях императив указывает адресату на его статусную роль, порицает его за выход за рамки дозволенного этой ролью и имеет целью изменить протекание процесса коммуникации в нужном говорящему направлении.

Порицание адресата за содержание или форму его высказываний тоже может выражаться императивом – побуждением привести свою речь в соответствие с ситуацией: *Lass doch die weisen Sprüche, Papa, dein Latein imponiert mir ja nun weiß Gott nicht!* (N-H, 341) – порицание отца сыном за излишнее мудрствование в ситуации, требующей конструктивного решения. В следующем высказывании показателем интенции порицания является оценочное прилагательное *elend*, при элиминировании которого порицание превращается в собственно императив – побуждение говорить кратко: *Ersparen Sie mir die elenden Einzelheiten* (G-T, 269).

Порицание-императив может выражать требование выполнить некое действие для изменения порицаемого положения вещей: *Dann benimm dich wenigstens anständig und trink nicht so viel* (S-T, 41) – порицание незадачливого, не рассчитавшего дозу алкоголя ухажера за навязчивость.

В любом случае – при требовании прекратить выполнение действия или, наоборот, начать его выполнение – собственно порицание и оценка имплицированы, пресуппозиционированы ситуацией и контекстом.

Конвенциональными стали парадоксальные высказываниями порицания в форме императива, алогичность которых заложена на их лексико-семантическом уровне, как, например, требования в отношении изменения внутреннего мира человека, который, как известно, не подвластен каким бы то ни было директивам и указам⁶¹. Проявление психической реакции стыда не может быть вызвано по приказу или рекомендации другого лица, это реакция спонтанная, возникающая в ответ на внешние раздражители. Следовательно, высказывания как *Pfui, schäme dich, du hast dich nicht wie ein wohlerzogener Junge benommen* (B-H, 10) представляет собой оценочное суждение (*Ich bewerte die Tatsache, dass du dich schlecht benommen hast, negativ und finde, dass du dich deshalb schämen sollst*), произносимое с целью порицания, и является поэтому фактором, детерминирующим соответствующее эмоциональное состояние адресата.

Особую категорию императивов-порицаний представляют собой высказывания, требующие сиюминутного изменения характера или умственных потенций адресата, например, *Madl, sei nicht so dumm!* (S-T, 37). Очевидно, что говорящий имеет в виду не общую мыслительную способность адресата, ведь человек не может регулировать степень своей глупости в соответствии с желаниями окружающих, но он в силах управлять своим внешним поведением. Значит, императив *Sei nicht so dumm!* — это не точная инструкция, а оценочное высказывание предшествующего акту речи конкретного поступка адресата – в данном случае решение адресата выйти замуж за любимого, но низкостатусного человека.

В анализируемом языковом материале множество примеров направленных адресату требований изменить свой характер или линию поведения: *Cora! Verdammt noch mal! Sei nicht so unvernünftig! Dass du jetzt diese blöde alte Urlaubsgeschichte aufwärmst! <...>* (IK-M, 101); *Seien Sie nicht kindisch, Waltraud! Das ist nichts für zarte Frauen* (K-A, 54). В данных и многих других случаях речь идет о ретроспективной оценке, о порицании уже совершенного действия или поступка, хотя формально требование направлено в будущее. Этот факт является отличительной особенностью порицаний-императивов.

⁶¹ Богданов В.В. называет такие высказывания инъюнктивами [Богданов 1990: 15-16]

К стандартным формам выражения порицаний относятся многие лишние, избыточные распоряжения как *Passen Sie doch auf, Donnerwetter! Sie schlafen wohl mit offenen Augen!* (Т-О, 21). Следить за тем, что ты делаешь – естественное правило, соответствующее логике вещей. Напоминать его целесообразно лишь при определенных обстоятельствах, например, в ситуации, когда рассеянность адресата приводит к беспорядку, неприятностям. В таком случае требование быть внимательным сочетается с оценкой уже допущенной оплошности и порицанием за нее.

Интересно наблюдение Бессоновой [Бессонова 2003: 124] об императивных высказываниях порицания с предикатами дезидеративной оценки. Такие предикаты нарушают правило, согласно которому содержание распоряжения должно быть предметом желания говорящего [Вежбицка 1985: 257]: *Ja, jetzt fang nur wieder zu betteln an. Schau mein Gewand an. Hätt ich dir die Nase nicht eingeschlagen, du hättest mich ja vergewaltigt!* (А-М, 23). Очевидно, что линия поведения, которую предлагают соблюсти адресату, противоречит всем нормам и правилам, стереотипному представлению о хорошем и должном, а значит, не может быть объектом стремления, ориентиром для собеседника. Кроме того, побуждение в приведенном высказывании касается не будущего «желаемого» действия адресата, а уже совершенного, порицаемого (*zu betteln anfangen*). Следовательно, логичен вывод о том, что истинная коммуникативная цель говорящего противоречит буквальному содержанию высказывания, прямо противоположна ему. Его желания представляют собой в данном случае зеркальное отражение сказанного. Еще пример порицания такого рода: *Ja, häng du mir nur noch Schleichtigkeiten an, damit sie mich vollends von meinem Hof vertreiben können!* (А-М, 31) – говорящий, будучи в здравом уме, не может желать, чтобы на него навешивали отрицательные «ярлыки» и лишали наследства, поскольку это небенефактивные для него действия. Приведенное высказывание является реакцией на вопрос адресата *Gehörst auch du zu den Paschern?*, которое говорящий счел обидным для себя – контрабанда не относится к числу достойных уважения занятий. Своим «предложением» думать о нем все самое плохое он не только дает отрицательный ответ на вопрос, указывая адресату на ошибочность его предположений, но и порицает адресата за допущение таких мыслей. Очевидно противоречие

буквального содержания порицания и его истинной интенции. По сути дела, в случае таких высказываний порицания мы опять имеем дело с одним из видов семантической инверсии – «перелицовки» содержания как средства усиления эмоциональности выражения интенции.

* * *

Проведенный анализ является ярким свидетельством уникального многообразия речевых актов порицания – ни один из рассмотренных и оставшихся за рамками исследования экспрессивных речевых актов не обладает столь разветвленной системой операторов порождения элементарных смыслов, взаимодействие которых в определенных ситуативных условиях создает диковинные сочетания смысловых нюансов. Обращение к компонентам глобального смысла высказываний порицания показывает их удивительное «согласие» при конституировании смыслового универсума – все основные элементарные смыслы действуют в этом процессе единым фронтом, не отставая друг от друга ни на шаг. Ситуативная неэмплицированность некоторых из них не лишает их приоритетного положения в единстве, их важность диктуется всем прагматическим контекстом общения. Признавая принципиальную похожесть речевых актов похвалы и порицания, мы утверждаем, что они различаются ролью пропозиционального компонента в смысловом целом. Его существенность в порицании объясняется необходимостью констатации несоответствующего норме/представлениям говорящего положения дел для убеждения адресата в правомерности совершения речевого действия. Высказывания, содержащие только такую констатацию, представляют собой очень действенное эмоциональное порицание, не нуждающееся в специальной экспликации элементов эмотивного смысла. Редуцирование его роли при том же положении эмоционально-оценочного компонента, переводит высказывание в разряд инвектив – ничем не аргументированной эмоциональной отрицательной оценки. Реляционный смысл в высказываниях порицания может характеризоваться как положительным (при направленности порицания близким, в педагогическом контексте), так и отрицательным (в ситуации отсутствия уважения к партнеру) зарядом, что четко демонстрируется выбором говорящим лексических операторов при совершении речевого действия. Однако и в случае неприязни говорящего к партнеру порицание

нельзя считать оскорблением, поскольку оно реализует очень важный уникальный элементарный смысл – побуждение к изменению отрицательно оцениваемого положения дел, выполняет регулятивную функцию, несвойственную инвективе. Третий угол эмотивного «треугольника» – эмоциональный смысл – может несколько менять свое положение в смысловом целом от высказывания к высказыванию, определяя большую или меньшую степень его эмоциональности. Однако выражение эмоций принципиально существенно в рассматриваемых актах, поскольку равнодушное, незаинтересованное порицание теряет свою воздействующую силу и превращается просто в констатацию неблагоприятного положения дел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспрессивные речевые акты как класс речевых действий, функцией которых является выражение говорящим разнообразных психологических состояний (чувств, эмоций, мнений) и оказание эмоционального воздействия на адресата, вызывают немалые споры среди исследователей. Впервые выделенные как класс одним из основоположников теории речевых актов Дж. Серлем, они, при всей спорности их природы, получили обоснованное право на существование. Причиной жарких дискуссий в отношении экспрессивов является справедливое указание на тот факт, что они (большая часть из них) не выражают чувств и эмоций, являясь, по сути, ритуальными клише, этикетными формулами. Однако в основе каждого ритуального вербального «поклона» находится прототипный эмоциональный вариант речевого действия, который функционирует наряду с лексикализированным прагматическим синонимом и выражает релевантное внутреннее состояние говорящего. Исходя из этих соображений, в настоящем исследовании принимается точка зрения Дж. Серля и его последователей, то есть экспрессивные речевые акты рассматриваются как самостоятельный класс, включающий исключительно разнообразные единицы, подразделяемые на две подгруппы: социативные (этикетные, ритуальные) речевые акты и речевые акты эмотивного отношения и эмоционального воздействия. Различные акты класса экспрессивов осуществляются с различными целями, в различных условиях, опираются на различные канонические речевые и категориальные ситуации. Но их объединяет общая интенция – выражение внутреннего состояния и эмоциональной оценки (и значит, эмоционального воздействия), а также уникальное свойство, не присущее никакому другому классу, – для них не имеет значения установление соответствия между словами и реальным миром (говорящий не «подгоняет» мир к словам или слова к миру).

Экспрессивные речевые акты имеют особую социальную значимость в процессе межличностной коммуникации, но, несмотря на отдельные удаchi и достижения в области их изучения, осталось еще множество лакун, ждущих заполнения исследованиями воплощаемых в экспрессивах интенций говорящего субъекта, взаимодействия коммуникантов, влияния

коммуникативной ситуации, а также психолого-лингвистических особенностей языковой личности. Изложенные в данном разделе исследования результаты детального анализа семантических и прагматических особенностей экспрессивных речевых актов призваны заполнить некоторые из лакун, пополнить собрание эмпирических исследований экспрессивов, обобщив и интегрировав уже изученное.

Экспрессивы можно в целом охарактеризовать как двусторонний речевой акт, который может выступать в функции инициации диалогической интеракции или быть реакцией на внешний (вербальный или невербальный) стимул, но, как правило, экспрессивы начинают интеракцию, они осуществляются как бы «вне речевого контекста». Реакция на экспрессив зависит от образования, воспитания, возраста и социального статуса коммуникантов, от их индивидуальных особенностей как темперамент, характер, эмоциональность. Проведенный анализ позволяет констатировать, что социативы и одобрительные речевые акты (похвала и комплимент), являются «мягким» методом регулирования отношений, той самой «политикой пряника», действенность которой основывается на ситуативном нивелировании статусных различий партнеров. Такие речевые акты «смазывают» социальный механизм, оказывают влияние, воздействуя тем эффективнее, чем более нуждается в одобрении и поддержке партнер, чем слабее его чувство собственного достоинства. Порицание – неодобрительный речевой акт – является противоположным методом регулирования отношения, «политикой кнута». Основной иллокутивной целью порицания является эмоциональное воздействия на собеседника с целью побудить его исправить отрицательное положение дел, наступившее по его вине, но порицают только тогда, когда для этого есть действительные основания и отношение говорящего к партнеру можно оценить как положительное. В этом отличие порицания от оскорбления, безосновательной агрессии, направленной на отчуждение, отдаление и одновременно на унижение, подавление адресата. Если при порицании, не являющемся в большинстве случаев агрессией, проявляется гомоцентрический, хоноративный характер общения, то при инвективе, откровенно выражающей настроения говорящего, характер общения следует определить скорее как эгоцентрический [Девкин 1985: 13].

Экспрессивные высказывания служат говорящему, как правило, для выражения нескольких интенций, таким образом, экспрессивы реализуют более или менее сложный интенциональный комплекс, включающий в себя информацию обо всех интенциональных состояниях сознания говорящего, прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно закодированных в языковой структуре. При этом на ведущую интенцию соответствующего акта накладываются прочие, служащие для наиболее полного представления ситуации, придания высказыванию оригинальности и искренности и оказания соответствующего воздействия на слушающего. Одни из интенций появляются окказионально, они единичны, неуловимы для непосвященных, а другие наиболее частотны и потому типизируемы и востребованы в практике общения.

Анализ конституирования интенционального смысла различных представителей класса экспрессивов, приводит к выводу о различной представленности иллокутивного компонента в высказываниях: в речевых актах эмотивного отношения и эмоционального воздействия интенциональная часть практически всегда выражена имплицитно по разным причинам: в комплиментах – потому что конвенциями межличностного общения порицается чересчур прямолинейная положительная оценка, она рассматривается как нежелательное навязывание близких отношений; в инвективах – потому что агрессивное намерение не принято декларировать, оно должно быть скрыто для адресата. В похвале и порицании интенция не эксплицируется в целях языковой экономии, поскольку речевое действие похвалы или порицания совершается уже при произнесении пропозициональной части, описание действия посредством перформатива становится избыточным.

Социативные речевые акты, как правило, эксплицируют интенцию, эта часть высказывания является самой важной для реализации социально заданных регулирующих правил кооперативного речевого поведения. Эксплицитно-перформативная выраженность интенционального смысла является неким сигналом адресату, «знаменем», который «машет» говорящий, утверждая свою готовность к контактоподдержанию, свою принадлежность к социализированным членам общества.

Смысл каждого экспрессива конституирует, кроме интенции, пропозиция, которая формулирует определенное положение дел в

возможном мире. В речевых актах эмотивного отношения и эмоционального воздействия она включает выражение говорящим либо оценки объекта (положительной в похвале и комплименте, отрицательной в инвективе и порицании), либо его отношения к объекту. Эта часть, как правило, эксплицирована, она является сутью и целью произнесения высказываний эмотивного отношения и эмоционального воздействия. Без выражения оценки эти акты теряют смысл и обречены на прагматическую неудачу.

В социативных речевых актах пропозиция чаще всего не вербализирована в связи с ее «прозрачностью» и контекстной представленностью. Очевидно, что выражение пропозициональной части не играет большой роли при произнесения ритуальных высказываний, поскольку их суть состоит в оказании почтения собеседнику, для этого, в общем, важен не столько повод, сколько сам факт совершения речевого «поглаживания».

Важно заметить, что смысл пропозиции регулируется определенными языковыми правилами, каждый из элементов сопряжен с другими, но при этом смысловая целостность высказывания не только не сводится к простой сумме слов, она обладает системной новизной по отношению к составляющим ее лексемам. Не редкими являются, например, случаи, когда инвективная лексика используется в качестве ласкательных слов в общении близких, влюбленных в интимных ситуациях, и наоборот, ситуативный контекст может семантически инвертировать смысл внешне отрицательного высказывания.

Совершение экспрессивных речевых актов «по умолчанию» предполагает выражение оценки, но ее вербальная представленность имеет особенности в разных подклассах. Бенефактивное для говорящего или адресата положение дел оценивается положительно (пожелание, поздравление, комплимент, похвала), выражение положительной оценки в них рассчитано на положительную эмоциональную реакцию. А отрицательная оценка касается выраженного в пропозиции небенефактивного (малефактивного) для говорящего или адресата положения дел (извинение, порицание, инвектива). При этом оценка в социативных речевых актах часто представлена в глубинных слоях смысла высказывания и не выводится на вербализованную часть. Причиной этому

является, как уже было сказано, исключительный объем выражаемого интенционального смысла, который заполняет все «уголки» поверхностного слоя целостного смысла высказывания, не допуская, но предполагая другие элементы.

Эксплицирование оценки, особенно индивидуальной, всегда сопровождается выражением эмоций, при этом чем сильнее затронуты интересы участников общения, тем более действенна оценка и тем больше речевой акт влияет на эмоциональное состояние адресата. В речевых актах эмотивного отношения и эмоционального воздействия эмоциональные состояния колеблются от сдержанной радости в похвале до искреннего восхищения в комплименте, и от назидательного ругания в порицании до эмоционального катарсиса в инвективе. При совершении социативных речевых актов эмоции часто сдерживаются рамками ритуала, но их открытое выражение выводит речевое действие за границу конвенционального, того, «как принято» и позиционирует его в сферу искреннего раскаяния (извинение), восторженного поздравления или радостного пожелания.

Анализ показал обязательность выражения в экспрессивных высказываниях эмотивного отношения говорящего к адресату. Оно всегда оценочно – произнося речевой акт, говорящий выражает свое уважение к адресату, поклонение ему или указывает на очевидность своего неуважения к нему, презрения. Этикетные речевые акты априори предполагают наличие максимального уважения, это отличает их от всех других речевых актов. Положительным отношением к партнеру характеризуются все подвергнутые анализу в настоящем исследовании акты, кроме инвективы, неуважение при выражении которой логично, поскольку инвектива как речевое явление – это вербальная атака, реализующая вербальную агрессию, она является одной из основных форм языкового насилия над личностью: ее суть заключается в дискредитация личности адресата. Такая природа инвективы обуславливает выражение отрицательного отношения говорящего к адресату, которое варьируется от презрения до ненависти.

Важным элементом в конституировании экспрессивного речевого акта, его смысла является ситуативный, окказиональный смысл, создаваемый отдельными элементами высказывания, присоединяющими в

дискурсе уникальные смысловые компоненты, отсутствующие у этих элементов в изолированном виде. Высказывание, задуманное как комплимент, может быть воспринято адресатом как порицание или, более того, как оскорбление.

Отдельные экспрессивы имеют компоненты содержания, не экстраполируемые на другие высказывания класса. Например, похвала, данная за некое одобряемое действие, предполагает воздействие на адресата, она служит средством стимулирования усилий адресата, направленных на продолжение той или иной деятельности. Инвективы включают как компонент смысла перлокуцию – эффект оскорбления адресата, если он не наступает по тем или иным причинам, то речевое действие оскорбление терпит прагматическую неудачу.

Все названные компоненты смысла экспрессивов маркируются специальными языковыми средствами разных уровней – лексическими, морфологическими и синтаксическими. К ним в первую очередь относятся перформативные глаголы или производные от них перформативные формулы. Для выражения оценки и сопровождающих ее эмоций используются оценочные существительные и прилагательные, а также существительные и прилагательные с синтаксически обусловленным оценочным значением, немалую роль играют и оценочные глаголы. Немаловажную роль играет специальный порядок слов в синтаксических структурах, свойственных аффективной речи. Все языковые средства выражения элементарных смыслов экспрессивных высказываний различаются по степени интенсивности выражаемых эмоций и квалификаций.

В ходе анализа было выявлено, что существует большая категория косвенных экспрессивных высказываний, легко узнаваемых и скрытых, завуалированных, при которых адресат вынужден искать скрытый смысл и причину отклонения от рационального общения. Косвенные высказывания являются оригинальным способом выражения смысла, дающим говорящему возможность успешно варьировать реализацию его нюансов.

Представляется, что предложенная в данном исследовании модель анализа имеет как теоретическое, так и практическое значение, она позволяет раскрыть возможности языковых единиц при реализации любых замыслов говорящего в актах речи, оттенить нюансы человеческой мысли.

Эта модель может быть использована как основа для контрастивно-прагматических исследований, это позволит представить языковой материал в легко сопоставляемой форме с выходом в прикладную лингвистику и методику обучения иноязычной речи с учетом различных коммуникативных ситуаций и прагматических контекстов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агаркова О.А.* Прагматические аспекты комплимента как формы речевого этикета. – Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка. – Челябинск, 2004. – 133 с.
2. *Адамокова Э.Б.* Семантико-прагматические свойства и контексты функционирования средств выражения благодарности в немецком языке. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Пятигорск, 2005. – 24 с.
3. *Акимова Т.Г., Масленникова А.А.* Семантика императива и оценка // Общие и специальные вопросы языковой типологии. – М., 1987. – С. 3-9.
4. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 766 с.
5. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. – 1986. – № 3. – С. 208-233.
6. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976 (2005). – 383 с.
7. *Арутюнова Н.Д.* Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 106-116.
8. *Арутюнова Н.Д.* Оценка в механизмах жизни и языка // *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999 (1984). – С. 130-273.
9. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
10. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-358.
11. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: Иностранная литература, 1961. – 394 с.
12. *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. – №2. – 1992. – С. 84-99.
13. *Бартон В.И.* Сравнение как средство познания. – Мн.: Изд-во БГУ, 1978. – 127 с.
14. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. –

424 с.

15. *Безменова Л.Э.* Функционирование и прагматические особенности речевых актов (на материале комплиментов в современном английском языке). – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Самара, 2001. – 18 с.
16. *Белодед О.Р.* Структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности высказываний благодарности. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Киев, 1990. – 25 с.
17. *Бельчиков Ю.А.* Инвективная лексика в контексте некоторых традиций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. – 2002. – №4. – С. 66-77.
18. *Бердникова А.Г.* Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты. – Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Новосибирск, 2005. – 224 с.
19. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди (Психология межлических отношений). Люди, которые играют в игры (Психология человеческой судьбы). – М.: Прогресс, 1988. – 399 с.
20. *Бессонова И.В.* Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04.. – Тамбов, 2003. – 23 с.
21. *Богданов В.В.* Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 27-37.
22. *Богданов В.В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. -Л.: ЛГУ, 1990. – 86 с.
23. *Бондарко А.В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. – Т. 1. – М., 2001. – С. 4-13.
24. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Оценочные акты «извне» и «изнутри» // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 49-59.
25. *Бюлер К.* Теория языка. – М.: Прогресс. Универс, 1993. – 501 с.
26. *Вдовина Е.В.* Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2007. – 24 с.
27. *Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.

- 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251-275.
28. *Вежбицкая А.* Речевые жанры // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 99-111.
29. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков // М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
30. *Вежбицкая А.* Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 201-375.
31. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 238-250.
32. *Виллюнас В.К.* Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций: Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 3-28.
33. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986 (1972). – 640 с.
34. *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 237 с.
35. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М.: URSS, 2006 (1985). – 228 с.
36. *Воркачев С.Г.* К семантическому представлению дезидеративной оценки в естественном языке // Вопросы языкознания. – 1990. – № 4. – С. 86-92.
37. *Воронцова Т.А.* Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход. – Автореф. ... докт. филол. наук: 10.02.19 – теория языка. – Челябинск, 2006. – 43 с.
38. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
39. *Гак В.Г.* К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С. 37-48.
40. *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
41. *Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. – М., 1993. – С. 158-218.
42. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной

- лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
43. *Графова Т.А.* Роль эмотивной коннотации в семантике слова: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 198 с.
44. *Графова Т.А.* Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1999. – С. 67-99.
45. *Гусаренко М.К.* Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональная характеристика речевых актов пожелания в современном русском языке. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ставрополь, 2005. – 22 с.
46. *Девкин В.Д.* Прагматика слова.// Прагматика слова. Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1985. – 109 с.
47. *Дементьев В.В.* Косвенность и косвенные речевые жанры: определение косвенности в связи с функциями языка // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения. – Вып. 2. – Омск, 1997. – С. 27-32.
48. *Дьячкова И.Г.* Похвала и порицание как речевые жанры (прагматический анализ). – Омск, 1998. / www.omskreg.ru/vestnik/articles/y1998-j3/a055/article.html
49. *Дьячкова И.Г.* Способы выражения интенционального смысла высказывания в речевых жанрах похвала и порицание. – Омск, 2001. / www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/dyachkova.html
50. *Евтушенко О.А.* Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах. – Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2006. – 197 с.
51. *Еемерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р.* Аргументация, коммуникация и ошибки. – СПб.: Васильевский остров, 1992. – 207 с.
52. *Жельвис В.И.* Поле брани. – М.: Ладомир, 2001. – 348 с.
53. *Зверева, Е.В.* Коммуникативно-речевая ситуация "Комплимент" (на материале исп. яз). – Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 – М., 1995. – 330 с.
54. *Земская Е.А., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М., 1988. – С. 121-152.
55. *Золотова Г.А.* О перспективах синтаксических исследований //

- Известия АН СССР. Серия лит. и языка. – Т. 46. – №6. – М., 1986.
56. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988. – 439 с.
57. *Имас А.В.* Выражение благодарности в немецком языке На материале литературных и лексикографических источников с XVII по XX вв. – Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Тверь, 2001. – 173 с.
58. *Иссерс О.С.* Коммуникативная тактика комплимента в русской разговорной речи // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения. – Вып.2. – Омск, 1997.
59. *Ишмуратов А.Т.* Логический анализ практических рассуждений (формализация психологических понятий). – Киев: Наук. думка, 1987. – 137 с.
60. *Карасик В.И.* Семантика этикетного действия // Действие: лингвистические и логические модели. – Тезисы докладов. – М., 1991.
61. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. – М.: ГНОЗИС, 2002. – 333 с.
62. *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация. – Москва: ПРИОР, 1998. – 224 с.
63. *Колесов В.В.* Культура речи – культура поведения. – Л.: Лениздат, 1988. – 271 с.
64. *Коморова Д.Ф.* Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Томск, 2005. – 19 с.
65. *Комчаева А.В.* Специфика интерактивного единства «комплимент-реакция» в английском языке. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2004. – 16 с.
66. *Королева О.П.* Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Нижний Новгород, 2002. – 17 с.
67. *Кравченко А.И.* Введение в социологию. – М.: Просвещение, 1996. – 189 с.
68. *Крейдлин Г.Е., Рахилина Е.В.* Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом «такой». – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1984. – Т. 43. – №5.
69. *Кубик М.* Модели двусоставных предложений русского языка в сопоставлении с чешскими. – Прага, 1977. – 204 с.
70. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М.:

Наука, 1986. – 157 с.

71. *Кусов Г.В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный аспект. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2004. – 26 с.
72. *Латина О.В.* Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1999. – С. 136-156.
73. *Ленерт У.* Проблемы вопросно-ответного диалога // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Наука, 1988. – С. 258-280.
74. *Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А.* Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.
75. *Леонтьев В.В.* Похвала, лесть, комплимент в структуре английской языковой личности. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Волгоград, 1999. – 19 с.
76. *Лисенко М.В.* Место стратегии извинения в гармонизации межличностных отношений (на материале английского языка). – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – СПб., 1999. – 16 с.
77. *Лоренц К.* Преодоление зола // Знание-сила. – 1990. – №9. – С. 58-67.
78. *Лоренс К.* Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. – М.: Языки русской культуры, 2000.
79. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 277 с.
80. *Маринин Ю.Н.* Речекомплекс «поздравление». – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1996. – 24 с.
81. *Масленникова А.А.* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 260 с.
82. *Мекеко Н.М.* Сопоставительный анализ функционирования единиц речевого этикета тематической группы "Пожелание" в английском и русском языках. – Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2001. – 207 с.
83. *Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.

84. *Мищенко В.Я.* Комплимент в разговорном поведении представителей англоязычной (британской и американской) культур. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Харьков, 1998. – 23 с.
85. *Морозова О.Н., Максимова (Носкова) С.Э.* Типология моделей эффективного общения // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – Сочи: СГУТиКД, 2003. – С. 165-168.
86. *Мурашкина Э.В.* Комплимент как регулятивный речевой акт. – Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2005. – 152 с.
87. *Никитина Л.Б.* Оценка интеллекта в речевом жанре порицания // Человек, коммуникации, текст. – Вып. 1. – Барнаул, 1997. – С. 68-73.
88. *Носкова С.Э.* Эмоционально-оценочный дискурс в ситуации учебного взаимодействия // http://www.tverlingua.by.ru/archive/001/01_2-003.htm
89. *Ноуэлл-Смит П.Х.* Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Наука, 1985. – С. 155-183.
90. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986. – С. 22-129.
91. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985. – 271 с.
92. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
93. *Пешковский А.М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – С. 133-161.
94. *Писарек Л.* Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским. – Вроцлав, 1985. – 173 с.
95. *Позолотин А.Д.* Инвективное обозначение человека как лингвокультурный феномен. – Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2005. – 248 с.
96. *Попов П.С.* Суждение и предложение // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1950. – С. 5-35.
97. *Поспелова А.Г.* О дополнительных коммуникативно-прагматических

- функциях высказывания в английском языке // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. – Л., 1988. – С. 53-57.
98. *Поспелова А.Г.* Функциональный аспект изучения речевых актов: иллокутивно-интерактивная характеристика // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. – С. 67-75.
99. *Почепцов Г.Г.* О месте прагматического элемента в лингвистическом описании// Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1985. – С.14-17.
100. *Почепцов Г.Г.* Прагматика предложения // Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 271-278.
101. *Пророкова В.М.* Слова-«приправы», слова-«заплаты». Модальные частицы в немецком языке. – М.: Высшая школа, 1991. – 125 с.
102. *Ранних Н.А.* Речевые акты пожелания и способы их выражения в русском языке. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1994. – 20 с.
103. *Ратмайр Р.* Прагматика извинения. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.
104. *Романов А.А., Ходырев А.А.* Управленческая риторика. – М.: Лилия, 2001. – 215 с.
105. *Рябцева Н.К.* Мысль как действие // Логический анализ языка: модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 29-40.
106. *Сандомирская И.И.* Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, означающих поведение) // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1999. – С. 114-136.
107. *Саржина О.В.* Русские инвективные имена лица: комплексный анализ. – Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2005. – 209 с.
108. *Сахно С.Л.* Приблизительные номинации современного французского языка. – Дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1983. – 215 с.
109. *Сергеева Е.Н.* Степени интенсивности качества и их выражение в английском языке. – Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 198 с.
110. *Серебрякова Р.В.* Национальная специфика речевых актов

- комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах. – Автореф. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 23 с.
111. *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986б. – С. 170-194.
112. *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986а.
113. *Серль Дж., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. – М., 1986. – С. 151-169.
114. *Сковородина С.В.* Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе (концепты «благодарность» и «извинение»). – Автореф. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 20 с.
115. *Стивенсон Ч.* Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 129-154.
116. *Субботина О.А.* Деривационные процессы и переосмысление оценочного значения имен прилагательных // Культура народов причерноморья. – Т. 49 (1): Русское языкознание: реалии и перспективы. – Симферополь: ТГУ, 2004. – С. 207-210.
117. *Сусов И.П.* Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин: КГУ, 1988. – С. 7-13.
118. *Тарасенко Т.В.* Этикетные жанры русской речи: Благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Красноярск, 1999. – 169 с.
119. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
120. *Телия В.Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация// Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С.14-56.
121. *Трипольская Т.А.* Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – 165 с.
122. *Тягунова Ж.А.* Контексты функционирования и семантика выражений thank you и thanks: Когнитивно-прагматический подход:

- Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Пятигорск, 2002. – 170 с.
123. *Уткина М.В.* Семантика и функционирование единиц речевого этикета тематической группы "пожелание" (на материале русской драматургии). – Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб., 2002. – 220 с.
124. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. – М.: УРСС, 2002 (1974). – 205 с.
125. *Ушаков Д.Н.* (ред.) Толковый словарь русского языка. – Т. I-IV. – М.: Изд. центр «Терра», 1996 (1935-1940).
126. *Федорова Л.Л.* Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии // Московский лингвистический журнал. – Вып. 7. – № 2. – М., 2003. – С. 21-40.
127. *Федорова Л.Л.* Прямое выражение агрессии в речевом общении // Агрессия в языке и речи. – Сб. науч. ст. – М.: РГГУ, 2004 – С. 219-232.
128. *Федосюк М.Ю.* Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 66-88.
129. *Формановская Н.И.* Употребление русского речевого этикета. – М.: Русский язык, 1984. – 198 с.
130. *Формановская Н.И.* Вы сказали «Здравствуйте!»: Речевой этикет в нашем общении. – М.: Знание, 1989. – 156 с.
131. *Формановская Н.И.* Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода // Речевое общение. – Вып 3. – М., 2000. – С. 83-88.
132. *Формановская Н.И.* Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении // Эмоции в языке и речи. Сб. науч. тр. – М.: РГГУ, 2005. – С. 106-116.
133. *Цховребова Б.Ф.* Структурно-функциональные характеристики речевых формул пожелания. – Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Владикавказ, 2002. – 167 с.
134. *Цюра С.В.* Коммуникативно-прагматические особенности высказываний извинений. – Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Киев, 1994. – 14 с.
135. *Чинова Л.Н.* Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи-2. – Саратов, 1999. – С. 278-281.
136. *Шатуновский И.Б.* Пропозициональные установки: воля и желание //

- Логический анализ языка: проблема интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 155-186.
137. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. – 192 с.
138. *Шибутани Т.* Социальная психология. – М.: Прогресс, 1969. – 535 с.
139. *Шиленко Р.В.* Регулирование равновесных межличностных отношений в коммуникативном пространстве // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 117-123.
140. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра// Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88-99.
141. *Экман П.* Почему дети лгут? / Пер. с англ. – М.: Педагогика-пресс, 1993. – 270 с.
142. *Adamzik K.* Sprachliches Handeln und sozialer Kontakt. Zur Integration der Kategorie „Beziehungsaspekt in eine sprechakttheoretische Beschreibung des Deutschen. – Tübingen, 1984. – 365 S.
143. *Aman R.* Psychologisch-sprachliche Einleitung in das Schimpfen // Bayrisch-Österreichisches Schimpfwörterbuch. – München: Süddeutscher Verlag, 1972. – S. 113-128.
144. *Bach K., Harnish R.* Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge, L.: MIT Press, 1980. – 327 p.
145. *Ballmer Th., Brennenstuhl W.* Speech Act Classification. – Berlin^ Springer, 1981. – 271 p.
146. *Beetz M.* Komplimentierverhalten im Barock. Aspekte linguistischer Pragmatik an einem literaturhistorischen Gegenstandsbereich // Frier W. (Hg.) Pragmatik. Theorie und Praxis. – Amsterdam: Rodoph, 1981. – S. 135-181.
147. *Behagel O.* Die deutschen Scheltwörter. Eine sprachwissenschaftliche Plauderei // Münchener Neuste Nachrichten. – 20.2.1929. – Nr. 50. – S. 1-2.
148. *Bolinger D.* Degree Words. – The Hague – Paris: Mouton, 1972. – 324 p.
149. *Brown P., Levinson S.* Politeness - Some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
150. *Bula D., Nawacka J.* Proba klasyfikacji aktow mowy // Sociolingwistyka. – Nr. 5. – 1983. – Warszawa-Katowice-Krakow. – S. 31-46. – Цит. по: Писарек Л. Речевые действия и их реализация в русском языке в

- сопоставлении с польским. – Wroclaw, 1995.
151. *Burgen S.* Bloody hell, verdammt noch mal! Eine europäische Schimpfkunde. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1998. – 251 S.
 152. *Coser L.* Conflict. Social aspects// International encyclopedia of social sciences. – N.Y., 1968. – Vol. 4. – P. 220-242.
 153. *Coulmas F.* Diskursive Routine im Fremdsprachenunterricht // Routinen im Fremdsprachenerwerb. Münchner Werkheft. München: Goethe-Institut, 1986. – S. 3-45.
 154. *Coulmas F.* Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik. – Wiesbaden: Athenaion, 1981. – 262 S.
 155. *Ducrot O.* La preuve et le dire[^] Langage et logique. – P.: Mame, 1974. – 290 p.
 156. *Duden*, Bedeutungswörterbuch. – Mannheim et a.: Dudenverlag, 1998. – 880 S.
 157. *Duden*, Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Band 7. – Mannheim u.a.: Dudenverlag, 1989. – 839 S.
 158. *Duden*, PC-Bibliothek. Version 2.0. – Mannheim: Bibliographisches Institut, 2000.
 159. *Duden*, Das Synonymwörterbuch, 3. Aufl. Mannheim 2004. – 1104 S.
 160. *Duden*, Zweifelsfälle der deutschen Sprache. – Bd. 9. – 2. Aufl. – Mannheim: Bibliographisches Institut, 1972. – 784 S.
 161. *Edmondson W.J.* Routinisierte Elemente im fremdsprachlichen Diskurs // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. – 1983. – S. 3-30.
 162. *Ehrhardt C.* Beziehungsgestaltung und Rationalität. Eine linguistische Theorie der Höflichkeit. – Trieste: Ed. Parnaso, 2002. – 247 S.
 163. *Erdmann K.O.* Die Bedeutung des Wortes. – Leipzig: Haessel Verlag, 1935. – 266 S.
 164. *Ermen I.* Fluch – Abwehr – Beschimpfung. Pragmatik der formelhaften Aggression im Serbokroarischen. – Bern: Lang Verlag, 1996. – 206 S.
 165. *Faust M.* Metaphorische Schimpfwörter // Indogermanische Forschungen. – Berlin, 1965. – S. 54-125.
 166. *Fillmore C.J.* Tzpes of Lexical Information // Studies in Syntax and Semantics. – F. Kiefer (Ed.). – Dordrecht: Reidel, 1969. – P. 109-137.
 167. *Franck D.* Zur Analyse indirekter Sprechakte // V. Ehlich/P. Finke (Hg.): Beiträge zur Grammatik und Pragmatik. – Kronberg/Ts.: Scriptor. – S. 219-

168. *Fraser B.* Hedged Performatives // *Syntax Semantics*. – Vol.3: *Speech Acts*. Ed. by P. Cole and J.L. Morgan. – 1975. – P. 187-210.
169. *Fraser B.* On apologizing // *Coulmas F.* (Ed.): *Conversational routine: explorations in standardized communication situations and prepatterned speech*. – The Hague: Mouton, 1981. – P. 259-271.
170. *Fromm E.* *Haben oder Sein. Die seelischen Grundlagen einer neuen Gesellschaft*. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1991. – 220 S.
171. *Galperin I.R.* *Stilistics*. – Moscow: Vyssaja Skola, 1977. – 334 p.
172. *Goffman E.* *Das Individuum im öffentlichen Austausch*. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1974. – 512 S.
173. *Goffman E.* *Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation*. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1971. – 291 S.
174. *Graber G.N.* *Zur Psychoanalyse des Fluchens // Psychoanalytische Bewegung*. – 1991. – Nr. 3. – S. 56-68.
175. *Graffe J.* *Sich festlegen und verpflichten. Die Untertypen kommissiver Sprechakte und ihre sprachlichen Realisierungsformen*. – Münster, New York: Waxmann, 1990. – 334 S.
176. *Grice H.P.* *Logic and Conversation // Syntax and Semantics*. – New York: Academic Press, 1977. – Vol. 3: *Speech Acts*. – P. 41-58.
177. *Habermas J.* *The Theory of Communicative Action*. – Vol. 1. – London: Heinemann, 1984. – 465 p.
178. *Haferland H., Paul I.* *Eine Theorie der Höflichkeit // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. № 52: Themenheft zu Höflichkeit*. – 1996. – S. 7-69.
179. *Hare R.M.* *Die Sprache der Moral*. – Frankfurt a.M. & Suhrkamp, 1972. – 242 S.
180. *Havrilin O.* *Pejorative Lexik*. – Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2003. – 155 S.
181. *Hertzberg L.* *Blame and causality // Mind* 84. – 1975. – P. 500-515.
182. *Hindelang G.* *Auffordern. Die Untertypen des Aufforderns und ihre sprachlichen Realisierungsformen*. – Göppingen: Kummerle, 1978. – 572 S.
183. *Hindelang G.* *Skizze einer Sprechhandlungstaxonomie // Münstersches Logbuch zur Linguistik*. – 1978. – Nr. 2. – S. 50-67.
184. *Hochschild A.R.* *Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure // American Journal of Sociology*. – 1975. – 85/3. – P. 555-575.

185. *Holly W.* Sprachhandlungen im Wörterbuch. Zur lexikographischen Beschreibung sprachhandlungsbezeichnender Ausdrücke // Wiegand H. (Hg.): Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie IV. – Hildesheim u.a., 1984. – S. 12-31.
186. *Holmes J.* Compliments and Compliment Responses in New Zealand English // *Anthropological Linguistics*. – 1987. – № 28. P. 458-508.
187. *Hundsnurscher F.* Streitspezifische Sprechakte: Vorwerfen, Insistieren, Beschimpfen // *Protosoziologie*. – Nr. 4. – 1993. – S. 140-150.
188. *Kiener F.* Das Wort als Waffe. Zur Psychologie der verbalen Aggression. – Göttingen, 1983. – 304 S.
189. *Kohrt M.* Von „Hallo!“ „Wie geht’s?“ bis zu „Tschüs!“ „Mach’s gut!“ Grüße, Grußformen und Verwandtes im gegenwärtigen deutschen Sprachgebrauch // Kürschner W., Vogt R. (Hg.): Sprachtheorie, Pragmatik, Interdisziplinäres. Akten des 19. Linguistischen Kolloquiums Vechta 1984. – Tübingen, 1985. – S. 173-184.
190. *Lange W.* Aspekte der Höflichkeit. Überlegungen am Beispiel der Entschuldigungen im Deutschen. – F.a.M. (u.a.): Peter Lang Verlag, 1984. – 199 S.
191. *Laver J.* Linguistic Routines and Politeness in Greeting and Parting // F. Coulmas (Ed): *Conversational Routine*. – The Hague et al.: Mouton Publ., 1981. – P. 289-304.
192. *Leech G.N.* *Principles of Pragmatics*. – London: Longman, 1983. – 250 p.
193. *Leisi E.* Paar und Sprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. – Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978. – 167 S.
194. *Lewandowska-Tomaszczyk B.* Praising and Complimenting // W. Oleksy (Ed): *Contrastive Pragmatics*. – Amsterdam: Benjamins, 1989. – P. 73-100.
195. *Machwirth E.* Höflichkeit. Geschichte, Inhalt, Bedeutung. – Saarbrücken: Univ. Diss., 1970. – 335 S.
196. *Manes J., Wolfson N.* The compliment formula // Coulmas F. (ed.) *Conversational routine: explorations in standardized communication situations and prepatterned speech*. – The Hague, 1981. – P. 116-132.
197. *Markefka M.* Ethnische Schimpfnamen – kollektive Symbole alltäglicher Diskriminierung // *Muttersprache*. – Nr. 2. – 1999. – S. 97-123.
198. *Marten-Cleef S.* Gefühle ausdrücken. Die expressiven Redeakte. – Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991. – 371 S.

199. *Mees U.* Was meinen wir, wenn wir von Gefühlen reden? Zur psychologischen Textur von Emotionswörtern // *Sprache und Kognition*. – 1985. – Nr. 4/1. – S. 34-48.
200. *Motsch W., Viehweger D.* Sprachhandlung, Satz und Text // *Sprachhandlung, Satz und Text*. – Berlin, 1980. – S. 1-42.
201. *Norrick N.R.* Expressive Illocutionary Acts // *Journal of Pragmatics*. – 1978. – Nr. 3. – P. 277-291.
202. *Opelt I.* Die lateinischen Schimpfwörter und verwandte sprachliche Erscheinungen. – Heidelberg: Winter, 1965. – 283 S.
203. *Otterstedt C.* Abschied im Alltag. Grußformen und Abschiedsgestaltung im interkulturellen Vergleich. – München: Iudicum-Verlag, 1993. – 382 S.
204. *Paris R.* Stachel und Speer. Machtstudien. – Frankfurt a.M. & Suhrkamp Verlag, 1998. – 225 S.
205. *Pomeranz A.* Compliment responses: Notes on the co-operation of multiple constraints // *Schenkein J. (Ed.): Studies in the organization of conversational interaction*. – New York/San Francisco/London, 1978. – P. 79-112.
206. *Popitz H.* Phänomene der Macht. – Tübingen: Mohr, 1992. – 279 S.
207. *Prause K.* Deutsche Grußformen in neuhochdeutscher Zeit. – Breslau: Markus, 1930. – 286 S.
208. *Rehbein J.* Entschuldigungen und Rechtfertigungen. Zur Sequenzierung von kommunikativen Handlungen // *Wunderlich D. (Hg.): Linguistische Pragmatik*. – Frankfurt a.M., 1972. – S. 288-317.
209. *Rolf E.* Illokutive Kräfte. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. – 257 S.
210. *Sander T.* Expressive (Rede-)Handlungen // *Divinatio. Studia culturologica series*. – № 18. – 2003. – S. 7-34.
211. *Schmid H.-J.* English Abstract Nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition. – Berlin: de Gruyter, 2000. – 457 S.
212. *Schumann H.B.* Sprecherabsicht: Beschimpfung // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und kommunikationsforschung*. – Nr. 43. – 1990. – S. 259-281.
213. *Searle J.R.* Ausdruck und Bedeutung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1982. – 211 S.
214. *Searle J.R.* Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay. – Frankfurt

- a.M.: Suhrkamp, 1971. – S. 99-113.
215. *Searle J.R., Vanderveken D.* Foundation of Illocutionary Logic. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. – 227 p.
216. *Sökeland J. W.* Indirektheit von Sprechhandlungen. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – 168 S.
217. *Sornig K.* Beschimpfungen // Grazer Linguistische Studien. – Nr. 1. – 1975. – S. 150-167.
218. *Sosa Mayor I.* Routineformeln im Spanischen und im Deutschen. Eine pragmalinguistische kontrastive Analyse. – Wien: Präsenzverlag, 2006. – 455 S.
219. *Sprenger R.K.* Soll der Chef mit Lob regieren? // Harvardmanager. – Heft 4. – 1999. – S. 9-12.
220. *Stevenson Ch.L.* Facts and values: Studies in ethical analysis // London: Yale Univ. Press, 1963. – 244 P.
221. *Vanderveken D.* Meaning and Speech Acts // Principles of Language Use. – Vol. 1. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. – 244 S.
222. *Veith H.* Deutsches Bergwörterbuch mit Belegen. – Wiesbaden: Sändig, 1871. – 600 S.
223. *Verschueren J.* The Semantics of Forgotten Routines // What people say they do with words: Prolegomena to an Empirical-Conceptual Approach to Linguistic Action. – Norwood/New Jersey, 1985. – P. 133-154.
224. *Wahrig-Wörterbuch der deutschen Sprache.* – 7. Auflage. – München: Wissen Media Verlag, 2002. – 1728 S.
225. *Weigand E.* Sprache als Dialog. Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik,. – Tübingen: Niemeyer, 1989. – 368 S.
226. *Wolfson N.* The Social Dynamics of Native and Nonnative Variation in Complimenting Behavior // M. Eistenstein. (Ed), The Dynamic Interlanguage: Empirical Studies in Second Language Variation. – New York: Plenum Press, 1989. – P. 219-236.
227. *Wolfson N., Manes J.* The compliment as a social strategy // Papers in Linguistics. – 1980. – № 13. P. 391-410.
228. *Wunderlich D.* Studien zur Sprechakttheorie. – Frankfurt a.M.& Suhrkamp, 1976. – 416 S.
229. *Zillig W.* Bewerten. Sprechakttypen der bewertenden Rede. – Tübingen: Niemeyer, 1982. – 317 S.

Список источников иллюстративного материала

1. *Altenried A.* Mara und ihr Brummbär. – Meine Heimat. – Band 76-
Hamburg: Martin Kelter Verlag, o.J. – 64 S. (**A-M**)
2. *Bergner L.* Nur der Fels kennt die Wahrheit. – Meine Berge. Romane von
Heimat und Liebe. – Nr. 123. – Hamburg: Martin Kelter Verlag, 1977. – 64
S. (**B-W**)
3. *Bergner L.* Großvater kann alles – Heimatroman. – Nr. 749. – Hamburg:
Martin Kelter Verlag, o.J.. – 63 S. (**B-G**)
4. *Becker J.* Jakob der Lügner. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1976. – 283
S. (**B-J**)
5. *Brehm R.* Mein Herz hat immer dir gehört. – Köln: Wolfgang Marken
Verlag, 1974. – 64 S. (**B-H**)
6. *Bobker L.R.* Schach dem Mörder. – Berlin: Moewig Verlag, 1985. – 255 S.
(**B-S**)
7. *Böll H.* Ansichten eines Clowns. – Köln, Berlin, 1963. (**B-A**)
8. *Böll H.* Und sagte kein einziges Wort. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 255 с.
(**B-KW**)
9. *Brunner Chr.* Schwere Zeiten für Leni. – Heimatsterne: Romane aus den
Bergen. – Band 67. – Hamburg: Martin Kelter Verlag, o.J. – 64 S. (**B-SZ**)
10. *Buchner C.* Die Stumme vom Baldenerhof. – Claudia-Roman. – Nr. 448. –
Feucht bei Nürnberg. – o. J. – 64 S. (**B-St**)
11. *Clark M.H.* In einer Winternacht. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1998.
– 189 S. (**C-W**)
12. *Freitau v. Esch U.* Wiedersehen im Zarenschloss. – Königs-Roman. – Nr. 69.
– Bergisch-Gladbach: Bastei-Verlag, o. J. – 64 S. (**F-W**)
13. *Friedl P.* Die Erbschaft im Döbl. – Bergroman. – Nr. 1102-1103. – Rastatt:
Zauberkreis-Verlag_ o. J. – 124 S. (**F-E**)
14. *Garner R.F.* Gannons Gold. – Hamburg: Martin Kelter Verlag, 1990, – 64 S.
(**G-G**)
15. *Grisebach A.-M.* Eine Frau Jahrgang 13. Roman einer unfreiwilligen
Emanzipation. – Frankfurt a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2000, 487 S.
(**G-E**)
16. *Graham C.* Treu bis in den Tod. – München: Goldmann Verlag, 1999. – 509
S. (**G-T**)

17. *Grass G.* Die Blechtrommel. – Frankfurt a.M., 1964, **(G-B)**
18. *Groot A. de:* Dein Vater wird uns lieb gewinnen, – Hamburg: Martin Kelter Verlag, 1990. – 65 S. **(G-V)**
19. *Hauptmann G.* Nur ein toter Mann ist ein guter Mann. – München: Piper Verlag, 1996. – 302 S. **(H-M)**
20. *Hoeg P.* Fräulein Smillas Gespür für Schnee. – Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuchverlag, 1996. – **(H-S)**
21. *Johnson U.* Das dritte Buch über Achim, – Frankfurt a.M., 1962. **(J-B)**
22. *Klemperer V.* Tagebücher 2. Jan. 1953 – 1. Jan. 1954 // Klemperer V. So sitze ich denn zwischen allen Stühlen, – Bd. 2: Tagebücher 1950-1959. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1999. – S. 351-425. **(K-T)**
23. *Klemperer V.* LTI. Notizbuch eines Philologen, (Datiert: Dresden, Weihnachten 1946). – Leipzig: Reclam Verlag, 1996. – 363 S. **(K-N)**
24. *Konsalik H.G.* Auch das Paradies wirft Schatten. – München: Goldmann Verlag, 2001.- 96 S. **(K-S)**
25. *Konsalik H.G.* Die schöne Ärztin. – München: Goldmann Verlag, 1980. – 316 S. **(K-A)**
26. *Konsalik H.G.* Die Masken der Liebe. – München: Goldmann Verlag, 2001. – 84 S. **(K-M)**
27. *Konsalik H.G.* Verliebte Abenteuer. – München: Goldmann Verlag, 2001. – 187 S. **(K-VA)**
28. *Kroetz F.X.* Maria Magdalena // Kroetz F.X. Stücke 1. – Hamburg: Rotbuch Verlag, 1999. – S. 7-66. **(K-MM)**
29. *von Kürthy I.* Mondscheintarif. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1999. – 142 S. **(IK-M)**
30. *Lenz S.* Die Auflehnung // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden, Bd. 12. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1999. – 499 S. **(L-A)**
31. *Lenz S.* Duell mit dem Schatten // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden, Bd. 2. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1996, – 321 S. **(L-D)**
32. *Lenz S.* Die Enttäuschung // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 18: Hörspiele. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1998. – S. 63-112. **(L-E)**
33. *Lenz S.* Das Gesicht // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden, – Bd. 17: Schauspiele. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1998. – S. 117-257. **(L-G)**

34. *Lenz S.* Die Glücksfamilie des Monats // *Lenz S.* Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 15: Erzählungen. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1998. – S. 73-105. (**L-GM**)
35. *Lenz S.* Das schönste Fest der Welt // *Lenz S.* Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 18, Hörspiele. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1998, – S. 7-61. (**L-F**)
36. *Lenz S.* Die Klangprobe // *Lenz S.* Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 11. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1999. – 464 S. (**L-K**)
37. *Lenz S.* Es waren Habichte in der Luft // *Lenz S.* Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 1 – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1996, – 278 S. (**L-H**)
38. *Lenz S.* Exerzierplatz // *Lenz S.* Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 10. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1998, – 645 S. (**L-Ex**)
39. *Lenz S.* So zärtlich war Suleyken // *Lenz S.* Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 13, – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1996, – S. 207-357. (**L-ZS**)
40. *Lenz S.* Stadtgespräch // *Lenz S.* Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 5. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1998, – 357 S. (**L-S**)
41. *Lenz S.* Zeit der Schuldlosen // *Lenz S.* Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 17. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1998. – S. 7-116. (**L-Z**)
42. *Lewycka M.* Kurze Geschichte des Traktors auf Ukrainisch. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2006. – 358 S. (**L-T**)
43. *Mairock A.* Wenn einer zuviel weiß. – Bergroman. – Nr. 1104. – Rastatt: Zauberberg-Verlag, o.J. – 62 S. (**M-W**)
44. *Mann T.* Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull // *Mann T.* Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 7. – Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1960. (**M-BK**)
45. *Mann T.* Buddenbrooks. // *Mann T.* Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 1. – Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1960. (**M-B**)
46. *Mann T.* Der Bajazzo // *Mann T.* Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 8. – Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1960. (**M-Bj**)

47. *Mann T.* Der Erwählte // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 7. – Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1960. (**M-E**)
48. *Mann T.* Der Weg zum Friedhof // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 8. – Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1960, (**M-F**)
49. *Mann T.* Der Zauberberg // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband, – Bd. 3. – Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1960. (**M-Z**)
50. *Mann T.* Joseph und seine Brüder // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband, – Bd. 4/5. – Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1960. (**M-J**)
51. *Mann T.* Tristan // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband, – Bd. 8. – Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1960. (**M-T**)
52. *Matsuoka T.* Die Stunde des Samurai. – München: Goldmann Verlag, 2003. – 510 S. (**M-S**)
53. *Mayle P.* Hotel Pastis. – München: Knaur Verlag, 1995. – 450 S. (**M-H**)
54. *Noll D.* Die Abenteuer des Werner Holt. – Berlin: Aufbauverlag, 1982. – 563 S. (**N-W**)
55. *Pegg, J.* Nacht des Jägers. – Bergisch-Gladbach: Bastei-Verlag, o. J., Nr. der Reihe: 507. (**P-N**)
56. *Pinkwart H.* Mord ist schlecht für hohen Blutdruck. – München, 1963. (**P-M**)
57. *Remarque E.M.* Die Nacht von Lissabon. – Санкт-Петербург: Капо, 2005. – 379 S. (**R-L**)
58. *Rome J.* Power-Sound und coole Sprüche. – Bravo- Herzklopfen- Roman. – Bd. 192. – Rastatt: Erich Pabel-Arthur Moewig, o.J. – 126 S. (**R-P**)
59. *Schädlich H.J.* Versuchte Nähe, – Hamburg: Rowohlt-Verlag, 1977. – 217 S. (**S-N**)
60. *Schädlich H.J.* Trivialroman. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1998. – 158 S. (**S-Tr**)
61. *Schlesinger K.* Trug. – Berlin: Aufbau-Verlag, 2000. – 190 S. (**S-T**)
62. *Steingruber P.* Treue brachte ihr das Glück. – Edelweißroman: Wo die Heimat am schönsten ist. – Band 152. – Hamburg: Martin Kelter Verlag, o.J. – 64 S. (**S-T**)

63. *Stephan S.* Ihre Liebe gab ihr Leben. – Bergisch-Gladbach: Bastei-Verlag, o. J. – Nr. der Reihe: 214. **(S-L)**
64. *Strittmatter E.* Ole Bienkopp. – Gütersloh, 1963, **(S-B)**
65. *Telford S.* Die blutige Göttin. – Kelter-Kriminalroman. – Bd. 96. – Hamburg-Wandsbek: Martin Kelter Verlag, 1957. – 64 S. **(T-G)**
66. *Tyran I.* Das Opfer der geliebten Frau. – Silvia-Roman. – Band 727. – Bergisch-Gladbach: Bastei Verlag, o.J. – 64 S. **(T-O)**
67. *Uhl Y.* Um Mitternacht im blauen Schloss. – Silvia-Roman. – Band 202. – Bergisch-Gladbach: Bastei Verlag, o.J. – 64 S. **(U-M)**
68. *Uhl Y.* Verzeih, dass ich dich weinen ließ. – Silvia-Roman. – Band 617. – Bergisch-Gladbach: Bastei Verlag, o.J. – 64 S. **(U-V)**
69. *Vandenberg P.* Dr. Daniel Norden. – Arztroman. – Nr. 1. – Hamburg: Martin Kelter Verlag, o. J. – 64 S. **(V-DN)**
70. *Wussow K.J.* Bitterer Kaffee. – Ulm: Gustav Lübbe Verlag, 1994. – 174 S. **(J-K)**
71. *Walldorf H.* Der Mörder saß im Wembley-Stadion. – Roman-Zeitung. – Nr. 280. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1973. – 111 S. **(W-M)**
72. *Walser M.* Finks Krieg. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1996, – 310 S. **(W-K)**
73. *Walser M.* Ohne einander. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1993. – 226 S. **(W-O)**

Нэлла Аркадьевна Трофимова

**ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ
В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**
Семантический прагматический, грамматический анализ

Монография

Подписано к печати Формат бумаги
Бумага офсетная. Печать ризографическая. Объем
Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии НИИХ СПбГУ

198504, Санкт-Петербург, Старый Петергоф,
Университетский пр., 26.
тел. 428-69-19, 428-40-43